# СЛОВА И РѢЧИ

СѵНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

## ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

# СЛОВА И РѢЧИ

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

## ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. *Матѳ. XXVIII.* 20.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.
1844.

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ**

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Генваря 13-го дня, 1844 года

Московская Духовная Академія.

*Цензоръ, Виѳанской Семинаріи Ректоръ*
*Архимандритъ Филоѳей.*

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
212246

Аще бо благовѣствую, нѣсть мн҃ похвалы, нужда бо мн҃ належитъ: горе же мнѣ є҃сть, а҃ще не благовѣствую. а҃. Кор. ѳ҃. ѕ҃.

# ОТДѢЛЕНІЕ I.

## СЛОВА

## НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

# ОТДѢЛЕНІЕ I.

# СЛОВА

## НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

## 1. СЛОВО

**НА РОЖДЕСТВО ХРІСТОВО И НА ВОСПОМИНАНІЕ ОСВОБОЖДЕНІЯ ЦЕРКВИ И ДЕРЖАВЫ РОССІЙСКІЯ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ГАЛЛОВЪ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ ЧУДОВѢ МОНАСТЫРѢ, 1821 ГОДА.**

*И внезапу бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу.* Лук. II. 13.

Нынѣ Ангелы проповѣдуютъ вамъ, Христіане, и Ангелы же показываютъ, что вамъ должно дѣлать по ихъ проповѣди: что можетъ быть лучше сего поученія, и нужно ли послѣ сего другое? Ангелъ является, и проповѣдуетъ человѣкамъ: *се благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ.* Надлежало бы человѣкамъ на сію радостную проповѣдь воскликнуть: *аминь*, и прославить Бога за сіе благовѣстіе. Но съ

Ангеломъ проповѣдникомъ Ангелы же являются и слушателями. *И внезапу*, то есть, какъ скоро произнесъ онъ проповѣдь о Рождествѣ Христовомъ, они цѣлымъ воинствомъ восклицаютъ: *слава въ вышнихъ Богу!* Восклицаютъ же такъ, что не только горнія, имъ принадлежащія обители, но и дольній міръ оглашается ихъ славословіемъ. Для чего? Безъ сомнѣнія, для того, чтобъ и дольній міръ послѣдовалъ горнему, чтобы къ славословію Ангельскому присоединилось человѣческое славословіе. И такъ будемъ послушны поученію Ангельскому. *Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему* (Псал. XCIV. 1). *Слава въ вышнихъ Богу!* Но вы уже и пришли радоваться о Рождествѣ Спасителя; славословіе, которое Церковь переняла у Ангеловъ, оглашаетъ не только храмы Божіи, но и жилища ваши; проповѣдь Ангельская, не смотря на то, что произнесена за столько вѣковъ, оказала и нынѣ свою силу; дѣло, кажется, совершено.

Надлежало бы теперь земнымъ служителямъ слова умолкнуть и успокоиться, когда дѣйствуютъ проповѣдники небесные. Но ихъ проповѣдь краткая и многозначущая, ихъ славословіе внезапное, невольно возбуждаютъ къ удивленію, а чрезъ удивленіе къ изслѣдованію и размышленію. Притомъ всходитъ на мысль, что, когда небесныя Силы проповѣдывали и торжествовали Рождество нашего Спасителя, кромѣ не многихъ пастырей, весь дольній міръ погруженъ былъ во снѣ, и не слыхалъ ихъ проповѣди и славословія. Не ужели,— скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые, — не ужели и мы среди яснаго дня Господня

можемъ продремать великое славословіе Церкви? — Не укоряя симъ никого, я напомню только, что Давидъ, который, безъ сомнѣнія, бодрственнѣе насъ былъ въ славословіи, нужнымъ находилъ иногда пробуждать свою славу: *востани слава моя* (Псал. LVI. 9.)! Испытаемъ и мы, размышленіемъ о славѣ Божіей въ рожденіи Спасителя нашего, пробуждать нашу славу, или, яснѣе сказать, нашу ревность къ славѣ Божіей.

*Слава въ вышнихъ Богу!*

Не прежде, какъ при рожденіи Іисуса Христа, земля слышитъ сіе Ангельское славословіе: для чего не прежде? И прежде не имѣлъ ли Богъ славы въ вышнихъ?

Такъ! Богъ имѣлъ высочайшую славу отъ вѣка. По изреченію одного ясновидца славы Его, Онъ есть *Богъ славы* (Дѣян. VII. 2.), то есть, съ самымъ именемъ, съ самымъ существомъ Его соединена слава, такъ что Онъ не былъ бы и Богомъ, если бы не имѣлъ славы.

Слава есть откровеніе, явленіе, отраженіе, облаченіе внутренняго совершенства. Богъ отъ вѣчности открытъ Самому Себѣ въ вѣчномъ рожденіи единосущнаго Сына Своего, и въ вѣчномъ исхожденіи единосущнаго Духа Своего; и такимъ образомъ единство Его во Святой Троицѣ сіяетъ существенною, непреходящею и неизмѣняемою славою. Богъ Отецъ есть *Отецъ славы* (Ефес. I. 17.); Сынъ Божій есть *сіяніе славы Его* (Евр. I. 3.), и Самъ *имѣетъ у Отца Своего славу, прежде міръ не*

*бысть* (Іоан XVII. 5.); равнымъ образомъ Духъ Божій есть *Духъ славы* (1 Петр. IV. 14.). Въ сей собственной, внутренней славѣ живетъ блаженный Богъ превыше всякія славы, такъ что не требуетъ въ оной никакихъ свидѣтелей, и не можетъ имѣть никакихъ участниковъ. Но какъ, по безконечной благости и любви Своей, Онъ желаетъ сообщить блаженство Свое, имѣть благодатныхъ причастниковъ славы Своея: то подвизаетъ Онъ Свои безконечныя совершенства, и онѣ открываются въ Его твореніяхъ; Его слава является небеснымъ силамъ, отражается въ человѣкѣ, облекается въ благолѣпіе видимаго міра; она даруется отъ Него, пріемлется причастниками, возвращается къ Нему, и въ семъ, такъ сказать, кругообращеніи славы Божіей, состоитъ блаженная жизнь и благобытіе тварей. Такъ Херувимы стоятъ предъ престоломъ Господнимъ, въ полнотѣ славы Его, и во славу Пресвятыя Троицы взываютъ другъ ко другу трисвятую пѣснь: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ* (Исаіи VI. 3.); они *закрываютъ лица свои*, потому что существенная слава Божія есть *свѣтъ неприступный* (1 Тим. VI. 16.) и для вышнихъ тварей; они *окрестъ и внутрьуду исполнены очей*, потому что желаніе, созерцаніемъ пріобщаться славы Божіей, все существо ихъ дѣлаетъ окомъ; они *покоя не имутъ день и нощь* (Апок. IV. 8.), не потому, чтобы имъ возбраненъ былъ покой, но потому, что блаженство, которымъ преисполняетъ ихъ созерцаніе и причастіе славы Божіей, какъ будто изъ переполненнаго сосуда, непрестанно изливается въ радостномъ жур-

чаніи славословія, и такимъ образомъ *слава, яже отъ единаго Бога* (Іоан. V. 44.), возвращается къ Богу. Такъ человѣкъ, въ своемъ первобытномъ состояніи, былъ *образъ и слава Божія* (1 Кор. XI. 7.), и безъ одежды не зналъ наготы, будучи одѣянъ сею славою. Такъ и видимыя небеса *повѣдаютъ славу Божію; день дни отрыгаетъ* о ней *глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. XVIII. 2. 3.).

Но если такимъ образомъ слава Божія пребываетъ отъ вѣка въ Богѣ; и въ самыхъ тваряхъ, не только въ невидимыхъ, но даже и въ видимыхъ, возвѣщается давно и непрестанно: то для чего при Рождествѣ Іисуса Христа новымъ и нечаяннымъ образомъ провозглашается оная съ неба на землю, какъ нѣчто неизвѣстное и неслыханное? Христіанинъ! здѣсь твоя чреда быть *окомъ*, и особенно *внутрьуду*, стани добрѣ, и созерцай: здѣсь есть слава и тайна, — слава заключенная въ тайнѣ, тайна открытая въ славѣ.

Человѣкъ остановилъ въ себѣ присноживотное обращеніе славы Божіей, рѣшась не возвращать ея Богу, но присвоить ее себѣ, въ надеждѣ, по обѣщанію обольстителя, самому *быть, яко Богъ*. Отъ сего въ духовномъ человѣкѣ произошло нѣчто подобное тому, что происходитъ въ чувственномъ человѣкѣ, когда останавливается обращеніе крови. Человѣкъ духовно умеръ для славы Божіей, или по крайней мѣрѣ, омертвѣлъ такъ, что въ немъ остались слабыя, въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ, движенія жизни душевной, омраченной, обнаженной, болѣзненной и тлѣнной. Поелику же и во всемъ ви-

димомъ мірѣ слава Божія распространялась преимущественно чрезъ человѣка, отражаясь въ немъ, какъ въ образѣ Божіемъ: то, сокрывшись отъ человѣка, она уже не столь ясно, какъ въ началѣ, проіявляетъ и во всемъ видимомъ мірѣ. Хотя очистившій чувствія Псалмопѣвецъ и послѣ сего слышалъ глаголъ *небесъ, повѣдающихъ славу Божію*, и *звукъ ихъ проходящій по всей землѣ:* но сей звукъ, безъ сомнѣнія, уже не такъ высокъ и великолѣпенъ, какъ былъ въ началѣ; ибо тогда слышны были только величественные и сладостные звуки жизни и согласія, а нынѣ къ нимъ примѣшиваются раздирающіе звуки страданія и шумъ разрушенія. Сіе печальное затмѣніе славы Божіей въ мірѣ, омраченные грѣхомъ человѣки довершили тѣмъ, что, всѣ желанія и помышленія свои погрузя въ твари, *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и четвероногъ, и гадъ* (Рим. I. 23.).

*Богъ славы,* вѣдая, что безъ славы Его нѣтъ блаженства для Его тварей, употреблялъ, скажемъ почеловѣчески, многоразличныя и необыкновенныя усилія, дабы паки проявить ее въ человѣкахъ: но сіи усилія долго казались тщетными, и въ самомъ дѣлѣ были только болѣе или менѣе отдаленными и частными приготовленіями къ дѣйствительному, всеобщему, единственно возможному явленію славы Его между тѣми, которые *лишены ея* потому, *что всѣ согрѣшили* (Рим. III. 23.). Въ самыя первыя минуты отлученія человѣка отъ славы Божіей, Богъ искалъ его, дабы возвратить къ ней; *Адаме, гдѣ*

*еси?* но грѣшникъ не могъ сносить ея присутствія; бѣжалъ, и крылся отъ нея. Послѣ, дабы содѣлать ее доступною человѣкамъ, Богъ облекалъ ее иногда въ явленія Своихъ Ангеловъ: но и сіе приводило въ ужасъ человѣческую природу, и не могло посредствовать въ общеніи ея съ славою Божіею. *Увы мнѣ, Господи, Господи,* вопіетъ Гедеонъ, *яко видѣхъ Ангела Господня лицемъ къ лицу* (Суд. VI. 22.). *Смертію умремъ*, взываетъ Маное, *яко Бога видѣхомъ* (Суд. XIII. 22.). Народъ Израильскій, сколь ни тщательно, по наставленію Самаго Бога, чрезъ Моисея, приготовленъ былъ къ явленію славы Божіей на Синаѣ, даже стоя въ отдаленіи, не выдержалъ сего явленія; *и рекоша Моисею: глаголи ты съ нами, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ* (Исх. XX. 19.). Что сказать о тѣхъ явленіяхъ славы Божіей, когда по исполненіи мѣры беззаконій человѣческихъ, на восходящій къ Богу вопль, не могъ Онъ, не измѣня святости Своей, отвѣтствовать гласомъ любви и милосердія, но отвѣтствовалъ грозными и карающими судьбами Своего правосудія, какъ было, на примѣръ, въ осужденіи Каина, во всемірномъ потопѣ, въ истребленіи Содома?—*Богъ славы гремѣлъ* (Псал. XXVIII. 3.); земля трепетала; человѣкъ исчезалъ: гдѣ было радоваться? Кому славословить?

Что же наконецъ творитъ неистощимый въ средствахъ милованія и спасенія Богъ, дабы возстановить человѣка *съ упованіе славы?* Поелику человѣкъ не дерзалъ приближиться къ Богу, и пріи-

общиться славы Его: Богъ приближается къ человѣку, и пріобщается его уничиженія. Дабы грѣшникъ не убѣгалъ болѣе присутствія Божія, Сынъ Божій является ему *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. VIII. 3.). Дабы немощная тварь не исчезла отъ славы всемогущаго Творца, Онъ уже не *облекается во исповѣданіе и въ велелѣпоту* (Псал. CIII. 1.), но въ немощное и нѣмотствующее младенчество и въ убогія пелены. Какъ искусный врачь, видя, что болящій страшится сильнаго врачевства, скрываетъ сіе врачевство подъ инымъ видомъ; и такимъ образомъ врачевство принято, и больной спасенъ: такъ и Небесный Врачь душъ и тѣлесъ, видя, что человѣчество, зараженное смертоносною болѣзнію грѣха, страшится Божественнаго, между тѣмъ какъ ничѣмъ не можетъ быть излѣчено, кромѣ Божественнаго, заключаетъ Божество Свое въ образъ человѣчества, и такимъ образомъ человѣческій родъ, прежде нежели узналъ, дѣйствительно вкусилъ Божественное, всецѣлебное врачевство благодати. Какъ же скоро Божество въ человѣчествѣ: то и *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, поданы* (2 Петр. I. 3.); и потому наша немощь восполнена будетъ силою Божіею; наша неправда изглаждена будетъ правдою Божіею; наша тьма просвѣщена будетъ свѣтомъ Божіимъ; наша смерть упразднена будетъ жизнію Божіею; въ самомъ сокрытіи для насъ славы Божіей мы получаемъ надежду славы; и когда слава сія откроется, она не ослѣпитъ, не устрашитъ, не разрушитъ насъ, но, просіявъ въ насъ, просвѣтлитъ и весь

міръ, въ которомъ мы ее затмили. *Христосъ въ васъ, упованіе славы* (2 Кор. XIII. 5.), обнадеживаетъ Апостолъ. Се славная тайна и таинственная слава настоящаго дня! Небесные служители свѣта прежде насъ увидѣли зарю сея славы, и тотчасъ, обратясь къ намъ, воскликнули: *слава въ вышнихъ Богу!* Теперь уже не заря, но полный день сея славы: да востанетъ и наша слава; да взыдетъ взаимно къ небожителямъ; да вознесется въ радостномъ восхищеніи сердецъ къ самому престолу Всевышняго: *слава въ вышнихъ Богу!*

Братія! Помыслите, что Ангелы такъ торжественно прославляютъ Бога не за ихъ спасеніе, но за наше. Съ какою же ревностію должны мы прославлять Его за себя самихъ! Кто дастъ мнѣ искру небеснаго огня, Ангельской любви къ Богу, чтобы я могъ возжечь ею сердца ваши къ Ангельскому, неумолкному, не имѣющему покоя славословію? Ибо знаю, что міръ уже готовится заглушить въ душѣ вашей отголосокъ Ангельскаго славословія, шумомъ празднующихъ, суетными бесѣдами, пѣніемъ растлѣвающимъ чистоту духа, *отягчить сердца ваши объяденіемъ и піянствомъ* (Лук. XXI. 34.). Берегитесь, чтобы Бога Спасителя своего, прославляемаго словомъ во храмѣ, не оскорбить дѣлами въ домѣ. *Зане токмо прославляющія Мя прославлю*, глаголетъ Онъ, *и уничижаяй Мя безчестенъ будетъ* (1 Цар. II. 30.). И не испыталиль уже мы недавно сего безчестія тяжкимъ опытомъ, такъ что Господь не только домы наши предалъ хищенію и огню, но и храмы Свои уничижилъ? За что иначе, если

не за то, что мы жизнію, недостойною славы Его, уничижили Его въ домахъ нашихъ, и нерадѣніемъ о благочестіи уничижили Его во храмахъ? Но се, Онъ и паки помиловалъ и прославилъ насъ: прославимъ Его, чтобы вновь не подвигнуть на себя Его негодованія, которымъ столь необыкновенно мятущійся чинъ природы уже намъ угрожаетъ. *Дадите славу Богови* (Псал. LXVII. 35.)! *Прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ* (1 Кор. VI. 20.)! Аминь.

# 2. СЛОВО

### ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРІСТОВА.

*И рече имъ Ангелъ: не бойтеся; се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Хрістосъ Господь.* Лук. II. 10. 11.

Какую радость возвѣщаетъ Ангелъ пастырямъ Виѳлеемскимъ! Подлинно *радость велію.* И какъ, по его предвѣщанію, это такая радость, *яже будетъ всѣмъ людемъ:* то теперь, по исполненіи уже предвѣщанія, радость сія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и вамъ, здѣсь предстоящимъ, всѣмъ людемъ Божіимъ, отъ великаго до малаго, всѣмъ, кто только не закроетъ ока ума, чтобы познать оную, и не окаменитъ сердца, чтобы оную почувствовать.

Какая жъ это радость? — Ангелъ изъясняетъ: *яко родися вамъ днесь....* Прерываю рѣчь вѣстника, чтобы показать въ самомъ началѣ его рѣчи начало радости. Рожденіе всегда больше или меньше радостно, потому что представляетъ разширеніе и торжество жизни: такъ какъ напротивъ смерть всегда

больше или меньше печальна, потому что, поглотивъ одну жизнь, она угрожаетъ всѣмъ остающимся жизнямъ, того же рода. Въ особенности же рожденіе бываетъ радостно для тѣхъ, кому, или у кого и для кого родится младенецъ. Если онъ родится извѣстному семейству: радость сему семейству. Если онъ родится народу и государству, какъ напримѣръ сынъ царевъ и особенно наслѣдникъ престола: радость всему народу и царству. Ангелъ говоритъ: *родися вамъ*. Кому? Не ужели только пастырямъ Виѳлеемскимъ, къ которымъ было слово Ангела? Но Ангелъ сказалъ уже, что радость будетъ *всѣмъ людемъ*: сіе показываетъ, что чрезъ пастырей онъ смотритъ на всѣхъ людей, и потому именно возвѣщаетъ радость *всѣмъ людямъ*, что возвѣщаемый младенецъ рождается *вамъ*, *всѣмъ людямъ*, не семейству, не народу, но всѣмъ людямъ на свѣтѣ, сколько есть, было и будетъ. Какая же огромная радость! Теперь вы можете радоваться каждый за себя, и за весь родъ человѣческій, за отжившихъ свой вѣкъ, и отшедшихъ въ вѣчность, о которыхъ вы или съ печалію воспоминаете, или не знаете, что объ нихъ думать, и за вашихъ потомковъ, о которыхъ, можетъ быть, заботитесь, какъ они жить будутъ.

Но станемъ далѣе выведывать отъ Ангела, почему возвѣщаемое имъ рожденіе должно принести всеобщую радость. Онъ говоритъ: *яко родися вамъ днесь Спасъ*. Въ исторіи народа Божія не однократно видимъ являвшихся знаменитыхъ мужей, которые для него были орудіями спасенія Божія.

*Возстави имъ Господь судей, и бяше Господь съ судіею, и спасе я отъ рукъ враговъ ихъ во вся дни судіи* (Суд. II. 18.). Случалось и то, что такое спасеніе возвѣщаемо было Ангеломъ, какъ напримѣръ Гедеону: *иди въ крѣпости твоей сей, и спасеши Израиля отъ руки Мадіамли* (Суд. VI. 14). Но сіи временныя и частныя спасенія не могли быть предметомъ радости для *всѣхъ людей.* Потому что не на всѣхъ простирались, и вскорѣ уступали мѣсто новому злу и бѣдствію. *Умираше судія, и отвращахуся, и паки растлѣваху ся паче отецъ своихъ* (Суд. II. 19.). Теперь рождается Спасъ всѣмъ людемъ, — истинный Спаситель, Котораго только слабымъ изображеніемъ были всѣ знаменитые въ священной древности мужи силы и спасенія, — всеобщій Спаситель, Котораго спасеніе простирается на всѣхъ, кто только не захочетъ погибнуть самъ добровольно, — всегдашній Спаситель, на спасаемыхъ Которымъ не смѣетъ прійти никакая новая погибель.

Вѣстникъ радости еще изъясняетъ ее: *родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь.* Видно Виѳлеемскіе пастыри уже имѣли нѣкоторое понятіе о Христѣ, когда небесный Вѣстникъ, видящій мысли ихъ, надѣялся достаточно вразумить ихъ о великости возвѣщаемой радости, сказавъ, что возвѣщаемый есть *Христосъ.* И подлинно не льзя было имъ не слышать иногда въ Іерусалимскомъ храмѣ псаломскаго гласа, который оттуда перешелъ и въ наши храмы: *Спасе Господь Христа Своего* (Пс. XIX. 7.). И еще: *Господь утвержденіе лю-*

*дей Своихъ и защититель спасеній Христа Своего есть* (Пс. XXVII. 8.). Впрочемъ сіи самые гласы псаломскіе даютъ разумѣть намъ, въ какомъ возвышенномъ знаменованіи говорилъ о Христѣ Ангелъ пастырямъ. Псалмы представляютъ Христа спасаемаго, чтобы потомъ служить спасенію другихъ: въ словахъ Ангела является Христосъ спасающій, не имѣющій нужды ни въ какомъ спасеніи для Себя, имѣющій силу спасенія въ собственномъ существѣ, и дѣйствующій ею неограниченно: *Спасъ, иже есть Христосъ Господь.* Псаломникъ узнаетъ, какъ бы новое, то, что Господь покровительствуетъ Христа, защищаетъ, спасаетъ: *нынѣ*, говоритъ, *познахъ, яко спасе Господь Христа Своего*: Ангелъ возвѣщаетъ Христа, Который есть Самъ Господь, — Христа, то есть, помазанника Божія, Котораго Богъ, какъ сказуетъ другой Пророкъ, *помаза, благовѣстити нищимъ посла, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія, утѣшити вся плачущія, дати плачущимъ Сіона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселія плачущимъ, украшеніе славы вмѣсто духа унынія* (Ис. LXI. 1 — 3.), но Который въ то же время и Самъ есть Господь и Богъ, Самъ Собою сильный спасти не только угрожаемыхъ погибелію, близкихъ къ погибели, погибающихъ уже, но и погибшихъ спасти, умершихъ воскресить, осужденныхъ оправдать, подъ клятвою за нарушеніе закона сущихъ благословить рабовъ ада въ чадъ Божіихъ претворить.

О радость безпредѣльная, простирающаяся отъ неба до ада, вожделѣнная, какъ спасеніе, сладостная и восхитительная, какъ помазаніе Духа Божія, могущественная, какъ виновникъ ея Господь! Я умолкъ бы теперь: потому что сего слишкомъ довольно, чтобы ее чувствовать, такъ какъ напротивъ никакого слова не было бы довольно, чтобы вполнѣ изобразить оную.

Но проповѣдь Ангела еще не кончилась. Дослушаемъ ее до конца. Онъ хочетъ еще показать *знаменіе*, — примѣту, по которой бы ближе усмотрѣли возвѣщаемую имъ радость, лучше узнали ее, и полнѣе въ ней удостовѣрились: *и се вамъ знаменіе*. Какое жъ это знаменіе? Гдѣ оно? Покажи намъ. Вотъ оно: *обрящете младенца повита, лежаща во яслехъ*. Ахъ, вѣстникъ радости! Не разрушилъ ли ты ее, думая возвысить и утвердить знаменіемъ? Что за радость видѣть младенца не въ порфирѣ, или виссонѣ тонкомъ, не въ чертогѣ, или въ свѣтломъ домѣ, даже не въ хижинѣ, даже не въ колыбели, потому что для него не нашлось ни хижины, ни колыбели, но *въ яслѣхъ*, и слѣдственно въ какомъ нибудь жилищѣ безсловесныхъ, или въ пустомъ мѣстѣ, не защищенномъ отъ декабрьскаго ночнаго воздуха? При такомъ зрѣлищѣ не скорѣе ли пожалѣешь о родившей и о рожденномъ, или убоишься за жизнь младенца, нежели обрадуешься? — Но не льзя же подумать и того, чтобы Вѣстникъ небесный явился обмануть землю ложнымъ обѣщаніемъ, или не вѣрнымъ знаменіемъ радости. Если намъ земнороднымъ не кажется знаменіемъ

радости то, что онъ указуетъ, какъ знаменіе радости: не потому ли такъ, что чистое, небесное око лучше видитъ вещи, нежели земное, не вдругъ очищаемое отъ праха суеты? *Очистимъ чувствія, и узримъ;* очистимъ умъ, и уразумѣемъ тайну Христову; очистимъ сердце, и насладимся Его радостію, сквозь наружные виды скорби. Подумавъ лучше, я начинаю понимать Ангела, и признаю, что безпримѣрное зрѣлище *младенца повита, лежаща въ яслехъ*, есть *знаменіе* не столько безпримѣрной нужды и бѣдствія, сколько безпримѣрной радости. Ибо скажите, въ какомъ иначе видѣ желали вы обрѣсти родившагося вамъ днесь Спаса, Христа Господа? Въ славѣ ли небесной, свойственной Ему, какъ Господу?—Но сей славы трепещутъ самые Херувимы, и закрываютъ предъ нею лица. Какъ же могли бы устоять предъ нею мы, земнородные, бренные, грѣшные? Въ славѣ ли хотя земной?—Но было ли бы и сіе зрѣлище радостнѣе зрѣлища простыхъ пеленъ и смиренныхъ яслей? Многимъ ли доступна и земная слава? И есть ли она что нибудь больше, какъ только поверхностный блескъ? Тѣмъ, которые смотрятъ на ея блескъ, она большею частію не достижима; а тѣ, отъ которыхъ исходитъ блескъ сей, знаютъ, что слава земная не есть вѣрное знаменіе радости. Нѣтъ! Перестанемъ искать знаменія радости нашими гаданіями дерзновенными, но не надежными: вникнемъ глубже въ то знаменіе, которое намъ показано. Почему нужно намъ знаменіе радости? — Потому, что у насъ не достаетъ радости. Почему намъ потребенъ Спасъ,

Христосъ Господь?—Потому, что мы страшимся погибели. Отъ чего же недостатокъ радости, отъ чего страхъ погибели? Отъ того, что мы находимся въ удаленіи отъ жизни Божіей; отъ того, что живемъ въ растлѣніи грѣховномъ. А если такъ: то не доброе ли знаменіе, что родившійся намъ Спасъ начинаетъ показываться тамъ, гдѣ оказалось первое наказаніе грѣха, по изреченію Судіи: *въ болѣзнехъ родиши чада?* Какъ премудрый врачь, Онъ приближается Своею врачебною, Божественною силою къ самому началу и корню нашей болѣзни, нашего грѣховнаго растлѣнія: какое же могло быть лучшее знаменіе чаемаго исцѣленія? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовитъ Онъ врачеваніе. Не маловажно и то, что нисходя до смиреннаго рожденія, Онъ нисходитъ еще и до уничиженныхъ яслей. Чрезъ сіе даетъ Онъ особенное знаменіе, что, хотя бы грѣхъ унизилъ тебя до скотоподобныхъ страстей и похотей, хотя бы ты совѣстію принужденъ былъ самъ на себя обратить пророческое обличеніе: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII. 13.); и тогда не долженъ ты отчаяваться въ снисхожденіи Спаса твоего, Который, не возгнушавшись возлечь въ ясляхъ, не возгнушается и въ ясляхъ души твоей почить Своею благодатію и Своимъ миромъ, если только ты покаяніемъ и вѣрою предъ Нимъ себя повергнешь.

И такъ *пріидите вси труждающіися и обремененніи* (Матѳ. XI. 28.) грѣхами, бѣдствіями, муче-

ніями совѣсти, страхомъ осужденія вѣчнаго и погибели; се вамъ знаменіе спасенія, и слѣдственно радости, какая только вамъ желательна;—се вамъ знаменіе: *обрящете младенца повита, лежаща въ яслехъ, иже есть Спасъ, Хрістосъ Господь.*

Приступите къ Спасу *младенцу*, и будите яко дѣти незлобіемъ и кротостію. Приступите къ Нему *повитому;* и свяжите ваше грѣховное своеволіе; предайте вашу волю волѣ Спасителя вашего. Приступите *къ лежащему въ яслехъ;* и отвергните нечистое, скотоподобное житіе, и на мѣстѣ онаго утвердите жизнь духовную. Приступите къ Слову нѣмотствующему, съ безмолвными воплями непрестанно молящагося сердца: и Богъ Слово изречетъ въ сердца ваши Свою неизреченную радость. Тогда уразумѣете небеснаго Вѣстника радости; тогда возгласите съ Матеріею рождшагося Хріста: *величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ* (Лук. I. 47.). Аминь.

# 3. СЛОВО

## НА РОЖДЕСТВО ХРІСТОВО.

*Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Хрістѣ Іисусѣ, Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ.* Фил. II. 5–7.

Если, по слову Соломонову, *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. III. 1.): то не нынѣ ли время любомудрствовать со Апостоломъ о дивномъ самоумаленіи великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Хріста, когда видимъ Его умалившаго Себя даже до младенческой мѣры возраста, уничижившаго Себя даже до яслей?

Люди, пристрастные къ великости земной, не рѣдко соблазнялись умаленіемъ Іисусъ Хрістовымъ. Но когда уже опытомъ столь многихъ вѣковъ дознано и то, что *Богъ Его превознесе* (Филип. II. 9. 10.), что *предъ именемъ Его* дѣйствительно *преклонилось всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*; ибо, со дней воскресенія и вознесенія Его,

тысячи свидѣтелей видѣли, какъ небесныя силы рабо-лѣпно исполняли Его повелѣнія, какъ напротивъ адскія силы Его именемъ низвергаемы были въ без-дну; земнородныхъ же милліоны въ поклоненіи Его имени находятъ свое блаженство: послѣ сего, и предъ людьми для того и собравшимися, чтобы преклониться предъ именемъ Іисуса, мы можемъ освободить себя отъ труда защищать и оправдывать Его умаленіе; и ничто не препятствуетъ намъ взирать на Его умаленіе съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и на Его величіе.

О, какъ умалилъ Себя Сынъ Божій въ Своемъ во-площеніи! Умаленіе сіе тѣмъ поразительнѣе дол-жно быть для насъ, что является въ нѣкоторомъ противоположномъ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ возвеличеніемъ самаго человѣка. Ибо слово Божіе не безъ намѣренія употребляетъ для изображенія сихъ противоположностей одно и тоже выраженіе: *образъ и подобіе. Сотворимъ человѣка*, рекъ Богъ Творецъ, *по образу нашему и по подобію*. И Апо-столъ о воплощеніи Сына Божія говоритъ: *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся яко же человѣкъ*. Иному вла-дыкѣ не много нужно умалять себя, чтобы пока-заться въ видѣ раба. Но когда Господь великій и вышній, который и рабамъ своимъ даруетъ образъ владычній, самъ является въ *образѣ* и *подобіи* ра-ба, то есть, въ состояніи полнаго рабства, и глубо-каго, какое рабству свойственно, уничиженія: тог-да на столь чрезвычайное умаленіе великаго не можно смотрѣть безъ особеннаго чувства удивленія,

простирающагося или до умиленія, или до ужаса. И симъ-то образомъ умалилъ Себя Сынъ Божій въ Своемъ воплощеніи.

Но какъ еще болѣе уничижилъ Онъ Себя въ обстоятельствахъ Своего земнаго рожденія! Надлежало избрать народъ, въ которомъ бы Ему родиться: и Онъ избралъ для сего изъ всѣхъ народовъ земли малѣйшій, не имѣющій собственнаго правительства, многократно порабощенный и близкій къ новому порабощенію, нѣкогда благословенный, но уже едва не отверженный. Надлежало избрать городъ: и Онъ избралъ Виѳлеемъ, такъ малый, что и благопріятствующій ему Пророкъ не можетъ скрыть сего нареканія на него, и не находитъ инаго средства его возвеличить, какъ именемъ рождающагося въ немъ умаленнаго Іисуса. *И ты Виѳлееме, доме Ефраѳовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Іудиныхъ? Изъ тебе бо мнѣ изыдетъ старѣйшина, еже быти въ Князя во Израили, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. V. 2.). Надлежало избрать матерь; и, чтобы до времени сокрыть отъ невѣрующихъ тайну воплощенія, надлежало узами закона, но не плоти, присоединить къ ней и мнимаго отца: и вотъ избраны, хотя потомки Царскіе, чтобы совершились обѣтованія и пророчества, но уже одинъ древодѣль, а другая бѣдная, сиротствующая дѣва. И что еще? Если бы Господь родился въ маломъ, собственномъ, или наемномъ жилищѣ Іосифа; и Марія положила бы Его въ бѣдной колыбели: зракъ раба, Имъ вопріемлемый, можетъ быть, не всѣ имѣлъ бы черты, какія

его составлять могутъ; ибо могло найтись рабское жилище меньше Іосифова, и колыбель бѣднѣе Маріиной. Что же изобрѣтаетъ безконечно Великій, ищущій безконечнаго умаленія? Августовымъ повелѣніемъ *написати всю вселенную* (Лук. II. 1.) приводитъ въ движеніе народонаселеніе земли Іудейской, дабы Іосифу не льзя было, ни остаться въ собственномъ жилищѣ въ Назаретѣ, ни найти наемное въ Виѳлеемѣ, когда наступало время родиться истинному Господу вселенныя; и такимъ образомъ умалившій Себя даже до младенчества, уничижаетъ Себя даже до яслей, вмѣсто колыбели. *Положи Его во яслехъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители* (Лук. II. 7.).

Если отъ умаляющаго Себя Бога простремъ взоры далѣе по пространству міра, въ которомъ, и для котораго Онъ умаляется: чудо умаленія представитъ намъ новые разительные виды. Здѣсь приходитъ мнѣ на мысль картина сошествія Слова Божія съ небесъ на землю Египетскую, начертанная писателемъ книги Премудрости. *Тихому молчанію содержащу вся, и нощи во своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее Слово Твое Господи съ небесъ отъ престоловъ Царскихъ жестокъ ратникъ въ средину погибельныя земли вниде* (Прем. Сол. XVIII. 14. 15.). И въ сошествіе воплощеннаго Слова Божія на землю Израилеву, не также ли нощь въ своемъ теченіи преполовлялась, когда въ самыя минуты рожденія Его *пастыріе бѣху въ той же странѣ, бдяще и стрегуще стражу нощ-*

*ную о стадѣ своемъ* (Лук. II. 8.)? Не тихое ли молчаніе содержало вся на земли, когда одинъ только Ангельскій гласъ былъ услышанъ, и услышанъ не многими пастырями въ пустынѣ? Ужасная безвѣстность, въ которой карающее Слово Божіе сходило на погибельную землю Египетскую, чтобы *вся исполнить смерти* (Пр. Сол. XVIII. 16.), чрезъ пораженіе первенцовъ Египетскихъ! Впрочемъ сія безвѣстность не только не умаляла, но еще возвеличивала славу Бога Мстителя, Который безъ видимыхъ средствъ, безъ ощутительныхъ дѣйствій, однимъ не слышимымъ *повелѣніемъ*, или, можно сказать, однимъ умолкновеніемъ жизнь всему изрекающаго Слова совершаетъ казнь нечестивыхъ. Иначе, но не менѣе ужасна та безвѣстность, въ которой спасительное Слово Божіе, раждаясь плотію, приходитъ посѣтить всю землю, погибельную потому, что земнородные *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Римл. III. 23.); — приходитъ, не яко жестокій ратникъ, угрожающій всему живущему смертію, но какъ новорожденный младенецъ, во всю область смерти приносящій надежду возрожденія и жизни; — приходитъ; — но погибельная земля не срѣтаетъ, не объемлетъ, не прославляетъ, даже не видитъ своего Спасителя, и не слышитъ Слова Божія, безмолвствующаго въ ясляхъ. Почти тщетно *слава*, которую Іисусъ Христосъ *имѣлъ* у Бога Отца, *прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII. 5.), въ устахъ Ангеловъ преслѣдуетъ Его сходящаго въ міръ, и достигаетъ въ слѣдъ за Нимъ — даже до земли: на погибельной землѣ почти нѣтъ не оглушен-

ныхъ суетою ушей, способныхъ слышать оную. Почти тщетно мудрѣйшая и знаменитѣйшая изъ звѣздъ совершаетъ необычайный путь, дабы указать просіявающее сквозь глубокую ночь Солнце правды: способныхъ уразумѣть сіе указаніе, и готовыхъ послѣдовать оному едва найдется два или три человѣка, и то между сѣдящими во тьмѣ и въ смертной сѣни язычества и звѣздопоклоненія. А Іудея, гдѣ *вѣдомъ Богъ* (Псал. LXXV. 2.)? – Она не вѣдаетъ, что *Богъ явися во плоти* (1. Тим. III. 16.). А Іерусалимъ, *градъ Божій* (Пс. LXXXVI. 3.)? — Онъ не въ радости со Христомъ, пришедшимъ спасти, но въ смятеніи съ Иродомъ, ищущимъ погубити. А Первосвященники и Книжники, которымъ надлежало быть особенно близкими къ Богу и тайнамъ Его, чрезъ молитву и разумѣніе закона? Они прекрасно разрѣшаютъ ученый вопросъ: *гдѣ Христосъ раждается* (Мат. II. 4.)? и такъ довольны, что не находятъ нужнымъ далѣе заботиться узнать, не раждается ли Онъ дѣйствительно. Такъ не только въ полунощи естественнаго времени, но въ столь же глубокой нощи невѣдѣнія и забвенія человѣковъ о Тебѣ и судьбахъ Твоихъ, *всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ Царскихъ въ средину погибельныя земли сниде,* и, не смотря на то, что никто почти Его не прославляетъ, никто не познаетъ и познавать не ищетъ, Оно не изрекаетъ повелѣнія карательнаго, но безмолвствуетъ въ спасительномъ для погибающихъ долготерпѣніи! Такъ не только умалилъ Себя во образѣ Божіи Сый и равный Богу, и Богъ Сый: но еще пріялъ новый видъ

умаленія отъ невѣжества и небреженія тѣхъ, изъ любви къ которымъ Онъ умалилъ Себя!

Подивимся, Христіане, произвольному для насъ умаленію Великаго Бога и Спаса нашего: но сего еще мало. Возблагоговѣемъ предъ симъ умаленіемъ Его: но и сего не довольно. *Сіе да мудрствуется въ васъ*, учитъ насъ Апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ*. Имѣйте и вы такія же чувствованія, какія имѣлъ Іисусъ Христосъ; располагайте себя также, какъ Онъ расположенъ былъ. Что сіе значитъ?—Сіе изъясняетъ самъ Апостолъ, сказавъ предъ приведеннымъ изреченіемъ: *ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще* (Филип. II. 3.). Изъ сего видно, что учитъ онъ насъ, по примѣру Іисуса Христа, не ставить высоко самихъ себя, и не превозноситься какими-либо преимуществами, но смиряться, и въ самихъ себѣ, и предъ другими.

Кто имѣетъ рабовъ: тотъ да воспомянетъ *пріявшаго зракъ раба*, и умаленныхъ жребіемъ да не умалитъ презрѣніемъ, и вознесенный надъ ними Богомъ, да не превознесетъ самъ себя гордостію.

Кто живетъ въ великолѣпномъ домѣ, почиваетъ на пухѣ, одѣвается шелкомъ: да воспомянетъ вертепъ и ясли, и съ сими сообразно грубыя пелены; и да не уничижитъ тѣхъ, которые живутъ въ хижинахъ, спятъ на соломѣ, одѣваются рубищемъ, и которые, можетъ быть, не по внѣшнему только, но и по внутреннему состоянію больше его Христу подобны. *Да хвалится*, учитъ Апостолъ Іаковъ,—

*да хвалится богатый во смиреніи своемъ* (Іак. 1. 10.).

И тотъ, кто, по выраженію Апостола, *почиваетъ на законѣ, и хвалится о Бозѣ, и разумѣетъ волю, и разсуждаетъ лучшая, научаемь отъ закона* (Римл. II. 17. 18.),—ахъ! и тотъ,—*хваляйся о Господѣ да хвалится* (1 Кор. I. 31.)! *Мнѣйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1. Кор. X. 12.)! Особенно же да не осудитъ невѣдущихъ, да не посмѣется падающимъ! Христосъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I. 9.): можетъ быть, тотъ, котораго ты видишь сѣдящаго во тьмѣ и сѣни смертнѣй, вскорѣ свѣтлѣе тебя осіяется симъ свѣтомъ, или уже и осіявается внутренно, въ области духа. Можетъ быть, волхвы языческаго востока ревностнѣе тебя ищутъ, и предупредятъ тебя въ обрѣтеніи Христа; можетъ быть, *мытари и любодѣйцы варяютъ* тебя *въ Царствіи Божіи* (Мат. XXI. 31.).

Кротость, простота, смиреніе, снисхожденіе къ низшимъ, уравнивающее себя съ послѣднимъ изъ нихъ, спокойствіе въ уничиженіи, терпѣніе непобѣждаемое никакими оскорбленіями,—*сіе да мудрствуется въ васъ*, подобно какъ *и во Христѣ Іисусѣ*. Аминь.

# 4. СЛОВО

## НА РОЖДЕСТВО ХРІСТОВО.

*Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: еже есть сказаемо, съ нами Богъ.* Матѳ. I. 22. 23.

Неоднократно замѣчаетъ Святый Евангелистъ Матѳей, что всѣ обстоятельства и происшествія, которыми ознаменовалось рожденіе на земли воплощеннаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Хріста, были не просто стекшіяся обстоятельства и происшествія, но точныя событія пророческихъ предсказаній. Замѣчаніе, важное не для однихъ Іудеевъ, которые и на то, что можно разсмотрѣть простыми глазами, не иначе хотѣли смотрѣть, какъ сквозь зрительное стекло Пророковъ, но и для всякаго, кто желаетъ въ перепутанныхъ случайностями путяхъ человѣческихъ открывать слѣды Провидѣнія, и въ происшествіяхъ міра усматривать дѣла Божіи. Не

очевидно ли Божіе дѣло, когда предсказанное за нѣсколько столѣтій точно сбывается, и особенно, когда сбывается то, что по обыкновеннымъ понятіямъ и .соображеніямъ представлялось несбыточнымъ?

Какъ будто на предстоящую предъ очами, указываетъ Исаія на преблагословенную Дѣву Марію: *се дѣва*; тогда какъ не только сія дѣва, но и ея родители и прародители не произошли еще на свѣтъ. *Се дѣва*, говоритъ Онъ, *во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына*. Что глаголеши, Пророче? Можетъ ли дѣва пріять во чревѣ? Можетъ ли родившая быть дѣвою? Если сіе и сбыточно: какъ сбудется сіе у народа, которому ты предсказываешь сіе событіе? Если даже и сбудется: какъ можетъ быть сіе *знаменіемъ*, очевиднымъ, удостовѣрительнымъ, какое ты предвѣщаешь: *дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе* (Иса. VII. 14.)? Если ты подлинно видишь сію дщерь Давидову, на которую указываешь: *се дѣва;* если видишь ее въ отдаленномъ отъ родины Давидовой, и въ презрѣнномъ *Назаретѣ*, въ сиротствѣ, въ убожествѣ, безъ всякихъ знаменій царской ея породы, обрученную древодѣлю: скажи, какъ *дастъ Господь* сіе *знаменіе*, чтобы она явилась дѣвою рода Давидова, раждающею въ домѣ и отечествѣ Давидовомъ, именно, по назначенію другаго пророка, въ *Виѳлеемѣ*?

Смотрите же, какъ подлинно *Господь Самъ* отвѣтствуетъ за вѣрность слова пророческаго. *Духъ Святый найде* на Марію, *и сила Вышняго осѣни* ее (Лук. I. 35.): и она пріяла во чревѣ, пребывая дѣвою; и содѣлавшись матерію Сына, тѣмъ

не менѣе осталась дѣвою. Чтобы незнающіе тайны сего зачатія не могли оскорбить зачавшую, она обручена мужу прежде сего зачатія: а дабы всякому здравомыслящему явно было сіе знаменіе Господне, что дѣва зачала безъ мужа, зачатіе послѣдовало за обрученіемъ, *прежде даже не сшитися има* (Матѳ. 1. 18.), прежде нежели Іосифъ *пріялъ жену свою* (24.) въ домъ свой. Іосифу, чтобы онъ не остался въ недоумѣніи, открыть сію тайну, и указать сіе знаменіе, посланъ былъ Ангелъ: а для прочихъ, которые не могли видѣть и слышать Ангеловъ, не менѣе Ангела вѣрнымъ свидѣтелемъ знаменія и вѣстникомъ тайны, былъ самый Іосифъ, всѣмъ извѣстный, какъ *праведный* (19.), который потому не могъ обманывать людей, и тѣмъ еще болѣе не могъ клеветать на Бога и на Святаго Духа. Но какъ сдѣлать, чтобы знаменіе, уже открывшееся въ языческомъ почти *Назаретѣ*, дано было, по предреченію Исаіи, *дому Давидову* (Иса. VII. 13); чтобы дѣва, которая, по пріятіи во чревѣ отъ Духа Свята, и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ домѣ одной родственницы, до послѣдняго времени чревоношенія оставалась жить въ *Назаретѣ*, не помышляя ни о какомъ путешествіи, ни о какомъ переселеніи, — чтобы она родила Вождя Израилева, по пророчеству Михея, *въ Виѳлеемѣ* (Мих. V. 2.)? Подлинно здѣсь, какъ намекаетъ опять Исаія, *трудъ данъ Господеви* (Иса. VII. 13.), то есть, надлежало произвести трудныя, по человѣческому понятію, и необъятныя дѣла, чтобы предсказанное знаменіе совершилось. Дабы Марію, по совѣту Ангела, на-

конецъ принятую въ домъ Іосифовъ, привесть изъ Назарета въ Виѳлеемъ, и достовѣрно и торжественно показать происхожденіе Сына ея отъ Давида, къ сему избрана средствомъ всенародная перепись; но какъ такая перепись въ народѣ Божіемъ не была въ употребленіи, даже запрещена была закономъ, то надобно было народъ Божій предать власти другаго народа. И такъ Богъ поколебалъ почти всѣ царства міра, и покорилъ ихъ Рѷму; надъ Римомъ воздвигъ Августа; Августу далъ всемірный миръ, чтобы полномочіе и удобство подали ему мысль, и чтобы отъ него вышло *повелѣніе, написати всю вселенную* (Лук. II. 1.), предъ тѣмъ временемъ, когда надлежало родиться Сыну дѣвы; сія перепись сколько нечаянно, столько же необходимо повлекла Іосифа въ отечественный ему городъ Виѳлеемъ; Марія должна была слѣдовать за Іосифомъ; земный родъ Еммануила открылся въ то самое время, какъ приспѣло Его рожденіе; и, — что не многими днями ранѣе казалось еще несбыточнымъ, — Онъ родился точно, по предсказанію пророческому, въ Виѳлеемѣ.

Подлинно, все сдѣлано, чтобъ исполнилось предсказаніе, и чтобы сквозь малыя и великія дѣла человѣческія видно было единое великое знаменіе господствующаго надъ ними дѣла Божія. *Сіе все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ.*

При семъ разсужденіи о точномъ исполненіи

пророческихъ словъ, относящихся къ Рождеству Господа нашего Іисуса Христа, можетъ кто-либо спросить: почему не столь, по видимому, точно исполнилось предсказаніе о Его имени? Поелику пророкъ Исаія преднарекъ Ему имя *Еммануила:* но вмѣсто того Ангелъ повелѣлъ нарещи Ему имя: *Іисусъ.*

На сіе, во-первыхъ, отвѣтствую, что если прочія предсказанныя подробности о Сынѣ Дѣвы, а въ числѣ ихъ и менѣе существенныя, каково, напримѣръ, есть назначеніе мѣста рожденія Его, сбылись въ точности: возможно ли, чтобы Творецъ Пророчества, Духъ Святый, допустилъ оному быть неточнымъ въ томъ, что составляетъ сущность, духъ и цѣль всѣхъ предсказанныхъ подробностей, именно, что въ Сынѣ Дѣвы сближается *съ нами Богъ,* или иначе сказать, что мы Имъ *спасаемся!*

Во-вторыхъ, признаю, что, при сличеніи Пророчества о имени Еммануила съ событіемъ, усматривается нѣчто неточное, по наружности, въ словахъ: но при семъ не обинуясь утверждаю, что сія видимая неточность не только не есть недостатокъ или несовершенство въ пророчествѣ, или въ событіи, но даже принадлежитъ къ совершенству, и новымъ образомъ открываетъ Божественное происхожденіе того и другаго. Приведите себѣ на мысль то, что Еммануилъ и предсказанъ, и пришелъ на землю по предсказаніямъ, для вѣрующихъ; а гдѣ вѣра, тамъ не все должно быть ясно видимо, но должно нѣчто предполагать сокровенное, поелику *вѣра,* по Апо-

столу, *есть обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI.1.), открытое же и полное видѣніе не оставило бы мѣста вѣрѣ. Посему вы согласитесь, что Еммануилъ, въ пришествіи Своемъ на землю, долженствовалъ быть и столько видимъ, чтобъ Его можно было узнать, и столько сокровенъ, чтобы въ Него можно было вѣровать, и чтобы невѣрующіе не могли проникнуть въ тайны Его, и повредить дѣлу Божію, которое совершить Ему надлежало. Посему, что Пророкъ открывалъ вѣрующимъ въ необыкновенномъ имени Еммануила, то же самое Ангелъ представилъ міру подъ покровомъ не столь необыкновеннаго для слуха Евреевъ имени Іисуса, которое имѣли уже прежде одинъ Судія, и одинъ Первосвященникъ, также не безъ таинства для вѣрующихъ, и также утаеннаго отъ невѣрующихъ.

Въ-третьихъ, если, не останавливаясь на одномъ видимомъ, съ помощію вѣры, или прозрѣнія въ невидимое, сличимъ назначенное въ пророчествѣ имя *Еммануила*, и явившееся въ событіи имя *Іисуса*: то не трудно усмотрѣть въ нихъ не только точную, взаимную сообразность внутреннюю, но и единство. Что препятствуетъ намъ человѣкамъ, да будетъ *съ нами Богъ? Грѣси ваши* (Иса. LIX. 2.), говоритъ Пророкъ, *разлучаютъ между вами и между Богомъ*. И такъ разлученіе отъ Бога, и состояніе грѣховное, есть одно и тоже. Слѣдственно приближеніе къ Богу, и спасеніе отъ грѣховъ, есть опять одно и тоже. Слѣдственно *Еммануилъ — съ нами Богъ*, и *Іисусъ — Спаситель отъ грѣховъ*, также есть одно и тоже. Слѣдственно и пророчество точ-

но, и событіе вѣрно пророчеству. *Еммануилъ* есть *Спаситель; Іисусъ* есть *съ нами Богъ.*

Познаемъ, Христіане, глубокую мудрость сего пророчества, и восчувствуемъ высокое блаженство сего событія!

*Съ нами Богъ* во *Іисусѣ*, по самому воплощенію: поелику въ Немъ естество *Божеское* и *наше* человѣческое, не только сближены, но соединены нераздѣльно, впрочемъ и несліянно, во единое лице Богочеловѣка; и потому Онъ *не стыдится* (Евр. II. 11.), какъ говоритъ Апостолъ, *братію нарицати* насъ.

*Съ нами Богъ* во *Іисусѣ*, по искупленію: поелику безъ Іисуса съ нами былъ грѣхъ, который мы и отъ Адама наслѣдовали, и сами творить не переставали; а *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII. 34.); съ нами былъ діаволъ, ибо *творяй грѣхъ* (1. Іоан. III. 8.) *отъ діавола есть;* но Іисусъ, пришедши на землю, жизнію Своею исполнилъ законъ Божій, который мы нарушали; страданіемъ Своимъ загладилъ грѣхъ, который мы творили; смертію Своею умертвилъ смерть, на которую мы за грѣхъ осуждены были; сошествіемъ Своимъ во адъ освободилъ насъ отъ темныя власти діавола; воскресеніемъ Своимъ вновь пріобрѣлъ намъ *жизнь Божію* (Ефес. IV. 18.), отъ которой мы грѣхомъ *отчуждены были.*

*Съ нами Богъ* во *Іисусѣ*, по дару Святаго Духа: поелику Сынъ Божій, пришедшій на землю для искупленія насъ, возвратился на небо, *да умолитъ Отца, и иного Утѣшителя дастъ намъ, да будетъ*

*съ нами въ вѣкъ, Духъ истины* (Іоан. XIV. 16.).

*Съ нами Богъ* чрезъ *Іисуса*, въ нашемъ умѣ и познаніи: поелику *Бога никтоже никогдаже видѣ; Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда* (Іоан. I. 18.).

*Съ нами Богъ* чрезъ *Іисуса*, въ нашемъ сердцѣ и чувствіи: поелику *Христосъ вселяется вѣрою въ сердца наши* (Ефес. III. 17.), и съ тѣмъ вмѣстѣ *любы Божія изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Римлян. V. 5.).

*Съ нами Богъ* чрезъ *Іисуса*, во всей нашей жизни и дѣлахъ, если только мы совершенно предаемъ себя Ему: поелику тогда *живемъ не ктому мы, но живетъ въ насъ Христосъ* (Гал. II. 20.); и *Богъ дѣйствуетъ въ насъ еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Филип. II. 13.).

*Съ нами Богъ* чрезъ *Іисуса*, если только желаемъ того, во всѣхъ состояніяхъ и приключеніяхъ жизни нашей; такъ что даже, страждемъ ли, можемъ *съ Нимъ страдать, да и съ Нимъ прославимся* (Римл. VIII. 17.); умираемъ ли, можемъ *умирать Господеви* (XIV. 8.).

О имени Господа нашего Іисуса Христа, съ нами Богъ, Христіане, всегда и во всемъ; только мы да не престанемъ быть съ Богомъ, чрезъ памятованіе о Немъ, чрезъ молитву къ Нему, чрезъ вѣру и любовь, чрезъ непрестанное упражненіе въ томъ, что угодно Богу, и что къ Богу насъ приближаетъ. Аминь.

# 5. СЛОВО

## НА РОЖДЕСТВО ХРІСТОВО.

*Велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти.* 1. Тим. III. 16.

Новый Адамъ исходитъ изъ дѣвственной земли. Жена, источникъ проклятія, износитъ росу благословенія. Является истинный *Ной*, который *упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ* (Быт. V. 29.). Безродный *Мелхиседекъ* (Евр. VII. 3.), рожденный безъ матери, раждающійся безъ отца, приходитъ наслѣдовать Царство и Священство вѣчное. Преходитъ наконецъ долгая ночь страха и ожиданія всемірнаго; и утренній свѣтъ проникаетъ во мракъ Ветхозавѣтнаго Святилища, отверстаго не столько къ ежедневному, сколько къ вѣчному Востоку. Небесная Манна изсыпается отъ стамны, ее сокрывавшей. Жезлъ Іессеевъ прозябаетъ вмѣсто увядающаго жезла Ааронова. Хрістосъ раждается.

Пріидите пастыри кроткіе, и облобызайте Агнца и Пастыря, — Агнца, пасущаго пастырей, и Пастыря, имѣющаго собрать во едино мирное стадо съ агнцами волковъ и юнцевъ со львами. Пріидите волхвы мудрые, и поклонитесь тайнамъ древняго младенца; научитеся отъ Слова нѣмотствующаго, вкусите отъ Ангельскаго хлѣба на трапезѣ безсловесныхъ, и видите, яко благъ Господь. Сонмы небесныхъ силъ, *восхваливше* Господа, *егда сотворены быша звъзды!* удвойте и утройте ваши славословія предъ вашимъ Солнцемъ, и для насъ восходящимъ. Христосъ раждается!

Христосъ раждается въ Виѳлеемѣ: и въ семъ ли состоитъ вся настоящая радость, и вся слава въ вышнихъ Богу? Слава Богу: если Онъ раждается и для насъ; ибо, по намѣренію судебъ, сіе *Отроча родися намъ, и дадеся намъ* (Иса. IX. 6.). Среди торжества о Его рожденіи, Церковь страждетъ болѣзнію рожденія, дабы Онъ *вообразился* (Гал. IV. 19.) въ насъ. Не презримъ радостной скорби нашей Матери: снимемъ хотя нѣкоторыя черты съ образа рожденія Іисусова, и положимъ ихъ въ сердцахъ нашихъ.

Виѳлеемъ былъ отечественный градъ предковъ Іисусовыхъ: однако Іосифъ и Марія не имѣли въ немъ ниже убогой хижины, ниже пяди земли наслѣдственной, ни пребыванія постояннаго. Провидѣніе, рукою Кесаря, привело ихъ въ сіе мѣсто, изъ котораго предопредѣлено было *изыти Вождю Израиля* (Мат. II. 6.). Чуждые въ землѣ предковъ своихъ, пришельцы въ своемъ отечествѣ, дали оте-

чество Сыну Того, *изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. III. 15.).— Христіане! Доколѣ мы живемъ въ мірѣ съ безпечностію гражданъ, и наслаждаемся имъ съ самовластіемъ обладателей: дотолѣ Христосъ не можетъ вообразиться въ насъ. Міръ непрестанно силится выпечатлѣвать въ душѣ нашей свои преходящіе образы; насыщаемыя желанія раждаютъ другія желанія, которыя непримѣтно возрастаютъ въ исполиновъ, и зиждутъ Вавилонъ. *Блаженъ, иже имѣтъ и разбіетъ о камень* вѣры самыхъ *младенцевъ* сего Вавилона, и отчуждитъ себя отъ града пребывающаго, дабы взыскать грядущаго! Если бы Авраамъ, по гласу Божію, не изшелъ отъ земли своея и отъ рода своего: то бы онъ не получилъ славнаго завѣта, обѣтованія и наслѣдія. Если бы страждущій Израиль не рѣшился подвергнуть себя трудностямъ опаснаго и неизвѣстнаго пути: то Іегова не изшелъ бы въ силахъ его, и не уготовалъ бы въ немъ жилища Себѣ. Если бы прозорливая мать не изгнала невиннаго Іакова отъ лица мстительнаго Исава: оный не пришелъ бы на страшное мѣсто *врата небесныхъ*. Безпокровные токмо странники находятъ *Веѳиль* и *Виѳлеемъ*,—*домъ Божій* и *домъ Хлѣба* животнаго. Только произвольные изгнанники земли пріемлются въ граждане неба. Кто желаетъ быть селеніемъ Сына Божія: тотъ долженъ имѣть отечество въ единомъ Богѣ, и, при всей привязанности къ отечеству земному, впрочемъ весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградіемъ небеснаго.

Іисусъ, ничего не занявъ отъ міра въ своемъ рож-

деніи, по видимому, не хотѣлъ и ему показать ничего собственнаго. Древодѣль получилъ имя отца его; носившая его во чревѣ, по ея признанію, не принесла къ сему служенію другаго достоинства, кромѣ чувствованія своего недостоинства: *призрѣ на смиреніе рабы своея* (Лук. I. 48.); Онъ скрылъ неизмѣримую вѣчность Свою за днемъ Своего рожденія; престоломъ Царя царствующихъ содѣлались ясли, утварью — пелены, первыми слугами Царствія — пастыри стада; Божія сила и Божія премудрость сокрыты въ немощахъ младенчества. Но кто можетъ измѣрить разстояніе отъ высоты Божественнаго Существа Его до глубины Его уничиженія? Конечный умъ не можетъ слѣдовать за Нимъ, какъ въ Его восхожденіи превыше всѣхъ небесъ, такъ и въ Его нисхожденіи до безднъ падшаго естества. Что же при видѣ толикаго смиренія должно чувствовать сердце, желающее быть сообразнымъ образу Іисуса? — «Сила ума, великость духа, знаменитость дѣлъ, преимущества званій! я вами не прельщаюсь, и не завидую тѣмъ, которые гордятся вами. Нѣтъ высшей мудрости, какъ отречься отъ мудрости для Іисуса; нѣтъ большей славы, какъ раздѣлять безчестіе съ Іисусомъ; нѣтъ избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса; нѣтъ иной двери къ совершенству и блаженству, какъ младенчество Іисуса; нѣтъ лучшаго украшенія для души, въ которой Онъ долженъ обитать, какъ видѣть себя чужду всѣхъ украшеній, подобно яслямъ Его.» — Токъ благодати, подобно рѣчнымъ устремленіямъ, изливается въ долы: кедры на горахъ блюдутся громамъ и молніямъ. Богъ творитъ

изъ ничего: доколѣ мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ нибудь; дотолѣ Онъ въ насъ не начинаетъ своего дѣла. Смиреніе и отверженіе себя есть основаніе въ насъ храма Его: кто болѣе углубляетъ оное; тотъ выше и безопаснѣе созиждетъ.

Одною изъ существенныхъ принадлежностей рожденія Іисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взоромъ, ниже мыслію. Она должна была имѣть обручника: но токмо для того, чтобы онъ былъ защитникомъ и свидѣтелемъ ея цѣломудрія, и чтобы ея священное дѣвство не казалось осужденіемъ брака. Между тѣмъ она была, какъ единодушно исповѣдуетъ Церковь, Дѣва прежде рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ.—Взирай на ея примѣръ, стремящаяся къ соединенію съ Богомъ душа; и виждь въ зерцалѣ совершенства ея твою обязанность. Господь есть Богъ ревнивый: тогда какъ Онъ гласомъ отеческой благости говоритъ человѣку: *даждь ми, сыне, твое сердце*, праведная ревность Его, не менѣе въ духовномъ, какъ и въ нравственномъ смыслѣ заповѣдуетъ: *не прелюбы сотвори*. Тотъ, Кто далъ намъ сердце, не довольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыкѣ всяческихъ. Онъ не признаетъ достойною Себя никакой любви, которая не основывается на любви къ Нему; всякое услажденіе, въ которомъ ищемъ себя пристрастно, всякая мысль, наклоненная къ тварямъ, всякая разсѣянность, есть удаленіе отъ Него. Строгая токмо надъ собою бдительность можетъ возвести къ блаженному съ Нимъ соединенію и удержать въ немъ: *всяцѣмъ*

*храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Притч. IV. 23.). Небесный Женихъ обручается съ мудрыми токмо и непорочными дѣвами, не дремлющими при его чертогѣ; дѣвственная, къ единому Богу обращенная душа зачинаетъ духовную жизнь и раждаетъ блаженство чистаго созерцанія. *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ;* и гдѣ? — въ самомъ сердцѣ своемъ. Чистая душа, подобно какъ чистая вода, пріемлетъ въ себя живыя изображенія солнца и неба.

Не будемъ долѣе удерживать взоровъ на тѣхъ чертахъ въ образѣ рожденія Іисусова, которыя желающихъ начертать оный въ душѣ своей могли бы устрашить трудностію подражанія. Но еще одинъ взглядъ на тѣ черты онаго, въ которыхъ сквозь самое уничиженіе сіяла Его Божественная слава, и которыя въ слѣдъ за первыми благодать раскрываетъ и въ нашемъ рожденіи духовномъ.

При рожденіи Хрістовомъ Ангелы воспѣваютъ славу Божію и миръ на земли: они воспѣваютъ и при нашемъ возрожденіи славу благодати и миръ человѣка съ Богомъ. *Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. XV. 7.). — Ко Хрісту приходятъ съ благоговѣніемъ пастыри и волхвы, не смотря на убожество и неизвѣстность, которыя отдѣляли Его, по видимому, отъ всего міра: такъ и соединяющійся со Хрістомъ соединяется въ Немъ со всѣми вѣрными Ему, столько же неразрывнымъ, сколько непостижимымъ союзомъ; тотъ Духъ, который образуетъ изъ нихъ единое общество, или паче единое тѣло, иногда нечаянно,

всегда благовременно, сближаетъ ихъ другъ со другомъ, дабы взаимно наставлять и поучаться, утѣшать и принимать утѣшеніе, исповѣдывать милость и славу Божію. — Христу приносятся дары: злато, яко Царю; ливанъ, яко Богу; смирна, яко мертвому за смертныхъ: но не обѣщаетъ ли Онъ и намъ, что ищущимъ Царствія Божія *вся приложатся* (Матѳ. VI. 33.)? Не хощетъ ли *сотворить насъ Цари и Іереи Богу и Отцу своему* (Апок. I. 6.)? Не сопрягаетъ ли нашего духовнаго рожденія съ тою животворящею смертію, послѣ коей *животъ* нашъ будетъ вмѣстѣ *съ Нимъ сокровенъ въ Бозѣ* (Кол. III. 3.)?

О Боже, давый намъ Сына Твоего! Чего Ты намъ съ нимъ не дарствуешь? Даждь токмо намъ родити въ себѣ духъ Христовъ, и жити Его жизнію. Тогда пусть и противъ насъ, какъ нѣкогда противъ Него, *мятется Иродъ и весь Іерусалимъ съ нимъ;* — пусть неистовствуетъ князь вѣка сего, и весь міръ вооружается: Ты покрыеши насъ въ тайнѣ селенія Твоего; на водѣ покойнѣ воспитаеши насъ, и чрезъ Ангела завѣта Твоего введеши насъ въ гору святую Твою. Аминь.

# 6. СЛОВО

**НА ВТОРЫЙ ДЕНЬ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРІСТОВА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПРИДВОРНОЙ ЦЕРКВИ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, И ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ.**

*Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: восставъ поими Отроча и матерь его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хощетъ бо Иродъ искати Отрочате, да погубитъ е.* (Матѳ. II. 13.).

Чудно и ужасно!—Ангелы, которыхъ естества не пріялъ Сынъ Божій, торжествуютъ Его на земли рожденіе; Ангелы стараются спасти жизнь пришедшаго спасти человѣковъ: а человѣкъ, для котораго Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ, ищетъ погубить своего Спасителя. Воинство небесное проповѣдуетъ на земли миръ: но вмѣсто того начинается неслыханная война: съ одной стороны царь

Иродъ и весь Іерусалимъ, съ другой — Отроча Іисусъ и, Его тѣлохранители, всѣ младенцы Виѳлеемскіе.

Правда, царь не побѣдилъ Отрочате: воинство младенцевъ не предало Вождя своего въ руки враговъ, но своею кровію искупило жизнь всеобщаго Искупителя: напротивъ того невидимая месть постигла Ирода и его соумышленниковъ: *изомроша ищущіи души Отрочате* (Матѳ. II. 20.). Но сія побѣда не принесла мира, ниже безопасности Побѣдителю. Іосифъ не дерзаетъ даже ввести Его въ отеческій градъ: *убоялся тамо ити* (22).

Послѣ сего уже не удивительно, что возрастъ Отрочате Христа принесетъ ему новыя брани, новыя опасности. Едва Онъ явится міру: все видное въ мірѣ возжелаетъ затьмить славу Его. Фарисеи, книжники, священники, князи, судіи, правители обратятъ противъ Него, каждый свое оружіе. Когда же побѣда возведетъ Его на небеса: всѣ земныя силы: народъ и вельможи, мудрецы и Кесари, подвигнутся для истребленія отъ земли мирнаго царства Его. Кровопролитіе, начатое въ Виѳлеемѣ, обагритъ царства и вѣки.

Возвращаясь отъ воспоминанія сихъ печальныхъ событій, съ какимъ утѣшеніемъ успокоивается духъ, при видѣ великихъ и сильныхъ земли, смиряющихся предъ Отрочатемъ Виѳлеемскимъ, полагающихъ лучшую славу свою въ служеніи Ему, ищущихъ своего веселія въ Его Евангеліи! —

Но что такое, Христіане, такъ долго раздражало, и, можетъ быть, частію еще раздражаетъ людей

противъ Іисуса Христа, въ самые дни крѣпости Своея кроткаго и незлобиваго, какъ отроча, и заповѣдавшаго всѣмъ своимъ послѣдователямъ, да будутъ *яко дѣти* (Мат. XVIII. 3.)? — *Любовь къ міру*,—отвѣтствуетъ представленный нынѣ въ Евангеліи примѣръ Ирода; и даетъ намъ случай свидѣтельствовать противу сей любви, колико суетной, толико вредной и Богопротивной.

Не будемъ говорить о той любви къ міру, въ которой и самый міръ, согласно съ Евангеліемъ, признаетъ вражду противъ Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требуетъ постороннихъ обличеній. Есть иная любовь къ міру, которая, по видимому, примиряется съ любовію къ Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтобы ей не возбранялось принимать жертвы отъ міра; готова творить дѣла человѣколюбія, только чтобы міръ видѣлъ и одобрялъ ихъ; даже любитъ ходить во храмы Богослуженія, только чтобы міръ за нею послѣдовалъ. Съ сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и повергнуть оную подъ строгій судъ, произносимый Евангеліемъ на всякую любовь міра безъ исключенія: *любы міра сего вражда Богу есть* (Іак. IV. 4.).

Тѣхъ, которые, при самомъ желаніи своемъ принадлежать Богу, не могутъ еще отторгнуться отъ міра, привязываетъ къ нему наипаче троякій узелъ: прелесть его благъ, сила его примѣровъ, и надежда совмѣстить съ любовію къ міру служеніе Богу. Слово Евангелія, какъ духовный мечь, разсѣкаетъ сіе сплетеніе обмановъ, и открываетъ свободному

оку: суетность благъ міра, опасность его примѣровъ, и тайное сѣмя вражды противъ Бога, заключенное въ самой, какъ говорятъ, невинной любви къ міру.

Тамъ, гдѣ міръ воспріемлетъ всю возможную важность и великолѣпіе, дабы привлекать взоры, которыхъ онъ не можетъ не уважать; гдѣ неразлучная съ нимъ подражательность облекаетъ его въ виды тѣхъ совершенствъ, которымъ онъ удивляется, и заставляетъ брать высокіе примѣры, дабы тѣмъ полномочнѣе давать свои собственные; гдѣ близость великихъ бросаетъ нѣкую тѣнь величія на самые малые предметы;—могло бы статься, что сей блескъ или ослѣпилъ проницаніе, или поколебалъ твердость, или уничтожилъ довѣріе служителя слова, долженствующаго въ лице самаго міра свидѣтельствовать его ничтожность. Но Духъ Божій, который приходитъ *обличить міръ* (Іоан. XVI. 8.), предупредилъ сіе затрудненіе, воздвигнувъ Себѣ свидѣтеля, котораго не льзя упрекать ни дерзостію, или пристрастіемъ, ни невѣдѣніемъ и неопытностію. Мудрѣйшаго и счастливѣйшаго изъ царей Онъ облекъ званіемъ *Екклесіаста*, то есть, проповѣдника, и вдохнулъ ему слово суда на всякое благо, счастіе и славу міра. Что же проповѣдуетъ сей царственный проповѣдникъ? *Суета суетствій, рече Екклесіастъ; суета суетствій, всяческая суета. Видѣхъ всяческая сотворенія, сотворенная подъ солнцемъ: и се вся суетство и крушеніе духа. Се азъ возвеличихся и умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Іерусалимѣ: и уразумѣхъ азъ,*

*яко и сіе есть крушеніе духа. Рекохъ азъ въ сердцѣ моемъ, пріиди убо, да тя искушу въ веселіи, и виждь во блазнь: и се такожде сіе суетство. И призрѣхъ азъ на вся творенія моя, яже сотвориста руцѣ мои, и на трудъ, имже трудихся творити, и се вся суета. И возненавидѣхъ азъ всяческая міра* (Еккл. I. 2. 14. 16. 17. II. 1. 11. 18.).

Св. Златоустъ (Слов. на Евтр.) находилъ Соломонову проповѣдь о суетѣ столь важною, что желалъ, дабы она *была написана и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на соборищахъ, и на домахъ, и на путяхъ, и на вратахъ, и на внутреннихъ входахъ, а всего паче на сердцѣ каждаго.* Можно сказать, что суета и дѣйствительно повсюду написана, только не всегда на челѣ и на лицѣ вещей; и мы читаемъ сіе поучительное надписаніе по большой части уже тогда, какъ нѣсколько времени обращаемъ оныя въ рукахъ нашихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сіе значитъ, что вчерашнее украшеніе сегодня перестаетъ нравиться; что повторяемое сладкопѣніе начинаетъ терзать слухъ; что пріобрѣтенная честь, или сокровище, отражаютъ сердце наше къ новымъ исканіямъ; что расширяемый кругъ познаній только болѣе отверзаетъ предъ нами — неизмѣримую страну неизвѣстностей, а въ насъ — ненаполнимую пустоту любознанія? не то ли, что духъ нашъ невольно находитъ поражающее начертаніе суеты на всемъ, что занимаетъ насъ въ мірѣ: на нашихъ удовольствіяхъ, на нашемъ богатствѣ, на нашихъ достоинствахъ и на самой мудрости нашей? Творецъ всѣхъ вещей разсыпалъ по нимъ сіе начертаніе: подобно

какъ попечительный отецъ на орудіяхъ дѣтскихъ забавъ напишетъ буквы, которымъ дѣти должны научаться.

Горе легкомысленнымъ дѣтямъ, которыя не пріемлютъ ученія между играми! Орудія игръ непрестанно будутъ у нихъ отнимаемы, а ненавистное ученіе останется, и будетъ нападать на нихъ съ оружіемъ угрозъ и наказанія. Такъ, если мы, употребляя блага міра, не поспѣшимъ уразумѣть въ нихъ *суету суетствій и суету всяческихъ*: то, между тѣмъ, какъ сіи тлѣнныя блага ежечасно будутъ исчезать въ рукахъ нашихъ, *суета* будетъ оставаться въ сердцѣ нашемъ, какъ терніе послѣ цвѣтовъ; и разнообразными уязвленіями будетъ производить *крушеніе духа*. Тогда въ самомъ пресыщеніи чувствъ поселится вѣчный гладъ; сладость пріобрѣтенія и обладанія отравляема будетъ заботами сохраненія и страхомъ потери; счастіе и слава другихъ будетъ казаться несчастіемъ и безславіемъ нашимъ; свѣтъ познаній, какъ ночный призракъ, то будетъ непостоянно мерцать въ дымѣ гордости, то ниспадать отчаянно въ бреніе нечистой жизни: наипаче же смертный помыслъ, какъ строгій пѣстунъ, являясь нечаянно, будетъ приводить въ смятеніе и трепетъ рѣзвыхъ чадъ удовольствія. — Такимъ образомъ обильная жатва приводитъ раба суеты въ такое же недоумѣніе, какъ убогаго недостатокъ дневнаго пропитанія: *что сотворю* (Лук. XII. 17.)? Благодать чудотвореній, явившаяся въ Сынѣ тектоновѣ, паче язвъ Египетскихъ, мучитъ честолюбивыхъ вождей народа: *что сотво-*

*римъ? яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ* (Іоан. XI. 47.).—Невразумительный слухъ о рожденіи безвѣстнаго младенца, принесенный въ столицу иноплеменниками, колеблетъ царя на престолѣ, на твердость коего тѣмъ менѣе онъ полагался, чѣмъ болѣе дорожилъ его блескомъ: *слышавъ Иродъ царь, смутися* (Матѳ. II. 3.).

*Сынове человѣчестіи! доколѣ тяжкосердіи? вскую любите суету* (Пс. IV. 3.) вмѣсто того, чтобы умудряться отъ нея? Почто *ищете лжи*, которою міръ прельщаетъ, не примѣчая истины, которой онъ скрыть не можетъ? — *Преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. VII. 31.); не образъ только нѣкоторыхъ вещей, но и образъ всего міра: и что будетъ съ любовію къ міру, когда онъ прейдетъ невозвратно? *Земля, и яже на ней дѣла, сгорятъ* (2 Пет. III. 10.): куда же тогда пойдутъ безсмертныя желанія, обыкшія питаться отъ земли? Гдѣ будутъ самыя глубокія мудрованія, которыя однако также ископаны отъ земли? *Будетъ небо ново и земля нова* (Иса. LXV. 17.): допустятъ ли насъ внести туда съ нашимъ сердцемъ останки ветхаго міра?

Обратимся къ мудрѣйшему изъ царей. Какъ счастливо суетою исправляетъ онъ свою мудрость, познавъ ничтожность тѣхъ вещей, которыя ложнымъ блескомъ не разъ осуетили помышленія мудрыхъ: *уразумѣхъ азъ!* Какъ суетою же исцѣляетъ отъ мученій суеты, открывая суету самыя сея суеты: *суета—суетствій!* Какъ суетою міра сего пріуготовляетъ себя къ лучшему и непреходящему міру,

преставъ любить міръ суетный: *возненавидѣхъ азъ всяческая міра!*

Къ сожалѣнію, многіе ближе знаютъ Соломона, подобно прочимъ, обращающагося въ вихрѣ земли: но теряютъ изъ вида Екклесіаста, стоящаго въ солнцѣ истины и проповѣдующаго суету земнороднымъ. Бѣдственное ослѣпленіе людей, прельщенныхъ міромъ, увеличивается тѣмъ, что слѣпые слѣпыхъ же избираютъ вождями себѣ, или даютъ влещи себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею, мнятъ быть безопасны отъ паденія. На что же, Христіане, дано намъ собственное око ума, на что возженъ предъ нами свѣтильникъ откровенной Богомъ истины, если бы мы могли ходить по единому осязанію примѣровъ міра? —

Внидемъ въ Іерусалимъ, въ которомъ Евангеліе показываетъ намъ сокращенный образъ міра: и примѣтимъ, куда приводятъ примѣры сего міра, пріемлемые слѣпымъ подражаніемъ. — Вѣсть о рожденіи Христа Царя приносится въ Іерусалимъ, который ожидалъ въ Немъ своего избавителя. Иродъ, котораго не священное право наслѣдія, но честолюбіе возвело на престолъ Давидовъ, и который утверждалъ власть свою болѣе притворствомъ и насиліемъ, нежели правленіемъ истинно благодѣтельнымъ, не могъ спокойно слышать о законномъ Царѣ Іудейскомъ, хотя Сей былъ еще въ пеленахъ, и скрывался во мракѣ неизвѣстности: *слышавъ Иродъ Царь, смутися.* Но что Іерусалимъ? Познаетъ ли онъ время посѣщенія своего? Восклоняетъ ли главу, поникшую подъ чуждымъ игомъ? Радуется ли? *Благо-*

*словляетъ ли Господа Бога Израилева, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и воздвиже рогъ спасенія имъ въ дому Давида отрока своего* (Лук. I. 68. 69.)? Напротивъ! Видъ разстроеннаго властителя, какъ въ зеркалѣ, отражается въ участникахъ его неправеднаго владычества; отъ сихъ тотъ же образъ выпечатлѣвается въ раболѣпныхъ человѣкоугодникахъ; размножается любопытствомъ, лукавствомъ, неблагоразуміемъ; и наконецъ весь Іерусалимъ наполненъ и объятъ нелѣпымъ безпокойствомъ и богохульнымъ смущеніемъ о благодатномъ для всего Израиля и всего міра событіи: *Иродъ Царь смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ.*

Да помыслятъ при семъ люди, которые думаютъ, что живутъ, какъ должно, если живутъ, какъ большая часть; — да помыслятъ они, долженствовали ль, во время сего смятенія Іерусалима, Захарія, или Симеонъ, или Волхвы, подражать примѣру множества, и по господствующему мнѣнію учреждать свои чувствованія и дѣянія!—Или міръ заблуждалъ въ одномъ Іерусалимѣ?

Благословенно время и страна, гдѣ примѣръ великихъ и сильныхъ земли служитъ свѣтильникомъ для народа, и не позволяетъ сгуститься тьмѣ, распространяемой міродержителями тьмы вѣка сего! Но — доколѣ не пріидетъ царствіе Отца небеснаго, призываемое нами въ молитвѣ, — и подъ видимымъ владычествомъ благочестія всегда есть тайные самовладыки, которымъ Христосъ Царь не угоденъ, поелику Онъ требуетъ совершеннаго повиновенія и отреченія отъ любимыхъ страстей и вожделѣній: и

плѣнники примѣровъ міра послѣдуютъ за оными, не примѣчая, что находятся въ порабощеніи у возмутителей. Какой же признакъ сихъ возмутителей и возмущаемыхъ? — О Царю Христе! міръ не хочетъ вѣрить; но ты самъ увѣряешь насъ, что знаменіе не принадлежащихъ Тебѣ есть — многочисленность; что *мнози суть звани* во царствіе Твое, *мало же избранныхъ* (Матѳ. XX. 16.); что тѣ, которымъ Отецъ Твой благоволилъ дать царство, суть *малое стадо* (Лук. XII. 32.); что *узкая врата, и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его* (Мат. VII. 14.)! — Нѣтъ! міръ не руководитель, которому послѣдовать, но врагъ, котораго побѣждать, должно чадамъ Божіимъ: *всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ* (1 Іоан. V. 4.). Образъ мыслей и чувствованій, наиболѣе одобряемый, не рѣдко есть наиболѣе опасный; примѣръ, отъ котораго заповѣдано намъ остерегаться, есть точно примѣръ наиболѣе общій; обычай, принятый всегда и вездѣ; духъ времени, которымъ дышатъ и живутъ: *не сообразуйтеся вѣку сему* (Рим. XII. 2.).

Можетъ быть, вы желали бы, Христіане, осуждаемый Евангеліемъ образъ *вѣка сего* видѣть представленнымъ въ чертахъ болѣе ясныхъ и раздѣльныхъ, дабы тѣмъ непогрѣшительнѣе различать, что *въ сынахъ вѣка сего* не достойно сыновъ *вѣка онаго*: но Тотъ, Который не позволилъ прежде времени отдѣлять плевелы отъ пшеницы, дабы, съ восторженіемъ оныхъ, и сія не была исторгнута, и *оставилъ расти обоя купно до жатвы* (Мат. XIII. 30.), оставилъ также обетшавающій образъ вѣка сего, и

посреди его тайною рукою новонаписуемый образъ вѣка грядущаго, въ нерѣшительныхъ, смѣшенныхъ и пресѣченныхъ чертахъ, до предопредѣленныхъ временъ совершенія, когда наконецъ и на цѣлыхъ сонмахъ рабовъ и враговъ Божіихъ, и на каждомъ челѣ, явится тамъ свѣтлое *имя Отца* небеснаго (Апок. XIV. 1.), а тамъ – страшное *начертаніе звѣря* (11.), имѣющаго сотворить открытую, но гибельную для себя, брань со Агнцемъ Христомъ. Нынѣ же токмо то извѣстно, что міръ есть пещера и ложе, гдѣ раждается и воспитывается звѣрь; и поле, на которомъ съ пшеницею зрѣютъ плевелы, огню блюдомые. Но не довольно ли уже сего разумѣнія для того, чтобы оно управляло заповѣданною намъ осторожностію? — Чѣмъ глубже *весь міръ лежитъ во злѣ* (1 Іоан. V. 19.), такъ что различіе зла и блага становится въ немъ какъ бы едва видимымъ: тѣмъ съ большею осмотрительностію мы должны въ немъ прикасаться даже къ тому, что кажется благомъ. Если весь міръ исполненъ плевелъ, и доселѣ не могъ быть очищенъ отъ нихъ: то можетъ ли быть очищена отъ оныхъ душа, исполненная міромъ? Если врагъ Божій сокровенно зачинается и живетъ въ сердцѣ міра: то можетъ ли любовь Божія обитать въ любви къ міру?

И такъ вотще стараются нѣкоторые утончать любовь къ міру, вмѣсто того, чтобы отсѣкать ее; и, вмѣсто того, чтобы побѣждать оную любовію къ Богу, надѣются примирить одну съ другою. Какъ бы кто ни облекалъ свою любовь къ міру видами добродѣтелей: воздержанія, трудолюбія, нестяжа-

тельности, кротости, благотворительности: но поелику душа всѣхъ добродѣтелей есть любовь, то всѣ добродѣтели его знаменуютъ токмо сына вѣка сего; живутъ и дышатъ міромъ, и съ міромъ исчезнутъ. И какъ двѣ души не могутъ одушевлять единаго тѣла: такъ двѣ любви—любовь къ Богу и любовь къ міру, не могутъ одушевлять единой души: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ* (1. Іоан. II. 15.). Гдѣ же нѣтъ любви къ Богу: тамъ должна быть по необходимости, хотя иногда сокровенная и не примѣчаемая, вражда противъ Него; ибо предъ высочайшимъ Благомъ нѣтъ мѣста равнодушію. Въ царствѣ Вседержителя всякій отдѣльный союзъ есть возстаніе на всеобщаго Владыку: кольми паче союзъ съ областію, очевидно зараженною духомъ буйства и своеволія. *Любы міра сего вражда Богу есть.*

Воззримъ еще разъ на Ирода, въ которомъ Евангеліе обнажаетъ совершенно сіе глубокое и крайнее зло любви къ міру. Сія любовь обыкновенному взору представляется въ Иродѣ такою, что желающіе избавить ее отъ имени порока, и ввести въ сообщество добродѣтелей, могли бы начать съ сего примѣра. Рожденіе Царя Іудейскаго приводитъ Ирода въ смущеніе. Что жъ? И не простительно ли нѣкоторое смущеніе, при угрожающей потерѣ владычества и чести? Но притомъ сіе смущеніе было, по видимому, кратковременнымъ порывомъ страсти, которая вскорѣ покорена разсудку. Иродъ не запретилъ Волхвамъ благоразумнаго изслѣдованія о Царѣ Іудейскомъ; но еще содѣйствовалъ имъ чрезъ способныхъ къ тому людей: *собравъ вся перво-*

*священники и книжники людскія, вопрошаше.* Онъ самъ исповѣдалъ грядущаго Христа: *гдѣ Христосъ раждается* (Матѳ. II. 4.)? Онъ желалъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Его пришествіи: *шедше испытайте извѣстно о Отрочати.* Наконецъ онъ готовъ былъ самъ поклониться Христу: *яко да и азъ шедъ поклонюся Ему* (8.). Какое безпристрастіе и благочестіе!--восклицали, вѣроятно, Іерусалимляне. Міръ остался бы въ семъ обольщеніи, произведенномъ любовію къ міру: но вдругъ явилась небесная истина: *Ангелъ Господень явися.* Онъ оставляетъ безъ вниманія искуственныя слова и добродѣтели, поставленныя на зрѣлище: ведетъ насъ прямо въ сердце творца ихъ, и открываетъ, можетъ быть, еще самимъ Иродомъ не примѣченное хотѣніе, возникающее изъ глубины души его: *хощетъ Иродъ.* И что мы видимъ? — Смерть Спасителя міра, запечатлѣнную въ душѣ міролюбца. *Хощетъ Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Е!*

О, если бы мы могли утвердиться въ вожделѣнномъ увѣреніи, что міръ не воздвигаетъ окрестъ насъ подобныхъ сему лису противу Агнца Христа! *Изомроша ищущіи души Отрочате!* Но когда призванные воинствовать подъ знаменемъ *Побѣдителя міра* (Іоан. XVI. 33.) цѣною тлѣнныхъ благъ увлекаются на страну мятежа; когда овцы Пастыря, имѣющаго малое стадо, мнятъ обрѣсти лучшую пажить посреди хищныхъ звѣрей и нечистыхъ животныхъ; когда довольствуются тѣмъ, что имѣютъ рукою міра написанный *образъ благочестія* (2 Тим. III. 5.), не предаваясь его силѣ сокрушающей и возсозидающей, умерщвляющей и возрождающей: то

не *ищутъ ли* еще, хотя не Продовымъ путемъ, — не *ищутъ ли* однако *души Отрочате?* Не возстаютъ ли, то есть, хотя, можетъ быть, сами того не примѣчая, противу истиннаго духа Хрістова?

Оставимъ Соломону, котораго поставили мы первымъ свидѣтелемъ противу любви къ міру, запечатлѣть сіе свидѣтельство, и положить настоящему слову, соотвѣтственный ему, конецъ: *конецъ слова: Бога бойся, и заповѣди Его храни : яко сіе всякъ человѣкъ* (Екк. XII. 13.). Противопоставь обольщеніямъ любви къ міру *страхъ* Божій, и *по заповѣдямъ* Божіимъ принимай, или отвергай подаваемые тебѣ примѣры, а не составляй себѣ изъ одобряемыхъ въ вѣкѣ семъ примѣровъ, собственныхъ заповѣдей. *Храни* заповѣди Божіи, дабы міръ, подъ видомъ благоучрежденія и украшенія твоей наружной дѣятельности, не похитилъ оныхъ изъ сердца твоего. *Яко сіе всякъ человѣкъ:* то есть, сыновній страхъ къ Богу и храненіе заповѣдей Его, въ средоточіи коихъ почиваетъ любы Божія, суть все для всякаго человѣка: въ нихъ его радость, обиліе, слава, покой, блаженство, животъ временный и вѣчный. Аминь.

# 7. СЛОВО

### ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ.

*Сіе же все бысть, да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: рцыте дщери Сіоновѣ: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на осля и жребя, сына подъяремница.* Матѳ. XXI. 4. 5.

Какъ пріятно видѣть образъ солнца въ чистомъ потокѣ, гдѣ онъ, хотя не столь сильнымъ, какъ въ небесахъ, но за то болѣе приступнымъ для зрителя свѣтомъ сіяетъ: такъ пріятно въ чистыхъ источникахъ Израилевыхъ, то есть, въ проистекшихъ отъ Духа Божія глаголахъ Пророческихъ, духовнымъ окомъ, то есть, Богомыслящимъ умомъ, созерцать образъ Солнца правды, Господа нашего Іисуса Христа, представленный хотя не въ такомъ полномъ свѣтѣ, какъ въ Евангеліи, впрочемъ въ такихъ чертахъ, въ которыхъ внимательный созерцатель удобно можетъ усматривать Его Божественныя свойства, чудесныя дѣйствія, глубокія и спасительныя таинства.

Самъ святый Евангелистъ Матѳей почелъ не излишнымъ для Евангелія показать славу и таинство настоящаго дня въ изображеніи Пророка Захаріи. Прочитаемъ точныя слова Пророка, нѣсколько сокращенныя Евангелистомъ. *Радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаяй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. IX. 9.). Два предмета можно здѣсь разсматривать: дивное событіе пророчества, и новое пророчество событія.

Если бы еще и не открыто было событіе пророчества Захаріина: по самому сему пророчеству можно примѣчать, что имъ обѣщается дивное событіе. Кто бы могъ ожидать, чтобы какой нибудь царь, въ царственный городъ, торжественнымъ шествіемъ вступилъ на юномъ жребяти, рожденномъ отъ подъяремныя ослицы? И если бы кто явился въ такомъ видѣ съ именемъ царя: можно ли было думать, что его примутъ съ искреннимъ веселіемъ и торжественными восклицаніями, а не съ посмѣяніемъ или пренебреженіемъ? Издревле цари побѣдоносные шествовали на коняхъ; мирные вельможи, по простотѣ древнихъ обычаевъ, путешествовали, правда, на ослицахъ; но на осля, рожденное отъ *подъяремныя*, то есть, отъ работной, носящей тяжести ослицы, и притомъ на осля юное, необученое, не отвыкшее отъ матери, царю возсѣсть, свойственно ли, вѣроятно ли было? Какъ же пришло на мысль Захаріи предсказывать торжественное шествіе и срѣтеніе Царя, *всѣдшаго на подъяремника и жребца юна?* Какъ могло исполниться такое предсказаніе? И то и дру-

гое не могло быть иначе, какъ необыкновеннымъ, отъ Бога устроеннымъ образомъ. По сей необычайности предсказываемаго дѣйствія, самые Іудеи признаютъ издревле до нынѣ, что пророчество Захаріи о кроткомъ Царѣ относится къ Мессіи, или иначе ко Христу, хотя не узнаютъ Его, бѣдные, въ кроткомъ Іисусѣ.

Но если въ самомъ Пророчествѣ Захаріи уже можно усматривать необычайность событія, имъ возвѣщаемаго: то внимательное разсматриваніе самаго событія еще болѣе можетъ открыть чудеснаго и прямо Божественнаго.

Когда какому царю надлежитъ торжественно вступить въ царственный городъ: торжественность сія составляется посредствомъ предварительныхъ распоряженій и приготовленій. Но ничего таковаго не видимъ у Господа нашего, до самаго дня, — почти до самаго часа, царскаго шествія Его въ Іерусалимъ. Вчера онъ вечерялъ въ Виѳаніи, гдѣ воскресилъ Лазаря; и, при помазаніи ногъ Его муромъ, говорилъ о предварительныхъ распоряженіяхъ не къ воцаренію, а къ погребенію своему. Было тамъ не мало народа, но *не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ* (Іоан. XII. 9.). Сегодня поутру идетъ Онъ въ Іерусалимъ, сопровождаемый учениками, также какъ и въ другіе дни. *Идяше преди*, пишетъ святый Лука, *восходя во Іерусалимъ* (Лук. XIX. 28.). Нѣтъ никакихъ приготовленій. Никто не думаетъ о Его воцареніи. *Сихъ же не разумѣша ученицы Его прежде* (Іоан. XII. 16.). Внезапно сіе начинается, и вдругъ совершается. *И*

*бысть.* Не доходя до Виѳсфагіи, не далеко уже и отъ самаго Іерусалима, даетъ Онъ неожиданное повелѣніе: и *бысть, яко приближися въ Виѳсфагію и Виѳанію, къ горѣ нарицаемѣй Елеонъ, посла два ученика своихъ, глаголя: идита въ прямую весь: и въ нюже входяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже николиже отъ человѣкъ всѣде* (Лук. XIX. 29. 30.),—по другому Евангелисту обстоятельнѣе: *осля привязано, и жребя съ нимъ* (Мат. XXI. 2.). Примѣчайте внимательно, какъ поистинѣ Божественно дѣйствуетъ Божественный царь нашъ. Онъ видитъ Пророчество; видитъ близкую минуту, когда ему надлежитъ исполниться: но еще нѣтъ орудій къ исполненію онаго. Онъ взираетъ не тѣлеснымъ окомъ Своимъ, но Своимъ всевѣдѣніемъ: и потребное тотчасъ обрѣтается. *Абіе обрящета осля привязано и жребя съ нимъ.* Чудесно, какъ найдено сіе орудіе, но и то не менѣе чудесно, какъ оно взято. *Отрѣшивша, приведита Ми,* глаголетъ Онъ двумъ ученикамъ. Господи! — могли бы сказать посылаемые,—какъ можно сіе сдѣлать,—отрѣшить чужое осля, неизвѣстнымъ посланникамъ, и вести, куда не знаетъ хозяинъ? Подлинно, сіе могло затруднить Апостоловъ; подлинно, видимая несбыточность повелѣваемаго могла сопровождаться непослушаніемъ посылаемыхъ, если въ другомъ случаѣ встрѣченное ими затрудненіе сопровождалось и бѣгствомъ и отреченіемъ отъ Господа; и тогда бы дѣло разрушилось, и пророчество не исполнилось. Но и здѣсь Божественное вѣдѣніе Царя нашего провидѣло готовность посылаемыхъ, а Божественная

власть Его надъ сердцами укрѣпила ихъ противъ всякаго сомнѣнія. То же вѣдѣніе провидѣло вопросъ хозяина осляти: *почто отрѣшаета?* Та же власть надъ сердцами предварительно дала на сіе, по видимому, ни мало не убѣдительный для незнакомаго, но на самомъ дѣлѣ непреоборимымъ оказавшійся отвѣтъ: *Господь требуетъ* (Лук. XIX. 31.). И посланные взяли, и привели осля, не зная, чье; и хозяинъ осляти отдалъ его, не зная, кому и на что. Между тѣмъ народъ многъ, не царски созванный, но *пришедый въ праздникъ* (Іоан. XII. 12.) не по гласу провозвѣстника, но по славѣ воскресенія Лазарева, исходитъ въ срѣтеніе Іисусу; и, объятый внезапнымъ восторгомъ, вмѣсто приготовленныхъ украшеній, постилаетъ ему ризы, вмѣсто царскихъ знаменій и оружія, вземлетъ вѣтви древесныя; предшествуетъ, послѣдуетъ, восклицаетъ кроткому Царю, безъ всякой царской пышности несомому спокойно ослятемъ, котораго никакая человѣческая рука не пріобучала до сей минуты ни къ какому бремени. Какъ произошли всѣ сіи нечаянности? — Поистинѣ, сіе все бысть, да *сбудется реченное пророкомъ.* Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что дѣйствуетъ Тотъ, у Котораго *не изнеможетъ всякъ глаголъ* (Лук. 1. 37.).

Видимъ дивное событіе пророчества Захаріина. Изощримъ взоръ, и увидимъ въ самомъ событіи новое пророчество еще болѣе дивнаго событія.

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ царскій входъ Господень въ Іерусалимъ? Для чего столь дивное предсказаніе? Для чего такое множество чудесъ?

Какое намѣреніе столь необычайныхъ распоряженій? Какое послѣдствіе сихъ Божественныхъ дѣйствій? Какой плодъ столь величественнаго, но столь скоропреходящаго явленія Царя Сіонскаго? Какъ молнія, открывается надъ Іерусалимомъ царствіе небесное, и какъ молнія, поглощается областію темною. Только еще собирается народъ, чтобы идти въ срѣтеніе Царю *праведному и спасающему;* неправда уже замышляетъ погибель и Ему, и прославившему Его Лазарю: *совѣщаша же Архіерее, да и Лазаря убіютъ* (Іоан. XII. 10.). Еще отроки отъ полноты чистыхъ сердецъ восклицаютъ въ церкви: властители и мудрецы, *Архіерее и книжницы уже негодуютъ* (Мат. XXI. 15), и отъ избытка злобы не могутъ скрыть своего негодованія. Сегодня говорятъ дщери Сіоновой: *се Царь твой грядетъ тебѣ:* а чрезъ нѣсколько дней таже дщерь Сіонова, то есть, народъ Іерусалимскій скажетъ: *не имамы царя* (Іоан. XIX. 15.), и самый сей Царь отречется отъ видимаго призрака царства: *царство Мое*, скажетъ Онъ, *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII. 36.). Сегодня: *осанна сыну Давидову* (Мат. XXI. 9.), а вскорѣ послѣ сего: *распни Его* (Іоан. XIX. 15.)! На что же сіе блистательное, но исчезающее зрѣлище! Ты сказалъ уже, возразятъ мнѣ, что *сіе все бысть, да сбудется реченное пророкомъ.* Я сказалъ, что сіе такъ дивно предсказано для того, чтобы можно было узнать въ предсказаніи слово Божіе; и такъ дивно исполнилось, чтобы можно было узнать въ событіи дѣло Божіе. Но почто и слово Божіе предваряло, и дѣло Божіе послѣдовало? Когда Богъ, Который

*рече,—и быша* (Псал. XXXII. 9.), *и се вся добра зѣло* (Быт. 1. 31.), посылаетъ слово Свое, да сбудется потомъ и самое дѣло Его: надобно, чтобы отъ сего произошло нѣкое существенное и твердое благо, а не одинъ мгновенный призракъ. Иначе, почто предпріемлется дѣло Божіе? Почто исходитъ слово Божіе, и почто нисходитъ оно даже до такихъ ничтожныхъ, по видимому, подробностей, какъ возрастъ осляти? Но, можетъ быть, изысканныя сіи вопрошенія начинаютъ уже казаться дерзновенными, а еще не обрѣтаютъ искомаго. По крайнѣй мѣрѣ, не примѣчаете ли, что въ славѣ настоящаго дня должна быть сокрыта нѣкая тайна, хотя мы не дошли еще до ея открытія? Не имѣете ли уже загадки, хотя еще не угадываете ея разрѣшенія? Дойдя до сего, чтобы не выйти изъ предѣловъ вашего вѣроятія, умолкаю. Пусть говоритъ вмѣсто меня, и разрѣшитъ вамъ загадку, и откроетъ вамъ тайну, святый Златоустъ.

*Здѣ*, говоритъ онъ, изъясняя таинство входа Господня въ Іерусалимъ, *Церковь чрезъ жребя изъявляется, и новые люди, прежде убо нечистіи, егда же всѣде Іисусъ, чисти содѣлавшіися. И зри всюду подобіе соблюдаемо. Ученицы бо отрѣшаютъ ослята: отъ Апостолъ бо и оніи* (то есть, Іудеи), *и мы* (то есть, Христіане изъ язычества), *призвахомся. Отъ Апостолъ приведохомся, понеже и наше благоискуство онѣмъ поревнова. Сего ради является осля, послѣдуя жребяти. Егда бо всядетъ Хрістосъ на языки, тогда пріидутъ и Іудее ревнующе имъ. И сіе являя Павелъ глаголаше:*

*яко ослѣпленіе отчасти Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ, и тако весь Израиль спасется. Яко бо пророчество бѣ, явственно есть отъ реченныхъ. Не бо было бы тщаніе пророку, съ толикимъ опаствомъ осляти возрастъ рещи, аще бы не сіе было. Не сія же токмо изъясняются реченными, но яко и со удобствомъ ихъ приведутъ Апостоли. Якоже бо здѣ никтоже сопротивъ рече хотящимъ взяти: тако и о языцѣхъ никтоже возможе возбранити емлющимъ ихъ Апостоломъ прежде. Не вѣдаетъ же на нагаго жребца, но на ризы Апостольскія. Понеже бо жребя отъ инѣхъ пріяша, то и своя уже вся отдаютъ, якоже Павелъ глаголаше: азъ же въ сладость іждиву и іждивенъ буду по душахъ вашихъ. Смотри же послушность жребца, како не обученъ сый, и узды не искусенъ, не возскака, но благочинно идяше. И сіе пророчество будущаго есть, покорность языкъ являющее и незапное ихъ къ благочинію преложеніе. Ибо вся содѣла слово глаголюще: отрѣшивша приведита Ми: да безчинная благочинна, и нечистая уже чиста будутъ* (На Матѳ. бесѣд. 66.).

До здѣ святый Златоустъ. Повторимъ ученіе сего таинника Хрістова такъ, чтобы, если можно, сдѣлать оное болѣе внятнымъ. Входъ Господень въ Іерусалимъ не есть простое изъявленіе настоящаго, но паче пророчество и предзнаменованіе будущаго воцаренія Его. Царство Его не есть сей Іерусалимъ, который вскорѣ разрушатъ, или земля Іудейская, которую вскорѣ поработятъ и опустошатъ, но

Церковь, которой и *врата адова не одолѣютъ* (Мат. XVI. 18.). Осля и жребя, на которыя Онъ возсѣдаетъ для царскаго Своего шествія, означаютъ два рода людей, надъ которыми Онъ пришелъ духовно царствовать, — Іудеевъ и язычниковъ. Осля подъяремное есть образъ Іудеевъ, долго носившихъ на выяхъ своихъ иго закона, *иго, его же* — признается *лучшій изъ нихъ — ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣян. XV. 10.), и которое потому нужно было перемѣнить на иго Христа благое, и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменуетъ язычниковъ, неукрощенныхъ ученіемъ, незнающихъ закона. Апостолы безпрепятственно берутъ осля и жребя: то есть, Апостолы, не смотря на препятствія, покаряютъ царствію Христову Іудеевъ и язычниковъ. Господь возсѣдаетъ на жребя; осля за нимъ послѣдуетъ: то есть, сперва покаряются царствію Христову большею частію язычники, а когда предопредѣленные изъ язычниковъ войдутъ въ полноту Церкви, тогда и отставшіе Іудеи обратятся и постигнутъ ихъ. Необученное жребя благочинно несетъ на себѣ Царя: то есть, невѣжественные и своевольные прежде язычники вскорѣ образуются ученіемъ и заповѣдями Христовыми. Ризы постилаютъ Царю: то есть, совершенные послѣдователи Христовы все свое отдаютъ Ему. Дѣти пріемлютъ и славословятъ Царя: то есть, сердца, дѣтскія по простотѣ и искренности, пріемлютъ Христа вѣрою, прославляютъ Его любовію.

Христіане, сынове царствія Христова! Если видимъ славу, или проникаемъ тайну настоящаго

торжества: не попустимъ, чтобы оно прошло мимо насъ, какъ постороннее для насъ зрѣлище; ибо въ семъ случаѣ мы остались бы посторонними и чуждыми для царствія Христова. Посылаетъ ли кого изъ насъ Господь на какое служеніе? Будемъ безъ испытанія послушны, какъ Апостолы. Требуетъ ли отъ насъ чего? Предадимъ Ему все безпрекословно, какъ неизвѣстный, при имени Господа, отдалъ свою собственность, предадимъ добровольно, хотя бы то было съ лишеніемъ потребнаго для насъ, какъ то сдѣлали постилавшіе ризы свои. Ходилъ ли кто до нынѣ въ волѣ сердца своего? Преклонись отнынѣ подъ иго Христово. Думаетъ ли кто, что образовалъ себя исполненіемъ нравственнаго закона? Послѣдуй за Христомъ, *аще хощеши совершенъ быти* (Мат. XIX. 21.). Всѣ воззовемъ дѣтскимъ, искреннимъ сердцемъ: *осанна сыну Давидову! Хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIII. 14.) во вѣки. Аминь.

# 8. СЛОВО

### ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей слова? Нѣтъ болѣе слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго,* умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкамъ пути живота* (Псал. XV. 11.), Слово сіе оставило небеса, и облеклося плотію: но человѣки не восхотѣли внимать Слову; растерзали плоть Его; и се, *взятъ отъ земли животъ Его* (Иса. LIII. 8.). Кто же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія?—

Поспѣшимъ исповѣдать тайну Слова, которая долженствуетъ обезоружить гонителей Его, и которая возвращаетъ Его душамъ, готовымъ принять Оное. Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу, и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышав-

шихъ: такъ Ѵпостасное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ Своемъ спасительномъ вочеловѣченіи, умирая плотію, въ то же время *исполняетъ всяческая* (Ефес. IV. 10.) Своимъ духомъ и силою. Посему-то, когда Іисусъ Хрістосъ изнемогаетъ и умолкаетъ на крестѣ: тогда и небо и земля даютъ Ему гласъ свой, и умершіе проповѣдуютъ воскресеніе Распятаго, и самое каменіе вопіетъ о Немъ. *И померче солнце, и завѣса церковная раздрася, и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Лук. XXIII. 45. Мат. XXVII. 51. 52.).

Христіане! Воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и дѣйственнѣе глаголать къ намъ; сокрывается для того, чтобы внутреннѣе *вселиться въ насъ* (Іоан. I. 14.); умираетъ, чтобы даровать намъ Свое наслѣдіе. Будучи собраны церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. IV. 12.) умершаго; слышите данное отъ Него вамъ завѣщаніе: *Азъ завѣщаваю вамъ, яко же завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство* (Лук. XXII. 29.).

Но, дабы неблаговременныя мечтанія о величіи сего наслѣдія не уклонили взоровъ нашихъ отъ предписаннаго предъ нами въ сіи великіе дни Распятаго Іисуса, примѣтимъ тщательнѣе, Христіане, что первые наслѣдники Его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ, желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. Что сіе значитъ? — То, что какъ Христу *подобаше*

*пострадати*, дабы потомъ *внити въ славу* (Лук. XXIV. 26.), которую *имѣлъ Онъ у Отца*, такъ Христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе* (Дѣян. XIV. 22.), которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключь царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе великаго *слова крестнаго* (1 Кор. I. 18.), толь необъятнаго уму, толь удобопріятнаго вѣрѣ, толь сильнаго Богомъ. Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова Животворящаго.

Прежде, нежели вочеловѣчившійся Сынъ Божій воспріялъ и понесъ крестъ Свой, сей крестъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ содѣланъ *изъ древа познанія добра и зла*. Первый человѣкъ думалъ испытать только плодъ его; но едва прикоснулся, какъ вся тяжесть запрещеннаго древа, со всѣми вѣтьвями его и отраслями, обрушилась на хребетъ нарушителя Господней заповѣди. Тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть, нищета, уничиженіе, вражда всей природы, словомъ: всѣ разрушительныя силы, какъ бы исторгшись изъ роковаго древа, ополчились на него: и низринулся бы сынъ гнѣва на вѣки во адъ, если бы Милосердіе, по предвѣчному совѣту, не простерло къ нему руки своей, и не удержало его въ паденіи. Сынъ Божій пренесъ на Себя бремя, подавляющее человѣка; усвоилъ себѣ крестъ его, и предоставилъ ему токмо придержаться сего креста, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы онъ вспомоществовалъ Всемогущему въ ношеніи бремени, но дабы самъ, и съ малымъ остав-

шимся ему крестомъ собственнымъ, носимъ былъ силою креста великаго, подобно какъ ладія влечется движеніемъ корабля. Тако крестъ гнѣва преображается въ крестъ любви; крестъ, заграждавшій рай, становится лѣствицею къ небесамъ; крестъ, рожденный отъ страшнаго *древа познанія добра и зла*, чрезъ орошеніе Божественною кровію, перераждается *въ древо жизни*. Сынъ Божій пріемлетъ естество наше, и *страданьми совершаетъ* въ Себѣ *начальника спасенія* нашего; *искушается по всячески*, и *вспомоществуетъ искушаемымъ*; шествуетъ со крестомъ, и *ведетъ въ славу* своихъ послѣдователей (Евр. II. 10. 18. IV. 15.).

Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный Начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть? Кто исчислитъ разнообразное множество крестовъ, изъ которыхъ онъ, какъ изъ каплей море, составляется? — Не отъ Іерусалима токмо до Голгоѳы несенъ крестъ сей, съ помощію Симона Киринейскаго. Несенъ онъ и отъ Геѳсиманіи до Іерусалима, и до Геѳсиманіи отъ самаго Виѳлеема. Вся жизнь Іисуса была единый крестъ; и никто не прикасался къ бремени его, развѣ для отягченія онаго: *Единъ истопталъ точило ярости Божіей, и отъ языкъ не бѣ мужа съ Нимъ* (Иса. LXIII. 3.).

Божественное соединяется съ человѣчествомъ, вѣчное со временнымъ, всесовершенное съ ограниченнымъ, несозданное съ своимъ созданіемъ, самосущее съ ничтожнымъ: какой необозримый и непостижимый крестъ изъ сего уже слагается!

Богочеловѣкъ, котораго низшествіе на землю про-

славляютъ небеса, является здѣсь въ уничиженнѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ; нѣтъ для Него ни дома, ни колыбели; кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.

Исчисляютъ Безначальному осмь дней новаго бытія: и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.

Господь храма, *приносится во храмъ поставити Его предъ Господемъ*, и пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами* (Лук. II. 22. 24.).

Тогда, какъ онъ еще нѣмотствуетъ, уже изощряется на Него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго, и проходитъ сердце Его матери (Лук. II. 34. 35.).

Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ царя Іудейскаго: но сія малая слава воздвигаетъ на Него злобу Іудейскаго царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія, и принуждаетъ удалиться отъ народа Божія въ страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божія не иначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣковъ*. Источникъ и податель благодати *пріемлетъ благодать* (Лук. II. 52.). Тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ, которыхъ удостоилъ нарещи Своими родителями.

Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня вступленія Своего въ торжественное служеніе спасенію рода человѣческаго!

Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками, преклоняется подъ руку человѣка, и пріемлетъ крещеніе: воистину *крещеніе*, слушатели, то есть, погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста!

Испытующій сердца и утробы Самъ поставляется *въ искушеніи*. Хлѣбъ небесный предается земной *алчбѣ*. Тотъ, предъ Которымъ должно *преклоняться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ Себя *поклоненія* (Матѳ. IV. 9.).

Ходатай Бога и человѣковъ открываетъ Себя человѣкамъ: но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ богохульнымъ (Матѳ. IX. 3.), Его дѣла беззаконными (Іоан. IX. 16.), Его чудеса Веельзевуловыми (Матѳ. XII. 24.). Если Онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу: Его называютъ нарушителемъ субботы. Если обращаетъ заблуждшихъ, и пріемлетъ кающихся: Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. XI. 19.). Тамъ ищутъ уловить Его словомъ (Матѳ. XXII. 15.); здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть (Лук. IV. 29.); нидѣ вземлютъ на Него каменіе (Іоан. VIII. 59.); нигдѣ не даютъ Ему главы подклонити (Матѳ. VIII, 20.). Онъ воскрешаетъ умершаго; — завистники совѣщаваются умертвить Его Самого (Іоан. XI. 43. 44. 46. 53.). Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ; — всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ Своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое

орудіе смерти Своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему *соблазномъ*, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе (Матѳ. XVI. 23.).

Почіешь ли Ты, Божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига, непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ? Почіешь ли, если не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ послѣдователей?—Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благоволенія Отчаго! — Но не примѣчаете ли вы, слушатели, какъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ, и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамо среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія? — Они бесѣдуютъ о Его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его* (Лук. IX. 31.).

Долго носилъ Іисусъ крестъ Свой, какъ бы не чувствуя его тяжести: наконецъ *преданъ былъ* ему, *аки льву, да сокрушитъ вся кости Его* (Иса. XXXVIII. 13.). Внидемъ за Нимъ съ Петромъ и сынми Зеведеовыми въ вертоградъ Геѳсиманскій; и проникнемъ бдящимъ окомъ во мракъ послѣдней нощи Его на земли. Уже Онъ не сокрываетъ креста, сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Матѳ. XXVI. 38.). И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцемъ не освобождаетъ Его, а удерживаетъ подъ тяжестію

страданія: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI. 39.). *Носящій всяческая глаголомъ силы своея* имѣетъ теперь нужду *въ укрѣпленіи отъ Ангела* (Лук. XXII. 43.).

Можетъ быть, смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ ли Агнецъ, *заколенный отъ сложенія міра* (Апок. XIII. 8.), убѣгать своего жертвенника? Тотъ, *Его же Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. X. 36.), Тотъ, Который отъ вѣка пріялъ на Себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о страданіи? Если Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость: то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе, и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися*, говоритъ Онъ, и *како удержуся, дондеже скончаются* (Лук. XII. 50.)? И такъ, если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію; если мы видимъ Его *быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи*, то Онъ *грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ* (Иса. LIII. 3. 4.); чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ и, всѣхъ казней, намъ уготованныхъ, которая потопила бы весь міръ, если бы Онъ единъ не воспріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена во-первыхъ преслушаніемъ Адама, потомъ растлѣніемъ *перваго міра* (Быт. VI. 12. 2 Петр. II. 5.), гордостію и пе-

честіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностію Египта, измѣнами Іерусалима, *избившаго пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему,* (Матѳ. XXIII. 37.), злостію Синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ, и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазнами въ самомъ Христіанствѣ: раздѣленіями единаго стада Единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оскудѣніемъ вѣры и любви въ царствѣ вѣры и любви, возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей:*—легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, законѣніе старости, забвеніе промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надмѣннаго мечтою просвѣщенія:—всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу: и дивно ли, что она была *прискорбна даже до смерти?*

Наше слово изнемогаетъ, слушатели, чтобы провождать еще великаго Страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Голгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго. Но совершаемыя нынѣ Церковію таинодѣйствія уже преднаписали вамъ сей путь и сей

послѣдній крестъ. Онъ столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него; и столь тяжекъ, что земля потрясласъ подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія, внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поноснѣйшія, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребезаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ страданія; страдать для славы Божіей, и быть оставлену Богомъ: — какая неизмѣримая бездна страданій!

*Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси* Возлюбленнаго Твоего? — Ей, Господи! Ты оставилъ Его вмалѣ, дабы на вѣки не оставить насъ, Тебе оставившихъ. Отнынѣ Онъ *воцарлется; облекается въ лѣпоту, препоясуется силою, и утверждаетъ вселенную, да не подвижится* (Псал. XCII. 1.). *Вознесенный отъ земли* крестомъ, Онъ простираетъ его на землю, и *вся привлекаетъ къ Себѣ* на небо (Іоан. XII. 32.).

Но, сколь ни велика и Божественна все привлекающая сила Іисуса Христа: Онъ не иначе можетъ *влещи насъ въ слѣдъ Себе* (Пѣсн. I. 3.), какъ чрезъ водруженіе креста Своего въ насъ, и сопряженіе съ Его крестомъ креста нашего. *Иже хощетъ по мнѣ ити,* глаголетъ Онъ, *да возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Мнѣ* (Лук. IX. 23.). Ибо, хотя завѣтною Своею кровію и крестомъ Своимъ совершилъ Онъ очищеніе отъ грѣховъ и отъ проклятія искупленіе всего міра, и отверзъ намъ входъ во

святая святыхъ: но поелику туда не входитъ ничто, кромѣ жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя въ руки сего великаго, *по чину Мельхиседекову,* Священника; поелику клятва есть плодъ грѣха, грѣхъ же утверждается своимъ корнемъ въ свободной волѣ, то, для усвоенія себѣ очищенія и искупленія, правды и благословенія Христова, мы должны свободно предать волю свою крестному въ насъ дѣйствованію Христову. Для сего-то тѣ, которые истинно постигли заключенную въ *словѣ крестномъ силу Божію*, столь часто и примѣромъ и словомъ поучаютъ насъ *сораспинатися Христу, распинаться міру, распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себѣ самимъ, исполнять лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти нашей* (Рим. VI. 6. Гал. VI. 14. V. 24. Рим. XIV. 7. Кол. I. 24.).

Чѣмъ неослабнѣе и терпѣливѣе мы носимъ бремя креста нашего: тѣмъ обильнѣе подаются намъ дары Божіи, пріобрѣтенные крестомъ Христовымъ: *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Грѣшникъ, который отъ усильнаго ношенія креста своего преходитъ наконецъ къ распятію себя на немъ, съ совершенною покорностію подвергаясь всѣмъ дѣйствіямъ очистительнаго правосудія предъ лицемъ распятаго Іисуса, вскорѣ услышитъ съ разбойникомъ радостный гласъ Его: *днесь со Мною будеши въ раи.* Страданіе въ присутствіи Христа, и по образу Его, есть преддверіе рая.

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Хрістова: такъ крестъ таинственный — печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жезлъ Отчій, не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій* (Псал. II. 9. XXII. 4.), очистительный огнь вѣры, сопутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе Ангелы, водители и хранители Церкви, — Іосифы, Моисеи, Даніилы, Павлы? — Въ училищѣ креста. Когда благословеннѣе вся Церковь возрастала, процвѣтала, и приносила плодъ во святыню? — Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ, и напаяема кровію мучениковъ. Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца, — вопросили Іоанна въ видѣніи? *Сіи облеченніи въ ризы бѣлыя, кто суть, и откуду пріидоша?* и когда онъ не могъ узнать ихъ въ Божественной славѣ сей, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. VII. 13. 14.).

Кто же суть тѣ, которые желаютъ *изпразднить крестъ Хрістовъ* (1 Кор. I. 17.), и мнятъ *уразумѣть силу воскресенія Его* безъ *сообщенія страстей Его* (Фил. III. 10.)? Если единъ Хрістосъ есть и *животъ* и *путь* (Іоан. XIV. 6.) къ животу: то какъ могутъ они достигнуть *живота* Хрістова, не шествуя *путемъ* Его? Могутъ ли изнѣ-

женные сіи члены быть въ союзѣ тѣла, которое *счиняетъ* себѣ увѣнчанная терніемъ *Глава* (Ефес. IV. 15. 16.)? Можно ли членамъ быть въ покоѣ и безпечности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи; забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она объята болѣзнями смертными; упиваться изъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ оцетъ; превозноситься, когда она преклоняется; не хотѣть ниже минуты поболѣть о собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, когда она за чуждыя страждетъ и умираетъ; жить міру и плоти, когда она предаетъ духъ свой Богу? —

О человѣкъ, влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! Виждь образъ твой въ человѣкѣ, погружающемся въ водахъ, и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста, и такимъ образомъ превозмогаетъ враждебныя волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися отъ земли: она простирается въ крестъ, и возлетаетъ. Ищи и ты въ крестѣ средства изникнуть отъ міра, и вознестися къ Богу. *Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть.* Аминь.

# 9. СЛОВО

## ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

*Тако возлюби Богъ міръ.* Іоан. III. 16.

Нынѣ ли о любви, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые? Нынѣ ли, когда плодъ вражды созрѣлъ въ вертоградѣ Возлюбленнаго; когда и земля трепещетъ отъ ужаса; и сердца камней разрываются, и око неба помрачается негодованіемъ? Нынѣ ли о любви къ міру, когда и Сынъ Божій, страждущій въ мірѣ, оставленъ безъ утѣшенія, и молитвенный вопль Его: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ,*—безъ отвѣта Отеческаго?

Правда, Христіане! День вражды и ужаса день сей, день гнѣва и мщенія. Но если такъ: то что съ нами будетъ, когда и земля не тверда подъ нами, и небо надъ нами не спокойно? Куда убѣжать съ колеблющейся земли? Куда уклониться изъ-подъ грозящаго неба? Взирайте прилѣжнѣе на Голгоѳу: и тамъ, гдѣ видится средоточіе всѣхъ бѣдъ, вы откросте убѣжище. Тогда, какъ *трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ* (Псал. XVII. 8.),

не видите ли, какъ непоколебимо тамъ стоитъ неукорененное древо Креста? Тогда, какъ и мертвые не почиваютъ во гробахъ своихъ, не видите ли, какъ мирно почіетъ Распятый на крестѣ Своемъ, сколько ни старались Его совлещи самою славою Спасителя: *иныя спасе, себе ли не можетъ спасти;* самымъ достоинствомъ Сына Божія: *аще Сынъ еси Божій: сниди со креста;* самымъ благомъ вѣры въ Него: *да снидетъ нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него?* И такъ утвердимъ въ сердцахъ нашихъ сію странную и страшную для міра, но радостную для вѣрующихъ, истину: что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего тверже Креста, и безопаснѣе Распятаго. Ужасы отъ Голгоѳы для того и разсѣяны по всему міру, чтобы мы, не видя нигдѣ безопасности, бѣжали прямо на Голгоѳу, и повергались у ногъ, и скрывались въ язвахъ, и погружались въ страданіяхъ Распятаго Спасителя. О Солнце! для чего бы тебѣ закрывать отъ Него лице свое въ полдень, когда великое дѣло тьмы еще при твоемъ свѣтѣ достигло уже своей полуночи, и когда *очи* Всевидящаго, *тмами темъ свѣтлѣйшіи* свѣта твоего, и во тьмѣ столь же ясно видятъ позоръ Богоубійства? — Такъ! въ твоемъ негодованіи впечатлѣно было наше вразумленіе; ты поспѣшало совершить видимый день вражды и гнѣва, дабы препроводить насъ къ созерцаемому дню любви и милосердія, освѣщаемому незаходимымъ свѣтомъ трисолнечнаго Божества.

Христіанинъ! Пусть *тьма покрываетъ землю!* Пусть *мракъ на языки! Востань* отъ страха и недоумѣній! *Свѣтися* вѣрою и надеждою! Сквозь тьму

*приходитъ свѣтъ твой* (Иса. LX. 1. 2.). Пройди путемъ, который открываетъ тебѣ раздирающаяся завѣса таинствъ; внеди во внутреннее Святилище страданій Іисусовыхъ, оставя за собою внѣшній дворъ, отданный языкамъ на попраніе. Что тамъ?— Ничего, кромѣ святыя и блаженныя любви Отца и Сына и Святаго Духа къ грѣшному и окаянному роду человѣческому.

Любовь Отца — распинающая.

Любовь Сына — распинаемая.

Любовь Духа — торжествующая силою крестною.

*Тако возлюби Богъ міръ!*

О сей-то любви, Христіане, да будетъ позволено мало нѣчто нѣмотствовать предъ вами: поелику изрещи ея даже и не возможно, такъ что само Слово Божіе, дабы совершенно изобразить ее, умолкло на крестѣ. Сіе же Слово и сія любовь да даруетъ намъ и нѣмотствовать и внимать нѣмотствованію, подобно какъ дѣти одной матери, ея сердцемъ и ея словами взаимно нѣмотствуютъ и разумѣютъ нѣмотствованіе.

И такъ, кто распинаетъ Сына Божія? Воины? Они суть почти столько же страдательныя орудія, какъ крестъ и гвоздіе. Пилатъ? Онъ, кажется, истощилъ всѣ усилія въ защищеніи Праведника, и торжественно изъявилъ свое несогласіе на пролитіе крови Его: *пріемъ воду, умы руцѣ предъ народомъ, глаголя: неповиненъ есмь отъ крове Праведнаго сего* (Матѳ. XXVII. 24.). Народъ? Какъ могъ онъ искать смерти Того, Котораго старался воцарить?

Первосвященники? Старѣйшины? Фарисеи? Они признаются, что не имѣютъ власти ни надъ чьею жизнію: *намъ не достоитъ убити никогоже* (Іоа. XVIII. 31.). Предатель? Онъ уже свидѣтельствовалъ во храмѣ, что *предалъ кровь неповинную* (Матѳ. XXVII. 4.). Князь тьмы? Онъ не могъ коснуться и жизни Іова: нынѣ же самъ осуждается и изгоняется. Но кто лучше, какъ Распятый, можетъ знать распинателей? И что же глаголетъ Онъ? — *Не вѣдятъ, что творятъ* (Лук. XXIII. 34.). Коснулся было истинной причины дѣла сего Каіафа, сказавъ, что *уне есть, да единъ человѣкъ умретъ за люди:* однако и *сего о себѣ не рече, но Архіерей сый лѣту тому* (Іоа. XI. 51.); онъ прозвучалъ, какъ кимвалъ, въ который на тотъ день надлежало благовѣстить для церкви, но и самъ же не уразумѣлъ своего благовѣстія. Такимъ образомъ то, чего не хотѣли, не могли, не знали, предъ цѣлымъ свѣтомъ совершилось тѣми самыми, которые не хотѣли, не могли, не знали.

Впрочемъ сіе не значитъ того, чтобъ и не было виновныхъ въ убіеніи Невиннаго! Нѣтъ! Кто не могъ, если бы только восхотѣлъ, уразумѣть то, что уразумѣлъ и проповѣдалъ отчаянный даже Іуда? Но *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8.).

Намъ должно примѣтить здѣсь то, какую ничтожную паутину составляло все сплетеніе видимыхъ причинъ, произведшихъ великое Голгоѳское событіе. Какъ же сія паутина въ первыхъ нитяхъ своихъ не разторглась или отъ дохновенія гнѣва

Божія, или даже отъ вѣтра суеты человѣческой? Кто связалъ ею льва отъ Іуды? Какъ сдѣлалось то, чего не хотѣли, не могли, не знали, и что столь удобно было и уразумѣть и отвратить? Нѣтъ! Хулители Голгоѳскіе также не знаютъ, что говорятъ, какъ распинатели не знаютъ, что дѣлаютъ; въ самомъ же дѣлѣ не человѣки здѣсь ругаются Божію величеству: Божій Промыслъ посмѣвается буйству человѣческому, безъ нарушенія свободы заставляя его служить высочайшей Своей Премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа: Всеблагій Отецъ не щадитъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная уязвляетъ любовь небесную: небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертію любви убить вражду, и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную. *Богъ возлюби міръ*, и *Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоа. III. 61.).

Кажется, мы, и приникая въ тайну распятія, и усматривая въ страданіяхъ Сына Божія волю Отца Его, болѣе ощущаемъ ужасъ Его правосудія, нежели сладость любви Его. Но сіе долженствуетъ увѣрять насъ не въ отсутствіи самыя любви, а токмо въ недостаткѣ нашея готовности къ принятію ея внушеній. *Боялся, не совершился въ любви* (1 Іоан. IV. 18.), говоритъ ученикъ любви. Очистимъ и расширимъ око наше любовію, и тамъ, гдѣ оно смѣжалось страхомъ Божія суда, насладимся зрѣніемъ любви Божіей. *Богъ любы есть* (16), говоритъ тотъ-же созерцатель любви. Богъ есть любовь по

существу, и самое существо любви. Всѣ Его свойства суть облаченія любви; всѣ дѣйствія—выраженія любви. Въ ней обитаетъ Его всемогущество всею полнотою своею; она есть Его истина, когда осуществуетъ возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждаетъ существующее или существовать имѣющее, по закону истины; она есть Его благость, когда премудро раздаетъ истинные дары свои; наконецъ, она есть Его правосудіе, когда степени и роды ниспосылаемыхъ или удерживаемыхъ даровъ своихъ измѣряетъ премудростію и благостію, ради высочайшаго блага всѣхъ своихъ созданій. Приближьтесь и разсмотрите грозное лице правосудія Божія, и вы точно узнаете въ немъ кроткій взоръ любви Божіей. Человѣкъ своимъ грѣхомъ заградилъ отъ себя присносущій источникъ любви Божіей: и сія любовь вооружается правдою и судомъ, — для чего? — дабы разрушить сей оплотъ раздѣленія. Но какъ ничтожное существо грѣшника, подъ ударами очищающаго Правосудія, невозвратно сокрушилось бы, подобно сосуду скудельному: то непостижимый Душелюбецъ, посылаетъ единосущную Любовь Свою, то есть, единороднаго Сына Своего, дабы Сей, *носящій всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3.), воспріятою на Себя плотію нашею, кромѣ грѣха, понесъ и тяжесть нашихъ немощей, и тяжесть подвигшагося на насъ правосудія; и Единъ истощивъ стрѣлы гнѣва, изощренныя на все человѣчество, въ крестныхъ язвахъ своихъ открылъ бы незаградимые источники милосердія и любви, долженствующіе упоить всю, проклятую нѣкогда, землю благослове-

ніями, жизнію и блаженствомъ. *Тако возлюби Богъ міръ!*

Но, если Отецъ Небесный изъ любви къ міру предаетъ единороднаго Сына Своего; то равно и Сынъ изъ любви къ міру предаетъ Себя Самого: и какъ любовь распинаетъ, такъ любовь же и разпинается. Ибо, хотя не *можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже:* но ничего также не можетъ Онъ творить и вопреки Себѣ. *Онъ не ищетъ Своея воли* (Іоан. V. 30.): но потому, что есть вѣчный наслѣдникъ и обладатель воли Отца Своего. *Пребываетъ въ Его любви:* но въ ней и самъ воспріемлетъ въ Свою любовь все, Отцу любезное, какъ и глаголетъ: *возлюби Мя отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ* (Іоан. XV. 9. 10.). И такимъ образомъ любовь Отца небеснаго, чрезъ Сына, простирается къ міру: любовь единосущнаго Сына Божія вмѣстѣ и восходитъ къ Отцу небесному, и нисходитъ къ міру. Здѣсь, имѣющій очи, да видитъ глубочайшее основаніе, и первоначальный внутренній составъ креста, изъ любви Сына Божія ко всесвятому Отцу Своему, и любви къ человѣчеству согрѣшившему, одна другую пресѣкающихъ, и одна другой придержащихся, по видимому, раздѣляющихъ единое, но воистину соединяющихъ раздѣленное. Любовь къ Богу ревнуетъ по Богѣ: любовь къ человѣку милуетъ человѣка. Любовь къ Богу требуетъ, чтобы соблюденъ былъ законъ правды Божіей: любовь къ человѣку не оставляетъ и нарушителя закона погибать въ неправдѣ своей. Любовь къ Богу стремится поразить врага Божія: любовь къ человѣку вочеловѣчиваетъ Божество, дабы посред-

ствомъ любви къ Богу обожить человѣчество: и, между тѣмъ какъ любовь къ Богу *возноситъ отъ земли Сына человѣческаго* (Іоан. XII. 32. 34.), а любовь къ человѣку разверзаетъ объятія Сына Божія къ земнороднымъ, сіи противоположныя стремленія любви соприкасаются, соразтворяются, уравновѣшиваются и слагаютъ изъ себя то дивное средокрестіе, въ которомъ прощающая *милость* и судящая *истина срѣтаются*, *правда* Божества *и миръ* человѣчества *лобызаются;* чрезъ которое небесная *истина возсіяваетъ отъ земли, и правда* уже не грознымъ окомъ *приникаетъ съ небеси; Господь даетъ благость* землѣ, и *земля даетъ плодъ свой* небу. (Псал. LXXXIV. 11—13.).

Крестъ Іисусовъ, сложенный изъ вражды Іудеевъ и буйства язычниковъ, есть уже земный образъ и тѣнь сего небеснаго Креста любви. Безъ сего могъ ли бы оный не токмо удержать на себѣ, даже до смерти, держащаго дланію жизнь всего живущаго, но даже и коснуться раменъ Того, для избавленія Котораго вящше дванадесяти легеоновъ Ангеловъ ожидали токмо мановенія. Вотще мрачное полчище подъемлетъ оружіе, дабы взять Его въ плѣнъ, и готовитъ узы Ему: освѣщая путь свой огнемъ злобы, оно не видитъ, что Онъ уже плѣненъ и связанъ собственною Своею *любовію*, *яко смерть*, *крѣпкою* (Пѣсн. VIII. 6.). Вотще вопіетъ беззаконное соборище: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети*: онъ умретъ не по иному, какъ по сему своему закону: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу положитъ за други своя*

(Іоан. XV. 13.). Вотще повторяютъ хулители: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста:* Сынъ Божій тѣмъ-то самымъ и дастъ познать Себя, что не снидетъ со креста, доколѣ не истощитъ всего Себя въ сугубомъ стремленіи любви къ Отцу Своему, Которому наконецъ предаетъ духъ Свой, и къ человѣкамъ, для которыхъ источаетъ воду очищенія и кровь жизни. *О семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ душу Свою положи* (1 Іоан. III. 16.). Углубляйтесь, Христіане, въ сіе великое познаніе не однимъ словомъ и языкомъ, или слухомъ праздным, но духомъ и истиною: и вы пріидете наконецъ въ то, если можно такъ сказать, содружество креста, что не будете находить сладчайшаго удовольствія, какъ въ духѣ созерцанія взывать съ Богоноснымъ мужемъ: *Любовь моя распялася!* (*Игнат. Богонос.*).

Любовь Божія, непосредственно дѣйствующая въ крестѣ Іисусовомъ, безъ сомнѣнія долженствовала сообщить ему Божественную силу. И какъ быстро, какъ обильно, какъ неизмѣримо далеко течетъ изъ него сія побѣдоносная сила!

*Аще зерно* — такъ говорилъ Іисусъ Христосъ о Себѣ Самомъ—*аще зерно пшенично падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII. 24.). О, какъ скоро сіе зерно Божественнаго сѣмени, умирающее на крестѣ, даетъ окрестъ себя отрасли новыя жизни! Смотрите, какъ еще прежде кончины Іисуса, на древѣ проклятія, въ устахъ разбойника, процвѣтаетъ молитва: *помяни мя, Господи, во Цар-*

*ствіи Твоемъ!* и сей подлинно райскій цвѣтъ въ тотъ-же день преносится въ рай Божій. Смотрите, какъ, вмѣстѣ съ потрясенною землею и разсѣдшимися камнями, сокрушается каменное дотолѣ сердце язычника, и немедленно износитъ зрѣлый плодъ устенъ исповѣдующихся Спасителю: *воистину Божій Сынъ бъ Сей.* Какимъ непреодолимымъ влеченіемъ, оставившіе Іисуса живаго, собираются окрестъ Его креста и гроба! Наипаче же явилась побѣда креста въ Іосифѣ Аримаѳейскомъ. Доколѣ онъ зналъ Іисуса, какъ Пророка и чудотворца, онъ не имѣлъ мужества открыть себя Его ученикомъ: *потаенъ страха ради Іудейска* (Іоан. XIX. 38.). Но когда узналъ, что Іисусъ умеръ смертію осужденнаго, то Вознесенный отъ земли повлекъ его къ Себѣ съ такою силою, что онъ не внялъ ни чести, ни боязни человѣческой, и не поколебался обнаружить даже предъ правительствомъ свое участіе въ Распятомъ: *дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова* (Марк. XV. 43.). Не тою ли же силою и давно согнившія въ вертоградѣ смерти зерна показали необычайный плодъ,—*и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа?*

Чѣмъ далѣе простираться будетъ сила Креста: тѣмъ болѣе торжественны будутъ ея дѣйствія. Она сосредоточитъ въ единомъ Іисусѣ распятомъ всякую власть на небеси и на земли; дастъ ощутить силу благодатнаго владычества Его и сущимъ въ темницѣ духовомъ; вознесетъ Его превыше всѣхъ небесъ; низведетъ Имъ оттолѣ Утѣшителя, который не пришелъ бы, если бы Іисусъ не прошелъ путемъ

Креста, и не содѣлалъ его путемъ истинно царскимъ. Тогда *любы Божія* безпрепятственно и преизобильно *изліется* въ жаждущія *сердца* вѣрующихъ *Духомъ Святымъ* (Рим. V. 5.), и, не смотря ни на какія препятствія, поведетъ крестными подвигами искупленный міръ ко всеобщему торжеству освященія и прославленія. Пусть враги Креста Христова устроятъ новый крестъ для Его Церкви: они готовятъ ей тѣмъ новую побѣду и новую славу. Пусть мудрецы вѣка сего огласятъ *слово крестное юродствомъ*: оно будетъ юродствомъ только для *погибающихъ*. Пусть *Іудеи* — древніе или новые — *просятъ знаменія*, не примѣчая знаменій, совершающихся предъ ихъ очами, и *Еллины ищутъ* собственной *премудрости* слова тамъ, гдѣ должно дѣятельно вѣровать въ Премудрость Божію: истинная Церковь всегда будетъ *проповѣдовать Христа распята; Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе*, и Онъ всегда будетъ, для *званныхъ* Богомъ, *Христосъ, Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I. 18—24.). Пусть наконецъ настанутъ и тѣ лютыя времена, когда человѣки *здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся* (2 Тим. IV. 3. 4.); во слѣдъ за лжеученіемъ приведутъ богоотступленіе, и самую любовь изсушатъ преумноженіемъ беззаконія: по мѣрѣ сихъ событій сила крестная, какъ при второмъ распятіи Господа, проникнетъ съ новымъ обиліемъ все человѣчество и всю природу, сотрясетъ всю землю, разрушитъ въ

ней то, что было твердо, низринетъ то, что возвышалось, затьмитъ то, что блистало, не столько въ отмщеніе врагамъ Божіимъ, которые обыкновенно сами уготовляютъ себѣ гибель, сколько для того, чтобы ускорить и довершить привлеченіе всего къ Вознесенному отъ земли. Равнымъ образомъ и любовь, подобно предуготовленному елею мудрыхъ дѣвъ, неприметно для юродивыхъ, соблюдется дотолѣ, какъ явится вожделѣнный Женихъ, и она седмеричнымъ пламенемъ воспылаетъ въ день брака агнчаго;—и дотолѣ, какъ прейдутъ и небо и земля, и вѣра и надежда, *и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV. 28.), поелику во всѣхъ Богоносныхъ сердцахъ будетъ *любовь, изліянная* въ нихъ *Духомъ Святымъ* чрезъ язвы крестныя.

Вотъ, Христіане, и начало, и средина, и конецъ креста Хрістова—все одна любовь Божія! Какъ въ чувственномъ семъ мірѣ, куда ни простремъ взоръ къ Востоку или Западу, къ Югу, или Севѣру, всюду зрѣніе упадаетъ въ неизмѣримость неба: такъ въ духовной области таинъ, по всѣмъ измѣреніямъ креста Хрістова, созерцаніе теряется въ безпредѣльности любви Божіей. Прекратимъ дерзновенное о семъ нѣмотствованіе. Слово крестное чѣмъ болѣе изрекается, тѣмъ болѣе онѣмѣваетъ языкъ плоти, и око земнаго ума слѣпотствуетъ отъ избытка небеснаго свѣта крестнаго. Самъ вѣчный Художникъ креста, *Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ; вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша: въ*

*любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же* въ семъ непостижимомъ многокрестіи единую *преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе* (Еф. I . 14. 19.).

Впрочемъ, вспомнимъ, что если мы не по имени токмо Христіане, но или есмы, или хотя желаемъ быть истинными послѣдователями Іисуса Христа: то имѣемъ и свой крестъ, по его заповѣди : *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мат. XVI. 24.). Поелику же нашъ крестъ долженъ быть подобіемъ Креста Христова: то не отрадно ли теперь помыслить, что и нашъ крестъ долженъ состоять изъ единыя любви? Такъ, Христіане, сей крестъ, отъ котораго міролюбцы бѣгутъ, какъ отъ мучителя, и отъ котораго самые крестоносцы не рѣдко стонутъ, но большею частію потому, что благое и легкое бремя Христово, по невѣдѣнію, малодушію, неопытности, увеличиваютъ собственными тяжестями, — сей страшный крестъ весь изъ любви — что можетъ быть утѣшительнѣе? — весь изъ любви состоять долженъ. Но, да принесетъ нынѣ каждый изъ насъ малый крестъ свой, и приложитъ къ великому Кресту Христову, дабы видѣть, сообразенъ ли оный своему первообразному: ибо мы должны вѣдать, что всякій крестъ, не подобный Кресту Христову, не вознесетъ насъ отъ земли, но падетъ и съ нами, и истрыется подъ нами въ дрова огню геенскому. И такъ воззримъ еще разъ на Крестъ Господень. Се

любовь Отца небеснаго распинаетъ за насъ единороднаго Сына Своего: какъ сообразуется сему наша любовь? Совершаемъ ли мы дѣло Авраама (Быт. XXII.), возношеніе на жертвенникъ любви Божіей всего намъ любезнаго, безъ колебанія, безъ остатка собственности, паче упованія? Се любовь Сына Божія сама предаетъ себя на распятіе не токмо Святѣйшей рукѣ Отца Своего, но и рукамъ грѣшниковъ: научила ли любовь и насъ неограниченной сей преданности судьбамъ Божіимъ, съ которою бы мы, какъ Исаакъ, всегда были готовы быть жертвою, для славы ли Божіей, для очищенія ли собственнаго, для блага ли ближнихъ? Се любовь Божія, изливающаяся Духомъ Святымъ, наполняетъ горняя и дольняя, объемлетъ время и вѣчность, дабы и ожестѣвшее и омертвѣвшее враждою противъ Бога растворить въ живоносную и блаженную любовь: умѣетъ ли и наша любовь побѣждать злое благимъ, благословлять клепущихъ, молиться за распинающихъ, и не знать никоднаго врага во всемъ мірѣ, хотя бы онъ не давалъ намъ никоднаго друга?—Не умножимъ сихъ вопрошеній. Здѣсь должна продолжать бесѣду—совѣсть каждаго, которая и возвѣститъ намъ, нынѣ, или нѣкогда, непремѣнно, или горе, ожидающее враговъ креста, или побѣду, миръ и славу его любителей, по суду закланнаго на крестѣ Агнца Божія, Ему же отъ всякаго созданія *благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ* (Ап. V. 13.). Аминь.

# 10. СЛОВО

### ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

*Христосъ воскресе!*

Сколь ни много уже разъ повторяли мы нынѣ, но и еще не утомляемся повторять, уповаемъ же, что и вы не утомляетесь такъ часто слышать одно и тоже слово: *Христосъ воскресе!*

Какое чудесное слово! Какъ измѣняется отъ него видъ всего, что существуетъ!

До сихъ поръ многіе изъ человѣковъ знали только землю, на которой они являются на краткое время, и вскорѣ скрываются, неизвѣстно, куда; иные нѣчто еще слыхали объ адѣ, какъ о пропасти, которая всѣхъ угрожаетъ поглотить, и никого не отдаетъ обратно; не многіе помышляли о небѣ, какъ о такомъ горнемъ жилищѣ, къ которому лѣствицу только во снѣ видѣлъ нѣкто, и только такую, по коей видны были восходящіе Ангелы Божіи, а человѣковъ не примѣчено.

Теперь, когда *Христосъ воскресе*, чѣмъ оказывается земля? — Она есть разсадникъ для неба;

кратковременная и разрушеніемъ оканчивающаяся жизнь человѣка въ тѣлѣ,—скажемъ словами то, что наблюдаемый между нами при взаимномъ изъявленіи радости воскресенія обрядъ выражаетъ вещію,—жизнь человѣка въ тѣлѣ есть начинающаяся жизнь птенца въ яицѣ, которому, по сокрушеніи скорлупы, открывается высшій и обширнѣйшій кругъ жизни; надобно только, чтобы зародышъ птенца объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ теплотою крови матерней; то есть, надобно, чтобы зародышъ небесной жизни въ человѣкѣ объятъ, проникнутъ и возбужденъ былъ животворящею силою крови Христовой.

Теперь, когда *Христосъ воскресе*, и когда Ему, яко Богочеловѣку, *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII. 18.), не только небо сдѣлалось досязаемымъ, но даже соединилось съ землею такъ, что трудно найти между ими предѣлъ и различіе; ибо и на земли является Божество, и на небеси человѣчество; Ангелы, которыхъ Іаковъ видѣлъ восходящихъ и нисходящихъ по лѣствицѣ небесной, теперь сонмами ходятъ по земли, какъ вѣстники Сына человѣческаго, Который владычествуетъ на небеси.

Что и адъ послѣ того, какъ, по сошествіи во адъ, *Христосъ воскресе?* Крѣпость, въ которую подъ видомъ плѣнника вошелъ побѣдитель; темница, у которой врата сокрушены, и стражи разсѣяны; вотъ подлинно, по изображенію Христову, чудовище, которое поглотило сверженнаго съ корабля Пророка; но, вмѣсто того, чтобы пожрать и истребить его, сдѣлалось для него другимъ, хотя не

столь покойнымъ, кораблемъ, чтобы вынести его на брегъ жизни и безопасности. Теперь становится понятнымъ, какъ надѣялся нѣкто чрезъ самый адъ пройти безопасно: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII. 4.),—Ты, Который для насъ, оставя небо, подобно намъ, ходилъ по земли, и, подобно намъ, низшелъ въ сѣнь смертную, дабы и оттолѣ проложить Твоимъ послѣдователямъ путь во свѣтъ жизни.

Наконецъ, и насъ самихъ не иными ли уже, противу прежняго, содѣлало Воскресеніе Христово? — Повѣримъ одному изъ вѣрныхъ свидѣтелей Воскресенія Христова, что и насъ оно переродило, если не самымъ дѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ, надеждою. *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа*, восклицаетъ Апостолъ Петръ, *Иже по многьй Своей милости порождей насъ во упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ* (1 Петр. I. 3.)!

Но, если мы порождены воскресеніемъ Христовымъ только еще *во упованіе*; а за нашимъ упованіемъ слѣдуетъ упованіе и всея твари, *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (Рим. VIII. 19.): то всѣ чудеса, которыя произвело воскресеніе Христово, суть только еще начатки дальнѣйшихъ чудесъ, которыя оно будетъ открывать въ продолженіи, особенно въ концѣ временъ, и даже въ безконечной вѣчности.

По симъ неистощимымъ чудесамъ, совершившимся, и долженствующимъ совершиться, воскресеніе

Хрістово есть для насъ источникъ размышленія, созерцанія, удивленія, радости, благодарности, надежды, всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто изъ него почерпаемъ; оно есть вѣчная новость. И по сему — то, сколь ни увѣрены мы другъ о другѣ, что каждому изъ насъ извѣстно воскресеніе Хрістово, еще однако желаемъ тысящекратно возвѣщать другъ другу, какъ неслыханную вѣсть, яко *Хрістосъ воскресе;* сколь ни удостовѣрены въ истинѣ сего событія, засвидѣтельствованнаго очевидцами Воскресшаго, доказаннаго знаменіями и чудесами, не оспоримаго врагами Христіанства, еще однако жаждемъ слышать подтвержденіе, яко *воистинну воскресе Хрістосъ.*

Если слово есть пища, по реченному, яко *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, живъ будетъ человѣкъ* (Втор. VIII. 3.): то слово о воскресеніи Хрістовомъ, подобно маннѣ, какъ изображаетъ ее Премудрый, есть *хлѣбъ всякое услажденіе въ себѣ имѣющій, и ко всякому сличный вкушенію* (Прем. XVI. 20.). Изнуренъ ли ты грѣхомъ, и алчешь правды? Пріиди, насыщайся: *Хрістосъ воскресе, Иже преданъ бысть за беззаконія наша, и воста за оправданіе наше* (Рим. IV. 25.). Утомленъ ли ты безотраднымъ игомъ закона, и желаешь прейти отъ сего рабства въ благодатную свободу? Приступи, вкуси пасху, тобою желаемую: *ибо пасха наша за ны пожренъ бысть Хрістосъ* (1 Кор. V. 7.); *свободою убо, еюже свободи насъ Хрістосъ, стойте, и не паки подъ игомъ работы дер-*

*житеся* (Гал. V. 1.). Недугуешь ли ты страхомъ смерти? Пріими врачество противъ сей болѣзни: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершихъ бысть* (1 Кор. XV. 20.). Изнемогаешь ли во брани противу враговъ твоего спасенія? *Вкуси добраго глагола* воскресенія, и въ немъ побѣдоносной *силы грядущаго вѣка; воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его* (Псал. LXXVII. 2.)! Прельщаетъ ли тебя ложный вкусъ душевный, и побуждаетъ искать пищи желаніямъ въ тлѣнныхъ и суетныхъ вещахъ міра? Исправь оный причастіемъ силы воскресенія: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Кол. III. 1.). Или уже и *возжадала душа твоя къ Богу крѣпкому, живому*, и томится желаніемъ, *когда пріидешь и явишься лицу Его* (Псал. XLI. 3.)? Живое упованіе воскресенія и утолитъ томленіе сея жажды, и сохранитъ самую жажду, яко здравую и спасительную, представляя уму, что *егда Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. III. 4.).

Видишь, Христіанинъ, какое обиліе, какое разнообразіе духовной пищи представляетъ намъ Пасха наша, воскресшій Христосъ. Питается ли теперь ею душа твоя? Дѣйствительно ли *вкушаешь* ты, *яко благъ Господь?* Ощущаешь ли въ себѣ внутренно силу воскресенія Христова, разрѣшающую отъ грѣховъ, и отъ проклятія за нихъ, низлагающую страсти и похоти ветхаго человѣка, созидающую въ тебѣ сердце чистое, и духъ правый обновляющую во утробѣ твоей, подкрѣпляющую тебя въ вѣрѣ и надеж-

дѣ, воспламеняющую любовію къ Жизнодавцу? Или при самой трапезѣ Господней ты гладенъ и жаждущъ, и душа твоя не услаждена и пуста?—Впрочемъ, не хотимъ чрезъ сіе испытаніе привести тебя въ смущеніе и уныніе. Нѣтъ! Хотя печаль, яже по Бозѣ, спасительна: но теперь не время печали, а радости, которая также можетъ имѣть свое спасительное дѣйствіе: *ибо радость Господня, сія есть сила наша* (Неем. VIII. 10.). И такъ, вкусилъ ли ты благости Воскресшаго? *Да возрадуется душа твоя о Господѣ* (Псал. XXXIV. 9.), и сія радость да подвигнетъ тебя къ тѣснѣйшему съ Нимъ соединенію. Не вкусилъ ли еще ты благости Его? Все однако возрадуйся, что Онъ не отлучаетъ тебя отъ сего вкушенія, но и призываетъ къ сему, дая тебѣ слышать благовѣстіе Своего воскресенія, и быть между собравшимися во имя Воскресшаго, гдѣ, по обѣтованію Своему, и *Онъ посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.). Если чувствуешь себя и недостойнымъ радости: возрадуйся о той дивной благости, которая и недостойнаго не отчуждаетъ отъ участія въ радости. Радость же о воскресеніи Господа нашего да введетъ во всѣхъ насъ и силу воскресенія Его животворную и спасительную. *Ибо радость Господня, сія есть сила наша.* Аминь.

# 11. СЛОВО

## въ день святыя пасхи.

Христосъ воскресе!

*Тогда отверзе имъ умъ.* Лук. XXIV. 45.

Пусвих.

Сколько храминъ отперто, сколько дверей отворено нынѣ однимъ *ключемъ Давидовымъ*, и однимъ его движеніемъ!

Въ домѣ укрѣпляютъ и запираютъ двери, чтобы не допустить татя, или чтобы удержать буйнаго домочадца. Такъ и въ домѣ Божіемъ. Когда воздѣлыватель и стражъ рая Божія похитилъ плодъ съ древа познанія: тогда онъ изгнанъ, рай отъ него запертъ, и у входа поставленъ сильнѣйшій его стражъ съ пламеннымъ оружіемъ. А поелику, сверхъ того, преступника надлежало наказать, притомъ и послѣ его изгнанія продолжалъ господствовать въ родѣ его духъ преступническій и мятежный: то

какъ онъ, такъ и его потомки, одинъ по другомъ, чрезъ дверь смерти, препровождаемы были въ темницу, гдѣ заключались не на дни, но на вѣки. Отсюда само-собою видно и то, какъ загражденъ и заключенъ былъ отъ недостойнаго домочадца самый домъ Господень, то есть, небо, къ которому надлежало итти чрезъ садъ Едемскій.

Наконецъ Единородный Сынъ Домувладыки небеснаго, по Его милосердію и по Своему человѣколюбію, приходитъ освободить заключенныхъ, и возвратить изгнанныхъ. *Ключъ Давидовъ*, отпирающій всѣ двери, есть Богочеловѣчество І. Христа, Которымъ какъ Божество проникаетъ во всѣ состоянія человѣчества, такъ и человѣчество входитъ во внутренняя Божества. Всеотверзающее движеніе сего ключа есть воскресеніе Христово. Имъ отверзается темница, и отдаетъ заключенныхъ; отверзается рай, и пріемлетъ изгнанныхъ; отверзается небо, и ожидаетъ избранныхъ. Что сказалъ я теперь во уши ваши, то говоритъ церковь и глазамъ вашимъ, представляя вамъ здѣсь, во все продолженіе настоящаго праздника, отверзтыя двери къ престолу Божественныхъ таинствъ.

Примѣтимъ и еще дверь, которую тотъ-же ключъ Давидовъ, и въ то же время, отверзаетъ, дверь, можетъ быть, не большую, но которая ведетъ въ великую сокровищницу Божію. *Тогда отверзе имъ умъ*, пишетъ святый Евангелистъ. Тогда отверзъ Господь умъ Апостоламъ. Когда? Тогда, какъ воскресъ, явился имъ, показалъ имъ раны Свои, яде

предъ ними, когда совершенно утвердилъ вѣру ихъ во Свое воскресеніе. *Тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія; и рече имъ: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима.* Да отверзется умъ каждаго слышащаго сіе, дабы принять открывающуюся важную истину, что воскресеніе Христово, и вѣра въ сіе воскресеніе, отверзаетъ заключенный умъ человѣческій къ истинному разумѣнію высокихъ и спасительныхъ предметовъ знанія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ давно уже *начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (Матѳ. IV. 17.)! И ранѣе всѣхъ прочихъ начали слушать сію проповѣдь Апостолы. Какъ давно и сами они посланы съ такою же проповѣдію: *ходяще, проповѣдуйте глаголюще: яко приближися царствіе Божіе* (Мат. X. 7.)! Итакъ они долго и слушали проповѣдь о покаяніи и о царствіи Божіемъ, и сами о семъ проповѣдывали: но еще умъ ихъ былъ заключенъ? Почти не вѣроятно, и однако, по слову Господню, справедливо. Не прежде, какъ по воскресеніи своемъ, — *тогда отверзе имъ умъ, разумѣти писанія*, и уже какъ разумѣвающимъ, *рече имъ: яко тако подобаше проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ.* До сего времени они знали покаяніе, какъ подвигъ: теперь глубже познаютъ *покаяніе во имя Іисуса*, какъ духъ и силу подвига. Они знали по-

каяніе болѣе, какъ нужду и должность: теперь совершеннѣе познаютъ его плодъ и награду, *отпущеніе грѣховъ*. Они могли проповѣдывать *приближеніе* царствія небеснаго: теперь могутъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ его явленіи предъ ними и въ нихъ самихъ.

Какъ рано также, какъ многократно и какъ подробно предсказалъ Господь Апостоламъ и страданіе Свое и воскресеніе! Иногда облекалъ Онъ сіе предсказаніе притчею, какъ на примѣръ, когда сказалъ Іудеямъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоа. II. 19.). Они при сихъ словахъ думали о храмѣ: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (21.). Впрочемъ и притча о семъ была у него иногда почти столько же понятна, какъ простое слово, какъ на примѣръ: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Матѳ. XII. 40.). Но сего не довольно. Такъ говорилъ Онъ при Апостолахъ постороннимъ, а самимъ Апостоламъ неоднократно говорилъ о семъ безъ притчи, ясно, точно, подробно, на примѣръ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и скончаются вся писанная Пророки о Сынѣ человѣчестѣ; предадятъ бо Его языкомъ, и поругаются Ему, и укорятъ Его, и оплюютъ Его, и бивше убіютъ Его, и въ третій день воскреснетъ* (Лук. XVIII. 31—33.). Можно ли говорить яснѣе? Можно ли, кажется, не понять сего? И не ужели, скажете вѣроятно, не ужели сего не поняли? Святый Евангелистъ предвидѣлъ сіе сомнѣніе; и потому съ особеннымъ напряженіемъ слова удостовѣряетъ, что подлинно не поняли. *И*

тіи, говоритъ онъ, то есть, Апостолы, *ничесоже отъ сихъ разумѣша, и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ, и не разумѣваху глаголемыхъ.* Другой Евангелистъ повѣствуетъ, что нѣкогда, услышавъ отъ Господа о воскресеніи Его, Апостолы такъ затруднились въ разумѣніи словъ Его, что, какъ будто на неразрѣшимой притчѣ, остановились на нихъ, и состязались между собою о ихъ знаменованіи. *И слово удержаша въ себѣ стязающеся, что есть, еже изъ мертвыхъ воскреснути* (Марк. IX. 10.). Итакъ, точно не прежде, какъ по воскресеніи Господа,—*тогда отверзе имъ умъ разумѣти писанія, яко тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день.*

Опасаюсь, что, не смотря на столь ясныя свидѣтельства Евангельскія, столь закрытое состояніе ума въ Апостолахъ прежде воскресенія Христова, и столь внезапное озареніе цѣлой области разумѣнія ихъ однимъ лицезрѣніемъ воскресшаго Христа, будетъ для нѣкоторыхъ глаголомъ сокровеннымъ. О, если бы Господь и намъ отверзъ умъ, — сказать нѣчто вразумительное, и услышать нѣчто наставительное о томъ, какъ отверзается умъ свѣтомъ воскресшаго Христа и вѣрою въ Него!

Слово Божіе умъ называетъ окомъ, разумѣніе видѣніемъ, невѣдѣніе слѣпотою, какъ на примѣръ въ семъ изреченіи Господа: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ.* (Іоа. IX. 39.). Извѣстно, что пришествіе Христово въ міръ никого не сдѣлало слѣпымъ глазами, но многіе ока-

зались во время онаго слѣпы умомъ. Послѣдуемъ же указанію слова Божія на состоянія и дѣйствія ума чрезъ состоянія и дѣйствія ока. Око видитъ вещи, частію по свойству самыхъ вещей, какъ на примѣръ: свѣтъ видитъ свѣтлымъ; частію по образу своего устроенія, и по своему особенному состоянію, какъ на примѣръ: око слѣпаго, постепенно отверзаемое, *сперва видитъ человѣки, яко древіе ходлища*, по совершенномъ же исцѣленіи, *зритъ ясно все*; частію по дѣйствію общаго посредствующаго между зрителемъ и зримыми вещами свѣта, какъ на примѣръ: иное видѣть вещи при свѣтѣ лунномъ или звѣздномъ, а иное—при солнечномъ. Подобно сему духовное око видитъ духовные предметы, или, иначе сказать, умъ разумѣваетъ ихъ, частію по свойству самыхъ предметовъ,—такъ *невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* умомъ; частію по образу своего внутренняго устроенія и по своему особенному состоянію: такъ младенчествующій умъ видитъ предметы болѣе чувственно, поверхностно, большею частію безъ союза и порядка въ понятіяхъ, а умъ образованный видитъ менѣе чувственно, болѣе углубляется въ предметы, и открываетъ между ими союзъ и порядокъ; частію по дѣйствію посредствующаго между умомъ и предметами свѣта, который можетъ быть или естественный, или сверхъестественный, или свойственный міру, въ которомъ мы живемъ, смѣшенный изъ чувственнаго и духовнаго, или чисто духовный и даже Божественный, по реченному: *во свѣтѣ Твоемъ, Господи, узримъ свѣтъ.* Устроеніе

ока тѣлеснаго не ко многимъ родамъ и степенямъ свѣта приспособлено, такъ что нѣкоторое уменьшеніе свѣта лишаетъ оное силы видѣнія, и нѣкоторое увеличеніе свѣта ослѣпляетъ оное. Устроеніе ума, какъ орудія духовнаго, несравненно пространнѣе и разнообразнѣе. Одинъ и тотъже умъ человѣческій можетъ сдѣлаться или своего рода нощною птицею, которой только темнота даетъ зрѣніе, и у которой свѣтъ отъемлетъ оное, или звѣремъ, который при лунномъ и звѣздномъ свѣтѣ ходитъ восхитить пищу себѣ, или, какъ свойственно человѣческому естеству, при свѣтѣ дня дѣлать дѣло свое и разсматривать многообразныя красоты міра. Онъ нисходитъ, и заключается въ области чувственной; восходитъ, и становится способнымъ къ свѣту духовному, очищается и отверзается для принятія свѣта Божественнаго.

Кто желаетъ видѣть духовные предметы, для того, безъ сомнѣнія, не довольно открыть глаза тѣлесные и зажечь свѣтильникъ тѣлеснаго свѣта. Чѣмъ возвышеннѣе предметы видѣнія, тѣмъ возвышеннѣе должно быть состояніе ока и свѣтъ, который ему посредствуетъ въ видѣніи. Слѣдственно для созерцанія предметовъ Божественныхъ потребенъ и свѣтъ Божественный, и устроеніе ума съ тѣмъ сообразное. *Во свѣтѣ Твоемъ*, Господи, *узримъ свѣтъ*.

Слово Божіе, тайны царствія Божія, спасительное ученіе и спасительныя дѣла Хрістовы, безъ сомнѣнія, суть предметы Божественные: слѣдственно, чтобы созерцать оные ясно и чисто, потребенъ че-

ловѣку свѣтъ Божественный, свѣтъ Хрістовъ, свѣтъ Духа Святаго и отверзтіе ума силою сего свѣта. Доколѣ сіе не совершилось въ человѣкѣ, дотолѣ онъ, хотя и слышитъ слово Божіе, и даже видитъ его дѣйствующимъ, не постигаетъ его пространства, высоты и глубины, поелику духовное око его стоитъ въ низшемъ свѣтѣ естественномъ, и къ сему только свѣту приспособлено. Вотъ почему Апостолы послѣ того, какъ уже видѣли тѣлесными очами воскрешеніе сына вдовы Наинской, не могли еще возвыситься созерцающимъ умомъ до разрѣшенія вопроса: *что есть, еже изъ мертвыхъ воскреснути.* Вотъ почему и Господь сказалъ Апостоламъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ.* Когда же, Господи, могутъ они носити слово Твое и разумѣти дѣла Твоя? Онъ отвѣтствуетъ: *егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоа. XVI. 12. 13.). Но что препятствуетъ скорѣе пріити Духу истины? Опять отвѣтствуетъ Евангеліе: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ.* Наконецъ Онъ воскресаетъ. Вмѣсто того, что до сего времени Божественное въ Немъ погружалось въ человѣческое, съ сего времени человѣческое въ Немъ восходитъ въ Божественное. Такимъ образомъ отверзается Его человѣчество и преисполняется уже не сокровеннымъ, но являемымъ свѣтомъ Божества, и разливаетъ оный окрестъ себя; Богочеловѣкъ является солнцемъ всего человѣчества, и начинаетъ раздѣлять облака и мракъ, облежащій оное; Божественный свѣтъ Его ударяетъ въ очи, которыя вѣра въ

Его воскресеніе отверзла и устремила къ созерцанію, и еще отверзаетъ оныя, или возвышаетъ къ новому, небесному, Божественному зрѣнію или разумѣнію слова Божія и дѣлъ Божіихъ. *Тогда отверзе имъ умъ разумѣти.*

Если сіе отверзтіе ума, или духовное озареніе, представляется скорымъ и внезапнымъ, сіе не только не должно казаться страннымъ, но и весьма свойственно свѣту, особенно духовному. Солнце, когда восходитъ, отверзаетъ цѣлый міръ разнообразныхъ красотъ: удивительно ли, что и свѣтъ благодатный, свѣтъ Духа Святаго, котораго дѣйствіе *въ сердцахъ* Апостолъ уподобляетъ *дню озаряющему и денницѣ возсіявающей* скоро и внезапно отверзаетъ безпредѣльную область духовнаго разумѣнія. Впрочемъ какъ естественный свѣтъ, такъ и свѣтъ Божественный, — имѣютъ въ отношеніи къ освѣщаемымъ свою зарю и свой полный день: для Апостоловъ ясная заря взошла тогда, когда Господь *дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ святъ* (Іоа. XX. 22.); полный же день открылся въ сошествіи Святаго Духа въ огненныхъ языкахъ.

Но, если око наше еще слабо, чтобы въ полнотѣ наслаждаться свѣтомъ, которымъ воскресшій Господь отверзаетъ умы: обратимъ на минуту взоры на противоположную оному тьму, чтобы тѣмъ паче возлюбить *чудный* поистинѣ *свѣтъ*, въ который мы призываемся. Посмотрите, какъ въ то самое время, когда вѣра въ воскресшаго отверзаетъ умъ Апостоловъ, невѣріе въ воскресшаго заключаетъ умъ Іудеевъ во тьму осязаемую, до невѣроятности гру-

бую. Что думаютъ, что говорятъ они о воскресеніи Господа? *Промчеся слово сіе въ Іудеехъ даже до сего дне.* Какое слово? — слово, которому ихъ Архіереи со старцами научили воиновъ, стражей гроба Господня: *ученицы Его нощію пришедше украдоша Его, намъ спящимъ* (Матѳ. XXVIII. 13.). Итакъ сіе-то слово промчалось между Іудеями, и они ему повѣрили? Возможно ли? Какъ можно было украсть Его, когда вы окружили гробъ Его воинами? Они спали, говорятъ Іудеи. Военные стражи спали? Такъ, по мнѣнію Іудеевъ. Не ужели всѣ до одного? Такъ. Не ужели ни одинъ не проснулся, когда для взятія тѣла необходимо было отвалить камень *велій зѣло*, для чего потребно было нѣсколько человѣкъ, и что не могло быть безъ шума? Ни одинъ не проснулся. Но кто же свидѣтельствуетъ о томъ, что тѣло украдено? Тѣ же стражи. Какъ? тѣ же стражи, которые спали и не проснулись, свидѣтельствуютъ о томъ, что произошло во время сна ихъ, и чего они не слыхали? Кто можетъ имѣть дерзость разглашать такую баснь? Невѣрующіе Іудеи. Кто можетъ имѣть безуміе вѣрить ей? Невѣрующіе. Спросимъ еще, какъ могло статься, чтобы ученики Іисуса, которые, при первомъ видѣ предстоящей Ему опасности, обратились въ бѣгство, — какъ могло статься, чтобы они рѣшились на дерзкое и безполезное предпріятіе, — украсть тѣло умершаго Учителя своего изъ гроба запечатаннаго и окруженнаго стражею, по повелѣнію правительства? Невѣріе не разсуждаетъ; оно мчитъ по всему свѣту слова, которыя ему нравятся потому только, что дышатъ невѣріемъ. Но

если сдѣлалось извѣстно, что сдѣлано похищеніе изъ-за стражи, изъ-подъ печати правительства, и похитители извѣстны: то преданы ли суду стражи и похитители? Отнюдь нѣтъ. Военный начальникъ стражей не заботится, стражи безпечальны, мнимые похитители не менѣе осьми дней остаются въ Іерусалимѣ, и никто изъ строгихъ до сего времени начальниковъ Іудейскихъ не требуетъ ихъ къ суду за столь важное похищеніе. Возможно ли, чтобъ и послѣ сего баснь о похищеніи тѣла Іисусова еще носилась между Іудеями, какъ нѣчто достойное выслушанія? Возможно, потому что закоснѣлый въ невѣріи умъ, какъ нощная птица, видитъ только во тьмѣ невѣрія, любитъ только свои грезы, и убѣгаетъ отъ свѣта истины, который жжетъ ему глаза. *Промчеся слово сіе во Іудеехъ даже до сего дне.*

Христіане! Воскресшій Христосъ отверзъ умъ Апостоламъ, и чрезъ вѣру просвѣтилъ ихъ свѣтомъ Божественнымъ, не для нихъ только самихъ, но и для того, чтобы они отверзли намъ умъ, и чтобъ мы чрезъ вѣру сдѣлались сынами свѣта. Онъ допустилъ, чтобъ и до насъ донеслось нелѣпое слово, обличающее крайнюю слѣпоту невѣрующихъ Іудеевъ, дабы мы страшились невѣрія. Не говорите съ Ѳомою: *аще не вижу, не имамъ вѣры.* Помните слова Господа: *вѣруеши, больша сихъ узриши; блажени невидѣвшіи и вѣровавше. Вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (Іоан. XII. 36.). Вѣра и любовь да привлекутъ къ вамъ возсіявшій отъ гроба свѣтъ животный; сей свѣтъ да отверзетъ умъ вашъ, къ разумѣнію таинъ вашего спасенія, и сердце — къ

ощущенію царствія Божія, которое внутрь васъ есть; въ отверзтомъ царствію Божію сердцѣ да отверзется вамъ и рай и небо. Да не затворимъ сами отъ себя грѣхомъ и невѣріемъ того, что для насъ отверзаетъ ключъ Давидовъ. Аминь.

# 12. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Хрістосъ Воскресе!

Еще Богъ привелъ насъ узрѣть сего царя дней, сію главу праздниковъ. Благословенъ, положивый времена и лѣта во своей власти!

Воистинну, день воскресенія Хрістова есть царь дней: ибо какъ отъ благотворной власти царя пріемлютъ подданные безопасность, миръ, достоинство; такъ отъ благотворной силы дня воскресенія Хрістова пріемлютъ всѣ прочіе дни безопасность и миръ: ибо иначе мы были бы *страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни работать;* — пріемлютъ достоинство: ибо каждый день рожденія, жизни, смерти каждаго изъ насъ, былъ бы достоинъ проклятія, если бы не благословились всѣ они днемъ воскресенія Хрістова. Можетъ быть, для сего-то между прочимъ свѣтъ неблагословенныхъ дней погасъ во мгновеніе смерти Іисусъ — Хрістовой, чтобы изъ Его смерти и воскресенія возсіялъ новый свѣтъ дней благословен-

ныхъ, чудеснымъ образомъ освѣщающій какъ всѣ грядущіе, такъ и всѣ прошедшіе вѣки. И прошедшіе, говорю: ибо Авраамъ, за столь многіе вѣки до дня воскресенія Христова, наслаждался свѣтомъ не тѣхъ дней, которые тогда видѣлъ, но сего дня, котораго по вѣрѣ ожидалъ, какъ сказуетъ самъ Іисусъ Христосъ Іудеямъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой; и видѣ, и возрадовался* (Іоа. VIII. 56.); видѣлъ же онъ сей вожделѣнный день особенно тогда, когда Исаака, въ теченіе трехъ дней приносимаго въ жертву въ сердцѣ намѣреніемъ, наконецъ дѣйствительно на жертвенникѣ, на дровахъ всесожженія, подъ жертвеннымъ ножемъ, подъ смертоносною рукою лежащаго, по выраженію Апостола, *въ притчи пріятъ* (Евр. XI. 19.), то есть, вновь получилъ живаго, въ предзнаменованіе будущаго изъ мертвыхъ воскресенія Христова, тридневнаго, послѣ видимаго на крестѣ закланія и внутренняго всесожженія. А дабы день воскресенія Христова освѣщалъ грядущіе по немъ дни и вѣки, смотрите, какъ даетъ ему неоскудѣвающій свѣтъ само Солнце правды—Іисусъ Христосъ, когда говоритъ сынамъ свѣта, Апостоламъ: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоа. XVI. 22.). Если никто не похититъ сея радости: то очевидно, что она сіять будетъ во всѣ грядущіе дни и вѣки.

Христіане, сыны свѣта, хотя, можетъ быть, меньшіе! О, если бы сей день, который Авраамъ радъ былъ видѣть, и который Апостоламъ принесъ радость неотъемлемую, съ каждымъ возвращеніемъ

своимъ приносилъ намъ новое приращеніе свѣта духовнаго, новое утвержденіе въ радости спасенія!

Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется, что я *ожесточаю просити*, — слишкомъ многаго желаю и требую, чтобы свѣтъ и радость воскресенія Христова всегда возрастали въ насъ, между тѣмъ какъ начало ихъ всегда есть одно и тоже, а потому и дѣйствуетъ одинаково, даже, по видимому, дѣйствуетъ на насъ не всею полнотою силы, какою дѣйствовало на Апостоловъ; поелику они сами слышали обѣтованіе радости, и сами видѣли Воскресшаго, сообразно съ обѣтованіемъ. На сей случай выслушайте мое оправданіе; надѣюсь оправдаться скоро.

Вникните въ обѣтованіе радости, данное Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше.* По нашему понятію, надлежало бы сказать: вы Меня увидите, и возрадуется сердце ваше; ибо мы радуемся тогда, когда мы видимъ, кого любимъ: а то, что видитъ насъ онъ, можетъ для насъ оставаться безъ всякаго дѣйствія; ибо когда не видимъ его мы, тогда не отъ чего возрадоваться сердцу нашему. Вопреки сему Господь сказалъ: Я увижу васъ, и возрадуется сердце ваше; — такъ какъ бы все дѣло зависѣло отъ того, что Онъ увидитъ учениковъ своихъ, и какъ бы не было никакой примѣчательной разности въ томъ, увидятъ ли они Его, или нѣтъ. Что же хочетъ сказать чрезъ сіе Премудрость Божія? — То, что какъ свѣтъ сего видимаго міра исходитъ отъ солнца, которое есть око сего міра: такъ свѣтъ

душъ и радость сердецъ исходитъ изъ очей Сына Божія Іисуса Христа, Который есть Солнце міра невидимаго; что, какъ солнце, когда восходитъ и зритъ на землю, симъ самымъ даетъ благотворный свѣтъ земнымъ существамъ, поколику каждое изъ нихъ способно принимать оный: такъ Богочеловѣкъ Іисусъ, когда призираетъ на души и сердца, —особенно послѣ того, какъ Онъ въ истинную весну и новое утро міра восшелъ отъ земли въ прославленномъ уже Своемъ человѣчествѣ, которое, бывъ возвышено чрезъ страданія, сдѣлалось, такъ сказать, прозрачнымъ для живущаго въ немъ исполненія Божества, и котораго язвы суть отзерстыя двери Божественнаго свѣта,—таковымъ своимъ присутствіемъ даруетъ благодатный свѣтъ душамъ, и радость сердцамъ, по мѣрѣ ихъ духовной способности принимать оный, то есть, по мѣрѣ вѣры и любви; что, какъ наслажденіе свѣтомъ солнца не зависитъ опредѣлительно отъ того, видитъ ли кто надъ собою кругъ солнца, или нѣтъ, но и тотъ, кто для сего не возводитъ и не напрягаетъ ока, пользуется свѣтомъ, и даже тотъ, кто сидитъ въ тѣни, или стоитъ подъ облакомъ: такъ наслажденіе свѣтомъ Христовымъ и радостію о Господѣ не привязано къ тому необходимо, зритъ ли кто Христа, образно являющагося, тѣлеснымъ даже очамъ, но и тотъ, кто не дерзаетъ возвести взора на высоту славы Его, по смиренію, и тотъ, кто стоитъ подъ облакомъ вѣры, и тотъ, кто покоится въ тѣни надежды, также могутъ наслаждаться духовнымъ свѣтомъ и небесною радостію, и еще иногда безопаснѣе, нежели

зритель необыкновенныхъ явленій, для которыхъ надобно имѣть орлиное око, чтобы не быть омрачену избыткомъ свѣта. И такъ подлинно, въ отношеніи къ радости о Господѣ, все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узрѣлъ насъ воскресшій Господь; и нѣтъ никакой примѣчательной разности въ томъ, узрѣли ль Его мы очами тѣлесными, или нѣтъ: величайшая же важность заключается въ томъ, чтобы Господь узрѣлъ насъ не только неомрачаемымъ окомъ Своего вездѣсущія и всевѣдѣнія, которымъ Онъ проницаетъ все, и отъ котораго въ самой мрачной глубинѣ ада самая черная мысль утаиться не можетъ, но чтобы узрѣлъ Онъ насъ свѣтлымъ и свѣтодательнымъ окомъ благодати, пламеннымъ и воспламеняющимъ окомъ любви, которымъ Онъ взираетъ не на всѣхъ безъ различія, но по выбору, какъ узрѣлъ по воскресеніи своемъ Мvроносицъ и Апостоловъ. Впрочемъ изъ самаго сего выбора, по милосердію Своему, не исключаетъ Онъ никого, если кто самъ себя не исключитъ изъ онаго. Не ожидаетъ, чтобы мы искали взора благодати Его, но, предваряя насъ, ищетъ между нами Самъ, на кого бы могъ воззрѣть взоромъ благодати, и Самъ указуетъ намъ то положеніе, въ какое намъ должно стать, чтобы взоръ Его могъ на насъ успокоиться. *На кого воззрю?* взываетъ Онъ чрезъ Пророка, *токмо на кроткаго и молчаливаго*, или сокрушеннаго духомъ, *и трепещущаго словесъ Моихъ* (Иса. LXVI. 2.). Если не можешь болѣе, имѣй только кротость, сокрушеніе духа, страхъ Божій: и Господь воззритъ на тебя, по закону избранія, который Онъ самъ Себѣ поло-

жилъ, и объявилъ всѣмъ намъ; а за симъ и на тебѣ, также какъ на Апостолахъ, исполнитъ Онъ данное и тебѣ въ лицѣ ихъ обѣтованіе: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше.*

Чтобы повѣрить сіе размышленіе несомнѣннымъ опытомъ, воззримъ на первыхъ и ближайшихъ причастниковъ радости воскресенія Христова, которыхъ разнообразные опыты даютъ намъ сколько твердыхъ доказательствъ для удостовѣренія въ семъ вожделѣнномъ событіи, столько же вѣрныхъ наставленій для спасительнаго и блаженнаго участія въ ономъ. Радость ихъ о воскресеніи была ли необходимо привязана къ видѣнію Воскресшаго, тѣлеснымъ образомъ? Лишеніемъ сего видѣнія оправдывалось ли у нихъ уменьшеніе радости? Не противное ли сему показываютъ ихъ приключенія? Вы напомните мнѣ при семъ слово Іоанна: *возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа.* Такъ; но, еще прежде ихъ, Мироносицы не радовались ли уже великою радостію, не видавъ Его? *Изшедше*, пишетъ святый Матѳей, *скоро отъ гроба со страхомъ и радостію веліею, текостѣ возвѣстити ученикомъ Его* (XXVIII. 8.). Ѳома думалъ, что онъ въ правѣ домогаться видѣнія, и успѣлъ въ своемъ домогательствѣ: правда, что сіе привело его не только въ радость, но и въ восторгъ; однако подлинно ли сіе особенное видѣніе сдѣлало его особенно счастливымъ? Совсѣмъ иначе судилъ самъ Датель видѣнія; Онъ упрекнулъ Ѳому видѣніемъ, и ублажилъ не видѣвшихъ. *Видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоа. XX. 29.). А быть блаженну, безъ сомнѣнія, есть нѣчто выше

мгновенныхъ восторговъ, и совершеннѣе радости. И Апостолъ Петръ, какъ самовидѣцъ Воскресшаго, зная цѣну его видѣнія, приписываетъ однако самый высокій степень радости вѣрующимъ безъ видѣнія. *Егоже,* говоритъ, *не видѣвше любите, и на Негоже нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуетеся радостію неизглаголанною и прославленною: пріемлюще кончину вѣръ вашей, спасеніе душамъ* (1 Петр. 1. 8.).

Такимъ образомъ, надѣюсь, доказано, что начало внутренняго свѣта и духовной радости, заключенное въ воскресеніи Хрістовомъ, и на насъ, не видѣвшихъ Господа, можетъ дѣйствовать всею полнотою силы своея, какою дѣйствовало на самовидцевъ и слугъ бывшихъ *Словесе.* Если же ихъ опыты покажутъ намъ и то, что сія радость не только сохранялась въ нихъ сообразно съ обѣтованіемъ, что *никтоже возметъ ея,* но, для сего самаго качества неотъемлемости, должна была въ нихъ возрастать и совершенствоваться: то чрезъ сіе докажется, что не есть излишняя взыскательность желать и требовать, чтобы радость сія и въ насъ не только не оскудѣвала, но еще всегда возрастала, какъ свѣтъ утра, даже до полнаго дня внутренняго просвѣщенія отъ Духа Святаго, даже до невечерняго дня царствія Хрістова. И такъ — еще взоръ на опыты очевидныхъ свидѣтелей воскресенія Хрістова.

Когда, по сказанію Евангелиста, *возрадовашася ученицы, видѣвше Господа,* сіе не было еще высокимъ степенемъ и совершенствомъ радости: по-

елику, какъ дополняетъ другой Евангелистъ, она смѣшана была въ началѣ съ невѣрованіемъ, и для своего утвержденія требовала еще болѣе чувственнаго доказательства воскресенія. *Еще же не вѣрующимъ имъ отъ радости и чудящымся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ? — И вземъ, предъ ними яде* (Лук. XXIV. 41. 43.). Но когда они, разставшись съ Господомъ, возносящимся на небо, *поклонишася Ему, и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою:* не видите ли, что радость въ нихъ сдѣлалась гораздо возвышеннѣе и сильнѣе прежней; ибо и разлученіе съ Виновникомъ радости не уменьшаетъ ея, но представляетъ *великою* паче прежняго? Наконецъ посмотрите далѣе, какъ тѣ же Апостолы *идяху радующеся отъ лица собора* Іудейскаго, *яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти*: вотъ радость еще болѣе возвышенная и сильная, и подлинно неотъемлемая, когда ни вражда, ни гоненіе, ни безчестіе, ни раны, не могли нарушить ея.

И такъ, возвращаюсь къ моему желанію: о, если бы радость настоящаго дня содѣладась для насъ радостію жизни, всегда возрастающею, какъ жизнь юности, и никогда не старѣющеюся, какъ жизнь небесная!

Но какъ сіе сдѣлать? — спросятъ, вѣроятно. Какъ сіе сдѣлать! Какъ сдѣлать то, чтобы радость, по началу своему вѣчная, не была кратковременною! Какъ сдѣлать, чтобы радость, по своимъ послѣдствіямъ безконечная и безпредѣльная, возрастала и увеличивалась на пути къ своей безконечности и безпре-

дѣльности! Мнѣ кажется, не то трудно, какъ сіе сдѣлать; но труднѣе понять то, какъ дѣлается иначе. Только не препятствуйте Божественной радости, только не изгоняйте, или не подавляйте ея: она будетъ сама-собою продолжаться, возрастать, совершенствоваться, доколѣ наконецъ превратится въ блаженство.

Въ книгѣ Пророка Іоиля есть примѣчательное изреченіе о томъ, какъ люди теряютъ радость, и подвергаются скорбямъ и бѣдствіямъ. *Виноградъ изсше, и смоквы умалишася: шипки и финикъ, и яблонь, и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человѣчи* (I. 12.). Чистая радость есть благородная и цѣломудренная дѣва, которая имѣетъ неразлучною спутницею чистую совѣсть, которая можетъ быть въ обществѣ только съ тѣми, которыхъ и поступки непорочны, и слова скромны, и намѣренія чисты и возвышенны. Какъ скоро вы позволяете себѣ дѣла порочныя, слова праздныя и легкомысленныя, намѣренія нечистыя и низкія; она тонко примѣчаетъ сіе, и ея благородство посрамляется, ея цѣломудріе стыдится, и она убѣгаетъ и скрывается отъ васъ. Если грубое и безумное веселіе міра заступаетъ ея мѣсто: тѣмъ хуже. Мщеніе небесное, за оскорбленіе небесной радости, посылаетъ проклятіе на всѣ источники радости земной. *Виноградъ изше, и смоквы умалишася: шипки и финикъ и яблонь и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человѣчи.*

Сынове человѣчи! или, лучше, сынове Божіи во Христѣ! Не посрамимъ радости небесной и Боже-

ственной житіемъ нечистымъ и дѣлами грубой чувственности, *да дастъ* Богъ *веселіе въ сердца наши* лучшее, нежели у тѣхъ, у которыхъ *плоды пшеницы, вина и елея умножишася*, и да *никтоже возметъ радости* нашея о воскресшемъ и вѣчно живущемъ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ. Аминь.

# 13. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

*Хрістосъ воскресе!* — Сказавъ сіе, что могу сказать вамъ болѣе? Все сказано.

Надобно ли основать вѣру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просвѣтить мудрость, воскрилить молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, зло, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава — не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая, и никого не поражающая? — На все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: *Хрістосъ воскресе.*

*Аще Хрістосъ не воста, суетна вѣра ваша* (1 Кор. XV. 17.), признается одинъ изъ несуетныхъ Проповѣдниковъ вѣры. Какое разрушительное предположеніе! Но чѣмъ болѣе оно разрушительно; тѣмъ болѣе созидательна противоположная оному истина: понеже Хрістосъ воста, то вѣра наша и непоколебима, и спасительна. Вѣруетъ и язычникъ, но мертвымъ божествамъ, или тварямъ,

также, какъ самъ онъ, смертнымъ и тлѣннымъ: какъ же можетъ быть прочна вѣра, когда божество ея тлѣнно, или живоносна, когда оно мертво? Вѣруетъ Іудей, и вѣруетъ Богу живому, но по *писмени* закона, которое грѣшника *убиваетъ*, а воскресить не можетъ: чего ждать отъ сея вѣры, кромѣ того, что мы отъ нея видимъ? Она убила христоубійственный народъ Іудейскій, разсыпала кости его по вселенной, и съ нимъ вмѣстѣ сама себя разрушила такъ, что Іудей и вѣра его не имѣютъ никакой надежды, развѣ въ Христіанствѣ. Нѣкоторые мудрецы древности, уразумѣвшіе нелѣпость язычества, но не проникшіе во Святилище истины Божественной, изобрѣли было еще вѣру невѣдомому Богу, и воздвигли сему имени олтарь, можетъ быть, нѣкоторымъ и новѣйшихъ временъ мудрователямъ не неугодный, потому что онъ не назначаетъ для себя великихъ жертвъ: но если невѣдомъ Богъ, то невѣдомо и то, какъ должно служить Ему, и въ семъ случаѣ можетъ ли наше служеніе быть Ему пріятно, а намъ спасительно? Такъ—невѣдѣніемъ основанная вѣра тѣмъ же невѣдѣніемъ и разрушается. Мы, Христіане, вѣруемъ въ Бога живаго, по *закону духа жизни о Христѣ Іисусѣ, свобождающему насъ отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. VIII. 2.). Мы *вѣмы*, дерзаемъ сказать со Апостоломъ, *Емуже вѣровахомъ, и извѣстихомся, яко силенъ есть преданіе наше сохранити* (2 Тим. I. 12.). Какъ *извѣстихомся?* — Всего вѣрнѣе воскресеніемъ Того, *Емуже вѣровахомъ*. Если Онъ вѣру Свою, въ самомъ Лицѣ

Его, врагами Его низринутую во гробъ, и низведенную во адъ, воскресилъ, возвелъ, воцарилъ: то *извѣстихомся, яко силенъ есть,* и нашу вѣру и утвердить. и сохранить, и оправдать.

*Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа*, говоритъ еще твердый Проповѣдникъ вѣры, *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор XV. 19.). Невѣрующіе находятъ для себя въ невѣріи ту выгоду, что могутъ безпечно наслаждаться пріятностями жизни настоящей и пользоваться пріязнію міра: незавидная, по правдѣ, выгода, и не больше, какъ *окаянство;* ибо когда сказано: *окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы,* чрезъ сіе сказано и то, что всѣ человѣки, то есть, невѣрующіе, больше или меньше *окаянны.* Но если бы у насъ, вѣрующихъ во Христа, отнять увѣреніе о воскресеніи: то подлинно мы были бы окаяннѣе всѣхъ окаянныхъ человѣковъ. *Міръ,* по слову Господню, *свое любитъ:* а *не сущихъ отъ міра,* слѣдственно и Христіанъ, если не всегда открыто гонитъ, то вѣрно всегда внутренно *ненавидитъ.* Міролюбцы наслаждаются: Христіане, или, отрекаясь отъ наслажденій, страждутъ лишеніемъ, или, попуская себѣ наслажденія, должны страдать раскаяніемъ. Но, да не льстится міръ злымъ удовольствіемъ, сдѣлать насъ отчаянными, подобно ему. Если и все, по чему цѣнится настоящее, потеряно; еще не все погибло для насъ, или лучше сказать, еще ничего не погибло. Надежда наша основана глубже настоящаго міра, и выше его воздвигнута. *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть*

(1 Кор. XV. 20.). *Аще ли же Духъ Воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, Воздвигій Христа отъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ* (Рим. VIII. 11.). Потребуете ли больше для совершенной надежды? — Если угодно: мы уже имѣемъ то, что намъ обѣщается въ будущемъ въ замѣну настоящаго. *Богъ, богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюби насъ, и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніи, уже сооживи Христомъ, и съ Нимъ спосади на небесныхъ, да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати Своея благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ* (Ефес. II. 4—7.).

Когда же *премногая любовь Божія,* чрезъ воскресеніе Христово, и въ вѣрѣ насъ непоколебимо утверждаетъ, и совершенною надеждою утѣшаетъ: что должно при семъ чувствовать сердце наше, если грубая чувственность не сдѣлала его неспособнымъ чувствовать вліянія духовныя? Что, какъ не туже любовь Божію, которою Богъ, какъ вѣчное Солнце, сіяетъ для насъ, воспламеняющую насъ для Бога? *Любы Божія обдержитъ насъ,* изъясняется Апостолъ, *суждшихъ сіе, яко аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша* (2 Кор. V. 14.). И въ другомъ случаѣ, какъ скоро наименовалъ онъ *Христа Іисуса умершаго, паче же и воскресшаго, Иже и есть одесную Бога, Иже и ходатайствуетъ о насъ,* — тотчасъ, въ неудержимомъ восторгѣ, восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Рим. VIII. 34. 35.)? Подлинно, если,

по изреченію самой Любви, *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV. 13.); но безъ мѣры великая любовь, еще и врагами ей бывшихъ, насъ возлюбила даже до смерти за насъ, и смерти крестныя: можемъ ли мы быть столько неблагодарны и безчувственны, чтобы ради насъ воскресшая любовь не воскресила нашей любви ради Себя?

Не стану далѣе изъяснять различныя чудеса, какія производитъ одно чудодѣйственное слово: *Христосъ воскресе.* Если оно воскреситъ въ насъ святую любовь Божію, непрестанно убиваемую грѣховною любовію міра и плоти: довольно сего чуда для совершенства настоящія радости, и для того, чтобы всѣ прочія чудеса открылись намъ сами собою. Въ комъ воскресшій Христосъ, на семъ празднственномъ поприщѣ, какъ въ ученикахъ на пути въ Эммаусъ, возжегъ сердце сладкимъ желаніемъ, и нѣкимъ сокровеннымъ ощущеніемъ Его Божественнаго присутствія: того не празднымъ словомъ, и болѣе нежели по одному обычаю, можемъ привѣтствовать, какъ Эммаусскихъ путешественниковъ привѣтствовали Апостолы: *воистинну воста Господь! воистинну воскресе!* Аминь.

# 14. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Христосъ Воскресе!

Хрістова Церковь торжественнѣйшимъ образомъ огласила нынѣ слухъ нашъ высочайшимъ изъ благовѣстій: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*, и такъ далѣе. И какъ мы знаемъ ея обычай—Евангельскимъ чтеніемъ ознаменовывать таинство дня, и подавать намъ предметъ благоговѣйнаго размышленія и духовнаго поученія: то что теперь долженъ я дѣлать?

Стараться ли мнѣ восторгнуть ваши души отъ земли, вознести превыше солнца и звѣздъ, вести на небеса небесъ, мимо низшихъ и высшихъ чиновъ Ангельскихъ, до крайнихъ высотъ сотвореннаго, туда, гдѣ нѣтъ времени, потому что тамъ открыта не преходящая и не дѣлящаяся вѣчность, гдѣ пространство исчезаетъ въ безпрѣдельности, откуда обратнымъ взоромъ удостовѣриться можно, какъ не

преувеличено, какъ даже слабо выраженіе Премудраго, что *якоже стражникъ въ предѣсахъ, тако весь міръ* предъ Богомъ, *и яко капля росы утренія, сходящія на землю* (Прем. XI. 23.)? Требовать ли, чтобы вы *стали на стражѣ* созерцанія со святымъ Евангелистомъ Іоанномъ, выше, нежели стоялъ на своей стражѣ Пророкъ Аввакумъ: поелику Пророкъ созерцалъ Сына Божія въ явленіи Его воплощенія, а Евангелистъ созерцаетъ Его въ таинствѣ Его предвѣчнаго рожденія? Бесѣдовать ли къ вамъ о *началѣ*, въ возвышеннѣйшемъ значеніи сего слова, о *началѣ всякаго начала*, какъ изъяснился Царь Пророкъ (1 Пар. XXIX. 12.), о началѣ, которое далеко предшествуетъ началу времени и всего, что во времени, — о началѣ, отъ котораго все начинается въ самой вѣчности, но которое никакимъ дальнѣйшимъ началомъ, равно какъ и концемъ, не ограничивается? Искать ли мнѣ словъ, дабы, сколь можно ближе къ вашему разумѣнію, и изрещи вамъ *Слово*, которое не только человѣческій, но и Ангельскій умъ постигнуть, и языкъ изъяснить, не достаточенъ, — *Слово*, которое изрекъ единственно, и вѣчно изрекаетъ, или раждаетъ Единъ вѣчный Отецъ Слова, и которое Само изрекло всѣ прочія существа, не именовательно къ слышанію и познанію, но существенно къ бытію и благобытію? Пересказывать ли, какъ-нибудь простѣе, выспреннее сказаніе верховнаго Богослова, что *въ началѣ бѣ Слово*, то есть, Оно не началось, такъ чтобы вы могли представлять Его нѣкогда не бывшимъ, но въ довременномъ и вѣчномъ началѣ всегда *было*, равно какъ

всегда есть и всегда будетъ, поелику есть присносущно: что *Слово бѣ у Бога*, то есть, *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи*, рожденіемъ Своимъ не отдѣлился и не отлучился отъ Бога Отца, но есть единосущенъ Отцу и Святому Духу; что *Богъ бѣ Слово*, то есть, имя Бога въ томъ же истинномъ смыслѣ, въ какомъ принадлежитъ Богу Отцу, равномѣрно принадлежитъ и Сыну Божію, подобно какъ и Духу Святому, впрочемъ такъ, что въ трехъ Божескихъ Ѵпостасяхъ единъ токмо есть Богъ по существу; что симъ ѵпостаснымъ Словомъ Божіимъ сотворено все безъ изъятія, земное и небесное, видимое и невидимое; что въ Немъ заключается *жизнь*, или источникъ жизни всего живущаго, и наипаче живущаго духовною и безсмертною жизнію; что сія источная жизнь всегда была и есть *свѣтомъ* для человѣковъ, который сіялъ для нихъ въ раю, не совсѣмъ скрылся отъ нихъ на земли, не угашенъ язычествомъ, хотя имъ не усмотрѣнъ и не принятъ, знаменовалъ себя тѣнью—въ законѣ Моисеевомъ, зарею—въ Пророкахъ; доколѣ наконецъ, какъ солнце и день, явилось воплощенное Слово, съ полнымъ свѣтомъ истины, съ животворящею и чудодѣйствующею силою, и въ Его жизни, проповѣди, дѣяніяхъ, даже въ вольномъ страданіи и смерти, наипаче же въ воскресеніи—*видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины?*

Видите, что я едва только покушаюсь богословствовать подъ руководствомъ Святаго Іоанна Богослова: и, можетъ быть, въ немногомъ, что̀ я сказалъ,

уже много дерзновенія для немощи моего слова и, не прогнѣвайтесь, можетъ быть, и для немощи вашего слуха. И между богодухновенными Евангелистами не одному ли сыну громову дано такъ торжественно возгремѣть благовѣстіемъ пренебесной славы Бога Слова?

Впрочемъ, какъ слыша звуки грома, хотя мы не разумѣемъ ихъ такъ ясно и раздѣльно, какъ нѣкогда тотъ же сынъ громовъ разумѣлъ таинственные гласы седми громовъ, однако чувствуемъ, что они намъ возвѣщаютъ величіе Божіе: такъ, слыша высокіе глаголы Святаго Іоанна о Богѣ Словѣ, хотя мы не достигаемъ совершеннаго ихъ разумѣнія, и по недостатку чистоты ума, и по недостижимой высотѣ самаго предмета, тѣмъ не менѣе можемъ чувствовать, что ими намъ возвѣщается, Божественное само въ себѣ, спасительное для насъ, величіе Господа нашего Іисуса Христа. И сего довольно.

Можно удивляться и недоумѣвать, какъ это случилось, что Богомудрая Наставница наша, Святая Церковь, на сей день веселія назначила намъ изъ Евангелія столь трудный урокъ. Въ день воскресенія не ближе ли было бы бесѣдовать изъ Евангелія собственно о воскресеніи, въ день радости всѣми способами возбуждать и питать радость? Радость не была ли первымъ порожденіемъ воскресенія, хотя въ то же время дѣйствовалъ и страхъ отъ внезапнаго явленія чудесъ? — Пришедшія *видѣти гробъ*, но получившія вѣсть о воскресеніи Господа, *со страхомъ и радостію веліею текостѣ возвѣстити ученикомъ Его* (Матѳ. XXVIII. 8.). Не повелѣлъ ли Самъ Вос-

кресшій радоваться въ день воскресенія? —*Се Іисусъ срѣтѣ я, глаголя: радуйтеся* (9)! Что было съ Апостолами, когда они увидѣли Воскресшаго и удостовѣрились въ Немъ Его крестными ранами? — *Возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа* (Іоа. XX. 20.). Да и Церковь не признаетъ ли нынѣ, болѣе нежели когда-либо, владычество радости, наполняя почти все Богослуженіе торжественнымъ пѣснопѣніемъ, преимущественно предъ чтеніемъ и ученіемъ?

Говорю сіе не съ тѣмъ, чтобы входить съ Матерію—Церковію въ состязаніе о ея уставѣ, но чтобы дать вамъ способъ лучше уразумѣть ея уставъ, и тѣмъ лучше исполнить его.

Какая же была мысль Матери—Церкви, по которой она среди радости призываетъ чадъ своихъ къ трудному размышленію о высокой истинѣ, или къ высокому созерцанію таинства истины? — Безъ сомнѣнія, не умѣстнымъ сіе признала бы она, если бы предполагала въ насъ радость, ниспадающую въ чувственность, смѣшанную съ суетою, разсѣянную, шумную: а если признала сіе умѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, въ томъ предположеніи, что праздничная радость наша должна быть духовная, чистая, мирная, возвышенная; ибо такая радость не только не препятствуетъ основательному и глубокому размышленію, но и дѣлаетъ человѣка болѣе обыкновеннаго способнымъ къ высокому созерцанію. Евангельская исторія представляетъ убѣдительные сего примѣры. Когда будущая матерь Предтечева и будущая матерь Господня, узрѣвъ другъ друга, возрадовались чистою радостію, и радость праведной

Елисаветы сообщилась и младенцу во чревѣ ея: какое было послѣдствіе сихъ трехъ радостей?—То, что обѣ матери пришли въ божественный восторгъ, и обѣ пророчествовали. Когда Ѳома, долѣе другихъ Апостоловъ невѣріемъ лишенный радости воскресенія, вдругъ обильно почерпнулъ ее изъ ранъ Воскресшаго: какъ дѣйствовала въ немъ сія радость? Она разрѣшилась Богословіемъ. *Отвѣща Ѳома, и рече Ему: Господь мой и Богъ мой* (Іоа. XX. 28.)! И это весьма естественно: ибо ничто такъ прямо не ведетъ къ мысли, къ вѣрѣ и къ удостовѣренію о Божествѣ Іисуса Христа, какъ Его воскресеніе.

Итакъ мы нѣсколько дознали теперь, какова должна быть настоящая радость наша, дабы она соотвѣтствовала и достоинству своего предмета, и намѣренію Матери-Церкви. *О чада свѣтообразная Церковная!* Умѣйте пользоваться свѣтомъ, который такъ обильно изливаетъ на васъ Воскресшій Господь! Если не такъ легко умѣть хорошо богословствовать: кажется, не трудно, по крайней мѣрѣ, умѣть хорошо радоваться. Внимайте себѣ, и тщательно наблюдайте, чтобы праздничная радость ваша была духовная, чистая, мирная, возвышающая души ваши.

Когда, отъ мудрыхъ, можетъ быть, дѣвъ навѣдавшись о минутѣ, благоугодной Небесному Жениху, въ полунощи, со свѣтильниками, вы окружили Его чертогъ, наполнили Его храмъ; похищенные у сна часы и начатки дня посвятили и посвящаете славословію, Евангелію, Таинству, слову истины: симъ являете вы знаменія радости духовной и чистой.

Когда подаете другъ другу цѣлованіе мира, не устраняя никого, къ вамъ приближающагося: вотъ признакъ радости мирной. Когда всякія уста, всякое ухо исполнены именами Христа и воскресенія: охотно признаю сіе выраженіемъ радости, возвышающей души ваши туда, гдѣ царствуетъ Воскресшій. До сихъ поръ, кажется, все хорошо. Святое утро озарено свѣтомъ радости святой.

Но сей ночи и сего утра будетъ ли достоинъ день, и вечеръ, и седмица, которую Церковь опредѣлила для радости Воскресенія? Радость духовную не поглотитъ ли вскорѣ веселіе чувственное? То, что̀ для души вашей собрали вы во храмѣ, внѣ храма не разсѣетъ ли суета безъ остатка? Послѣ зрѣлища священнаго, небеснаго, Божественнаго, не понадобятся ли вамъ низкія зрѣлища мірскія, на которыхъ игрушка-вещь, и, что̀ еще хуже, игрушка-человѣкъ, будутъ играть вниманіемъ вашего ума, и движеніями вашего сердца, на которыхъ разновидно олицетворенныя, — страсть, безуміе, порокъ, оспоривать будутъ другъ у друга ваше время, ваши похвалы, ваши деньги, — можетъ быть, тѣ деньги, въ которыхъ отказано бѣдному? Не сіе ли Пророкъ называетъ посрамленіемъ радости? *Посрамиша*, говоритъ, *радость сынове человѣчи* (Іоил. 1. 12).

Совѣтую и молю, благоговѣйно чтимую въ началѣ радость не посрамлять въ послѣдствіи. Прилично ли обращать въ игру и забаву такую радость, которая намъ пріобрѣтена жертвою и страданіемъ? *Пасха наша за ны пожрень бысть Христосъ. Тѣмже*, заключаетъ Апостолъ, *да празднуемъ не*

*въ квасъ ветсъ, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V. 7. 8.). *Яко во дни, благообразно да ходимъ: не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію, но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (Рим. XIII. 13. 14.). Довольно у Него свѣта и нетлѣнной радости для всѣхъ и каждаго, чтобы никто не имѣлъ нужды, мимо Его, преслѣдовать призрачный блескъ, и безсмертной душѣ искать пищи въ тлѣніи. Ищите же радости всегда въ истинномъ ея источникѣ. *Радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся* (Фил. IV. 4.). Аминь.

# 15. СЛОВО

## НА ВЕЧЕРНѢ ДНЯ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

*Марта 26. 1844.*

*Возрадовашася убо ученицы, видѣвше Господа.* Іоан. XX. 20.

Видѣть Господа, безъ сомнѣнія, есть радость, ни съ чѣмъ несравнимая. Ангелы на небесахъ не-знаютъ высшаго блаженства, какъ видѣть Господа.

Радость видѣть Господа воскресшаго въ ученикахъ Господнихъ имѣла еще особенную силу потому, что они предъ тѣмъ съ высоты радости внезапно низринуты были въ бездну печали, а теперь изъ бездны печали также внезапно вознесены на степень радости, высшій прежняго. Чѣмъ болѣе радовались они прежде, когда въ Божественныхъ словахъ и чудесныхъ дѣяніяхъ Господа Іисуса начинали *видѣть славу Его, яко Единороднаго отъ Отца* (Іоан. I. 14.), когда *и вси людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ, бывающихъ отъ Него* (Лук. XIII. 17.): тѣмъ болѣе должны были печа-

литься, когда Онъ былъ преданъ въ руки враговъ, осужденъ, поруганъ, умученъ, умеръ, только отъ неожиданнаго состраданія получилъ честное погребеніе, и даже во гробѣ преслѣдованъ врагами. Но чѣмъ глубже и мрачнѣе сія печаль: тѣмъ торжественнѣе вновь возсіявшая надъ нею радость, когда въ тайное, по причинѣ страха, собраніе учениковъ, сквозь затворенныя двери, *пріиде Іисусъ*, побѣдоносный надъ смертію, и слѣдственно надъ всѣмъ, что враждебно Ему и Его послѣдователямъ, пріявшій всякую власть на небеси и на земли, подающій Духа Святаго, дѣйствительно начинающій царство небесное на земли, котораго близость возвѣщалъ дотолѣ.

И мы нынѣ продолжаемъ сію радость первыхъ учениковъ Хрістовыхъ: потому что и мы ученики Хрістовы, хотя, можетъ быть, послѣдніе, и, можетъ быть, еще болѣе послѣдніе по достоинству, нежели по времени.

Не льзя ли же и намъ увидѣть Господа воскресшаго, чтобы возрадоваться о Немъ полною радостію? Или, если не льзя: то можемъ ли мы радоваться о Немъ полною радостію?

На сей послѣдній вопросъ имѣемъ утѣшительный отвѣтъ изъ устъ Самого Воскресшаго. Когда Ѳома, не смотря на достаточныя свидѣтельства о совершившемся воскресеніи, никакъ не хотѣлъ обойтись безъ видѣнія Господа воскресшаго: тогда Господь, хотя снисшелъ къ дерзновенному требованію, однако не одобрилъ сего требованія. Онъ позволилъ Ѳомѣ и видѣть Себя, и осязать язвы крестныя:

но въ тоже время похвалилъ тѣхъ, которые не требуютъ видѣнія: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. XX. 29.). Вотъ прекрасный жребій, который ничто не препятствуетъ намъ взять! Мы можемъ вѣровать въ Господа воскресшаго, не видя Его, и быть блаженными, а слѣдственно и полную радость имѣть. Въ блаженствѣ заключается полная радость. Апостолъ Петръ въ своемъ посланіи говоритъ именно о радости не видящихъ и вѣрующихъ, и при томъ не только какъ о возможной, но какъ дѣйствительно принадлежащей Христіанамъ: *Его же*, то есть, Христа, *не видѣвше любите, и на Него же нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуетеся радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. I. 8.).

Какой, Братія, краткій путь къ благополучію! Какой легкій способъ сдѣлаться блаженнымъ! Не видя Христа, вѣруй въ Него, люби Его, и радуйся, и будь блаженъ!

Но какъ не льзя не признать, что достиженіе видѣнія вѣруемаго должно возвысить радость вѣрующихъ; то не вдругъ отказаться можно и отъ другаго вопроса: не льзя ли и намъ, въ день воскресенія, достигнуть видѣнія Воскресшаго, подобно какъ сего достигли Апостолы, хотя не довольно скоро, — *сущу поздѣ въ день той?* Не дерзнемъ требовать сего упорно, какъ Ѳома, ни угрожать невѣріемъ за отказъ въ видѣніи; потому что сія угроза не угрожала бы никому, кромѣ самого угрожающаго. Но нѣтъ ли кого нибудь, къ кому бы, какъ нѣкогда благочестивые Еллины къ Филиппу,

могли мы обратиться съ смиренною мольбою: *господи, хощемъ Іисуса видѣти* (Іоан. XII. 21.)? Къ кому лучше, если не къ Матери-Церкви? И слышите ли? Она уже отвѣтствуетъ на желаніе наше, и не только намъ обѣщаетъ видѣніе Воскресшаго, какъ возможное, но и возвѣщаетъ, какъ уже дѣйствительнное. Она поетъ: *воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу.* Если мы видѣли воскресеніе; то видѣли и Воскресшаго: потому что воскресеніе видимо только въ Самомъ Воскресшемъ. Если положимъ, что Матерь-Церковь имѣетъ въ виду преимущественно достойныхъ и совершенныхъ чадъ своихъ, и въ ихъ-то лицѣ говоритъ такъ увѣрительно: *мы видѣли воскресеніе:* то намъ, несовершеннымъ и недостойнымъ, остается по крайней мѣрѣ надежда, что и мы того же можемъ сподобиться, если поревнуемъ и потрудимся сдѣлаться достойными и совершенными.

Дабы слово Церкви о видѣніи воскресенія не казалось противорѣчащимъ приведенному нами Апостольскому слову о вѣрованіи безъ видѣнія, изъяснимся.

Иное дѣло, при достаточныхъ основаніяхъ къ вѣрованію, требовать видѣнія, какъ-бы въ задатокъ, чтобы потомъ вѣровать. Это не сообразно съ самымъ существомъ и съ достоинствомъ вѣры, подобно какъ и между людьми, худо вѣрятъ, когда требуютъ задатка. Это дерзость. Это почти невѣріе, хотя, можетъ быть, не совсѣмъ чуждое желанія вѣровать. Сіе не одобрено въ Ѳомѣ. Иное дѣло вѣровать безъ видѣнія, и въ слѣдствіе послушанія вѣры,

какъ даръ, какъ награду, какъ подкрѣпленіе, какъ живительное врачество, получить видѣніе. Такъ Первомученикъ Стефанъ вѣровалъ, исповѣдалъ вѣру предъ гонителями, предалъ себя смертной опасности за вѣру, и тогда *видѣ славу Божію, и Іисуса стоящa одесную Бога* (Дѣян. VII. 55.). Есть же и такія видѣнія, которыхъ не искало желаніе, не призывала вѣра, но посредствомъ которыхъ Божіе предвѣдѣніе и милосердіе ищетъ будущаго сына вѣры. Такъ Господь явился въ отверстыхъ небесахъ, чтобы свѣтомъ видѣнія ослѣпить Савла—гонителя, и переродить его въ Павла – Апостола.

Иное дѣло видѣть окомъ тѣлеснымъ, иное духовнымъ. О чувственномъ видѣніи Христа говоритъ Апостолъ: *не зрящe, вѣрующе же, радуетеся.* О духовномъ, конечно, видѣніи говоритъ Церковь: *воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу.*

Есть, по выраженію Апостола, *духъ откровенія*, который дается не однимъ Пророкамъ и Апостоламъ. Есть *просвѣщенныя очеса сердца*, которыми внутренній человѣкъ, въ состояніи своего здравія и совершенства, смотритъ въ невидимое царство благодати, подобно какъ внѣшній человѣкъ, тѣлесными очами, въ видимое царство природы. Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Ефесеямъ, простирая рѣчь вообще къ *вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ*, сказуетъ, что приноситъ о нихъ слѣдующую молитву: *да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія, въ познаніе Его, просвѣщенна очеса сердца*

*вашего* (Ефес. I. 17. 18.). Изъ сего видно, во-первыхъ, что дара созерцанія духовнаго можетъ сподобиться каждый истинно вѣрующій, во-вторыхъ, что одно изъ средствъ къ достиженію сего дара, есть молитва.

Когда воплощенный Сынъ Божій оставлялъ земную жизнь, и Апостоламъ надлежало лишиться сладкаго видѣнія Его: тогда, въ предварительномъ попеченіи о вознагражденіи сего лишенія, Онъ предложилъ и обѣщалъ имъ замѣнъ естественнаго видѣнія въ созерцаніи благодатномъ; и по сему случаю изрекъ общій для всѣхъ законъ и чинъ созерцанія: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю Его, и явлюся Ему Самъ* (Іоан. XIV. 21.). Опыты любящихъ Господа показываютъ, что Онъ является имъ, смотря по ихъ потребности и способности, иногда образно и лицезрительно, въ Своемъ обоженномъ человѣчествѣ, а иногда не изобразительно, однако тѣмъ не менѣе существенно и дѣйствительно, подавая имъ Свой миръ, превосходящій всякъ умъ, Свою радость, неизглаголанную и прославленную, Свой внутренній благодатный свѣтъ, зарю дня невечерняго, отсвѣтъ славы вѣчной.

Теперь видите ли путь къ видѣнію Христа воскресшаго? — Имѣйте заповѣди Его, соблюдайте ихъ, любите Его живою и дѣятельною любовію: и Отецъ Его возлюбитъ васъ, и Онъ возлюбитъ васъ и *явится вамъ Самъ*. Это такъ вѣрно, какъ вѣрно слово Христово.

Не симъ ли путемъ, то есть, не путемъ ли живой любви достигли видѣнія воскресшаго Христа всѣ тѣ, которыхъ въ Евангеліи видимъ достигшими сего въ самый день воскресенія?

Что влекло Мѵроносицъ съ ароматами ко Христу, когда у нихъ еще не доставало вѣры въ воскресеніе; потому что мѵро и ароматы для мертваго, а не для воскресшаго тѣла? Что иное, какъ не любовь ко Христу, которая не умерла въ нихъ съ Его смертію? Она влекла ихъ ко гробу Его, и въ тоже время привлекала къ себѣ любовь Его, и Онъ *явился имъ Самъ.*

Что собрало Апостоловъ, и заключило въ одну храмину, въ день воскресенія, которому вѣра и въ нихъ уже позже сего пробудилась? Страхъ ли Іудейскій? — Правда, что страхъ заставилъ ихъ запереть двери храмины: но если бы главный дѣйствователь былъ страхъ отъ враговъ, то онъ не допустилъ бы ихъ составить собраніе, въ которомъ они удобнѣе могли быть примѣчены врагами, нежели порознь; онъ разсыпалъ бы ихъ врознь, по разнымъ тропинкамъ къ личной безопасности. Нѣтъ! Любовь къ Распятому, пробудившаяся ранѣе вѣры, собрала во едино расточенныхъ овецъ пораженнаго Пастыря, и боязливыя воздыханія сей любви услышала Его любовь, и Онъ *явился имъ Самъ.*

Не та же ли любовь къ Распятому являлась и въ печальныхъ взорахъ путешественниковъ въ Еммаусъ, и въ ихъ неудержимомъ собесѣдованіи о приключеніяхъ, о которыхъ и воспоминать было тяжко, и говорить не безопасно? Любовь, мимо познанія,

обрѣла Возлюбленнаго близъ себя, и ощутила близость Его въ пламенѣющихъ сердцахъ, прежде нежели *онѣма отверзостѣся очи, и познася има въ преломленіи хлѣба* ( Лук. XXIV. 31. 35. ).

Братія! Пріимите сіи Евангельскія указанія. Ищите Господа воскресшаго живою вѣрою и дѣятельною любовію. По подобію собранія Апостольскаго, съ любовію ищите Его въ собраніи Церковномъ. По подобію путешественниковъ Еммаускихъ, съ любовію ищите Его въ собесѣдованіи о Немъ, въ домѣ, или на пути, съ благочестивымъ другомъ, или хотя только съ своею душею. По подобію Мvроносицъ, съ любовію ищите Его въ дѣлахъ состраданія и благотворенія. И да возлюбитъ и Онъ васъ, да просвѣтитъ очеса сердца вашего, и во святомъ созерцаніи, въ чистой радости, въ блаженствѣ мирной совѣсти да *явится вамъ Самъ*. Аминь.

# 16. СЛОВО

### въ день вознесенія господня.

*И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стаста предъ ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо?* Дѣян. I. 10. 11.

А мнѣ удивительнымъ кажется то, что вы, свѣтоносные мужи, вопрошаете сихъ мужей Галилейскихъ, для чего смотрятъ они на небо. Какъ имъ не смотрѣть на небо, куда вознесся Іисусъ, куда перенесено ихъ сокровище, куда взята ихъ надежда и радость, гдѣ жизнь ихъ сокрылась? Если бы теперь смотрѣли они на землю: тогда надлежало бы спросить ихъ, — и надлежитъ спросить всѣхъ послѣдователей Іисуса Христа, которые пристрастнымъ окомъ смотрятъ на землю: что смотрите на землю? Чего вамъ искать на ней послѣ того, какъ единственное ваше, и ея, Сокровище, найденное въ Виѳлеемѣ, разсыпанное по всей Іудеи и Самаріи, прошедшее чрезъ руки разбойниковъ въ Гее-

симаніи, въ Іерусалимѣ, на Голгоѳѣ, скрытое подъ камнемъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго, взято и отнесено въ сокровищницу небесную? Вамъ сказано, и такъ должно быть, да *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI. 21.): и такъ, если сокровище ваше на небесахъ, тамъ должно быть и сердце ваше; туда должны быть устремлены взоры ваши, помышленія ваши, желанія ваши.

*Два мужа во одежди бѣлѣ*, которые тотчасъ, по вознесеніи Господнемъ, явились Апостоламъ, и вопрошали ихъ, для чего смотрятъ они на небо, безъ сомнѣнія, сами были небесные жители: потому не льзя думать, чтобы сіе было имъ непріятно, и чтобы они куда нибудь инуды хотѣли обратить взоры мужей Галилейскихъ. Нѣтъ! Они хотятъ только прекратить бездѣйственное изумленіе Апостоловъ: *что стоите зряще на небо?* Пробудивъ ихъ отъ сего изумленія, они вводятъ въ размышленіе, и наставляютъ Апостоловъ,— и насъ, съ какими мыслями должно взирать на небо во слѣдъ Господа Іисуса, Который туда вознесся. *Сей Іисусъ*, продолжаютъ они, *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо.*

Хотя многократно Господь нашъ, по воскресеніи Своемъ, являлся Апостоламъ, и становился невидимъ; и потому они могли нѣкоторымъ образомъ привыкнуть къ симъ чудеснымъ нечаянностямъ: но когда, разлучаясь съ ними на горѣ Елеонской, не просто удалился Онъ, или сдѣлался невидимъ, а восходя видимо превыше облаковъ, только по причинѣ безмѣрной высоты, пересталъ быть видимъ ими;

нѣтъ сомнѣнія, что сей новый образъ отшествія Его показался имъ, и послѣ привычки къ чудесному, необычайнымъ, и особенно знаменательнымъ. Имъ представилось тогда ясное исполненіе словъ Его, которыя имъ пересказала Марія Магдалина: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоа. XX. 17.). Должно было заключить, что сіи радостныя посѣщенія Его, сіи поучительныя собесѣдованія съ Нимъ, сіи ощутительныя общенія съ Его Богочеловѣчествомъ, продолжавшіяся четыредесять дней, прекращаетъ настоящая минута. Когда руки и голосъ не могли уже достигнуть Возносящагося: Его преслѣдовали взорами, желающими удержать Его. *Взирающе бяху на небо, идущу Ему.* Можно вообразить, какое безмѣрное лишеніе должны были ощутить Апостолы, по удаленіи на небо Іисуса, Который Единъ былъ для нихъ все въ мірѣ. И сіе-то безмѣрное лишеніе поспѣшаютъ восполнить небесныя силы. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, пріидетъ.*

Христіанинъ! Если ты сколько нибудь позналъ Господа Іисуса, и *вкусилъ, яко благъ Господь* (Псал. XXXIII. 9.): то конечно болѣе или менѣе примѣчаешь, какая безъ Него пустота въ мірѣ, чувствуешь, какая безъ Него пустота въ сердцѣ. Такъ и должно быть: потому что все, что есть въ мірѣ, *суета суетствій;* а суета не можетъ наполнить сердца, сотвореннаго Истиною для истины: *все, еже въ мірѣ*, есть *похоть*, или предметъ, приманка похоти въ разныхъ видахъ; и какъ *міръ преходитъ и похоть его* (1 Іоан. II. 16. 17.), или иначе ска-

зать, предметы, возбуждающіе похоть, вскорѣ исчезаютъ, то сколь ни великъ міръ, сколь ни разнообразны блага его, сколь ни обильны потоки удовольствій его, все сіе не можетъ наполнить малаго сосуда сердца человѣческаго, которое, будучи безсмертно, только вѣчною жизнію наполнено быть можетъ. Если, при таковомъ ощущеніи пустоты въ тваряхъ, тебѣ кажется, что Господь, Который есть твоя истина, твоя жизнь, твое желаніе и полнота всѣхъ желаній, удаляется отъ тебя, скрывается, оставляетъ тебя не только безъ утѣшенія, но и въ скорби, не только одинокимъ, но и среди враговъ твоего спасенія; если утомленный взоръ твой не проницаетъ небесъ, закрытыхъ облакомъ, и недомыслимыя судьбы Всевышняго представляютъ тебѣ одну неизвѣстность: пріими отъ небесныхъ Силъ исполненное силы слово, которое можетъ наполнить твою пустоту, облегчить скорбь, прекратить одиночество, прояснить мракъ, разрѣшить неизвѣстность, оживить духъ твой надеждою необманчивою и нетлѣнною. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, — пріидетъ.*

Къ утѣшительному и спасительному свидѣтельству о будущемъ пришествіи Вознесшагося Господа, небесные вѣстники Его присовокупляютъ нѣкоторое изъясненіе того, какимъ образомъ послѣдуетъ сіе пришествіе. Они сказываютъ, что пришествіе Господа подобно будетъ отшествію Его, или вознесенію. *Такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо.* Небесные проповѣдники вѣрно не празднословятъ, какъ иногда мы земные; но

и малымъ словомъ подаютъ великое наставленіе внимательнымъ. Будемъ внимательны!

*Такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо.* По сему указанію, обращаясь къ обстоятельствамъ отшествія Іисуса Христа на небо, во-первыхъ, можемъ примѣтить благословеніе, въ то время Имъ преподанное Апостоламъ. *Бысть*, повѣствуетъ Евангелистъ Лука, *егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо* (Лук. XXIV. 51.). Сіе обстоятельство восшествія Своего на небо, и разлученія съ избранными Своими, Господь Самъ приведетъ имъ на память, *егда пріидетъ во славѣ Своей*, и вновь срѣтясь съ ними, будетъ призывать ихъ къ дѣйствительному обладанію царствіемъ Его: *ибо тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: пріидите благословеннїи Отца Моего* (Матѳ. XXV. 34.).

Какой безконечный токъ благословенія Христова открывается предъ нами, Христіане! Онъ начинаетъ благословеніе, и, не окончивъ онаго, возносится. *Бысть, егда благословляше ихъ, — возношашеся.* Такимъ образомъ и вознесшись, Онъ еще продолжаетъ невидимо преподавать благословеніе. Оно течетъ и нисходитъ непрестанно на Апостоловъ; чрезъ нихъ преливается на тѣхъ, которыхъ они благословляютъ во имя Іисуса Христа; получившіе Христово благословеніе чрезъ Апостоловъ, распространяютъ оное на другихъ; такимъ образомъ всѣ принадлежащіе ко святой, соборной, Апостольской Церкви, дѣлаются причастными единаго благословенія Іисуса Христа и Отца Его, *благословляющаго*

*насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (Ефес. I. 3); какъ роса *Аермонская, сходящая на горы Сіонскія* ( Псал. CXXXII. 3. ), сходитъ сіе благословеніе мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше суетъ и попеченій міра; какъ неизгладимая печать, знаменуетъ тѣхъ, кои Христовы суть, такъ что въ кончину вѣка по сему знаменію вызоветъ Онъ ихъ изъ среды всего рода человѣческаго: *пріидите благословенніи!*

Помыслимъ, братія, какъ нужно намъ попещись нынѣ, чтобы пріобрѣсть и сохранить благословеніе Вознесшагося Господа, нисходящее и на насъ чрезъ Апостоловъ и Церковь Апостольскую. Если мы получили и сохранимъ оное: то и мы со Апостолами и со всѣми Святыми въ будущее пришествіе Іисуса Христа призваны будемъ къ участію во царствіи Его: *пріидите благословенніи!* А если тогда, какъ Онъ призывать будетъ *благословенныхъ Отца Своего*, или не обрящется на насъ благословенія, или мы будемъ имѣть только ложное благословеніе людей, которые сами не наслѣдовали благодатно и таинственно благословенія Отца небеснаго: то что̀ будетъ съ нами? Ей, глаголю вамъ, помыслимъ и попечемся о семъ благовременно!

Другое обстоятельство вознесенія Господня, примѣчаемое въ соображеніи съ ожидаемымъ пришествіемъ Господнимъ, есть то, что Господь вознесся предъ очами учениковъ Своихъ явно и торжественно. *Зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его*

*отъ очію ихъ*. Что за облакъ? — Облакъ свѣта и славы, какой осѣнялъ и наполнялъ нѣкогда скинію Моисееву и храмъ Соломоновъ. Тамъ видѣли славу, но не видѣли Господа славы; послѣ и Его видѣли, но не въ славѣ, и потому не узнали Его, и не прославили: здѣсь и слава не скрываетъ Славимаго, и Славимый не скрываетъ славы. Апостолы зрѣли славу Вознесшагося Господа: Пророкъ также и слышалъ ее, когда и самъ торжественно воскликнулъ: *взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласъ трубны* (Псал. LVI. 6.). И такъ, когда свѣтоносные проповѣдники возвѣстили намъ, что Онъ также пріидетъ, какъ видѣли Его идущимъ на небо: чрезъ сіе они дали намъ разумѣть, что Онъ пріидетъ явно и торжественно. Такъ точно предрекъ и Господь о Себѣ, что *пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ. XXV. 31.). Такъ и Апостолъ изъясняетъ, что *Господь въ повелѣніи*, или по предвозвѣщеніи, *во гласъ Архангеловъ, и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе* (1 Сол. IV. 16.).

Но для чего, подумаетъ иной, замѣчаются сіи подробности, по видимому, болѣе возбуждающія любопытство, нежели подающія наставленіе: ибо предсказываютъ для того, чтобы можно было узнать, и принять съ вѣрою, посылаемое отъ Бога событіе; а славнаго пришествія Христова кто не узнаетъ, хотя бы и не былъ предваренъ о его подробностяхъ? — Не спѣши, возлюбленный, заключать о излишествѣ сихъ подробностей. Нѣтъ! Апостолы, Ангелы, Самъ Господь не говорятъ ничего для любопытства, но

все для наставленія. Что пришествіе Христово будетъ явное и торжественное, сіе предсказано для того, что будутъ провозвѣстники противнаго сему, когда на недостойныхъ, невѣрныхъ и развращенныхъ Христіанъ посланъ будетъ духъ обольщенія. *Грядетъ часъ,* или время искушенія, (можетъ быть *и нынѣ есть*) когда скажутъ: *се здѣ Христосъ, или ондѣ! Се въ пустыни есть! Се въ сокровищахъ* (Матѳ. XXIV. 23. 26.)! Вотъ Онъ у насъ, говорятъ отщепенцы, которые, оставя градъ Божій, духовный Іерусалимъ, Апостольскую Церковь, убѣгаютъ не въ истинную пустыню мира и тишины, но въ запустѣніе духовное и чувственное, гдѣ нѣтъ ни здраваго ученія, ни святости таинствъ, ни добрыхъ правилъ жизни частной и общественной. Вотъ Онъ у насъ, говорятъ скрытно еретичествующіе, указуя на свои тайныя сборища, какъ будто солнцу должно свѣтить только подъ землею; какъ будто не Онъ сказалъ и повелѣлъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ; и еже во уши слышите, проповѣдите на кровляхъ* (Матѳ. X. 27.).

Слыша таковые вопли или шептанія, вспомните, Христіане, Ангельскій гласъ и проповѣдь о Вознесшемся Господѣ: *такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо*, также явно, также торжественно. И потому, *аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ: не имите вѣры.* Ни грубые вопли, ни хитрыя шептанія, не походятъ на провозвѣщеніе Архангела и на трубу Божію. *Не исходите* въ слѣдъ зовущихъ васъ изъ града Господня; оставайтесь на мѣстѣ своемъ, и берегите

вѣру вашу для истиннаго пришествія Христова, славнаго и торжественнаго.

Третіе обстоятельство Вознесенія Господня, примѣчательное для будущаго, есть то, что оное было для учениковъ Его нечаянно и непредвидѣнно. Сіе произошло, сколько можно узнать изъ краткихъ повѣствованій Евангельскихъ, такимъ образомъ, что Онъ, явясь имъ въ Іерусалимѣ, какъ бывало многократно, и отходя, велъ ихъ за Собою, какъ сопровождающихъ, бесѣдуя съ ними, какъ обыкновенно, о царствіи Божіемъ, и наипаче о приближающемся сошествіи Святаго Духа; *изведъ же ихъ вонъ изъ Іерусалима до Виѳаніи, и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ; и бысть егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо.* Не только по собственному изволенію не предварилъ Онъ ихъ о семъ великомъ событіи; но даже на вопросъ ихъ о временахъ великихъ событій царствія Его, рѣшительно имъ отказалъ въ семъ познаніи. *Рече же къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. I. 7.). Сей отказъ въ разумѣніи временъ, очевидно, простирается и на время будущаго пришествія Христова, и преимущественно къ сему относится. Еще и прежде Онъ внушалъ ученикамъ Своимъ внезапность сего событія, уподобляя оное молніи, которая есть разительнѣйшій въ природѣ образъ совершенной внезапности. *Якоже молнія исходитъ отъ востокъ, и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV. 27.). Подобно сему и

Апостолъ изъясняетъ: *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (1 Сол. V. 2.).

Изъ сей внезапности будущаго Своего пришествія Господь Самъ извлекаетъ для насъ, Христіане, спасительное предостереженіе. *Бдите убо*, глаголетъ, *яко не вѣсте, въ кій часъ Господь пріидетъ* (Матѳ. XXIV. 42.). Не увлекайтесь любопытствомъ, или легковѣріемъ, когда Христіане, думающіе знать болѣе, нежели сколько дано отъ Христа, будутъ исчислять вамъ времена царствія Его, и опредѣлять лѣта чаемаго явленія Его: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта*; старайтесь лучше познавать грѣхи свои, исчислять паденія, и находить имъ предѣлы въ покаяніи. Наипаче же берегитесь, если услышите, что скажутъ предсказанные Апостоломъ ругатели: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? Отнелѣ же бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. III. 4.). Берегитесь, чтобы мрачныя грезы сыновъ вѣка сего, смѣжающихъ очи отъ свѣта грядущаго вѣка, не омрачили вашего сердца, не ослѣпили ума, не усыпили духа къ тому вожделѣнному и страшному часу, когда *пріидетъ день Господень, яко тать въ нощи.*

*Возлюбленніи! сихъ чающе, потщитеся нескверни и непорочни Тому обрѣстися въ мирѣ* (1 Петр. III. 14.). Аминь.

# 17. СЛОВО

## въ день вознесенія господня.

*Зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ.* Дѣян. I. 9.

Зрящимъ одиннадцати Апостоламъ вознесся Господь. Безъ свидѣтелей воскресъ: при свидѣтеляхъ возносится. Каменный, запечатанный гробъ скрывалъ славу воскресенія во мгновеніе воскресенія: свѣтлый, прозрачный облакъ являетъ славу вознесенія, когда оно совершается. Отъ чего сія разность? — Отъ того, можетъ быть, что, какъ воскресеніе Господа, послѣ сошествія Его во адъ, было шествіе изъ ада въ Рай, то нѣгдѣ было поставить свидѣтелей, а надлежало свидѣтелями онаго быть отшедшимъ отъ земной жизни Патріархамъ и Пророкамъ: вознесеніе же Господа, какъ шествіе отъ земли на небо, естественно могло имѣть свидѣтелями Апостоловъ, стоящихъ на землѣ, и взирающихъ на небо. Притомъ, довольно было видѣть Воскресшаго послѣ воскресенія, чтобы свидѣтельствовать о самомъ воскресеніи: а вознесеніе

съ земнородною плотію на небо, надобно было видѣть въ самомъ дѣйствіи, чтобы послѣ о томъ свидѣтельствовать. Возможно ли, скажетъ плотскій разумъ, чтобы земнородная плоть вознеслась на небо?—Мы отвѣтствуемъ: нѣтъ нужды умствовать о возможности дѣла, когда самое дѣло видѣли и засвидѣтельствовали люди, которые за истину сего свидѣтельства умереть не отреклись. *Зрящимъ имъ взятся.* Но только ли для увѣренія невѣрующихъ показалъ Господь Свое вознесеніе?—Безъ сомнѣнія, и для поощренія вѣрующихъ. *Аще убо воскреснусте со Христомъ,* говоритъ Апостолъ; если,—скажемъ еще,—вы видѣли Его возносящагося на небо, и въ семъ новомъ торжествѣ Его также участвовать желаете: *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя; горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III. 1. 2.).

Что значитъ *горняя мудрствовать?* Не правда ли, что сіе не довольно понятно? А если ты сего не понимаешь: то, хочешь или не хочешь, ты долженъ признаться и въ томъ, что сего не дѣлаешь, то есть, не мудрствуешь горняя: ибо кто дѣлаетъ, тотъ уже знаетъ дѣло, которое онъ дѣлаетъ. Если же не мудрствуешь горняя, то и не взойдешь въ горняя, туда, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя.* Но если ты не взойдешь туда, гдѣ Христосъ одесную Бога: то, подумай, земнородный, что съ тобою будетъ, когда видимыя небо и земля прейдутъ, и внѣ горняго царствія Христова ничего не останется, кромѣ ада? Смотри, какъ земля подъ тобою рушится, и адъ разверзается: нѣтъ инаго

средства спасенія, какъ всею силою держаться за горнее. Надобно учиться *горняя мудрствовать, а не земная.*

Учиться *мудрствовать!*—Не устрашился бы кто сего требованія. Не подумалъ бы, что его хотятъ подвергнуть многоразличнымъ трудностямъ, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе того, что на земли называютъ мудростію; и къ которымъ должно причислить самыя средства мірской мудрости,—множество учителей, одинъ другому противорѣчущихъ, множество книгъ, не рѣдко дѣйствующихъ какъ на глазъ, такъ и на умъ, только вредною пылью. Не опасайтесь. Учиться мудрствовать по Евангелію не то, что учиться мірской мудрости. Мудрствованіе горнее не столь зависимо отъ внѣшнихъ средствъ, не требуетъ столь многихъ пособій, не такъ ограждено трудностями, какъ мудрость мірская, хотя и оное пользуется внѣшними средствами, не отвергаетъ пособій, не изъято и отъ трудностей своего рода. Апостолъ, который написалъ намъ заповѣдь, *горняя мудрствовать*, пользовался средствами и пособіями земной мудрости, бывъ *воспитанъ при ногахъ ученаго Гамаліила*: но потомъ все сіе, равно какъ и другія преимущества, отвергъ, какъ *тщету и уметы, за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса, и да Христа пріобрящетъ* (Фил. III. 7. 8.); слѣдственно возвышался въ мудрствованіи горнемъ, не смотря на то, что въ то же время отвергалъ средства и пособія земной мудрости. Другіе Апостолы только рыбарскія сѣти вязать, а не книжныя мудрованія

распутывать учились: но сіе не препятствовало имъ, не только успѣвать въ мудствованіи горнемъ для себя, но и содѣлаться наставниками онаго для самыхъ мудрецовъ. Такъ и послѣ Апостоловъ. Василій Великій пріобрѣлъ мудрость Аѳинскую, и отдалъ ее въ рабыню мудрованію Евангельскому. Арсеній, также Великій, обладая ученостію Еллинскою и Римскою, находилъ себя довольно несвѣдущимъ, а старца, необразованнаго Египтянина, довольно свѣдующимъ, чтобъ учиться у него началамъ духовной мудрости. И такъ мудрствованіе горняго, хотя и для мудрецовъ, еще высоко, но вмѣстѣ и для младенцевъ довольно просто. *Яко* Ты, *Отче Господи небесе и земли, утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (Матѳ. XI. 25.).

Что же значитъ *горнял мудрствовать?* — Повторяю: если ты сего не понимаешь; то видно, что ты сего не дѣлаешь. А если ты не мудрствуешь *горнял:* то нѣтъ сомнѣнія, что мудрствуешь *земная*, и слѣдственно это ты уже знаешь. И такъ, что ты дѣлаешь, когда мудрствуешь земное, на примѣръ, когда умудряешься, какъ бы сдѣлаться богатымъ? — Ты желаешь богатства; часто думаешь о немъ; вымышляешь средства для пріобрѣтенія и умноженія онаго; самымъ дѣломъ употребляешь сіи средства; что ни дѣлаешь, дѣлаешь съ намѣреніемъ пріобрѣсть и умножить богатство; въ обладаніи богатствомъ полагаешь свое благополучіе. По сему примѣру, можно сказать вообще, что *мудрствовать земная*, значитъ земнаго желать, о

земномъ думать, земное дѣлать, земное имѣть въ намѣреніи, въ земномъ полагать благополучіе. Перемѣни предметъ, и окажется, что значитъ *мудрствовать горняя*. Сіе значитъ горняго, то есть, небеснаго, или иначе, духовнаго и Божественнаго, желать, о небесномъ думать, небесное дѣлать, или, по изреченію Евангельскому, *дѣлать дѣла Божія*, небесное имѣть въ намѣреніи, въ небесномъ полагать блаженство.

Какъ трудно! — подумаютъ нѣкоторые. Чтобы небесное имѣть и въ мысляхъ, и въ желаніяхъ, и въ дѣлахъ, для сего надобно земному человѣку перемѣнить и дѣла, и желанія, и самыя мысли. Не спорю, что это нужно, и что это не совсѣмъ легко. Но чтоже дѣлать? Взойти на высоту труднѣе, нежели упасть въ бездну. И такъ лучше ли упасть въ бездну?

Трудно мудрствовать горняя: но не трудно ли мудрствовать и земное? Легко ли, напримѣръ, для человѣка любостяжательнаго принятое имъ мудрованіе? Онъ трудится день и ночь; лишаетъ себя пищи и покоя; иногда оставляетъ домъ; удаляется отъ близкихъ сердцу; проходитъ сушу; пускается въ море; нисходитъ въ глубину земли; мучится то алчбою пріобрѣтенія, то заботою сбереженія, то страхомъ возможной, или отчаяніемъ дѣйствительной потери. Если такія трудности заставляетъ переносить мысль, обогатиться на земли сокровищемъ тлѣннымъ, на краткое время: не ужели не стоитъ подвига мысль, пріобрѣсть горнее сокровище, нетлѣнное, на вѣки?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: однако жъ и зерно пшеницы, погребенное въ землѣ у ногъ твоихъ, не мудрствуетъ ли горняя своимъ образомъ? Оно разверзается; пробивается росткомъ сквозь землю вверхъ, борясь съ ея и своею тяжестію; растетъ выше и выше; и, стремясь непрестанно горѣ, процвѣтаетъ и приноситъ плодъ. Не ужели ты думаешь, что земному человѣку, меньше, нежели пшеничному зерну, дано силы возникнуть въ горнюю область по роду своему?

Трудно земному человѣку мудрствовать горняя: но полно земной ли ты, человѣче? То ли собственно человѣкъ, что изъ земли берется, и въ землю возвращается? Не есть ли сіе только одежда твоя, или, если угодно, темница твоя? А ты самъ, истинный человѣкъ, — ты дыханіе жизни, происшедшее изъ устъ Самого Бога, по реченному: *вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу* (Быт. II. 7.). И такъ если, какъ земному, трудно, то, какъ горнему, не легко ли тебѣ мудрствовать горняя? Трудно ли огню итти горѣ, гдѣ его естественная область? Трудно ли камню падать на землю, гдѣ онъ родился? Трудно ли духу человѣческому стремиться къ горнему, приближаться ко Всевышнему? Если паденіе ветхаго Адама превратило стремленіе человѣка отъ горняго къ дольнему и преисподнему: то воскресеніе и вознесеніе новаго Адама, Богочеловѣка, Іисуса Христа, не съ сугубою ли силою обратило сіе стремленіе въ первоначальное направленіе, не поставило ли лѣствицу къ небесамъ? Сошествіе Святаго Духа не

возжгло ли въ человѣчествѣ духовно горящій огнь, естественно горѣ идущій, и горѣ влекущій то, въ чемъ онъ обитаетъ?

Еще ли трудно и послѣ сего мудрствовать горняя, хотя бы для сего надлежало и дѣла, и желанія, и мысли перемѣнить?

Но какъ оставить земныя дѣла, желанія и мысли, когда земное насъ окружаетъ, когда земное намъ необходимо для земной жизни? Примѣчай за собою, какъ оставляешь ты горнее, для земнаго мудрованія, и найдешь очень простой способъ оставлять земное для горняго. Ты сокращаешь для себя время дѣлъ благочестія, чтобы имѣть болѣе времени для дѣлъ мірскихъ; иногда идешь во храмъ Божій, а между тѣмъ еще думаешь о томъ, что занимаетъ тебя въ домѣ твоемъ, даже иногда въ то время, какъ стоишь тѣломъ во храмѣ молитвы, мысль твоя уходитъ туда, куда влечетъ ее земное мудрованіе, или страсть въ тебѣ господствующая; самыя духовныя упражненія твои повреждаются приходящими среди ихъ земными воспоминаніями. Поступай противнымъ сему образомъ. Дѣлай дѣла, необходимыя для земной жизни: но старайся не простирать ихъ далѣе необходимости, и по мѣрѣ возможности освобождать себя отъ сей работы, въ свободу дѣлъ благочестія. Не только предстоя Богу во храмѣ, удерживай мысль отъ уклоненія къ земнымъ вещамъ, но и внѣ онаго, когда по необходимости занимаешься вещами земными, отвлекай отъ нихъ мысль и желаніе, и возводи къ небесамъ и къ Богу. Когда идешь на дѣло мірское: воспоминай

Бога, и проси Его благословенія и помощи; когда входишь въ покой отъ сего дѣла, воспоминай Бога, и благодари Его за помощь въ трудѣ и за даръ покоя. Такъ можно со всякимъ земнымъ, закону Божію не противнымъ, упражненіемъ соединять духовное мудрствованіе, и, такъ сказать, все земное и видимое превращать въ горнее и духовное. *Егда воззриши на солнце*, учитъ Святый Макарій, *ищи истиннаго Солнца, яко слѣпъ еси. Когда простреши взоръ на свѣтъ, обратися оттуда очами къ душѣ твоей, и виждь, имѣеши ли въ ней истинный и благій свѣтъ, сирѣчь Господа.* (Бесѣд. 33.).

Свѣтъ Господа нашего Іисуса Христа да просвѣщаетъ, духъ Его да укрѣпляетъ, послѣдованіе слову и житію Его да возводитъ каждаго изъ насъ къ мудрствованію горнему на земли, а чрезъ то и къ блаженному лицезрѣнію Его на небесахъ, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. Аминь.

# 18. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ ПЯТДЕСЯТНИЦЫ.

*Исполнишася вси Духа Свята.* Дѣян. II. 4.

Послѣ того, какъ погрузившійся въ твари, не могши сносить несозданнаго свѣта, человѣкъ *скрылся* (Быт. III. 8.) отъ Бога, и Богъ скрылся отъ человѣка, дабы не истребить преступника святымъ Своимъ присутствіемъ, Единый Тріипостасный, по неизреченной благости, вновь приближился къ отчужденному въ постепенныхъ откровеніяхъ, да *Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и общеніе Святаго Духа* (2 Кор. XIII. 13.) возставитъ и паки превознесетъ падшаго. Явился Отецъ въ обѣтованіяхъ любви и милосердія, и устрашеннаго всемогущимъ правосудіемъ грѣшника провождалъ къ ходатайству Сына: явился Сынъ подъ покровомъ человѣчества, и, въ Себѣ Самомъ побѣдивъ грѣхъ, и умертвивъ смерть, отверзъ Благодати Святаго Духа дверь къ сынамъ гнѣва: явился наконецъ Духъ Святый въ знаменіи огненныхъ языковъ, и проникнулъ въ Апостолахъ естество че-

ловѣческое, дабы усвоить ему благоволеніе Отца и заслуги Сына, и содѣлать, *да будемъ причастницы Божественнаго естества* ( 2 Петр. I. 4. ).

Въ тотъ самый день, въ который данъ нѣкогда на Синаѣ законъ *духа работы въ болязнь* смерти; въ тотъ самый день исшелъ нынѣ отъ Сіона *законъ Духа жизни, свободы, сыноположенія* (Рим. VIII. 15. 2.): да разумѣемъ, что *не постигнутое* плотскимъ Израилемъ *оправданіе закона исполняется* въ чадахъ вѣры, *ходящихъ по духу* (Рим. IX. 31. VIII. 3.), и общество спасаемыхъ предъизмѣреннымъ шествіемъ приближается къ совершенію.

И такъ мы должны взирать на сошествіе Святаго Духа не токмо, какъ на чудо, прославившее Апостольскую церковь, но и какъ на событіе, существенно сопряженное съ дѣломъ нашего спасенія. Настоящее торжество не есть простое воспоминаніе прошедшаго, но продолженіе Апостольскаго приготовленія къ пріятію онаго *Духа*, непрестанно *дышущаго, идѣже хощетъ*. Апостолы, какъ повѣствуетъ книга ихъ дѣяній, послѣ постоянныхъ и единодушныхъ молитвъ, *исполнишася Духа Свята;* и не только Апостолы, но, по изъясненію святаго Златоуста, и пребывавшіе съ ними ученики, *именъ народа вкупѣ яко сто и двадесять* (Дѣян. I. 15.), *исполнишася вси*. И насъ нынѣ церковь, какъ въ Іерусалимской *горницѣ* (Дѣян. I. 13.), во храмѣ семъ совокупляетъ, дабы призвать Утѣшителя Духа истины, да пріидетъ и вселится въ насъ.

Чтобы столь важное прошеніе не срѣтилось съ древнимъ упрекомъ: *невѣста, чего просита*, —

вникнемъ, слушатели, предварительно, что такое *исполниться Духа Свята,* и колико даръ сей необходимъ для всѣхъ и каждаго.

Не осмѣлимся говорить здѣсь о Духѣ Святомъ, какъ о третіемъ лицѣ покланяемыя Троицы, исходящемъ отъ Отца и почивающемъ въ Сынѣ; самъ только *Божій Духъ испытуетъ глубины Божіи* (1 Кор. II. 10. 11.). Духъ, *посылаемый Сыномъ отъ Отца* (Іоан. XV. 26.) въ спасительныхъ дарахъ, Духъ, исполняющій человѣка, человѣкъ, исполненный Духа: вотъ предметы, которые постигаетъ человѣкъ, но и то человѣкъ, Духомъ же обитаемый; мы, едва ли *начатокъ Духа имуще* (Рим. VIII. 23.), только издалека, чрезъ зерцало слова Божія, приникать можемъ въ явленія сего великаго таинства.

Что такое Духъ Святый въ первоначальныхъ дарахъ Своихъ, сіе изъясняетъ Самъ Онъ Своими *огненными языками.* Онъ есть невещественный *огнь*, который дѣйствуетъ двумя силами: свѣтомъ и теплотою,—свѣтомъ вѣры, теплотою любви. Сей небесный свѣтъ, по выраженію Соломона, *предходитъ и просвѣщаетъ, дондеже исправится день* (Прит. IV. 18.). Разгоняетъ мглу невѣдѣнія и сомнѣній; открываетъ обманъ призраковъ, которые погрязшій въ чувственности разумъ принимаетъ не рѣдко за истины; даетъ человѣку видѣть себя самого въ наготѣ растлѣнной природы, познать міръ въ отношеніи къ душѣ, и ощутить присутствіе Бога, яко источника свѣта; сообщаетъ *уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI.

1.). По той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ Солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце. Любовь Божественная изгоняетъ изъ него самолюбіе; попаляетъ въ немъ тѣрніе плотскихъ пожеланій; очищаетъ, упраздняетъ его, и взаимно привлекаетъ въ душу новый свѣтъ. Сліяніе сихъ источныхъ даровъ Духовныхъ образуетъ *огненный языкъ*, изрекающій *законъ Бога* Слова *въ сердцѣ* (Псал. XXXVI. 31.) человѣка, *воображающій въ немъ Христа* (Гал. IV. 19.), совершающій возрожденіе въ жизнь духовную.

Способъ, каковымъ человѣкъ исполняется благодатныхъ даровъ, есть единое нераздѣльное дѣйствіе Св. Духа, которое однако въ человѣкѣ начинается и прекращается, уменьшается и возрастаетъ, длится и ускоряется, пріемлетъ различныя направленія и виды; всегда соотвѣтствуетъ готовности пріемлющаго, но никогда не зависитъ отъ его произвола; сопровождается ощутительными слѣдствіями, но убѣгаетъ отъ разсудка, желающаго взойти къ его началу. Простираясь изъ внутренняго во внѣшнее, оно уподобляется влагѣ, сходящей на руно Гедеоново (Суд. VI. 38.), которая изъ воздуха открывается въ капляхъ воды, и наполняетъ окринъ; или вѣтру, примѣчаемому въ тѣхъ движеніяхъ, которыя онъ производитъ, но не въ тѣхъ, которыя его составляютъ. *Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа* (Іоан. III. 8.). Какія же суть примѣчательнѣйшія перемѣны, которыя могутъ означить

путь Духа Божія въ душѣ человѣческой?—Бываютъ минуты, въ которыя и преданный міру и плоти человѣкъ пробуждается отъ очарованія, въ каковомъ они держатъ его; видитъ ясно, что прошедшая жизнь его есть цѣпь заблужденій, слабостей, преступленій, измѣнъ Богу, что дѣла его естественно суть сѣмя будущихъ казней, и что самыя добродѣтели его не постоятъ предъ взоромъ вѣчнаго Судіи; осуждаетъ самъ себя; трепещетъ всѣмъ существомъ своимъ, и будучи отчаянъ въ самомъ себѣ, чрезъ сіе отчаяніе влечется къ упованію на Бога: — сіе расположеніе къ покаянію что есть иное, какъ не тотъ *Духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе*, (то есть, низлагающій гордость, и умягчающій жестокосердіе), который посылаетъ предъ собою *мимоходящій Господь* (3 Цар. XIX. 11.)? Что, какъ не то *дыханіе бурно*, которое предвѣщаетъ сошествіе Святаго Духа (Дѣян. II. 2.)? Что, какъ не тотъ *страхъ Твой, Господи*, среди коего мы *во чревѣ пріемлемъ Духъ спасенія Твоего* (Исаіи. XXVI. 18.)? Блаженъ, кто съ покорностію даетъ влещи себя сему стремленію Духа Божія! Оно поведетъ его *тѣснымъ путемъ* (Мат. VII. 14.) самоотверженія; заставитъ его самого исторгать то, что прежде посѣялъ, и разрушать то, что созидалъ; научитъ его страдать, и *радоваться во страданіяхъ* (Кол. I. 24.); *распять плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V. 24.), дабы совершенно предать духъ въ руцѣ Божіи. Мало по малу бурное дыханіе превратится въ тѣ кроткія, *неизглаголанныя воздыханія*, коими *Самъ*

*Духъ о насъ ходатайствуетъ* ( Рим. VIII. 26. ); въ тотъ живый гласъ , коимъ *вопіетъ Онъ въ сердцахъ нашихъ: Авва Отче* ( Гал. IV. 6. ): и тогда человѣкъ исполняетъ Христову заповѣдь о *непрестанной молитвѣ* (Лук. XVIII. 1.), что, при однѣхъ собственныхъ силахъ, было бы для него не возможно, и по его склонности къ разсѣянію, и по невѣдѣнію предметовъ и образа истинной молитвы: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* Съ упражненіемъ въ непрестанной молитвѣ неразлучно соединяется Духовное уединеніе , въ которомъ Христіанинъ , *вошедъ въ клѣть свою , и затворивъ двери* (Матѳ. VI. 6.), пребываетъ, подобно какъ Апостолы , въ *ожиданіи обѣтованія Отча* (Дѣян. I. 4.). Онъ не вдается въ развлеченіе, въ коемъ міролюбцы , связанные суетными благоприличіями , преслѣдуя утѣхи , преслѣдуемы заботами , рѣдко возвращаются къ себѣ: но *плѣняетъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. X. 5.), и всѣ свои желанія или воскриляетъ горѣ , гдѣ *животъ* его *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* ( Кол. III. 3. ), или упокоиваетъ *внутрь* себя, гдѣ Благодать наконецъ должна открыть *царствіе Божіе* (Лук. XVII. 21.). Исполняетъ обязанности своего состоянія, не привязываясь къ соединеннымъ съ ними выгодамъ; пользуется наружными благами, но не прилѣпляется къ нимъ; пріобрѣтаетъ такъ , какъ бы не имѣлъ нужды; теряетъ такъ , какъ бы отдавалъ излишнее. Если человѣкъ твердо рѣшится, по возможности, удерживать себя въ семъ состояніи самоотчужденія: то скоро его *пустыня жаждущая процвѣтетъ* ,

*яко крінъ* (Иса. XXXV. 1.); *зерно горушно, вверженное въ вертоградъ души его, возрастетъ въ древо веліе* (Лук. XIII. 19.); сквозь *тлѣющій* покровъ *ветхаго человѣка*, отчасу болѣе *совлекаемый*, будетъ просіявать *новый человѣкъ, созданный по Богу въ правдѣ, и преподобіи истины* (Кол. III. 9. Еф. IV. 24.); и духъ святыни дышать будетъ во всѣхъ его способностяхъ и дѣйствіяхъ.

Такъ исполненный Духа Свята человѣкъ не потемненному предразсудками оку представляетъ такой образъ совершенства, предъ которымъ, какъ тѣнь, исчезаетъ все, что міръ называетъ прекраснымъ и высокимъ. Его, слушатели, оцѣнилъ Апостолъ, когда о нѣкоторыхъ подвижникахъ вѣры сказалъ, что ихъ *не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. XI. 38.). Благодать превращаетъ въ безцѣнное сокровище все, къ чему ни коснется въ человѣкѣ ей преданномъ. Въ его умѣ сіяетъ духъ премудрости: не той, которою сыны вѣка сего преимуществуютъ, по словамъ Спасителя, *въ родѣ своемъ* (Лук. XVI. 8.), то есть, которая научаетъ ихъ быть изобрѣтательными въ способахъ, и ловкими въ случаяхъ къ снисканію временныхъ выгодъ, и умножать свое достоинство не столько въ себѣ, сколько во мнѣніи другихъ; но премудрости, *духовно востязующей вся* (1 Кор. II. 15.), дабы все обратить въ средства къ единому вѣчному благу души. Его волю движетъ духъ свободы: ибо *законъ Духа жизни о Христѣ Іисусѣ* его *свободилъ отъ закона грѣховнаго и смерти*, который даетъ своимъ рабамъ столько тяжкихъ владыкъ, сколько есть нуждъ и

прихотей, страстей и привычекъ. Во глубинѣ сердца его почиваетъ духъ утѣшенія и *мира, всякъ умъ превосходящаго* (Фил. IV. 7.), который *Іисусъ Христосъ даетъ* ученикамъ своимъ, *не якоже міръ даетъ* (Іоан. XIV. 27.): ибо миръ міра есть краткая дремота подъ шумомъ опасной бури, безопасность, основанная на невѣдѣніи, такъ что радостныя восклицанія: *миръ и утвержденіе!* иногда прерываетъ *внезапу нападающее всегубительство* (Сол. V. 3.); напротивъ того миръ, даруемый Христомъ, утверждается на непоколебимой увѣренности въ примиреніи съ Богомъ, такъ что Христіанинъ въ самыхъ искушеніяхъ, скорбяхъ и опасностяхъ *не стужаетъ си,* но и *въ смерть предается* мирно, въ увѣреніи, что *еже нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ* (2 Кор. IV. 8—17.). Въ немъ обитаетъ духъ величія, которое не есть ни слѣпая отважность, ни гордость, покрытая пышностію, ни блескъ естественныхъ добродѣтелей, нечистыхъ въ своемъ источникѣ: но истинная возвышенность мыслей, занятыхъ Богомъ, обширность видовъ, ограничивающихся одною вѣчностію, благородство чувствованій, рожденныхъ и воспитанныхъ словомъ Божіимъ:—духъ смиренія, которое среди богатства благости Божіей усматриваетъ въ себѣ одну бѣдность и недостоинство, дабы тѣмъ болѣе *величить Господа;* между тѣмъ какъ не возрожденные Духомъ Божіимъ въ самыхъ недостаткахъ своихъ стараются находить нѣчто великое, самымъ униженіемъ просятъ себѣ почтенія, пресмыкаются, чтобы подавлять

другихъ:—духъ силы, съ которымъ Христіанинъ не есть болѣе оный человѣкъ безсильный, плѣнникъ собственныхъ чувствъ, со всѣхъ сторонъ открытый нападеніямъ врага, побѣжденный прежде сраженія, и, дабы усмирить одну страсть, покаряющійся другой; но добрый воинъ, *облеченный во вся оружія Божія* (Еф. VI. 11.), *могущій вся о укрѣпляющемъ его Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13.), *силою восхищающій царствіе Божіе* (Матѳ. XI. 12.) Что сказать о тѣхъ чрезвычайныхъ *дарованіяхъ*, о тѣхъ *явленіяхъ Духа*, которыя избраннымъ Божіимъ даются *на пользу* (1 Кор. VII. 4. 7.) другихъ, въ созиданіе всея церкви? —

О несравненное счастіе, быть сосудомъ, жилищемъ, орудіемъ Духа Божія! О блаженство на земли небесное! О таинство, въ которомъ сокрывается все, чего ищетъ духъ человѣческій, и о чемъ *вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ* (Рим. VIII. 22.)! Но, *Господи! кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Иса. LIII. 1.)? *Плоть и кровь не являютъ* (Матѳ. XVI. 17.) сего таинства: міръ думаетъ, что и на небесахъ дышатъ духомъ міра; и, столь многократно слыша глаголющихъ языкомъ Духа Твоего, доселѣ, такъ же, какъ прежде, ругается: *виномъ исполнени суть.*

Такъ. Есть и между Христіанами люди, которымъ дары Святаго Духа кажутся столь странными, что если не смѣютъ совсѣмъ отвергнуть ихъ, по крайней мѣрѣ относятъ къ другимъ лицамъ и временамъ; а сами не помышляя о возрожденіи, до-

вольствуются или праздною надеждою на заслуги Ходатая, или даже собственною честностію.

Не будемъ обманываться привлекательнымъ видомъ, который имѣетъ обыкновенная мірская честность. Не быть врагомъ вѣры, не дѣлать вопіющихъ несправедливостей, оказывать иногда благодѣянія, убѣгать вредныхъ излишествъ, кратко, исполнять только необходимыя и наружныя обязанности человѣка и члена общества, значитъ только *повапливать* свой *гробъ* (Матѳ. XXIII. 27.), который между тѣмъ остается *внутрь—уду полнъ костей мертвыхъ*; значитъ срывать *листвіе древа животнаго*, данное во *исцѣленіе языкомъ*, но не вкушать *плодовъ* (Апок. XXII. 2.) его, долженствующихъ питать Христіанина; значитъ имѣть *правду книжниковъ и Фарисеевъ*, которая не вводитъ *въ царствіе небесное* (Матѳ. V. 20.). А проникнуть въ изгибы своего сердца, отколѣ *исходятъ помышленія злая* (Матѳ. XV. 19.), и тамъ водворить чистоту и святость, а *соблюсти весь законъ*, и не согрѣшить ни *во единомъ*, дабы *всѣмъ* не быть *повинну* (Іак. II. 10.):—какой своему токмо разуму и силамъ оставленный человѣкъ похвалится, что исполнитъ сіе? Единъ *Богъ зиждетъ* въ человѣкѣ *сердце чисто, и духъ правъ обновляетъ во утробѣ* его (Псал. L. 12.). Должно *родиться свыше*, чтобы *видѣть царствіе Божіе* (Іоан. III. 3.).

Съ другой стороны, когда *нетлѣннное сѣмя* (1 Петр. I. 23.) сего вышняго рожденія низведено на землю смертію Богочеловѣка: мы не можемъ и остальное предоставить, безконечной впрочемъ, силѣ

заслугъ Его. Какъ? Развѣ Богъ предалъ Сына Своего въ жертву не только своему Правосудію, но и нашей неблагодарности? Развѣ мы для того познали дѣйствительность крестной жертвы, чтобы тѣмъ съ большею безпечностію оставаться въ бездѣйствіи? Такъ мыслить не есть возвышать цѣну заслугъ Хрістовыхъ, но паче унижать ихъ, и почивать на нихъ съ такою же пагубною безопасностію, какъ нѣкогда Іудеи *почивали на законѣ*. Если мы во Хріста крестились: то, согласно сему исповѣданію, да явимъ въ себѣ плоды крещенія не только водою, но и духомъ; ибо Хрістосъ *креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. III. 11.).

Наконецъ, когда Божественный даръ Духа кажется намъ рѣдкимъ явленіемъ: не заключимъ изъ сего, что онъ не для всѣхъ. Онъ для всѣхъ, какъ скоро всѣ для него. Если не примѣчаютъ болѣе слѣдовъ Его: то или имѣютъ очи, и не видятъ; или въ самомъ дѣлѣ вопросъ: *егда пріидетъ Сынъ человѣческій, обрящетъ ли вѣру на земли* (Лук. XVIII. 8.)? приближается къ разрѣшенію, и самый міръ находится при послѣднемъ издыханіи. Вселенная знаетъ, что случилось съ нею тогда, когда рекъ раздраженный Богъ: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI. 3.). Тогда не только беззаконный родъ человѣческій, но и тварь, *повинувшаяся суетѣ неволею*, потребились мстительными волнами. Еще подобное прещеніе,--и наступитъ огненный потопъ суда послѣдняго!

Но доколѣ Богъ сохраняетъ бытіе наше, Христі-

ане, и благоденствіе Церкви Своей: дотолѣ мы не можемъ сомнѣваться, что Духъ Божій въ ней *пребываетъ*. Также, какъ при созданіи міра Онъ *носшашеся верху воды*, носится Онъ и нынѣ, при продолжающемся возсозданіи человѣка, надъ бездною разстроеннаго естества нашего, и животворящимъ осѣненіемъ оплодотворяетъ его къ благодатному возрожденію. Предадимъ себя Его всесильному дѣйствію; преведемъ къ нему наши мысли и желанія отъ смѣшенія плоти и міра; воззовемъ изъ глубины отпаденія нашего, да снидетъ на насъ, и Своею благодатію, ходатайствомъ Искупителя намъ пріобрѣтенною, очиститъ, просвѣтитъ, обновитъ, освятитъ и спасетъ, Благій, души наша. Аминь.

# 19. СЛОВО

### ВЪ ДЕНЬ СОШЕСТВІЯ СВЯТАГО ДУХА.

*Исполняйтеся Духомъ.* Ефес. V. 18.

Душа всякаго праздника есть присутствіе того, кому празднуютъ. И для празднующихъ день Святаго Духа что можетъ быть вожделѣннѣе, какъ если бы сей небесный Утѣшитель благодатнымъ наитіемъ посѣтилъ Свое празднество? Если бы Онъ, хотя уже не огненными языками, осіялъ главы наши, по крайней мѣрѣ тайною искрою огня своего коснулся нашихъ сердецъ, и воспламенилъ ихъ ощущеніемъ присутствія Божія; подобно какъ нѣкогда и *косныя, еже вѣровати, сердца* двухъ учениковъ возжигалъ Онъ такъ, что сіи самыя сердца могли указать имъ по крайней мѣрѣ слѣдъ присутствія Господня: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути* (Лук. XXIV. 32.). Благо сіе такъ велико, что, не знаю, можно ли его и просить отъ *Сокровища благихъ* безъ внутренняго содроганія, и нѣкоего удивленія собствен-

ному дерзновенію; хотя впрочемъ Церковь, и каждый день, и въ началѣ каждаго молитвословія, приглашаетъ насъ молить Святаго Духа, не токмо да *пріидетъ*, но и да *вселится въ насъ*.

Но чего единое желаніе толико съ нашей стороны трудно, слушатели: то самое, какъ просто, и такъ щедро, предлагаетъ намъ нынѣ Духъ Святый устами Апостола; и не только предлагаетъ, но заповѣдуетъ, внушаетъ, поставляетъ закономъ: *исполняйтеся Духомъ!*

Коль блаженную, Божественный Павле, но вмѣстѣ коль чудную и непостижимую ты даешь намъ заповѣдь! *Исполняйтеся Духомъ*: развѣ въ нашей состоитъ волѣ исполняться Духомъ? Если сіе сокровище столь близко и столь приступно: то почему оно столь рѣдко и неизвѣстно?

Христіане! конечно между Ефесскими сучениками нашими, которымъ учитель языковъ первоначально далъ наставленіе нами разсматриваемое, не было человѣка, который бы его не разумѣлъ въ семъ случаѣ, и могъ бы противуположить ему наши недоумѣнія. Иначе Богодухновенный наставникъ, безъ сомнѣнія, предъупредилъ бы совопрошенія вразумленіемъ. Такъ, знали въ то время *жаждущіе* указанный нѣкогда Пророкомъ путь, да *идутъ на воду, и елицы не имутъ сребра, да шедше купятъ и ядятъ, да шедше купятъ безъ сребра и цѣны вино и млеко*. Нынѣ, по видимому, и *сребро иждивается не въ хлѣбы, и трудъ нашъ не въ сытость* (Иса. LV. 1. 2.). Намъ кажется, будто Господь слишкомъ дорого цѣнитъ свои блага; и

будто не наши мышцы ослабѣли для принятія, но Его рука сократилась для подаянія даровъ духовныхъ.

Нѣтъ! Господь независтно *изливаетъ отъ Духа своего на всяку плоть* (Іоил. II. 28.). Если мы не *исполняемся Духомъ;* то не даровъ Его не достаетъ для насъ, а насъ не достаетъ для даровъ Его. Да утѣшатся нищіе Духомъ! Да воздвигнутся немоществующіе плотію! Да оправдится Господь во словесѣхъ Своихъ!

Было время, когда Апостолы, преимущественно святые храмы Святаго Духа, не ощущали Живущаго въ нихъ. Они уже обладали даромъ чудесъ: а еще не понимали начала, и не примѣчали направленія силы, въ нихъ дѣйствующей. Духъ любви являлся въ нихъ духомъ гнѣва; и призванные въ служеніе спасенія готовы были низвести съ небесе огнь потребленія. Сама Истина обличила ихъ въ столь страномъ невѣдѣніи самихъ себя: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. IX. 55.).

Послѣ, когда тотъ же Духъ, который въ началѣ дѣйствовалъ въ Апостолахъ сокровенною силою, посѣтивъ ихъ торжественнымъ сошествіемъ Своимъ, исполнилъ вѣдѣніемъ и премудростію, они узнали Его столь ясно, и столь близко, что рѣшительно различали Его, какъ отъ собственнаго, такъ и общаго нѣкоего духа, дѣйствующаго въ естественныхъ, не возрожденныхъ Духомъ Божіимъ, человѣкахъ, и, можетъ быть, въ нихъ самихъ нѣкогда дѣйствовавшаго. *Мы же*, говоритъ одинъ изъ нихъ, *не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ*

*Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ* (1 Кор. II. 12.).

Замѣтимъ, слушатели, что Апостолъ не говоритъ: *дадеся намъ духъ*, но: *мы пріяхомъ духа*. Какъ бы такъ сказалъ: «извѣстно, что Богъ *даетъ* своего «Духа каждому, кто расположенъ *принять* Его. «Только люди по большой части порабощаются и «омрачаются *духомъ міра*. *Мы же* отвергли вла- «дычество сего мрачнаго духа, но приняли духомъ «нашимъ свѣтоносныя вліянія *Духа, отъ Бога* ис- «ходящаго; и такимъ образомъ открылось въ насъ «дѣятельное познаніе и ощущеніе даровъ, отъ Бога «намъ предуставленныхъ. *Мы же не духа міра «сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, «яже отъ Бога дарованная намъ*».

И такъ повѣрьте не намъ, немощнымъ служителямъ слова,—повѣрьте избраннымъ орудіямъ, посланникамъ и благовѣстникамъ Духа Божія, что, не смотря на нѣкое самостоятельное бытіе и свободу человѣка, онъ не только можетъ находиться, но и находится обыкновенно подъ правленіемъ одного изъ двухъ началъ, или *духа міра сего*, или *Духа, иже отъ Бога*, смотря по тому, котораго изъ нихъ дѣйствіе на себя свободно *пріемлетъ*. Если вы сего, по видимому, на себѣ не испытываете: сіе токмо то значитъ, что *не вѣсть, коего духа есте вы*.

Дабы, по возможности, приближить къ общему разумѣнію сіи тайныя отношенія духа человѣческаго къ Духу Божію, да будетъ позволено употребить притчу и гаданіе, въ которыя сама Божественная истина облекалась не рѣдко, дабы явиться взорамъ

человѣковъ, болѣе или менѣе чувственныхъ. — Младенецъ во чревѣ имѣетъ собственную душу и жизнь; но жизнь его погружена въ жизни матерней, ею проникнута, ею питаема, такъ, что, въ сравненіи съ полною жизнію человѣка, едва можетъ почитаться жизнію: вотъ образъ того состоянія, въ которомъ естественный человѣкъ находится въ мірѣ! Духъ его имѣетъ собственную жизнь и свободу, но тѣмъ не менѣе, будучи во плоти, объятъ, и нечувствительно правимъ силою міра: онъ мыслитъ, но по стихіямъ міра; желаетъ, но такъ, какъ побуждаетъ всеобладающая въ мірѣ похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская; дѣйствуетъ, но въ тѣсномъ и низкомъ кругѣ чувственнаго; живетъ, но по духу міра, *въ отчужденіи отъ жизни Божія* (Ефес. IV. 18.). Впрочемъ заключеніе младенца во чревѣ не есть рѣшительное намѣреніе природы, но токмо средство и путь, которымъ онъ ведется къ полному бытію; и онъ долженъ изыти на свѣтъ, узрѣть красоту міра, вкусить отъ благъ его, познать его Творца: таково и высшее назначеніе человѣческаго духа, объятаго плотію и заключеннаго въ мірѣ. *Подобаетъ вамъ родитися свыше* (Іоан. III. 7.): *подобаетъ*, ибо сіе, по намѣренію Божію, не случайный токмо жребій нѣкоторыхъ, но утвержденный законъ и предопредѣленіе всего человѣчества, къ которому вся естественная жизнь служитъ токмо приготовленіемъ и переходомъ. Узникъ міра долженъ быть *изведенъ изъ темницы* своей — *исповѣдатися имени Господню* (Псал. CXLI. 8.), *просвѣтиться* свѣтомъ Христовымъ, *вкусить дара не-*

*беснаго и силы грядущаго вѣка* (Евр. VI. 4. 5.) въ теченіи еще настоящаго вѣка, *пріять* въ самомъ мірѣ *Духа, иже отъ Бога*, начать на земли дышать небеснымъ воздухомъ. И, какъ раждающійся младенецъ, отрѣшаясь отъ жизни матерней, не имѣетъ труда искать новой жизни своей, но въ себѣ самомъ носитъ источникъ дѣятельности, непрестанно развивающейся и усовершающейся, вкругъ же себя всюду находитъ воздухъ, нужный для своего дыханія: такъ влекомый благодатію отъ міра, и призываемый къ вышнему рожденію, человѣкъ ближе находится къ области новой жизни, нежели думаетъ; ибо мы только можемъ быть далеки отъ Духа Божія, а Духъ Божій не можетъ быть далекъ отъ насъ. Сей Духъ, по словамъ Премудраго, *сквозь вся проходитъ духи* (Прем. VII. 23.), будучи неприкосновенъ во святыни своей, и вездѣприсущъ своею благостію: онъ изливается на всякую силу и способность, предающуюся его дѣйтвованію; и въ самомъ сердцѣ ветхаго человѣка отверзаетъ источникъ новой жизни. *Вѣруяй въ мя*, рекъ Податель Духа, *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же*, присовокупляетъ возлюбленный ученикъ, изъясняя слова небеснаго Учителя, *сіе же рече о Дусѣ, Его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его* (Іоан. VII. 38. 39). Наконецъ, вотъ важная разность между рожденіемъ естественнымъ и духовнымъ: первое достигается и совершается необходимымъ шествіемъ природы, а послѣднее свободнымъ стремленіемъ къ Богу вѣры во Христа. *Вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ*

*чрева его истекутъ воды живы.* И для чего цѣлыя *рѣки* отъ единаго *чрева*, когда единыя капли отъ исполненія благодати довольно, чтобы оживотворить сонмы духовъ? — Для того, какъ рекло Писаніе, чтобы явить презѣльное богатство благости, по которой Духъ Святый не токмо наполняетъ, но и препсполняетъ мѣру нашей готовности къ принятію Его, и, такъ сказать, болѣе намъ дарствуетъ, нежели мы пріемлемъ.

Намъ ли убо, чада вѣры, не познавать присутствія посреди насъ Духа Святаго, и вопрошать о Его владычествѣ: гдѣ оно? А еще до торжественнаго сошествія Его на Царство вѣры, чада закона ощущали вездѣсущую и вседѣйствующую силу Его столь живо, что нигдѣ не могли скрыться и почить отъ благоговѣйнаго ужаса! *Камо пойду отъ Духа Твоего* (Псал. CXXXVIII. 7.)? восклицалъ Давидъ. Намъ ли недоумѣвать, какъ самодѣятельный духъ человѣческій можетъ стоять подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ Духа всемогущаго? А еще во времена Іова разумѣли, что *духъ есть въ человѣцѣхъ, дыханіе же Вседержителево есть научающее* (Іов. XXXII. 8.)! Нужно ли припоминать и собственное наше исповѣданіе, столь часто по гласу церкви возобновляемое, которымъ, вводя себя въ молитвенное приближеніе къ Богу, возвѣщаемъ вездѣсущую и всеисполняющую силу Духа Его?—*Вездѣ сый и вся исполняй!*

*Вся исполняй!* Но почто же не всѣ Имъ *исполняемся?* — Видно, что самихъ себя должно вопрошать о семъ.

Можно ли намъ *исполняться Духомъ*, если плоть, непрестанно враждующая на духа, не находитъ въ насъ никакой преграды своему владычеству? Если въ ея пресыщеніи, упоеніи, наслажденіи мы угашаемъ даже свойственный духу нашему гладъ слышанія слова Божія и жажду правды? Если мы токмо и живемъ въ сію плоть, въ которой, какъ по собственному опыту насъ увѣряетъ человѣкъ Божій, совсѣмъ *не живетъ доброе* (Рим. VII. 18.)? Въ такомъ случаѣ мы сами течемъ подъ тяжкій судъ Божій, изреченный на первый міръ: *не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. VI. 3.). *Еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI. 7. 8.).

Можно ли намъ *исполняться Духомъ Божіимъ*, если мы сами одушевляемъ себя токмо духомъ сего міра? Если только его стихійною мудростію исполняемъ нашъ умъ; только его прелестями оживляемъ наше воображеніе; только его страстями возбуждаемъ наше сердце; только его законами правимъ нашу волю; только ему стараемся угодить нашимъ дѣйствованіемъ? Если лучшія наши чувствованія и самыя добродѣтели заражены тлетворнымъ дыханіемъ духа міра: любовь пристрастіемъ, снисходительность ласкательствомъ, благородство гордостію, трудолюбіе корыстолюбіемъ, благотвореніе тщеславіемъ, достоинство презрѣніемъ другихъ, подвиги честолюбіемъ? — Токмо тѣ могутъ пріяти *Духа*, *иже*

*отъ Бога*, которые *не пріяли духа міра сего*, или изгнали его, *не любя міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II. 15.).

Можно ли намъ *исполняться Духомъ Святымъ*, если мы еще преисполнены сами собою такъ, что нѣтъ въ насъ ниже столько упраздненнаго и очищеннаго мѣста, куда бы хотя капля всенапаяющія воды, по всей долготѣ и широтѣ временъ и мѣстъ *текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. IV. 14.), могла укануть, и не превратиться въ бреніе нашимъ самолюбіемъ и грѣховными останками? — Наша нечистота есть оплотъ, которымъ заграждаемъ мы отъ себя токи *Духа* Господня, подобно устремленіямъ весеннихъ водъ, *посланнаго* всюду *созидать* новую тварь и *обновлять лице земли* (Псал. CIII. 30.): но то не есть еще и гнѣвъ, а паче милосердіе Божіе, что сіи токи не проторгаются въ души недостойныя; ибо святая и освящающая вода жизни, упадши на нечистое, воспылала бы огнемъ всепоядающимъ.

И посему, да не сѣтуютъ на Духа Господня и тѣ, которые, хотя всѣми силами отвергаются плоти, міра и самихъ себя, и съ духовною *жаждою* приходятъ ко Христу, однако *не піютъ* еще отъ источника благословеній, не ощущаютъ въ себѣ утѣшительнаго присутствія благодати освящающей и обновляющей, или, ощутивъ мгновенно, теряютъ оное. Въ Евангеліи написано, что нѣкогда, между тѣмъ, какъ самъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ о *Духѣ, Его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его, не у бѣ Духъ святый* пріемлемый, *яко Іисусъ не*

*у бъ прославленъ.* Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ ученикамъ Своимъ, что, и послѣ неизмѣннаго Ему послѣдованія, надобно прежде искушеннымъ быть лишеніемъ видимаго присутствія Его, и потомъ уже взыти къ таинственному общенію Духа Святаго: *уне есть вамъ, да Азъ иду. Аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ* (Іоан. XVI. 7.). Даже по воскресеніи Его, когда Ему *дадеся всяка власть на небеси и на земли*, потребны были Апостоламъ пятдесятъ дней *терпѣнія, единодушныхъ молитвъ и моленій* (Дѣян. I. 14.), дабы они могли, упраздняясь отъ всего, единаго наконецъ *исполнитися Духа свята*, и начать жить въ семъ исполненіи. Токмо *упраздняясь* отъ всего, удостоились они *праздновать* великій праздникъ Божій. Можетъ быть, и для васъ, ревнующіе о Апостольскомъ послѣдованіи Христу, но не ощущающіе на себѣ *помазанія отъ Святаго*, — можетъ быть, и для васъ потому *не у есть Духъ святый, яко Іисусъ не у прославленъ* въ васъ: можетъ быть, вы пріяли Его еще токмо, яко *Пророка*, посящаго слово Божіе во устахъ своихъ; но еще не посвятили себя Ему, яко *Священнику*, да въ общеніи всемірныя жертвы своея всецѣло вознесетъ и васъ въ благопріятное приношеніе Отцу Своему; еще не превознесли Его, яко *Царя*, да никакое желаніе и мысль не воздвигнется безъ Его мановенія. Можетъ быть, *уне есть* и *вамъ* — если *разумѣете* и взыскуете *Христа* болѣе *по плоти* (2 Кор. V. 16.), нежели по духу, — да *отъимется* на время отъ

душъ вашихъ вожделѣнный *Женихъ*, и лишеніе духовныхъ утѣшеній очиститъ вашу вѣру, возвыситъ любовь, утвердитъ терпѣніе, изощритъ молитву, изгонитъ опасное самоуслажденіе, приготовитъ сугубое блаженство.

Но тѣ, въ которыхъ если не ощущается, по крайней мѣрѣ уже начинается сокровенною рукою *помазаніе, не требуютъ, да кто учитъ ихъ: яко то самое помазаніе учитъ ихъ о всемъ* (1 Іоан. II. 27.). Что мы сотворимъ, живущіе токмо плоти и крови, которыя *царствія Божія наслѣдити не могутъ?* Что будемъ мы, по духу мертвые, хладные и сухіе, подобно разсѣяннымъ среди поля *костямъ* въ Іезекіилевомъ видѣніи? *Оживутъ ли кости сія* (Іез. XXXVII. 3.)? вопрошалъ Богъ Пророка, желая ниспослать на нихъ животворящаго Духа Своего. *Не хотяй смерти грѣшниковъ, но еже обратитися и живымъ быти имъ*, безъ сомнѣнія, и на сіи духовные остовы съ толикимъ же взираетъ милосердіемъ и нетерпѣливымъ, если можно такъ сказать, желаніемъ ихъ оживленія Духомъ Святымъ. *Оживутъ ли кости сія?—Господи Боже, Ты вѣси сія.* — И нынѣ рцы Самъ, еже реклъ еси древле Пророкомъ Твоимъ; яко нѣсть въ насъ, иже проречетъ,— Самъ рцы костемъ симъ: *се Азъ введу въ васъ духъ животенъ,—и дамъ Духъ Мой въ васъ, и оживете и увѣсте, яко Азъ есмь Господь.* Аминь.

# 20. СЛОВО

### НА ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

*Взыде на гору помолитися. И бысть, егда молящеся, видѣніе лица Его ино; и одѣяніе Его бѣло блистаяся. И се мужа два съ Нимъ глаголюща, яже бѣста Моисей и Илія.* Лук. IX. 28. 29. 30.

Высокое зрѣлище на горѣ Ѳаворской. Зрѣлище, подлинно, достойное того, чтобы и видѣть оное съ восхищеніемъ, какъ видѣли Апостолы, и воспоминать съ торжествомъ, какъ мы нынѣ воспоминаемъ. Не напрасно и тѣ, которые были свидѣтелями великихъ явленій на Синаѣ и Хоривѣ, не напрасно Моисей и Илія являются на Ѳаворѣ. Они увидятъ здѣсь болѣе, нежели тамъ. На Синаѣ и Хоривѣ сила и слава Божія открылась человѣкамъ сквозь силы видимаго естества: на Ѳаворѣ не только Божество является человѣкамъ, но и человѣчество является въ Божественной славѣ. Моисей трепеталъ на Синаѣ (Евр. XII. 21.); Илія жаловался на Хоривѣ (3 Цар. XIX. 14.): въ Апостолахъ на Ѳаворѣ сквозь ужасъ сіяетъ радость: *добро есть намъ здѣ быти.*

Христіане! вѣроятно, сердце ваше готово сказать о зрителяхъ Ѳаворской славы: воистинну добро есть имъ тамо быти! Счастливы они, что могли тамъ быть! Что жъ, если скажемъ вамъ, что путь къ созерцанію Ѳаворской славы не поглощенъ бездною, не прегражденъ стѣною, не заросъ терніемъ, не забытъ, не потерянъ, но еще и нынѣ указуется знающими желающимъ. (Не трудно понять, что сіе говорится о пути духовномъ; ибо тѣлеснымъ шествіемъ, конечно, не льзя взойти къ видѣніямъ духовнымъ, и откровеніямъ Божественнымъ). Въ самомъ дѣлѣ, для чего Евангелистъ, приступая къ изображенію славнаго Преображенія Господня, прежде всего свое и наше вниманіе обращаетъ на молитву: *взыде на гору помолитися?* Для чего еще, какъ будто не полагаясь на проницаніе нѣкоторыхъ читателей и слушателей Евангелія, и опасаясь, что не довольно поймутъ важность замѣчаннаго обстоятельства, онъ тутъ же повторяетъ, что Преображеніе Господне случилось во время молитвы: *бысть, егда молящеся?* Для чего иначе, если не для того, чтобы указать намъ въ молитвѣ путь къ свѣту Ѳаворскому, ключъ таинъ духовныхъ, силу откровеній Божественныхъ?

Если Богомудрый Евангелистъ нашелъ столь нужнымъ съ изображеніемъ славы Ѳаворской соединить мысль о молитвѣ: то конечно не излишне будетъ и намъ, Христіане, съ воспоминаніемъ славнаго Преображенія Господня соединить хотя нѣкое малое размышленіе *о силѣ и дѣйствіи молитвы.*

Хотя должно уповать, что въ семъ домѣ молитвы

нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ болѣе или менѣе познанія о силѣ и дѣйствіи молитвы: однако, для основательнаго знанія, да будетъ позволено войти о семъ предметѣ въ изслѣдованіе, какъ бы о неизвѣстномъ. И такъ—имѣетъ ли какая нибудь молитва какое нибудь дѣйствіе?—Сей вопросъ не долго можетъ оставаться неразрѣшеннымъ. Онъ разрѣшается общимъ смысломъ человѣческаго рода: ибо всѣ, отъ просвѣщеннаго чистымъ свѣтомъ вѣры Христіанина, до язычника, омраченнаго грубымъ суевѣріемъ, всѣ люди признаютъ обязанность молиться, а большая и лучшая часть людей и самымъ дѣломъ исполняютъ сію обязанность, хотя не одинаковымъ образомъ, и не съ одинаковымъ успѣхомъ; но для чего бы и установлять и совершать молитву, если бы не признавали въ ней никакой силы, и не ожидали отъ нея никакого дѣйствія? Если кто спроситъ, какъ могутъ и язычники быть свидѣтелями о силѣ молитвы, когда они, не имѣя истиннаго Богопочтенія, не имѣютъ потому и истинной молитвы: того мы опять спросимъ, какъ же у нихъ и есть какая нибудь молитва? Какъ ни старайся изъяснить, какое бы то ни было, несовершенное, явленіе молитвы: въ основаніе происхожденія его всегда должно будетъ положить силу молитвы. Молятся и язычники, конечно или потому, что оставляемый тварію, но не оставляющій ея, Богъ и въ ихъ омраченныхъ сердцахъ оставляетъ нѣкоторыя искры Своего свѣта, который *просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*, и котораго *тьма необъемлетъ* (Іоан. I. 9. 5.), который и во плоти возбуждаетъ нѣкое чувство по-

требности духовной, даетъ нѣкое предчувствіе о возможности ея удовлетворенія, и такимъ образомъ побуждаетъ взывать къ невѣдомому Богу о невѣдомой помощи;—или потому, что изъ самаго блата чувственности, въ которомъ погрязло язычество, иногда возникали нѣкоторыя окрыленныя души, которыя, при сознаніи низости и нечистоты сего состоянія, искреннимъ желаніемъ и усиліемъ познать силы духовнаго міра, достигали нѣкотораго причастія ихъ, и потомъ научали другихъ достигать того же искреннимъ и крѣпкимъ желаніемъ, то есть, молитвою;—или наконецъ потому, что еще съ тѣхъ временъ, когда во всемъ родѣ человѣческомъ было истинное Богопознаніе, и слѣдственно во всемъ родѣ человѣческомъ извѣстна была сила и дѣйствительность истинной молитвы, не смотря на послѣдовавшее поврежденіе Богопочитанія, осталось неизгладимое всеобщее увѣреніе, какъ о необходимости самаго Богопочитанія, такъ и о пользѣ молитвы, то есть, о ея силѣ и дѣйствительности.

Къ несчастію есть Философія, (того рода, который Апостолъ Павелъ называетъ Философіею *по стихіямъ міра, и тщетною лестію*) (Кол. II. 3.), которая, пренебрегая всеобщее свидѣтельство человѣческаго рода, думаетъ надежнѣйшее свидѣтельство истины дать сама себѣ. Она учитъ, что какъ весь міръ связанъ узами причинъ и послѣдствій, въ которыхъ и свободныя существа болѣе или менѣе запутаны; то, когда человѣкъ молится, — на примѣръ, о изобиліи плодовъ земныхъ, а сіе изобиліе зависитъ отъ благорастворенія воздуха, благораствореніе воз-

духа отъ дѣйствія и воздѣйствія солнца, земли и воды, дѣйствіе же ихъ отъ законовъ міра, однажды Творцемъ его постановленныхъ, и всегда постоянно и необходимо дѣйствующихъ; — онъ молится или безполезно, или развѣ только для своего смиренія и покорности предъ властію и величествомъ Творца. Замѣтимъ, что и сей родъ мудрованія не можетъ отнять у молитвы хотя того дѣйствія, что она образуетъ въ человѣкѣ качество смиренія предъ Богомъ: а это уже не маловажное и спасительное дѣйствіе. Но сего не довольно. Спросите, если встрѣтите, учениковъ сего мудрованія, что лучше, искусная машина, или существо живое, разумное, свободное, и благоустроенное общество таковыхъ существъ? Что возвышеннѣе, художникъ, который устроилъ машину, и наблюдаетъ за ея движеніями, или отецъ, который родилъ дѣтей, и воспитаніемъ образуетъ ихъ въ свое подобіе, и царь, который основалъ царство свободныхъ, и управляетъ ими такъ, какъ они хотятъ быть управляемы, только безъ нарушенія его премудрыхъ и благихъ намѣреній? Выборъ здѣсь не труденъ, и отвѣта ожидать не нужно. Спросите же ихъ еще: для чего въ твореніи Всесовершеннаго Творца лучше хотятъ они видѣть совершенное произведеніе художества, нежели благоустроенное царство премудраго Царя и великій домъ Отца Всеблагаго? Почему охотнѣе представляютъ себѣ Бога Художникомъ міра, нежели Царемъ неба и земли, и Отцемъ духовъ? Отвѣта на сіе предоставимъ имъ искать въ своей совѣсти: а для нашего настоящаго разсужденія довольно, что

если Богъ есть не только Создатель нашъ, но и Царь и Отецъ, то нѣтъ сомнѣнія, что дѣти не вотще будутъ призывать Отца, и Царь не заградитъ слуха отъ сыновъ Царствія. И удивительно ли, если чадолюбивый Отецъ въ удовлетвореніе добраго, или, по крайней мѣрѣ, невиннаго желанія сына, остановитъ, или перемѣнитъ движеніе машины, которую онъ устроилъ? Такъ не удивительно, если Всеблагій Отецъ Небесный, по молитвѣ земнородныхъ чадъ своихъ, даетъ новое, необыкновенное направленіе природѣ, управляемой закономъ необходимости. Симъ уподобленіемъ изъясняетъ дѣйствіе молитвы сама Истина и само Слово: *аще вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ: кольми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Матѳ. VII. 11.).

Нѣкоторые Христіане, знающіе и творящіе дѣло молитвы болѣе наружно, по обряду, нежели внутренно, по духу, не сомнѣваясь въ неопредѣленной мысли, что молитва можетъ быть сильна и дѣйствительна, недоумѣваютъ, или совсѣмъ ошибаются въ приложеніи сея мысли къ самимъ себѣ и своей молитвѣ. Молясь многократно, и не видя ощутительныхъ послѣдствій своея молитвы ни въ себѣ, ни окрестъ себя, вмѣсто того, чтобы усомниться въ истинѣ и достоинствѣ своихъ молитвъ, они получаютъ духомъ лѣности и самопрельщенія вдыхаемую мысль, что молитва сильная и дѣйствительная есть, можетъ быть, особенный даръ благодати, предоставленный только для нѣкоторыхъ избранныхъ Божіихъ, и для нѣкоторыхъ только чрезвычайныхъ

случаевъ. Для таковыхъ скажемъ не обинуясь, что нѣтъ человѣка, котораго молитва не могла бы содѣлаться сильною, если онъ того твердо и чистосердечно, съ вѣрою и упованіемъ на Бога, возжелаетъ; и нѣтъ вещи, въ которой бы молитва не могла содѣлаться дѣйствительною, если только предметъ молитвы не противенъ премудрости и благости Божіей, и благу молящагося. Много сказано: надѣемся однако, что не обманемъ истинныхъ любителей молитвы.

Представьте себѣ человѣка, который силою молитвы затворяетъ и отверзаетъ небо для прекращенія и низведенія дождя; велитъ, чтобы горсть муки и не много елея достаточны были для пропитанія нѣсколькихъ человѣкъ, на нѣсколько мѣсяцовъ, и даже, можетъ быть, не на одинъ годъ, — и сіе исполняется; дуетъ на мертваго,—и онъ воскресаетъ;—низводитъ съ небесъ огнь, дабы онъ попалилъ жертву и жертвенникъ, погруженный въ воду. — Что можетъ показаться необыкновеннѣе сея силы молитвенныя? Но такъ кажется только для человѣка, не знающаго силы духовной; а для знающаго сіе есть дѣло подобнаго намъ человѣка. Это не мое мнѣніе, но ученіе Апостольское. Апостолъ Іаковъ, поучая насъ *молиться другъ за друга*, въ убѣжденіе къ сему говоритъ, что *много можетъ молитва праведнаго*, и сіе общее для всѣхъ наставленіе, и убѣждающую мысль, подтверждаетъ именно примѣромъ необыкновеннаго человѣка, котораго мы теперь изобразили, и котораго онъ называетъ подобнымъ намъ человѣкомъ: *Иліа человѣкъ бѣ*

*подобострастенъ намъ, и молитвою помолися, да не будетъ дождь; и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть: и паки помолися; и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой* (Іак. V. 16. 17. 18.). Для чего сказано здѣсь, что сей чудодѣйствующій Илія былъ *подобострастенъ намъ?* — Точно для того, чтобы, почитая его необыкновеннымъ человѣкомъ, не облѣнились мы подражать ему, и достигать силы въ молитвѣ.

Если, не смотря на сіе, подражать въ молитвѣ Пророку — кажется вамъ жребіемъ, превышающимъ вашу посредственность, и высотою недосязаемою; то представьте себя, чѣмъ вамъ угодно, меньшимъ пророка, представьте себя хотя меньше, нежели Христіанами, хотя только язычниками: и въ семъ случаѣ, я утверждаю, что молитва ваша можетъ быть сильна и дѣйствительна. Она можетъ — чего больше? — можетъ и изъ язычниковъ содѣлать васъ истинными Христіанами; можетъ ввести васъ въ истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, хотя бы оно и неизвѣстно вамъ было; и, если не будетъ близко человѣка, который бы могъ руководствовать васъ къ тому, она отверзетъ небо, и низведетъ вамъ оттолѣ Ангела, который наставитъ васъ. Но не мечтаю ли я, увлекаемый желаніемъ возбудить васъ къ молитвѣ сильной и дѣйствительной? Нѣтъ, братія и смолитвенники, я все говорю о томъ, что дѣйствительно уже было, а потому и опять быть можетъ, и о чемъ свидѣтельствуютъ наши священныя книги. Извѣстный изъ книги Дѣяній Апостольскихъ (X.) Корнилій, сотникъ Римскаго войска, былъ

язычникъ; не извѣстно, зналъ ли онъ *единаго Бога*, а то вѣрно, что не зналъ, *Его же послалъ есть* Богъ, *Іисуса Христа*: но онъ творилъ столько добра, сколько разумѣлъ, боялся и непрестанно призывалъ Бога, хотя и невѣдомаго: *благоговѣинъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творяй милостыни многи людемъ, и моляйся Богу всегда* (2.). И что же сдѣлала постоянная молитва язычника? Она точно преклонила къ нему Небеса, и низвела въ помощь ему вышнія, даже Божественныя, силы. Среди самой молитвы является ему Ангелъ: *Корниліе*, говоритъ онъ, *услышана бысть молитва твоя* (31.): и потомъ научаетъ его призвать Апостола Петра. Когда же призванный Апостолъ проповѣдалъ ему Іисуса Христа: Духъ Святый, еще прежде совершенія крещенія, изліялся на Корнилія.

Изыскивайте, если хотите, изобрѣтайте въ мысляхъ вашихъ вещь, которая казалась бы недоступною силѣ молитвы: не отчаяваемся при свѣтѣ слова Божія показать вамъ, что она доступна и достижима, хотя бы даже казалась невозможною. Вообразите, на примѣръ, цѣлый народъ, тяжкимъ преступленіемъ раздражившій Бога; присовокупите, что Богъ уже изъявляетъ праведную волю Свою погубить сей народъ, и что въ сіи ужасныя минуты остается одинъ только человѣкъ на свѣтѣ, который можетъ принести молитву за сей, почти уже поглощаемый адомъ, народъ. Не кажется ли вамъ, что уже не возможно спасти народъ сей? Опытъ Моисея показалъ, что и сіе возможно. Народъ Израильскій, непосредственно послѣ славнаго Богоявленія и законо-

положенія Синайскаго, вдругъ впадаетъ въ идолопоклонство. Моисей предстоитъ Богу на горѣ. Выслушайте, и уразумѣйте, какія дивныя слова въ сіе время изглаголалъ Господь Моисею: *и нынѣ остави Мя, и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ* (Исх. XXXII. 10.). О, Господи Боже духовъ и всякія плоти! не ужели сей рабъ Твой, который только Твоею силою силенъ, можетъ воспрепятствовать исполненію воли Твоей? Оставь Меня, глаголетъ, Я хощу явить праведный гнѣвъ Мой, хощу погубить сей народъ; но ты меня удерживаешь. *Остави Мя, и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ.* Что же еще? Молитвенникъ и тогда не оставляетъ Бога, но усугубляетъ молитву: и гнѣвъ непобѣдимаго Всемогущаго уступаетъ силѣ молитвы бреннаго человѣка! *И умилостивися Господь о злѣ, еже рече сотворити людемъ своимъ* (14.). Измѣряйте здѣсь, если можете, чудесную силу молитвы, и найдите послѣ сего, чего бы не могла она совершить во спасеніе!

Дабы усмотрѣть еще, съ какою удобностію ключъ молитвы отверзаетъ духовныя и Божественныя сокровища, воззримъ паки къ Θавору, къ которому и старались мы приближиться настоящими размышленіями. Всмотримся еще разъ прилѣжно въ изображеніе Преображенія Господня у Евангелиста: *взыде на гору помолитися. И бысть, егда молящеся, видѣніе лица Его ино;* и проч. Если смѣемъ мы по симъ чертамъ угадывать сердечную тайну Божественнаго Іисуса: кажется, на пути къ Θавору въ прямомъ и непосредственномъ намѣреніи Его

было не преображеніе, но просто молитва: *взыде на гору помолитися.* Кажется, и на самой горѣ, въ самыя минуты преображенія, собственною цѣлію дѣйствія Его была только молитва: *бысть, егда молящеся.* Размышляющему не покажется невѣроятною и та догадка, что предметомъ сея молитвы Спасителевой долженствовало быть приготовленіе Себя и учениковъ къ приближающемуся Своему страданію и крестной смерти, о чемъ Онъ не задолго предъ симъ открылся ученикамъ (Лук. IX. 22.), и о чемъ въ самое время Преображенія бесѣдовали съ Нимъ Моисей и Илія (31.). Какъ же среди молитвы о страданіи открылась слава? — Какъ самородный, такъ сказать, цвѣтъ и плодъ обильной живою силою молитвы. Духъ молитвы, сливаясь съ Духомъ Божіимъ, исполнилъ свѣтомъ душу Іисусову; преизбытокъ сего свѣта, не удерживаясь въ душѣ, проліялся на тѣло, и просіялъ въ лицѣ; не вмѣщаясь и здѣсь, осіялъ и преобразилъ самую одежду; расширяясь еще далѣе, объялъ души Апостоловъ, и отразился въ восклицаніи Петровомъ: *добро есть намъ здѣ быти*; прошелъ въ область внутренняго міра, и привлекъ оттолѣ Моисея и Илію; достигъ самыхъ нѣдръ Отца Небеснаго, и подвигнулъ любовь Его къ торжественному свидѣтельству о возлюбленномъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* О чудо молитвы, единымъ дѣйствіемъ объемлющей небо, и землю, и самое Божество! — Да не скажетъ кто, что сей примѣръ молитвы до насъ не относится, какъ дѣло Богочеловѣка. Онъ относится и до насъ, Христіане; ибо въ насъ тоже, хотя не въ томъ же степени,

должно совершаться, что и во Христѣ. *Сіе да мудрствуется въ васъ*, учитъ Апостолъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ* (Фил. II. 5.).

Время наконецъ спросить: отъ чего же столь многія молитвы остаются безъ дѣйствія, если всякая молитва можетъ быть столь сильна и дѣйствительна? Ибо для сего наипаче вопроса сказано все, что доселѣ сказано. Отличимъ здѣсь одинъ случай, когда молитва кажется не исполненною, между тѣмъ какъ она исполняется неожиданнымъ и высшимъ образомъ. Такъ, Павелъ *трикраты молилъ Господа*, да отступитъ отъ него *пакостникъ плоти*: но Богъ ему отвѣтствовалъ: *довлѣетъ ти благодать Моя; сила бо Моя въ немощи совершается* (2. Кор. XII. 8. 9.). Не прекращено искушеніе: но еще болѣе дивная дарована побѣда надъ продолжающимся искушеніемъ. Если исключить подобные сему случаи: то всѣ безуспѣшныя молитвы объясняются краткимъ изреченіемъ Апостольскимъ: *желаете, и не имате, зане не просите; просите и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. IV. 3. 4.). Наши молитвы безплодны или потому, что это не суть прошенія прилѣжныя и неотступныя, которыя бы исходили изъ глубины души, и въ которыхъ бы вся душа изливалась, но только желанія слабыя, которыя мы изрекаемъ безъ возбужденія духа, и думаемъ, что онѣ сами собою должны исполниться; или потому, что прошенія наши не чисты и злы, что мы просимъ вреднаго, а не полезнаго для души нашей, или

просимъ не во славу Божію, но для удовлетворенія нашихъ хотѣній плотскихъ и самолюбивыхъ.

Молись, Христіанинъ, молитвою крѣпкою, отъ всея силы души твоея, молитвою прилѣжною и неотступною молитвою благою и чистою: а если сего не обрѣтаешь въ себѣ, молись о самой молитвѣ: и ты молитвою сперва пріобрѣтешь молитву истинную и дѣйствительную, потомъ сія все побѣдитъ съ тобою, и все тебѣ пріобрящетъ: возведетъ тебя на Ѳаворъ, или въ тебѣ откроетъ Ѳаворъ; низведетъ небо въ душу твою, и душу твою вознесетъ на Небо. Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ II.

## СЛОВА

## НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

# ОТДѢЛЕНІЕ II.

# СЛОВА

## НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

## 1. СЛОВО

### ВЪ НЕДѢЛЮ О ѲОМѢ.

*Глагола ему Іисусъ: яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.* Іоан. XX. 29.

Когда, по слову Пророческому, *поражень былъ Пастырь, и расточены овцы стада*, то есть, когда Іисусъ Христосъ преданъ былъ на крестъ и смерть, и Апостолы Его подверглись различнымъ искушеніямъ: Ѳома былъ единою отъ овецъ Его, въ общемъ разсѣяніи, долѣе прочихъ заблуждавшею

Тогда какъ прочіе Апостолы, хотя *страха ради Іудейска,* впрочемъ хорошо поступили, что изъ первоначальнаго разсѣянія, кому куда случилось, вскорѣ обратились искать другъ друга, сошлись

въ извѣстномъ мѣстѣ, — *бяху собрани,* и, безъ сомнѣнія, общую скорбь превращали въ единодушную молитву; Ѳомы, неизвѣстно, по какому препятствію, или по его собственной неосмотрительности, тамъ не было,—*не бѣ ту съ ними.* Первое послѣдствіе сего было то, что первое явленіе Господа воскресшаго собраннымъ Апостоламъ, для Ѳомы было потеряно: *не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ.* Другое послѣдствіе, что, когда прочіе Апостолы явленіемъ Господнимъ вновь утверждены были въ вѣрѣ, въ которой поколебались-было во время Его страданія и смерти, Ѳома, не смотря на свидѣтельство сихъ вѣрныхъ очевидцевъ, съ нѣкимъ упорствомъ утверждалъ себя въ невѣріи: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры.*

На сей случай, хотя мимоходомъ, обратить вниманіе просилъ бы я особенно тѣхъ, которые въ особенные дни, скорбей ли, радостей ли Христіанскихъ, когда мы *бываемъ собрани,* и призываемъ Господа въ молитвѣ, и пріемлемъ Его въ таинствѣ, *не бываютъ съ нами* въ собраніи церковномъ, по препятствіямъ ли со стороны дѣлъ мірскихъ, впрочемъ большею частію не непреодолимымъ, или только по своему небреженію. Не лишиться бы имъ благодатнаго посѣщенія Того, Который обѣщалъ быть посреди собранныхъ во имя Его, и Котораго присутствіе приноситъ съ собою блаженный миръ и радость неотъемлемую! Произвольнымъ ослабленіемъ союза съ прочими вѣрующими, который

долженъ былъ укрѣплять ихъ вѣру, не дойти бы имъ отъ слабой вѣры до упорнаго невѣрія!

Возвратимся къ Ѳомѣ. Отъ погибели, которую готовило ему закоснѣвающее въ немъ невѣріе, спасла его, вѣроятно, еще не разрушенная невѣріемъ любовь къ Господу, по которой недавно, и самъ онъ рѣшительно возжелалъ, и предлагалъ прочимъ Апостоламъ, съ готовностію къ смерти, не отставать отъ возлюбленнаго Учителя и Господа, на явную опасность жизни шедшаго во Іудею: - *идемъ и мы*, говорилъ Ѳома, *да умремъ съ Нимъ*. Поелику симъ образомъ любовь Ѳомы уже пріобщилась смерти Хрістовой: то слѣдовало ей пріобщиться и воскресенія Хрістова. Привлеченный ею, воскресшій Господь вторично явился собраннымъ Апостоламъ, собственно ради Ѳомы; далъ ему, какъ онъ хотѣлъ, осязать язвы Своихъ рукъ и ногъ и ребръ,— и симъ, не простымъ, только внѣшнимъ осязательнымъ свидѣтельствомъ, но живымъ прикосновеніемъ къ открытымъ, такъ сказать, устіямъ внутренняго источника жизни, полуумерщвленнаго невѣріемъ Апостола воскресилъ въ жизнь вѣры.

Совершивъ сіе дѣло милосердія, Господь присовокупилъ слово правды: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси; блажени не видѣвшіи, и вѣровавше*. Счастливое невѣріе, — такъ могъ бы думать Ѳома, которымъ пріобрѣтено посѣщеніе Господа! Нѣтъ, глаголетъ Господь, ты преимущественно помилованъ, но не преимущественно блаженъ. *Видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блажени* — совсѣмъ другіе. А изъ насъ иные, взирая на примѣръ Ѳомы, могли бы поду-

мать: почто мы такъ несчастливы, что не можемъ имѣть непосредственнаго явленія и утвержденія въ вѣрѣ отъ Господа? Нѣтъ, глаголетъ Господь и намъ, не видѣть—не есть несчастіе, когда и безъ того есть достаточныя основанія вѣровать; напротивъ, не видѣть и вѣровать есть—особенное достоинство вѣры, и потому особенное блаженство. *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.*

Мнѣ кажется, что сіе изреченіе Господне требуетъ нѣсколько болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Должно вспомнить, что всѣ Апостолы, и одни Апостолы, были предъ лицемъ Господа, когда Онъ именно Ѳомѣ, съ нѣкоторымъ видомъ упрека, сказалъ: *яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси*, и къ сему присовокупилъ неопредѣленное изреченіе: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.* При первомъ взглядѣ, неожиданнымъ и необычайнымъ представляется то, что̀ укоряетъ Ѳому, который подлинно и заслужилъ укоризну тѣмъ, что угрожалъ не вѣрить, если не увидитъ; но такъ укоряетъ, что та же укоризна поражаетъ, кажется, и прочихъ Апостоловъ, ибо и они, хотя ранѣе Ѳомы, *видѣвъ Господа, вѣровали.* Видъ необычайности увеличивается ублаженіемъ не видѣвшихъ и вѣровавшихъ, если вообразить, что всѣ Апостолы принадлежатъ къ числу видѣвшихъ, и слѣдственно лишаются ублаженія. А не имъ ли прежде сказано: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ?*

Надлежало примѣтить сіи необычайности, чтобы уклоненіемъ отъ нихъ приблизиться къ истинному разумѣнію изреченія Господня.

Если и всѣ Апостолы, видѣвъ Господа, вѣровали: но великая въ семъ разность между Ѳомою и прочими. Они не имѣли прежде своего видѣнія, толико, и по числу свидѣтелей и по способамъ удостовѣренія, сильнаго свидѣтельства о воскресеніи Господнемъ, какое имѣлъ онъ отъ нихъ. Имъ видѣніе даровано было по волѣ Господней, а не по ихъ требованію. И такъ Ѳома исключительно заслужилъ личный упрекъ, потому что дерзновенно требовалъ видѣнія, послѣ свидѣтельствъ, совершенно достаточныхъ основать вѣру.

Всѣ Апостолы видѣли Господа: но до невѣроятности уничижительно было бы то для ихъ священнаго собора, если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвѣщаемое Господомъ преимущественное блаженство, не видѣть и вѣровать. Не желаемъ видѣть, и не дерзаемъ воображать васъ, Богоблаженные Апостолы, лишенными какого-либо блаженства вѣрующихъ. Явите же намъ, Вы сами, кто изъ васъ *блаженный не видѣвшій, и вѣровавшій?* — Смотрите, братія, не сіе ли самое открываетъ намъ Евангелистъ Іоаннъ, когда, повѣствуя о посѣщеніи гроба Господня, въ утро воскресенія, двумя учениками, пишетъ: *вниде и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видѣ, и вѣрова.* Что видѣлъ онъ по входѣ во гробъ? Безъ сомнѣнія тоже, что видѣлъ первый ученикъ, именно Петръ; *видѣ ризы едины лежащя* А чему повѣрилъ? Тому ли, что предъ тѣмъ возвѣстила Магдалина: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его?* Но чему тутъ было

вѣрить? Тутъ нѣтъ никакой сокровенной истины, и одно явное невѣдѣніе. Чему же повѣрилъ *ученикъ, егоже любляше Іисусъ?* Догадываюсь, и, думаю, по необходимости должно догадываться, что въ ту минуту, какъ онъ, вступивъ во гробъ, *видѣ ризы едины лежащя;* необыкновенно живая любовь необыкновеннымъ образомъ возбудила въ немъ вѣру; легкая мысль, что не льзя было представить случая, по которому бы ризы, обвивавшія тѣло Господне съ мастію, могли отдѣлиться отъ мертваго тѣла, подала ему великую мысль о воскресеніи; онъ не видалъ ничего болѣе, какъ отсутствіе погребеннаго Іисуса изъ гроба, но во глубинѣ любящаго сердца ощутилъ, что живетъ Возлюбленный, не смотря на то, что къ вѣрованію въ воскресеніе Его даже познаніемъ Писанія не былъ приготовленъ: *видѣ и вѣрова: не убо вѣдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути.*

Какъ же скоро такимъ образомъ найденъ между Апостолами образецъ преимущественнаго блаженства не видящихъ и вѣрующихъ: бесѣда Господня съ Ѳомою получаетъ отъ сего совершенную ясность и точное знаменованіе. Кажется, можно видѣть, какъ Господь взоромъ укоренія взираетъ на Ѳому и глаголетъ: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси;* потомъ обращаетъ взоръ одобренія на Іоанна, и хотя не открыто къ его имени, но тѣмъ не менѣе внятно къ его сердцу, продолжаетъ: *блаженни не видѣвшіи, и вѣровавше.* Прочіе Апостолы остаются между одобреніемъ и упрекомъ.

Но поелику блаженство не видѣть и вѣровать,

Господь возвѣщаетъ, какъ общее блаженство многихъ; поелику, послѣ другихъ, и намъ дарована благодать вѣровать въ Господа съ Апостолами, тогда какъ мы не видали Его съ ними: то что подумаемъ мы о себѣ самихъ? Не ужели подлинно мы блаженны паче Ѳомы, и даже паче прочихъ Апостоловъ, кромѣ, можетъ быть, одного возлюбленнаго? Не смѣю съ симъ васъ поздравить; боюсь и въ семъ случаѣ, чтобы не оскорбить первыхъ послѣдователей Господа, и всеобщихъ руководителей въ послѣдованіи Ему, если впереди ихъ поставлю насъ послѣднихъ, и у нихъ себѣ похищу преимущественное блаженство. *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Матѳ. X. 25): довольно и для насъ, если и мы послѣдніе можемъ быть участниками въ блаженствѣ съ первыми руководителями къ блаженству. Довольно, если найдутся между нами нѣкоторые, къ которымъ отнести можно ублажающее изреченіе Господне: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе.*

Нѣкоторые?—А другіе изъ насъ не ужели видятъ и вѣруютъ? — Какъ ни страннымъ сіе покажется нѣкоторымъ, но такъ должно быть, чтобы степени блаженства соотвѣтствовали степенямъ вѣры.

И нынѣ есть *видящіе и вѣрующіе*, — тѣ, которые, какъ Ѳома, требуютъ отъ вѣры удостовѣреній ясныхъ, дѣйствій ощутительныхъ, знаменій чудесныхъ. Есть, напротивъ, *не видящіе и вѣрующіе*,— тѣ, которые и тогда, какъ противъ удостовѣреній возстаютъ сомнѣнія, ощутительныя дѣйствія вѣры

скрываются, знаменія чудесныя не являются, тѣмъ не менѣе твердо и непоколебимо стоятъ въ вѣрѣ.

Не однимъ Апостоламъ, но всякому любящему обѣщалъ Господь Свое явленіе, слѣдственно и видѣніе. *Любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV. 21.). Не берусь изъяснить образовъ сего явленія. Кто видитъ солнце, тотъ сіе явленіе понимаетъ безъ всякаго изъясненія; но слѣпому изъяснять видѣніе солнца было бы тщетное усиліе! Скажемъ нѣчто, единственно по требованію настоящаго разсужденія. Въ сердцѣ твоемъ возгарается необыкновенно живая, неизъяснимо сладостная любовь Божія, которая всякое дѣло благочестія дѣлаетъ тебѣ легкимъ и пріятнымъ, такъ, что ты не можешь сего приписать себѣ, но принимаешь то за даръ Божій: тогда легко тебѣ вѣровать; ты испытываешь то, чему вѣруешь; ты ходишь во свѣтѣ вѣры. Въ семъ случаѣ Господь можетъ сказать тебѣ: *видѣвъ Мя, вѣровалъ еси.* Знай же, что если и тогда, когда огнь въ сердцѣ твоемъ покажется угасающимъ, духовная сладость престанетъ быть ощущаема, вновь восчувствуется трудъ подвиговъ, и недостаточество силъ, если и тогда ты подвиговъ не оставишь, о благодати Божіей не усумнишься, сердца унынію не предашь: вотъ особенное достоинство вѣры! И потому вотъ особенное блаженство, хотя бы оно покрыто было страданіемъ: *Блаженни не видѣвшіи, и вѣровавше!*

Господь является человѣку не только во внутренней, но и во внѣшней жизни, видимыми благо-

дѣяніями Своего промысла, въ которыхъ, по слову Апостола, *поне осязать Его* (Дѣян. XVII. 27.) можно. Если Онъ *оградилъ внѣшняя* твоя, и *внутреняя дому* твоего, *дѣла же руку благословилъ*: легко тебѣ вѣровать. Но такой вѣрѣ и діаволъ не вѣритъ, какъ не вѣрилъ ей въ Іовѣ; и потому можетъ случиться, что она подвергнется опасному испытанію. Если же и тогда, какъ благодѣющая десница Божія скрывается, и тебя постигаетъ нищета, или болѣзнь, или иное бѣдствіе, ты, какъ Іовъ, *во всѣхъ сихъ приключающихся не даешь безумія Богу*: то Господь благословитъ *послѣдняя* вѣры твоея паче, *неже прежняя. Блажени не видѣвшіи, и вѣровавше.*

Можетъ еще вѣра наша встрѣтить Господа на путяхъ жизни общественной, въ лицѣ меньшихъ братій Его, по слову Его: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.). И здѣсь иногда болѣе Онъ видимъ бываетъ, а иногда менѣе. Авдію, который сто Пророковъ Господнихъ кормилъ хлѣбомъ и водою, не трудно было вообразить, что въ нихъ Самъ Господь *взалкался*, и самому Господу *далъ онъ ясти*. Напротивъ того, какъ часто искушаетъ насъ то, что, видя нищихъ, не видимъ въ нихъ Христа, то есть, Христовыхъ и христіанскихъ свойствъ и добродѣтелей! Точно ли они бѣдны, думаемъ мы? Достойны ли они человѣколюбиваго участія, по образу жизни своей? Будутъ ли они молиться за насъ, получивъ благотвореніе? Не возмущайся напрасно, благодѣтельная душа! Не охлаждай самъ своея любви подозрѣніями; не омрачай самъ своея вѣры

сомнѣніями. Не довольно ли тебѣ слышать отъ Господа: *Мнѣ сотвористе?* На что, какъ Ѳома, хочешь видѣть и осязать Его въ томъ, кому благотворить желаешь? Благотвори видимому—требующему, и вѣрь Невидимому—Пріемлющему. *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе.* Аминь.

# 2. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ ВОСКРЕСНЫЙ И СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ.

*Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя.* Лук. XXIV. 12.

Евангеліе, повѣствуя о воскресеніи Господа Іисуса, излагаетъ между прочимъ сіи обстоятельства, что камень отъ гроба Его былъ отваленъ Ангеломъ, котораго сошествіе для сего съ неба сопровождаемо было землетрясеніемъ; что жены Мироносицы нашли сей гробъ открытымъ; что Петръ, и послѣ него Іоаннъ, посмотрѣвъ во гробъ, увидѣли лежащія ризы Господа, то есть, плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь, или платъ, который былъ на главѣ Его, и, вѣроятно, препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. *Петръ же востав тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежащя.*

Что значитъ, что Евангельское повѣствованіе такъ занимается ризами Господа, которыя уже не нужны Воскресшему? Что значитъ, что и Воскресшій оставилъ и сохранилъ ризы Свои во гробѣ,

чтобы ихъ видѣли? — Сіе значитъ то, что и ризы Господа долженствовали быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Если скажутъ Іудеи, что тѣло Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, какъ на время думала Магдалина, что тѣло Господа перенесено кѣмъ-то: ризы Его вопіютъ противъ клеветниковъ, и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное, обнажать оное, когда напротивъ и обнаженное одѣть надлежало, какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ Іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

И мы, собравшіеся здѣсь нынѣ, притекли ко гробу Хрістова служителя и подражателя. И сей гробъ открытъ въ слѣдствіе потрясенія, которое трудно вообразить сбывшимся безъ содѣйствія руки Ангельской: ибо древяный храмъ, подъ которымъ нѣсколько десятилѣтій скрытъ былъ гробъ сей, внезапно палъ во время священнослуженія, но симъ паденіемъ никто не пораженъ, а только поданъ случай къ открытію гроба сего. И что видимъ мы въ открытомъ гробѣ семъ? — Не погрѣшимъ, если скажемъ, что *видимъ ризы лежащія*, не ризы тѣла, но самое тѣло видимъ, какъ ризы только, какъ облаченіе безсмертнаго духа, которое онъ оставилъ здѣсь, восходя въ жизнь небесную; видимъ ризы лежащія благочинно, не поверженныя и не раздранныя, то

есть, видимъ тѣло, не подверженное тлѣнію и разрушенію, но невредимо и мирно почивающее.

Что же значитъ, что подражатель Хрісту въ жизни, подражаетъ Ему и по смерти въ томъ, что и гробъ Свой открытый, и нетлѣнную ризу плоти Своея видимую, намъ представляетъ? — Какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе: такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Хрістова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводятъ намъ на память будущее наше воскресеніе.

О безсмертіи души человѣческой, и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что̀ видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что̀ живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность; поелику очевидно на части дѣлится, и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіи жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ,

ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, не зависимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую, и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ, до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго; но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина,—та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями; поелику

мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія о будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ не льзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ, и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли, и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка во глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на земли, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни; кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ на примѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ, даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для, такъ называемаго, безмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія, — отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? — Также, всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что, въ настоящей жизни, добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

Но, можетъ быть, погрѣшаю я и въ томъ, что мимоходомъ говорю сіе предъ Христіанами, для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта. *Аще бо вѣруемъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *яко Іисусъ*

*умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV. 14.). *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20.). Если кто, имѣя сей опытъ воскресенія, вздумаетъ самъ себя затруднять сомнѣніемъ, какъ можетъ оно совершиться, когда образъ разрушенія многихъ умершихъ тѣлъ, по видимому, не оставляетъ мѣста для мысли о ихъ возобновеніи: тотъ же Апостолъ уполномочиваетъ меня не только разрѣшить сіе затрудненіе разсужденіемъ, основаннымъ на естествѣ извѣстныхъ вещей, но притомъ изъявить негодованіе за сомнѣніе, которое и вѣру оскорбляетъ, и разуму, его изобрѣтшему, чести не приноситъ. *Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (1 Кор. XV. 36.).

Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно намъ безсмертіе, воскресеніе и жизнь будущаго вѣка: но напоминать о сихъ важныхъ предметахъ, которые, какъ можно примѣчать, многихъ, въ продолженіе многаго времени, меньше занимаютъ, нежели самыя мелочи.

Апостолы называютъ себя *свидѣтелями воскресенія* (Дѣян. II. 32.) Христова, хотя должность ихъ была свидѣтельствовать не о воскресеніи только, но и о всемъ ученіи Его. Такъ важною почитаютъ они истину воскресенія. И подлинно, какъ скоро утверждена сія истина, то симъ самымъ

утверждена истина всего, что творилъ, и чему поучалъ Господь нашъ. Но какъ важна истина воскресенія Христова для вѣры: такъ истина воскресенія нашего важна для жизни. Какъ скоро утверждена сія истина: то симъ самымъ непоколебимо утверждены всѣ правила жизни святой и Богоугодной.

*Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. XV. 32.). – Сіе правило, которое Апостолъ, отъ лица не знающихъ, или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, произнесъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, если бы они имѣли преимущество философствовать, въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, если бы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда, не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити: ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что *утрѣ умремъ;* то также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей, и превращаетъ человѣка въ скота, или звѣря.

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе, не убило тебя на вѣки, если оно

тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни: говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на земли, и родимся или на небесахъ, или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому, рожденію.

Что̀ есть начало къ небесному рожденію?—Слово и духъ, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Чтобъ истребить въ себѣ плевельныя сѣмена жизни адской, и жить наконецъ чистою и полною жизнію Воскресшаго: умирай всему, кромѣ Его жизни, то есть, не дѣйствуй ни въ какомъ качествѣ, Ему противномъ; не живи міру и плоти, страстямъ и похотямъ; не прилагай сердца къ богатству; не возносись гордостію житейскою. Съ Павломъ *вмѣняй вся уметы быти, да Христа пріобрящешь*, то есть, *яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду*, или праведность, *въ вѣрѣ, еже разумѣти Его, и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его*, дабы

*достигнуть въ воскресеніе мертвыхъ* ( Филип. III. 8—11.). Если такъ поживешь и умрешь: то и ты, оставивъ во гробѣ обветшавшія ризы земныя, получишь на небесахъ новыя, убѣленныя въ крови Агнца, и въ день брака Его, и *облечешься въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: виссонъ бо оправданія святыхъ есть* ( Апок. XIX. 8. ). Аминь.

# 3. СЛОВО

**ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ, ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА КОЛОМНЫ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ТАМОШНЕМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.**

*Маія 28 дня, 1822 года.*

*Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* Матѳ. X. 37.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ такъ, что никогда уже видѣть его не чаялъ, – сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получилъ первыя пріятныя ощущенія жизни, — желалъ бы я совершенно предаться сильному влеченію любви къ отчизнѣ, — любви, по которой, какъ изъясняется нѣкто изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволиша каменіе его, и персть его ущедрятъ* (Псал. CI. 15.), то

есть, самые камни отечественнаго града имъ любезны, милъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму: *вопросите, яже о мирѣ Іерусалима: и обиліе любящимъ тя! Буди же миръ въ силѣ твоей, и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ. Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ, глаголахъ убо миръ о тебѣ* (Псал. CXXI. 6—8.). Но что слышу? Сію сладкую пѣснь пресѣкаетъ грозный гласъ заповѣди Христовой, которая, какъ будто по особенному намѣренію, нынѣ оглашаетъ меня среди сего храма. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* Что же буду дѣлать? Воспріиму иную пѣснь пѣснопѣвца Израилева: *не Богу ли повинется душа моя* (Псал. LXI. 2.)? Покорю любовь къ ближнимъ и братіямъ, — покорю любви къ Богу и Христу; *забуду люди моя, и домъ отца моего*, и потщуся помнить токмо людей Господнихъ и домъ Отца небеснаго. Въ семъ расположеніи духа и прерванную Іерусалимскую пѣснь продолжать мнѣ позволено: *дому ради Бога нашего взыскахъ благая тебѣ* (Псал. CXXI. 9.), Боголюбезный граде! Ради святыя Церкви, которая есть домъ Божій, ради православныхъ чадъ ея, которые суть присные Богу, желаю я тебѣ благъ; и поелику желаю для Бога, то и благъ желаю Божественныхъ, *мира Божія, превосходящаго всякъ умъ, вѣры Божіей*, которая есть *Божій даръ, любви Божіей, изливающейся въ сердца наши Духомъ Святымъ.*

Но не оскорбляю ли братій и ближнихъ столь скорымъ отреченіемъ отъ любви отечественной? — Тотчасъ увидите, братія, что нѣтъ въ семъ несправедливости. Ибо и отъ васъ не инаго требую расположенія, какъ того же, въ которое себя поставить желаю. Если желаете быть достойны любви Бога и Христа: возлюбите Бога и Христа паче отца и матери, паче братій и сестръ, паче всего, что вамъ любезно. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Когда, послѣдуя Евангелію, возвѣщаю вамъ священную обязанность любить Бога и Христа превыше всего: сіе не значитъ того, чтобы я опасался найти въ комъ либо изъ слышащихъ сіе прямую вражду противъ Бога и Христа. Есть и сего расположенія люди, о которыхъ *плача говоритъ* (Фил. III. 18.) Апостолъ, о которыхъ и я воспоминаю съ ужасомъ, *враги креста Христова*, которые не хотятъ покорить ни разума своего вѣрѣ Его, ни сердца закону Его, и говорятъ съ изображенными въ притчѣ мятежниками: *не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. XIX. 14.)! Но не сомнѣваюсь, что противъ таковыхъ каждый изъ правовѣрующихъ воспріиметъ ревность Апостола, и не поколеблется, вмѣстѣ съ нимъ, отвергнуть ихъ всею силою духа. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа: да будетъ проклятъ, маран-аѳа* (1 Кор. XVI. 22.).

Есть иной родъ людей, между самыми вѣрующими во Христа, и признающими надъ собою

власть закона Божія, которые ужасаются мысли поставить себя врагами противъ Бога и Христа, но которые не довольно ясно познаютъ, не довольно глубоко чувствуютъ, свою обязанность любить Бога и Христа, и потому не достигаютъ всего блаженства, въ сей любви заключеннаго. Они знаютъ обязанность вѣровать, — съ покорностію собственнаго разума принимать тайны, которыя открываетъ Слово Божіе, потому что разумъ человѣческій, ограниченный и поврежденный, не можетъ уразумѣть ума Божія, всесовершеннаго и безконечнаго; пріемлютъ обязанность жить по закону Божію, — служить истинному Богу извѣстнымъ образомъ Богопочтенія, не обижать ближнихъ хищеніемъ, татьбою и подобными несправедливостями; чувствуютъ обязанность приносить покаяніе, — обличать себя предъ Богомъ во грѣхахъ, въ надеждѣ прощенія ради Того, Котораго Богъ, *не вѣдѣвшаго грѣха, по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. V. 21.); признаютъ обязанность молиться, — призывать имя Божіе, дабы низвести на себя благословеніе и спасительную силу Божію; поражаются страхомъ суда Божія, когда видятъ себя нарушившими которую нибудь изъ сихъ обязанностей; а когда думаютъ, что исполняютъ оныя, тогда успокоиваютъ себя надеждою царствія небеснаго, какъ заслуженнаго воздаянія. Не правда ли, что у нѣкоторыхъ, и, можетъ быть, у многихъ Христіанъ, въ семъ заключается весь образъ ихъ благочестія, такъ что имъ и на мысль не приходитъ, что бы еще за симъ оставалось. Нѣтъ, это не все

еще, братія; много еще за симъ остается,—такъ много, что безъ остающагося, все прочее не приведетъ васъ къ истинной цѣли вашей, то есть, къ вѣчному спасенію вашему. Сколь бы ни высоко восходила лѣствица вашихъ добродѣтелей, она не возведетъ васъ на небо, и, сверхъ опасенія, бѣдственно можетъ обрушиться съ вами, если вверху ея нѣтъ послѣдней степени, которая одна крѣпко и непоколебимо прикасается къ небу. Спросите ваше сердце, любитъ ли оно Того, Котораго вѣру и законъ пріемлетъ, Которому приноситъ покаяніе и молитву; чувствуете ли вы точно, что сія *любовь изліялась въ сердце ваше Духомъ Святымъ* (Римл. V. 5.), подобно какъ вы точно чувствуете ліющуюся въ сердце любовь дѣтскую, родительскую, братскую, при видѣ родителей, дѣтей и братьевъ? Если совѣсть и духъ не свидѣтельствуютъ вамъ, что вы точно и живо чувствуете внутренно сіе Божественное изліяніе Божественной любви: то нужно вамъ прилѣжно учиться сей любви у единаго Божественнаго Учителя Іисуса Христа. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Ты вѣруешь, и надѣешься спастися вѣрою. Не оспориваю сей надежды. Вѣрѣ спасеніе предоставляетъ въ удѣлъ Самъ Спаситель. *Вѣра твоя спасе тя* (Матѳ. IX. 22.), часто говорилъ Онъ тѣмъ, надъ которыми совершалъ чудесныя исцѣленія. И всѣмъ безъ исключенія обѣщалъ: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. XVI. 16.).

Но всякая ли вѣра одинакова? Нѣтъ ли различія между вѣрою и вѣрою? Какова, на примѣръ, та вѣра, которую столь ужасною похвалою хвалитъ Апостолъ, когда говоритъ: *ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть; добрѣ твориши; и бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II. 19.). Кто можетъ быть доволенъ такою вѣрою? Какая же та вѣра, которая могла бы спасти человѣка?—*Вѣра, любовію поспѣшествуема* (Гал. V. 6.), опредѣляетъ Апостолъ. Если нѣтъ любви: то вѣра не имѣетъ силы и успѣха, и не достигаетъ спасенія. Вѣра безъ любви есть образъ безъ жизни: любовь, какъ дыханіе Святаго Духа, одушевляетъ вѣру и творитъ ее дѣятельною и спасительною. Если желаешь спасенъ быть вѣрою: возлюби Того, въ Кого вѣруешь.

Ты живешь по закону. Въ семъ, кажется, есть уже и любовь: ибо Самъ великій Наставникъ въ любви Божественной сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. XIV. 21.). Но вникай, и разумѣй поистинѣ то, что говоритъ Истина. Какъ любовь собственно есть чувствованіе сердца; и какъ испытующій сердце Наставникъ провидитъ, что нѣкоторые слабые ученики помыслятъ, будто чувство сіе можетъ быть сохранено и безъ помощи дѣятельности, съ симъ чувствомъ сообразной: то, предупреждая сіе превращеніе истинной любви во мнимую, и поучая *любить дѣломъ и истиною* (1 Іоан. III. 18.), Онъ говоритъ, что *любящій Его есть тотъ, кто имѣетъ заповѣди Его, и соблюдаетъ ихъ.* А того совсѣмъ не могъ сказать исполненный любви На-

ставникъ, будто для учениковъ Его довольно только внѣшно исполнять дѣла Его заповѣдей, и будто сіе вмѣнится имъ вмѣсто любви къ Нему, хотя бы они ея и не чувствовали: подобно какъ любящему дѣтей родителю не свойственно сказать къ своимъ дѣтямъ, что онъ позволяетъ и не любить себя, только бы они дѣлали, что онъ прикажетъ. И что значитъ безъ любви соблюденіе заповѣдей? Кто столь не свѣдущъ о самомъ себѣ, или столь не искрененъ, чтобы не признаться, что онъ иногда, въ чемъ нибудь, погрѣшаетъ противъ заповѣдей? Если же такимъ образомъ зданіе собственной правды, созидаемое на основаніи заповѣдей, имѣетъ слабыя мѣста: то найдетъ громъ проклятія законнаго, и однимъ ударомъ разрушитъ все зданіе: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законнѣй, яко творити я* (Гал. III. 10.). И еще сильнѣе: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ: бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. II. 10.). Гдѣ же теперь спасеніе въ исполненіи заповѣдей? Оно есть; но для тѣхъ, которые исполняютъ заповѣди не по писмени, а по духу; духъ же закона есть любовь. Хочешь ли избѣжать проклятія законнаго? Желаешь ли имѣть краткій и вѣрный способъ исполнить весь законъ? Сей краткій и вѣрный способъ есть любовь. *Любяй*, говоритъ Апостолъ, *законъ исполни; исполненіе закона любы есть* (Римл. XIII. 8—10.). Не въ томъ разумѣ сіе сказано, будто любовь позволяетъ оставить законъ безъ исполненія; нѣтъ! Она есть исполненіе закона потому, что она есть душа закона; а душа

и все тѣло оживляетъ и движетъ: такъ любовь исполняющему законъ дастъ силу, и заповѣди творитъ легкими къ исполненію. Сынъ, который бѣжитъ увидѣть возлюбленнаго родителя, чувствуетъ ли усталость отъ пути? Такъ сынове Божіи, любящіе Бога человѣки, не утомляются никакими подвигами на пути жизни, поспѣшая къ вѣчнымъ обителямъ, гдѣ надѣются узрѣть Отца, отъ Котораго рожденіе дало имъ столь высокую область,—*чадами Божіими быти* (Іоан. I. 12.), и Котораго въ нихъ любовь сильнѣе всякой любви, земной и небесной.

Ты каешься. И въ семъ случаѣ ты на добромъ пути; и сія стезя проложена ко спасенію, по реченному: *покаяніе нераскаянно во спасеніе* (2 Кор. VII. 10.). Но примѣчай и здѣсь глубокій разумъ слова Павлова: *покаяніе нераскаянно*, говоритъ онъ, то есть, покаяніе, послѣ котораго человѣкъ не перемѣняетъ воспріятыхъ имъ лучшихъ мыслей опять на худшія, не возвращается на прежніе грѣхи, не ослабѣваетъ въ ревности жить по волѣ Божіей,—такое покаяніе, бываетъ *во спасеніе*. Здѣсь паки, братія, требую я для васъ свидѣтельства отъ васъ самихъ. Не примѣчаемъ ли мы за собою, что благія намѣренія, воспріемлемыя нами въ покаяніи, по времени колеблются иногда и падаютъ, и мы, частію отъ безпечности, а частію и при нѣкоторой заботѣ о своемъ исправленіи, впадаемъ во грѣхи, въ которыхъ многократно каялись? Какая же въ семъ случаѣ надежда спасенія въ покаяніи, если *нераскаянное* только *покаяніе* бываетъ *во спасеніе?* И что дѣлать намъ съ нашими духовными болѣз-

нями, когда самое врачевство, при частомъ ихъ возобновленіи часто употребляемое, какъ бы притупляется въ своемъ дѣйствіи?— И въ помощь врачевству, и противъ возобновленія болѣзни, — и въ помощь покаянію, и противъ возобновленія грѣховъ, дѣйствительнѣйшее средство есть истинная любовь къ Тому, *Который не хощетъ смерти грѣшника*, и Который даже умеръ за спасеніе грѣшника; истинная, говорю; ибо то не любовь, когда непотребный сынъ расточаетъ имѣніе родителя, въ надеждѣ на его снисхожденіе; но то любовь, когда нѣжный сынъ, и тѣмъ, что позволено ему, осмотрительно пользуется, сохраняя благоволеніе возлюбленнаго родителя. Евангельская Исторія представляетъ намъ разительный примѣръ спасительной силы, которую истинная любовь даетъ покаянію. Жена, въ цѣломъ городѣ извѣстная, какъ грѣшница, приступаетъ къ Іисусу Христу, помазуетъ мvромъ ноги Его, омываетъ ихъ слезами, отираетъ власами своими, словомъ, являетъ знаменія покаянія, хотя не слышно изъ устъ ея словъ покаянія; и Тотъ, Котораго Іудеи называли укорительно, а Христіане радостно называть должны *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. XI. 19.), разрѣшаетъ ее, не смотря на множество ея грѣховъ: *отпущаются грѣси ея мнози*. Но какимъ образомъ столь совершенно воздѣйствовало покаяніе, которое даже не разрѣшилось еще открытымъ исповѣданіемъ грѣховъ? Оно воздѣйствовало посредствомъ совершенной любви къ Рѣшителю грѣховъ: *отпущаются*, говоритъ Онъ, *грѣси ея мнози, яко возлюби много* (Лук. VII. 47.).

Ты молишься. Кто не похвалитъ и сего духовнаго упражненія? Но и о семъ вопрошаю: какою молитвою ты молишься? Ибо есть и суетная молитва, о которой сказано: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя* (Матѳ. XV. 8. 9.). Что значитъ *приближаться* къ Богу *устнами*, а *сердцемъ* далеко *отстоять* отъ Него? – Произносить устами, или принимать слухомъ изъ устъ другихъ — молитвенныя къ Богу слова, но не соединять съ ними сердечнаго вниманія и духовной теплоты, короче, молиться безъ любви. Не трудно суетность такой молитвы обнаружить даже простымъ, естественнымъ разсужденіемъ и побужденіемъ природы. Что дѣлаетъ дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь отъ отца или матери? Не соединяетъ ли оно для сего съ своими прошеніями всѣхъ, какія знаетъ, выраженій дѣтской любви и нѣжности? И такъ не должны ли мы признать себя несмысленными болѣе самыхъ дѣтей, когда думаемъ нашими хладными, безъ вниманія, безъ любви, безъ сердца произносимыми прошеніями что-либо получить отъ Отца небеснаго, Который именно *зритъ на сердце*, вмѣсто того, что *человѣкъ зритъ на лице* (1 Цар. XVI. 7.)? Скажемъ ли, что небесный Отецъ благъ паче земныхъ родителей, и потому *дастъ блага просящимъ у Него?* Правда; но Онъ и праведенъ паче ихъ, и потому не можетъ дать недостойнымъ; и даже, по самой благости, не можетъ дать блага злѣ просящимъ, дабы они не оскер-

пили самаго блага; но злѣ конечно проспмъ мы, когда безъ любви проспмъ, у Всеблагаго и Вселюбящаго. Но что еще говоритъ законъ духовный? — Онъ показываетъ, что не только исполненіе молитвы, но и самая молитва, истинная и чистая, безъ истинной и чистой любви не возможна. *О чесомъ бо помолимся,* учитъ Апостолъ, *якоже подобаетъ, не вѣмы, но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи невзглаголанными: испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ.* И дабы кто, слыша сіе, не остался въ недоумѣніи о томъ, какъ можно пріобрѣсти сіе высокое ходатайство, Апостолъ немедленно присовокупляетъ: *вѣмы же, яко любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII. 26—28.). Любовь къ Богу все обращаетъ въ средства къ нашему спасенію и блаженству; безъ нея всѣ средства не достигаютъ сей цѣли. Не будетъ свѣтить свѣтильникъ безъ елея: и молитва не озаритъ духа безъ любви. Не взыдетъ безъ огня куреніе кадила: и молитва безъ любви не взыдетъ къ Богу.

Что сказать о побужденіяхъ къ добродѣтели, которыми замѣняютъ любовь не познавшіе силы ея,— о страхѣ суда и надеждѣ воздаянія? — Подпоры необходимыя для созидающихъ домъ душевный: но не на нихъ лежитъ высота и красота зданія духовнаго. Работающій изъ страха есть рабъ; трудящійся за воздаяніе есть наемникъ. Рабъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, *не пребываетъ въ дому во вѣкъ,* — можно присовокупить: и наемникъ; — ибо только

*сынъ пребываетъ во вѣкъ* (Іоан. VIII. 35.). *Страхъ мужу имать*, говоритъ возлюбленный ученикъ; *боялся не совершился въ любви:* за то *совершенна любы вонъ изгонлетъ страхъ* (1 Іоан. IV. 18.). Другой Апостолъ Христіанамъ, въ противоположеніи съ Іудеями, говоритъ: *не пріясте духа рабства паки въ боязнь, но Духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче* (Рим. VIII. 15.). И такъ духъ рабства,— но также и наемничества духовнаго,—есть удѣлъ Іудеевъ: а жребій истинныхъ Христіанъ есть духъ сыновней любви къ Богу и Спасителю. Можно даже, безъ прекословія Апостолу, сказать, что истинный духъ и Ветхаго Завѣта былъ духъ любви, если бы не облекла его рабствомъ жестоковыйность Іудеевъ. Свидѣтельствуюсь въ семъ самыми заповѣдями закона Моисеева. *Возлюбиши Господа Бога твоего*, пишетъ онъ. Дивлюсь особенно сей заповѣди, когда сравниваю ее съ заповѣдію о родителяхъ: *чти отца твоего и матерь твою.* Какъ? Отца *почитать*, а Бога *любить?* Мы обыкновенно любимъ то, что къ намъ ближе и намъ подобнѣе; а что выше насъ, то почитаемъ. Посему, кажется, свойственнѣе было бы требовать *любви къ отцу*, и *почтенія къ Богу.* Нѣтъ, говоритъ Божественный законъ: *чти отца; возлюбиши Бога.* Какъ бы такъ сказано: отца любить тебѣ свойственно и безъ заповѣди, также и чтить Великаго Бога; заповѣдь учитъ тебя тому, что трудно было бы тебѣ уразумѣть безъ нея; и такъ отца не только люби по естеству, но и чти по волѣ Отца небеснаго; Бога не только чти по внушенію

естества и совѣсти; но дерзай приступить къ Нему ближе, чего не дерзнулъ бы ты сдѣлать безъ благодатной заповѣди; возлюби Бога, яко Отца; нареки Его *твоимъ Богомъ, Богомъ сердца твоего, и частію твоею во вѣкъ* (Псал. LXXII. 26.). О возлюбленная заповѣдь любви! Какъ достойно сожалѣнія, что такъ долго не разумѣли силы твоей, сокрушали зубы о жесткую кору писмени, и не умѣли вкусить сладкаго зерна, въ ней заключеннаго! — Такъ долго, что когда сама Любовь явилась на земли, Она обрѣла заповѣдь любви совсѣмъ забытою, и проповѣдала ее, какъ новую: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите* (Іоан. XIII. 34.); — *Якоже возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ, будите въ любви Моей* (Іоан. XV. 9.).

Христіане! Богъ влечетъ насъ въ любовь Свою болѣе, нежели одною заповѣдію, однимъ повелительнымъ изъявленіемъ Своея воли: Онъ лучше насъ вѣдаетъ, что любовь не пріобрѣтается однѣми повелѣніями. Онъ ищетъ любви насъ грѣшныхъ и недостойныхъ Своею святою и высочайшею любовію. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16.). Надобно ли повелѣвать, или учить, чтобы мы любили Того, Кто умеръ для пріобрѣтенія намъ вѣчной жизни? Если чувствуемъ, что мы обидѣли бы отца, если бы больше, нежели его, возлюбили рабовъ его: какъ не чувствовать, что мы оскорбляемъ Отца Небеснаго, когда къ человѣкамъ, кото-

рые всѣ едва достойны нарещися рабами Его, наше сердце удобнѣе отверзается, и прилѣпляется тѣснѣе, нежели къ Нему? Возревнуемъ быть достойными Его. Скажемъ сердцу нашему: мы не отнимаемъ тебя у родителей, присныхъ и ближнихъ; но и тебя и ихъ вмѣстѣ, отдаемъ Богу сердца нашего на вѣки. Аминь.

# 4. СЛОВО

### ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮ ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

*Она же абіе, оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.* Матѳ. IV. 22.

Въ Евангеліи встрѣчаются намъ нынѣ вдругъ четыре человѣка, которые все, что имѣли, на чемъ утверждали свое благосостояніе, что любили въ мірѣ, оставили для того, чтобы слѣдовать за Іисусомъ Хрістомъ, не имѣющимъ, гдѣ главы подклонити.

Удивительный примѣръ силы, дѣйствующей въ словѣ Хрістовомъ! Ибо единое слово Хрістово: *грядита по Мнѣ*, увлекло за Нимъ Петра, Андрея, Іакова, Іоанна, невидимою, но непреодолимою силою, подобно какъ магнитъ нѣкою сокровенною силою привлекаетъ къ себѣ желѣзо.

Удивительный примѣръ и вѣры, съ какою Апостолы приняли слово Хрістово, которое, по изъясненію другаго Апостола, не пользовало бы, если бы осталось только *словомъ слуха*, и не было *растворено вѣрою слышащихъ* (Евр. IV. 2.)! Ибо хотя Господь и подкрѣпилъ требованіе послѣдованія за

Нимъ величественнымъ обѣщаніемъ, содѣлать рыбарей *ловцами человѣковъ:* но сіе великое обѣщаніе такъ же трудно было имъ понять и принять, какъ и оставить малое достояніе, по видимому, необходимое, и утѣшеніе, по видимому, неразлучное съ самою природою человѣческою.

Впрочемъ, для удивленія ли только представлено намъ въ Евангеліи сіе необыкновенное зрѣлище? Довольно ли намъ оставаться благоговѣйными зрителями столь рѣшительныхъ послѣдователей Хрістовыхъ, или надлежитъ и намъ по тѣмъ же самымъ слѣдамъ итти за Хрістомъ, Который есть единый ихъ и нашъ Наставникъ и Путеводитель? Не должно ли и намъ что нибудь *оставить*, чтобы сдѣлаться истинными послѣдователями Хрістовыми? — Подумаемъ о семъ хотя не много.

Надлежитъ разсудить, какая была существенная причина того, что святые Апостолы такъ рѣшительно все оставили, чтобы слѣдовать за Хрістомъ. Скажемъ ли, что то было безпредѣльное могущество слова Хрістова? Правда, слово Хрістово, яко Божіе, дѣйствуетъ безпредѣльно могущественно; впрочемъ оно никогда не дѣйствуетъ излишно: итакъ симъ предложенный вопросъ не разрѣшается, а только превращается въ другой вопросъ: для чего слово Хрістово дѣйствовало на Апостоловъ такъ сильно, чтобы отторгнуть ихъ отъ всего, къ чему они могли быть привязаны по нѣкоторой нуждѣ, и даже по самой природѣ и закону? Скажемъ ли опять, что сіе особенно нужно было для Апостоловъ, посылаемыхъ проповѣдывать Евангеліе всей твари,

чтобы никакая тварь въ особенности не привязывала ихъ къ себѣ, не удерживала, не развлекала ихъ вниманія, объемлющаго спасеніе всего міра? И то правда: однако-жъ будетъ ли справедливо, если сихъ людей, которые своимъ служеніемъ должны пріобрѣсти Богу весь міръ, — ихъ-то именно, и однихъ ихъ, приговоримъ потерять весь міръ, а себѣ самимъ тѣмъ болѣе дадимъ права пользоваться міромъ, чѣмъ менѣе полезны мы Царствію Божію? Не возстанетъ ли противъ сего разсужденія наша совѣсть? А сіе не обращаетъ ли насъ къ такому заключенію, что если избранные, святые, ближніе, други, братія, сопрестольники Хрістовы должны были все въ мірѣ оставить, потерять, отвергнуть, презрѣть, возненавидѣть, забыть, чтобы Единаго Хріста пріобрѣсть, и Ему Единому принадлежать, кольми паче мы, рабы Его недостойные, едва только не отверженные, обязаны принести нѣкую подобную, хотя менѣе полную, и совершенную жертву вѣрѣ въ Него, любви къ Нему, слову Его и заповѣдямъ Его?

Если можетъ быть сомнѣніе о томъ, правильно ли сіе заключеніе: оставимъ, поколику то возможно, и самое умствованіе вмѣстѣ со всемъ прочимъ, что надлежитъ оставить для Хріста, и послушаемъ самаго слова Хрістова, котораго конечно ни въ какомъ случаѣ оставлять не должно. Тако глаголетъ оно: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV. 26.). Дабы, вы не подумали, что сіе строгое изреченіе отно-

сится къ однимъ избраннымъ ученикамъ, или Апостоламъ, святый Евангелистъ не оставилъ съ точностію предварить, къ кому оное произнесено. *Идяху,* говоритъ, *съ Нимъ народи мнози; и обращся, рече къ нимъ.* И такъ не на нѣкоторыхъ только избранныхъ, но на всѣхъ безъ изъятія простирается сей приговоръ, что тотъ не можетъ быть ученикомъ Христовымъ, кто не *оставитъ,* или не *возненавидитъ* всего, по естеству любезнаго, то есть, кто крѣпкою любовію къ Богу не превозможетъ и не препобѣдитъ любви ко всему, что любятъ внѣ Бога.

На что,—спросятъ, можетъ быть,—сіи жертвы лишенія для Бога, Который ничего не пріобрѣтаетъ чрезъ нихъ? Подлинно Богу, какъ вседовольному и всеблагому, не для—чего лишать, потому что нечего требовать; Онъ Самъ даетъ все, и всѣмъ даруетъ. Но Онъ и не требуетъ для себя никакихъ лишеній. а человѣкъ самъ не можетъ обойтись безъ нихъ для пріобрѣтенія лучшаго. Сіе ясно показываетъ образъ, представленный въ Евангеліи. Господь не говоритъ Апостоламъ: оставьте мрежи, оставьте корабль и Отца своего: Онъ только воззываетъ ихъ; Онъ говоритъ только: *грядита по Мнѣ.* Но когда они хотятъ исполнить сіе слово, послѣдовать сему воззванію: тогда оказывается, что сіе надлежитъ начать оставленіемъ своихъ мрежъ, своего корабля и отца своего. Если бы они не оставили мрежъ, корабля, отца: то и не послѣдовали бы за Іисусомъ. Кто хочетъ плыть: тому прежде надлежитъ отвязать, или, для поспѣшности, отсѣчь веревку, которою

лодка его прикрѣплена къ берегу. Кто желаетъ дѣйствительно быть на пути къ небу: тому необходимо нужно, или постепенно,—со вниманіемъ и усиліемъ разрѣшить, или, если боится закоснѣть, и если чувствуетъ въ себѣ довольно силы,—рѣшительнымъ ударомъ отсѣчь всѣ страстныя, земныя привязанности. Надобно освободиться отъ похотей плоти, чтобы предаться влеченію духа. Надобно попрать ногами земное, чтобы мудрствовать горняя. Надобно извергнуть изъ сердца міръ, чтобы нашлось въ ономъ довольно пространства для безпредѣльной любви къ безконечному Богу.

Вотъ, Христіане, одно изъ начальныхъ Евангельскихъ ученій, такъ какъ оно и предложено намъ почти въ началѣ Евангельскихъ дѣяній Христовыхъ, и въ самомъ началѣ Евангельской жизни Апостоловъ. Посему не многаго потребуемъ отъ васъ, если предложимъ, чтобы вы предъ собственною совѣстію испытали себя, сколько успѣховъ оказали вы въ семъ ученіи.

Не отваживаюсь спрашивать, многіе ли изъ насъ, въ строгомъ и полномъ смыслѣ, *оставили все*, ради послѣдованія Іисусу Христу. Признавая свое несовершенство и недостоинство, не признаю себя въ правѣ испытывать о томъ, чего Самъ Господь требуетъ токмо отъ нѣкоторыхъ, подъ условіемъ совершенства: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21.).

Если мы не оставили всего для Христа самымъ

дѣломъ: исполняемъ ли сіе хотя отчасти намѣреніемъ и желаніемъ? Говоритъ ли въ тебѣ иногда сердце твое: какъ много еще я имѣю въ мірѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что необходимо потребно для жизни временной! Какъ обременяюсь отъ того заботами! Какъ развлекаюсь удовольствіями! Господи, обнищавый мене ради! Даруй мнѣ причаститися святыя и спасительныя нищеты Твоея, оставить мыслями попеченія, оставить чувствами удовольствія! Какъ многое, и какъ живо еще люблю я въ семъ преходящемъ мірѣ, и какъ связуюсь иногда, то желѣзными узами любви огорченной, то златыми узами любви удовлетворяемой взаимностію и благополучіемъ, и какъ тѣ и другія воспящаютъ меня въ пути любви Божественной! Господи, возлюбивый насъ тако, яко душу Твою положилъ еси за насъ! Помоги мнѣ, ради любви къ Тебѣ, умѣрить любовь естественную, умертвить любовь пристрастную, возненавидѣть не довольно любящую Тебя душу мою, да чистая любовь Духа Твоего Святаго *дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полещу, и почію* (Псал. LIV. 7.) у Тебя, и въ Тебѣ Единомъ!

Но дабы самыя сіи чувствованія не прельстили тебя однимъ призракомъ, или не рѣшительнымъ порывомъ отрѣшенія отъ тварей: осмотрись, и примѣть, оставилъ ли ты самымъ дѣломъ для Бога хотя что нибудь, и особенно то, чѣмъ наиболѣе искушается господствующая склонность твоя. *Авраамъ бяше богатъ зѣло* (Быт. XIII. 2.); и онъ не отвергъ и не расточилъ богатства своего. но когда, ради любви къ Богу, не пощадилъ сына своего возлюблен-

наго, тогда не осталось никакого сомнѣнія, что онъ готовъ былъ для Бога пожертвовать всѣмъ, что имѣлъ, безъ малѣйшаго остатка. Если ты, напротивъ, при восторгахъ желанія служить Богу, при изъявленіи готовности пожертвовать для Него всѣмъ, не пожертвовалъ еще для Него дѣйствительно ничѣмъ, за что держится твоя любовь къ собственности: то готовность твоя, и желаніе твое очень сомнительны. Если ты ничего еще не оставилъ въ мірѣ: то не сдѣлалъ еще ни одного шага въ слѣдъ за Христомъ, ни одного шага по пути къ небу.

Призови насъ, Господи, вседѣйствующимъ словомъ Твоимъ, во слѣдъ Тебѣ, и вдохни въ насъ непритворное чувство оставленія всего, ради Тебе единаго, да все въ Тебѣ обрящемъ, и сами въ любви Твоей обрящемся. Аминь.

# 5. СЛОВО

### ВЪ НЕДЪЛЮ ВТОРУЮ ПО ПЯТЪДЕСЯТНИЦѢ.

*Она же абіе оставльше корабль и отца своего, по Немъ идоста.* Матѳ. IV. 22.

Евангеліе показываетъ намъ нынѣ, съ какою властію Господь нашъ Іисусъ Христосъ призывалъ избранныхъ къ послѣдованію за Нимъ, и въ служеніе Апостольское; и, соотвѣтственно тому, съ какимъ послушаніемъ, и съ какими пожертвованіями, они послѣдовали Его призванію. Власть призывающаго являетъ въ Немъ силу Божественную: послушаніе призываемыхъ вразумляетъ насъ о долгѣ Христіанскомъ.

На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ. Двое закидывали сѣти, начиная ловъ: другіе двое, въ другомъ мѣстѣ, поправляли сѣти, видно, поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу, и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною; и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. Петръ и Андрей могли узнать въ призывающемъ Того, Котораго Іоаннъ Креститель

указалъ имъ на Іорданѣ, и назвалъ *Агнцемъ Божіимъ;* и Который, при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ Симономъ, не только назвалъ его по имени, но и предпарекъ ему новое имя Петра, тогда не понятное и загадочное. Сіи воспоминанія должны были возбудить въ Петрѣ и Андреѣ почтительное вниманіе къ словамъ призывающаго Іисуса. Но при семъ не льзя было имъ не примѣтить и того, что призывающій былъ странникъ, безпомощный, не имѣющій ни собственнаго дома, ни богатства, ни званія въ обществѣ, почетнаго или начальственнаго. Какъ же вдругъ пойти за Нимъ? Куда итти за человѣкомъ, который не имѣетъ, гдѣ преклонить голову? Петръ и Андрей имѣли какую нибудь хижину, имѣли лодку, сѣти, рыболовный промыслъ, и отъ того пропитаніе: какъ бросить сіе, чтобъ итти за тѣмъ, который и сего не имѣетъ? —Но Онъ сдѣлаетъ *ловцами человѣковъ?* —Что это значитъ? Какъ это возможно? Люди ловятъ людей въ свою власть, подчиненность, зависимость, въ свою волю, посредствомъ предварительной власти надъ нѣкоторыми людьми, посредствомъ богатства, посредствомъ разнообразнаго свѣтскаго искусства, посредствомъ сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ сообщниковъ и единомышленниковъ: ничего такого не имѣютъ ни призывающій, ни призываемые быть ловцами человѣковъ. Посему чего бы естественно долженъ былъ ожидать призывающій Іисусъ отъ Петра и Андрея? — если не рѣшительнаго отказа, то нерѣшимости, раздумья, колебанія и борьбы между порывами на зовъ необыкновенный и привязан-

постію къ быту обыкновенному, между желаніемъ и надеждою неизвѣстнаго великаго, и между опасеніемъ потерять извѣстное малое, и не пріобрѣсти ничего. И что же напротивъ оказалось?—Рѣшимость быстрая, готовность полная, послѣдованіе зову неотсроченное ни на минуту. Петръ и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти, дабы онѣ безъ пользы не пропали, или не сдѣлались добычею хищника. Они просто ихъ бросили. *Она же абіе оставльша мрежи, по Немъ идоста.*

Іисусъ идетъ далѣе по берегу, и подобнымъ образомъ зоветъ другихъ двухъ рыбарей, Іакова и Іоанна. Дѣйствіе зова оказывается подобное прежнему, и, можетъ быть, еще болѣе удивительное. Изъ Евангельской исторіи не видно, чтобы Іаковъ и Іоаннъ такъ рано, и такъ благопріятно предварены были о Іисусѣ, какъ Андрей и Петръ: тѣмъ болѣе удивительно, что и тѣ приняли зовъ Его также безпрекословно, какъ сіи. Іаковъ и Іоаннъ, чтобъ итти за Іисусомъ, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовныхъ сѣтей,—оставить отца своего: но и сила сыновней любви, вмѣстѣ съ прочими противоборными чувствованіями и помышленіями естественными, не могли стоять противъ силы слова Іисусова: *она же абіе оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.*

Что же это за сила, которая въ немногихъ звукахъ слова Іисусова дѣйствуетъ такъ внезапно, такъ неестественно, такъ побѣдоносно надъ сильнѣйшими естественными привязанностями, чувствованіями,

умопредставленіями?—По самому дѣйствію необходимо должно признать, что это сила вышеестественная, слѣдственно Божественная, — сила слова Божія *живаго и дѣйственнаго* (Евр. IV. 12.),—глагола, который *не возвращается тощь* (Ис. LV. 11.) къ изрекшему его, Слова,—которымъ *вся быша* (Іоан. I. 3.). То же Слово, соприсносущное Богу Отцу, Которое въ началѣ міра непостижимымъ, Божественнымъ образомъ *рече: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I. 3.), и вообще: *рече, и быша: повелѣ и создашася* (Пс. XXXII. 9.), теперь облекшись въ одежду человѣческаго естества, съ тою же Божественною властію глаголетъ человѣческимъ гласомъ, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствіями устрояется и движется по гласу Творца; человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ; рыбарь дѣлается Апостоломъ.

Изъ сказаннаго доселѣ усмотримъ, братія, къ нашему назиданію и утѣшенію, сколь благодѣтельно для нашея вѣры Господь Іисусъ повсюду являетъ Божество Свое и спасительную силу Свою; сколь дивная сила обитаетъ въ Словѣ Его, исшедшемъ изъ устъ Его; и сколь богатое сокровище Божественной и спасительной силы предано намъ въ наслѣдіе въ словесахъ Господнихъ, сложенныхъ, какъ въ нѣкоей сокровищницѣ, въ Святомъ Евангеліи.

Но при сихъ размышленіяхъ о Божественномъ могуществѣ Слова Христова, надлежитъ принять въ разсужденіе и то, что сіе Слово, всегда одинаково могущественное само въ себѣ, неодинаково прости-

раетъ Свое могущество на твари. Когда Оно глаголетъ твари, какъ твари: тогда она покорствуетъ Ему необходимо. Такъ Іисусъ *запрети вѣтру, и рече морю: молчи, престани; и улеже вѣтръ, и бысть тишина велія* (Марк. IV. 39.). Но когда Слово Божіе глаголетъ твари, какъ существу разумному и свободному: тогда предоставляетъ ей свободно внять глаголемому, и принять спасительную силу и дѣйствіе глагола. Такъ глаголалъ Господь Петру и Андрею: *гридита по Мнѣ;* и симъ не только побуждалъ ихъ слѣдовать за Нимъ, но и давалъ имъ силу исполнить сіе, и преодолѣть всѣ препятствія: однако не принуждалъ ихъ, а предоставлялъ имъ свободно принять слово, и силу слова, повелѣніе, и благодать исполненія. И потому, прославляя Божественную силу слова Христова, мы не должны оставить безъ замѣчанія и человѣческую въ Апостолахъ добродѣтель послушанія слову Христову.

Какъ быстро подвиглась ихъ свободная воля во слѣдъ призывающаго слова Христова: *абіе*, тотчасъ! Какъ вѣрно за намѣреніемъ послѣдовало самое дѣло: *по Немъ идоста!* Какъ безусловно всемъ для сего пожертвовано: *оставльша мрежи, — оставльша корабль и отца своего!*

И вотъ, братія, и для насъ примѣръ, и указаніе общаго Христіанскаго долга — послушанія слову Христову, — послушанія скораго, неуклоннаго, дѣятельнаго, никакими препятствіями не побѣждаемаго, на всѣ пожертвованія готоваго. Ибо не однимъ Апостоламъ такъ могущественно глаголалъ Хри-

стосъ: но съ тою же Божественною силою глаголетъ и всѣмъ Христіанамъ, или желающимъ быть Христіанами: покайтеся и вѣруйте;—бдите и молитеся;—будите милосерди; — да любите другъ друга;—глаголетъ, и вмѣстѣ подаетъ благодать исполненія. Самое повелѣніе итти за Іисусомъ, хотя не въ томъ смыслѣ, чтобы всѣмъ быть ловцами человѣковъ, но чтобы самимъ быть уловленными во спасеніе, относится ко всѣмъ Христіанамъ, какъ нетрудно усмотрѣть изъ другаго изреченія Его: *аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ* (Іоан. XII. 26.). Служить Христу, безъ сомнѣнія, обязанъ каждый Христіанинъ; слѣдственно и послѣдовать Ему долженъ каждый. Долгъ, котораго нарушеніе тѣмъ неизвинительнѣе, что дающій повелѣніе, даетъ вмѣстѣ и силу исполнять оное, только-что не принуждаетъ.

Испытаемъ себя, Христіане, и возбудимъ. Господь призываетъ насъ, чтобы Ему служить, и Ему послѣдовать, и куда послѣдовать? — *Идѣже есмь Азъ*, говоритъ Онъ, *ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XII. 26.). Какую высокую цѣль Онъ указуетъ намъ! И Онъ же даетъ силу достигать оной. Что же мы? Можетъ ли каждый изъ насъ, не запинаемый совѣстію, сказать: *готово сердце мое, Боже, готово* (Пс. LVI. 8.)? Если и кажется въ лучшія минуты наши, что душа наша *исходитъ въ слово Его* (Пѣсн. пѣсн. V. 6.): идутъ ли также и дѣла наши во слѣдъ Его повелѣній и заповѣдей? Мрежи земныхъ заботъ, привязанностей, пристрастій, не опутываютъ ли нашихъ ногъ, направляемыхъ во слѣдъ

Господа? Видя истинный путь Господень, и слыша призываніе на оный, не говорятъ ли нѣкоторые: что же намъ дѣлать съ нашими родителями, съ нашими знакомыми, съ нашими общественными связями, съ нашими выгодами, которыхъ не льзя взять съ собою на сей путь? Да! *Узкій путь*: не льзя увлечь по нему за собою многаго. Но надобно вспомнить, что нѣтъ иного пути за Хрістомъ, ко спасенію, кромѣ узкаго, и что не льзя притти ко спасенію, если не вступишь самымъ дѣломъ на истинный путь спасенія. Если, не обманывая себя, желаешь спастися: то будь вѣрнымъ послѣдователемъ Хріста, по пути истинной вѣры Его и заповѣдей Его, и какъ можно, оставляй позади себя все, что не можетъ, или не хочетъ, проходить съ тобою путемъ тѣснымъ, но единымъ спасительнымъ.

Господи, въ силѣ Слова Твоего посли намъ благодать послѣдованія Тебѣ! *Влецы* насъ *въ слѣдъ Тебе, въ воню мира Твоего течемъ* (Пѣсн. пѣсн. I. 3.). Аминь.

# 6. СЛОВО

## ВЪ НЕДѢЛЮ ТРЕТІЮ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.

*И о одежди что печетеся? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.* Матѳ. VI. 28. 29.

Можно предугадывать, что говорено будетъ противъ излишнихъ попеченій объ одеждѣ и убранствѣ; и, можетъ быть, при сей догадкѣ, нѣкоторые уже помышляютъ, что сей предметъ слишкомъ малъ для того, чтобы занять вниманіе Христіанскаго собранія, въ часъ, назначенный для спасительнаго ученія. Но излишества и въ малыхъ вещахъ не суть малости. Излишество въ пищѣ и питіи въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней; а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться въ медленное самоубійство. Такъ и вредъ суетныхъ попеченій объ одеждѣ простирается отъ тѣла до души: это уже не малость! Есть люди, у которыхъ

сіи попеченія составляютъ не малую долю ежедневныхъ упражненій, и похищаютъ великую часть времени, которое, все безъ остатка, нужно для пріобрѣтенія вѣчности: это ни какъ не малость! Кому, не смотря на сіе, поученіе объ одеждѣ и уборахъ кажется малостію: тотъ пусть помыслитъ, могъ ли величайшій подъ солнцемъ Учитель учить малостямъ? Не слушайте, если не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ: но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему Небесный Учитель насъ поучаетъ.

*О одежди что печетеся? Смотрите крины сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.*

Что такое одежда? Въ порядкѣ естественномъ—средство для защищенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственномъ—защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ—искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій, и степеней въ нихъ постановленныхъ. Хотя изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство: впрочемъ не остановимся на сихъ понятіяхъ, которыя болѣе показываютъ правильное употребленіе одежды человѣками и обществами, нежели ея происхожденіе и первоначальное назначеніе отъ Творца человѣковъ и обществъ человѣческихъ. Съ сего священнаго мѣста

можно и должно видѣть далѣе, нежели обыкновенно видитъ міръ, и его стихійная мудрость.

Возведите мысли ваши къ первымъ днямъ вселенныя, въ которые человѣческій родъ заключался въ одной четѣ, только вышедшей изъ рукъ Создателя въ совершенной чистотѣ и святости: вы не найдете тамъ никакого слѣда одежды. *Бѣста,* говоритъ книга Бытія, *оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася* (Быт. II. 25.). Можно даже сказать безъ противорѣчія свидѣтельству Слова Божія, что они не были и наги, потому что не имѣли и не ощущали того недостатка, который мы называемъ наготою: подобно какъ тотъ не есть еще гладенъ, кто не принимаетъ пищи, но и не чувствуетъ въ ней нужды. Но вкусили прельщенные лукавымъ зміемъ отъ запрещеннаго плода, — и *разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. III. 7.). Вотъ начало наготы! Ядъ грѣха, принятый въ душу и сердце, быстро разлился по всему существу ихъ; страсти возбудились, и произвели безпорядочныя движенія въ тѣлѣ; и, похоть ли, которая *зачеши раждаетъ грѣхъ* (Іак. I. 15.), сама тотчасъ родилась отъ перваго грѣха, или несчастные родоначальники устыдились будущаго племени, которое носили въ чреслахъ своихъ, и котораго сдѣлались теперь убійцами;—только они прежде всего поспѣшили закрыть сіи чресла. *И сшиста листвіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія* (Быт. III. 7.). Вотъ происхожденіе одежды!

И такъ, что есть одежда наша? Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной

раны, и при томъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ въ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка — преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностію. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостію наперерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одежд? — Едва ли что нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора, покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, — сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ, — сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы? — Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или, если бы рабъ, принужденный носить оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ?

Правда, Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣйшаго. И *сотвори Господь Богъ Адаму и*

*жены его ризы кожаны: и облече их* (Быт. III. 21.). Но чрезъ сіе самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшеніи тѣла. Если вещество, по наставленію Самого Бога, употребленное для составленія одѣянія, было кожа: то для чего нѣкоторые или несчастными, или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ не пріятно, если не на насъ прядетъ шелковой червь; не для насъ земля раждаетъ злато, и море перла? Къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для васъ готовитъ Самъ Богъ? Ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что, по качеству сея страны, потребно для тѣла нашего; и для снисканія того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыслъ. Для чего же еще мы не рѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего иногда мы не довольны своими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите—такъ премудрость Божія постыждаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія—посмотрите на полевые цвѣты, какъ они растутъ; не прядутъ и не трудятся: а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами

о вашемъ одѣяніи: какъ будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели былiемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ; и будто Оно забыло близъ васъ произвести для васъ потребное!

И какой же предметъ столь нетерпѣливыхъ заботъ? Нѣжная ткань, драгоцѣнные камни, чистое золото—пусть приложатъ къ сему исчисленію, что еще угодно—какъ все сіе мало и недостойно озаботить того, кто хотя мало размышляетъ! Не знаю, что можетъ давать золоту на вѣсахъ разумнаго человѣка такую же тяжесть, какъ и на вѣсахъ торжника, если это не есть тяжесть бѣдъ, которыми обременяетъ оно родъ человѣческій. То, что называютъ лучшею водою въ камняхъ, не суть ли слезы несчастныхъ жертвъ, которыя вживѣ, глубже мертвыхъ, погребаются во мрачномъ чревѣ горъ, для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ? Лучшія произведенія искусныхъ рукъ могутъ ли составить чью нибудь славу, кромѣ своего художника? И далеко ли простирается сія слава? Художникъ міра положилъ предѣлъ для тщеславія смертнаго искусства въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ природы. Посмотрите еще разъ на полевые цвѣты: Соломонъ, во всей славѣ своей, не облачался такъ, какъ послѣдній изъ нихъ, говоритъ Истина.

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ оныхъ тонкій, духовный медъ; если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь: изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите

не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства — воззрите, члены тѣла Хрістова, на Главу свою, — и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя вами украшенія. Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ: а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ, и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ: а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со Главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости; и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живый образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія; а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но — *да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI. 4.)! Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ однакожъ послѣдовать неблагопристойностію не почитается.

Чтожъ? — спросятъ, вѣроятно, люди, болѣе желающіе избавиться отъ обличенія, нежели исправить

обличаемое,—не ужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣніе, и облечься въ рубища?—Нѣтъ, совопросники, *мудрые, еже творити злая, благо же творити не познавшіе* (Іер. IV. 22.)! Никто сего не требуетъ. Божественный Учитель нашъ обличаетъ, а потому и насъ обязываетъ обличать, только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одежди что печетеся?* Впрочемъ извѣстно, что и Самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный не швенный Хитонъ, который пожалѣли раздрать раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія, и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ — невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе странная и нелѣпая, что, безъ сомнѣнія, многіе, виновные въ ней, признаютъ ее, и однакожъ не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностію: бѣдственно то, что ею порождаются и питаются беззаконія. Спросите, на примѣръ, нѣкоторыхъ, пришедшихъ въ сіе Священное мѣсто не прежде начала, но уже въ продолженіи

общественныхъ молитвъ и Священнодѣйствія, спросите и сами себя, вы, съ которыми сіе случилось: какъ похищено сіе время у Бога и у души? — Окажется, что у нѣкоторыхъ оно посвящено было тѣлу, изъ котораго творили тогда кумиръ. Не видите ли, какъ явно мнимыя малости ваши обращаются въ оскорбленіе Великаго Бога? — Или, посмотрите, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за не нужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ сихъ не многихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ предъ обѣими скрижалями закона Божія?

Христіане! Какъ наслѣдники, и будущіе возобновители рая, не облѣняйтесь изторгать изъ сердецъ вашихъ и малое быліе нечистыхъ страстей, дабы не умножились плевелы, и не возросло терніе, и не было подавлено сѣмя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели предетавить Всевидцу малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти. Ахъ! Хотя бы подъ рубищемъ, только бы сохранить то царственное облаченіе, о которомъ писано: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III. 27.). Аминь.

# 7. СЛОВО

### ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.

*Оброцы грѣха, смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.* Рим. VI. 23.

Нѣкогда имя *грѣха* было для Христіанъ такъ ужасно, какъ проклятія и казни. Апостолъ Іаковъ, желая однимъ ударомъ сокрушить гордость хвалящагося вѣдѣніемъ истины, но живущаго по плоти человѣка, сказалъ только, что ему грѣхъ! *Вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. IV. 17). Нынѣ многіе содрогаются при имени безчестія, урона, смерти: мысль о грѣхѣ, подобно привидѣнію, не тревожитъ болѣе просвѣщеннаго вѣка. Такъ ли совершается въ насъ предсказанное пророками о царствѣ Мессіи: *яко да обетшаетъ согрѣшеніе* (Дан. IX. 24.)? Ахъ! Согрѣшеніе обетшаваетъ въ насъ не такъ, какъ старая одежда, кото-

рую повергаютъ къ ногамъ, когда облекаются въ новую; но такъ, какъ застарѣлая болѣзнь, въ которой чувствованіе боли притупляется временемъ, и которую мало наконецъ отличаютъ отъ здравія.

Столь опасная привычка подкрѣпляется столь же бѣдственною недальновидностію, съ каковою мы смотримъ только на прелестную личину, подъ коею грѣхъ намъ является; но не проникаемъ въ истинное свойство его, и не соединяемъ съ нимъ его послѣдствій. Что такое наши недостатки, бѣдствія, смерть? — Говорятъ: несовершенства природы, дѣйствія случаевъ, удары судьбы! — Такъ-то самолюбіе удобнѣе позволяетъ намъ хулить Бога, нежели находить источникъ зла въ себѣ самихъ.

Правда Божія, слушатели, не имѣетъ нужды въ нашемъ оправданіи. Но неправда наша должна быть обнажаема для нашего же отъ Бога оправданія. На сей конецъ, сообразно настоящему чтенію изъ Апостола, откроемъ по возможности, необходимый союзъ грѣха со смертію, *оброцы грѣха смерть*; и пагубному обольщенію грѣховнаго состоянія противоположимъ преимущества состоянія благодатнаго: *дарованіе Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

*Богъ*, какъ говоритъ Премудрый, *смерти не сотвори* (Прем. I. 13.). Отъ источника жизни могло ли что проистечь, кромѣ жизни? Давъ бытіе ничтожеству, онъ далъ бытію законъ, по которому бы оно дѣйствовало ко благу: дѣйствованіе по сему закону есть *жизнь*. Благороднѣйшія твари получили

свободу, которая есть способность исполнять законъ, по сознанію его совершенства, изъ любви къ Законодателю; и которая посему не исключаетъ возможности отступить отъ онаго: а такое произвольное отступленіе отъ закона есть *грѣхъ*. По поелику тварь, выходя изъ предѣловъ, премудростію и благостію Творца ей поставленныхъ, не можетъ взойти къ вышшему совершенству, котораго, будучи сама въ себѣ ничтожество, не только дать, но ниже возвратить себѣ не можетъ: то ея уклоненіе отъ закона по необходимости есть паденіе въ низшій кругъ дѣйствованія, разстройство, разрушеніе, *смерть*. Вотъ путь, по которому *единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть*. Онъ входитъ, какъ тать; и потомъ неистовствуетъ, какъ разбойникъ: обнажаетъ, порабощаетъ, убиваетъ. Человѣкъ, по троякому отношенію своего дѣйствованія къ самому себѣ, ближнему и Богу, можетъ наслаждаться троякою жизнію: естественною, какъ существо видимаго міра,—гражданскою, какъ членъ общества, и духовною, какъ умаленный малымъ чимъ отъ ангелъ: преобладающій грѣхъ и на жизнь естественную, и на цѣлыя общества, и на безсмертный духъ человѣческій налагаетъ дань смерти. *Оброцы грѣха, смерть*.

Въ первобытной невинности человѣкъ былъ безсмертенъ по тѣлу, равно какъ и по душѣ. Покоренныя ему твари подвержены были естественнымъ измѣненіямъ; однако такъ, что ни владыка ихъ, ни онѣ сами отъ того не страдали. Едва грѣхъ овладѣлъ симъ владыкою, какъ и въ его владѣніяхъ, и

въ немъ самомъ, по непостижимому дѣйствію правосудія Божія, возсталъ мятежъ: и скоро бы, можетъ быть, *опустошило всю землю* едино *беззаконіе*, если бы милосердый Богъ не положилъ между имъ, и его пагубными послѣдствіями нѣкотораго разстоянія, дабы оставить мѣсто покаянію и благодати. Между тѣмъ дивный Промыслъ заповѣдалъ смерти въ различныхъ видахъ преслѣдовать и поражать грѣхъ въ такой соразмѣрности съ его шествіемъ и силою, чтобы его же порожденіе было препятствіемъ его могуществу, и чтобы ослѣпленный впрочемъ грѣшникъ безъ труда узнавалъ въ немъ своего врага и убійцу. Дабы показать вамъ дѣйствіе сего Божія суда, я не укажу на первый міръ, вдругъ погребенный въ волнахъ за умноженіе неправды; или на древніе грады, которые воплемъ своего разврата низвели на себя небесный огнь; или на гробы похотѣнія, которые въ безплодной пустынѣ создала себѣ роскошь Евреевъ, и проч. Кто имѣетъ очи: тотъ, не обходя вѣковъ и странъ, всегда и вездѣ видитъ мечъ Божій на преступленіе, сокрытый въ самой природѣ и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ человѣческихъ. Не видите ли вы, какъ смерть, по выраженію пророка, *восходитъ сквозь окна ваша* (Іер. IX. 21),– проникаетъ во всѣ чувства и силы, поколику открываемъ ихъ для грѣха? Какъ чаша земныхъ удовольствій изливаетъ, если не всегда скоропостижный, то, безъ сомнѣнія, медленный ядъ въ уста неумѣренности; корысть не столько наполняетъ сокровищницы златомъ, сколько душу мученіемъ; обида вызываетъ противъ себя если не пра-

восудіе, то другую обиду; коварство упадаетъ въ яму, которую изрыло ближнему, и *мужіе кровей и льсти не преполовляютъ дней своихъ* (Псал. LIV. 24)? Какъ самое тонкое злоупотребленіе способностей естественныхъ изощряетъ на себя столь же тонкое оружіе: гордость убиваетъ разсудокъ; мудрость, *неискусившая имѣти Бога въ разумѣ, предается въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. I. 28.); и въ самый корень грѣха—самолюбіе, отъ времени до времени ударяетъ громъ злополучія? И когда Богъ, *не хотящій смерти грѣшника*, говоритъ о Себѣ, что Онъ *наводитъ грѣхи отцевъ на чада и на чада чадъ, до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XXXIV. 7.): не то ли сіе значитъ, что самый грѣхъ, неограниченно возобладавшій человѣкомъ, внѣдривается въ существо его; распространяетъ власть свою вмѣстѣ съ жизнію, которую онъ даетъ другимъ, и если не свергнутъ сего наслѣдственнаго ига, собираетъ свои *оброки* съ сыновъ, внуковъ и правнуковъ?

Но ежели симъ или другимъ образомъ грѣховная болѣзнь одного можетъ сдѣлаться заразою многихъ: то удивительно ли, что и послѣдующая за нею смерть также постигать можетъ племена и народы, какъ и человѣковъ? Жизнь общественная получила начало тогда, какъ Богъ рекъ первой человѣческой четѣ: *наполните землю, и господствуйте ею:* здѣсь нѣтъ ни раздѣленія, ни разрушенія. Отъ чего же смертны, а иногда и чрезмѣрно кратко — жизненны сіи тѣла гражданственныя, если не отъ того же, какъ и естественныя? Оскудѣніе любви къ оте-

честву и взаимной искренности между членами общества сопровождается слабостію и безпорядкомъ въ его дѣйствіяхъ; роскошь, поглощая его истинное довольство, измучиваетъ его вымышленными нуждами; стремленіе къ преобладанію и неправосудіе возбуждаютъ противъ него внѣшнихъ и домашнихъ непріятелей; въ вѣрѣ и благочестіи оно хранитъ или теряетъ основаніе своихъ законовъ, побужденіе дѣятельности, страхъ злодѣйства, награду подвиговъ, залогъ безопасности, словомъ, жизнь и душу. Если ты, правовѣрное Отечество, не старѣясь, переживаешь твоихъ сосѣдовъ и враговъ: то благослови правду и вѣру, которыя Господь Саваоѳъ оставилъ тебѣ, какъ сѣмя долгоживотное! Безъ нихъ никакой народъ не можетъ ожидать себѣ лучшей участи, нежели возлюбленный, но невѣрный Богу Израиль. *Вскую умираете доме Израилевъ?* вопіетъ къ нему Іезекіиль (XVIII. 31.). Вотще, совратясь отъ пути правды, мечтаешь ты, что *не управится путь Господень*; напрасно думаешь ускользнуть отъ Его правосудія; ты самъ себя умерщвляешь твоимъ нечестіемъ. *Вскую умираете доме Израилевъ?*—Если и бываютъ случаи, когда *путь нечестивыхъ спѣется*, и рука ихъ господствуетъ: то сіе есть или послѣдняя мзда, которую воспріемлютъ они за нѣкій останокъ добродѣтелей, или послѣднее напряженіе, которое лишитъ ихъ останка крѣпости. Развратное общество въ силѣ, подобно человѣку въ горячкѣ: его сильныя и быстрыя дѣйствія суть дѣйствіе болѣзни, а часто и предвѣстіе смерти. Державный Пророкъ видѣлъ и описалъ судьбу торжествующаго

нечестія: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія.* — Но долго ли продолжалось сіе явленіе? — *Мимо идохъ, и се не бѣ* (Пс. XXXVI. 35.).

Впрочемъ всѣ казни, преслѣдующія беззаконіе въ естественной и общественной жизни, суть токмо припоминательный образъ и, такъ сказать, слѣдъ истинной смерти, совершенно неразлучной отъ грѣха. *Въ онь же аще день снѣсте отъ древа, смертію умрете* (Быт. II. 17.). Вамъ извѣстно, что Адамъ девять вѣковъ жилъ на земли по снѣденіи отъ древа запрещеннаго: или не сбылось сіе слово, коего ни единая черта не можетъ прейти, хотя бы небо и земля поколебались? Нѣтъ! Адамъ точно *умеръ* въ день грѣхопаденія: умеръ въ своемъ умѣ, который, бывъ причастенъ Божественнаго свѣта, облекся во мракъ чувственности; умеръ въ своей волѣ, которая утратила силу стремиться ко благу духовному; умеръ въ своемъ сердцѣ, которое упало съ высоты небесной любви и блаженства, и раздробилось по числу земныхъ прелестей; умеръ въ своей дѣятельности, которая съ сего времени могла производить только *мертвыя дѣла* (Евр. IX. 14.). Что убо и мы, рожденные во грѣхахъ, и слишкомъ богатящіеся симъ наслѣдіемъ Адамовымъ, — что мы въ *тѣлѣ смерти сея* (Рим. VII. 24.), какъ не живые мертвецы во гробахъ своихъ? Смерть тѣмъ болѣе убійственная, чѣмъ менѣе ощущаемая; и ужаснѣйшая всѣхъ смертей, которыя мы видимъ и знаемъ! Ибо тѣ убиваютъ временное, а сія вѣчное: тѣ сами смертны, а сія можетъ быть безсмертною.

Гробъ, по словамъ одного Христіанскаго учителя (Тертул.), есть убѣжище отъ смерти: но это не для умирающаго во грѣхѣ; ибо его и за гробомъ ожидаетъ *смерть вторая* (Апокал. XXI. 8.) или раскрытіе первой смерти во всѣхъ ея ужасахъ.

Познаемъ, слушатели, чего мы должны страшиться. Если страшенъ мечъ, то еще страшнѣе убійца: если ужасна смерть, которая поражаетъ не столько человѣка, сколько грѣхъ; то колико ужаснѣе грѣхъ, который раждаетъ смерть! Но поелику страхъ есть безполезный мучитель, доколѣ онъ не есть пѣстунъ любви: не умедлимъ обольщаемому грѣхомъ сердцу нашему дать достойнѣйшій его прилѣпленія предметъ, и къ нему единому, по возможности, соберемъ всѣ расточенныя силы наши, какъ печальные обломки кораблекрушенія къ безопасному брегу. — Какой животный свѣтъ посылаетъ небо въ нашъ внутренній адъ! И какъ скоро убѣгаетъ отъ него сѣнь смертная! Богъ правды и мздовоздаянія для праведника, становится Богомъ милосердія и благодати для грѣшника! *Дарованіе Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Нашедши насъ мертвыми, благодать не требуетъ, чтобы мы заслужили жизнь: ибо сіе не возможно. Она обрѣтается не ищущимъ; является не вопрошающимъ; дарствуетъ, а не воздаетъ. *Дарованіе Божіе.*

Примѣтимъ же грѣховную слѣпоту нашу. Чего мы не дѣлаемъ для удовлетворенія суетнымъ желаніямъ и страстямъ законопреступнымъ! Богатству жертвуемъ спокойствіемъ, чести богатствомъ, и

опять спокойству честію ; бросаемся въ опасности, дабы извлечь изъ нихъ славу , или повергнуть въ нихъ соперника; проводимъ вѣкъ въ непрестанныхъ заботахъ, дабы достигнуть лучшаго состоянія, которое всегда удаляется отъ насъ; и, видя свое здравіе ослабѣвающимъ, продолжаемъ убивать себя чрезмѣрными усиліями, чтобы дожить желаемаго. А свергнуть тяжкое бремя грѣха, и взять легкое иго Іисуса, исхитить слабое сердце отъ міра, и положить его въ силу Божію, совершающуюся въ немощахъ , упразднiться и дать Богу творить въ насъ свое дѣло, - это трудно ; это превышаетъ наши силы! — Увы! Мы бываемъ дѣятельнѣе и сильнѣе для нашей погибели , нежели сколько нужно бы для нашего спасенія.

Благодать возобновляетъ и возвращаетъ человѣку все, что грѣхъ ни разрушаетъ. Она паки почерпаетъ ему духовную жизнь изъ Бога, ея источника; вводитъ его въ сочлененіе безсмертнаго тѣла церкви; и, когда земная наша храмина тѣла разорится, уготовляетъ храмину нерукотворенную на небесахъ. *Животъ вѣчный.*

Напротивъ, за какую награду мы работаемъ грѣху? – Поставимъ себя между имъ и смертію: и, озрѣвшись сюду и сюду, мы невольно повторимъ вопль Сына Саулова: *вкусихъ мало меду , и се азъ умираю.* Я вкусилъ нѣсколько капель удовольствія, и вижу предъ собою море золъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ наслажденія , предстоитъ вѣчность мученій. Я не насытилъ и плоти; а погубилъ душу. *Вку-*

*сихъ мало меду, и се азъ умираю* (1 Цар. XIV. 43.).

Наконецъ, благодать представляетъ намъ всемогущаго Подателя и вѣрнѣйшаго Споручителя своихъ даровъ, Іисуса Христа Богочеловѣка. Онъ есть Богъ: ибо наше возсозданіе можетъ совершиться силою единаго Создателя; но вкупѣ и человѣкъ, дабы мы безопасно и дерзновенно приближались къ Нему. Онъ содѣлался по насъ *грѣхомъ и клятвою* (2 Кор. V. 21. Гал. III. 13.), чтобъ искупить насъ отъ грѣха и клятвы, и, стяжавъ насъ кровію Своею, ожидаетъ, чтобы мы все пріяли чрезъ Него въ Немъ: *О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

На чемъ, напротивъ, утверждаемъ мы наши надежды, когда покаряемся грѣху? — Лукавый врагъ, каждый разъ, когда подаетъ намъ запрещенный плодъ, обѣщаетъ слишкомъ много: *будете яко бози;* но, исполнивъ его волю, мы обыкновенно или ничего не получаемъ, или получаемъ несравненно менѣе, нежели надѣялись. И почто же еще опираемся на сей тростяный жезлъ, который толикократно уже сокрушался подъ нашею рукою, и пробождалъ ее; а не поспѣшаемъ ко Врачу, исцѣляющему язвы душъ и тѣлесъ? Почто держимся земли, которая коловращаетъ насъ вмѣстѣ съ собою; и не имемся всѣми силами за крестъ Ходатая, который есть лѣствица къ небесамъ? Почто, когда такъ быстро *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. VII. 31.), *внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская* (Псал. XLV. 3.),

мы, отъ угрожающихъ и намъ ударовъ, не сокрываемся въ язвы нашего Спасителя?

О Боже, не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему! Возьми грѣхъ нашъ, да не возметъ онъ съ насъ оброка смерти вѣчныя; и подаждь намъ Твое дарованіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь.

# 8. СЛОВО

## въ недѣлю шестую по пятдесятницѣ.

*Видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои.* Матѳ. IX. 2.

Вѣрующаго поучать вѣрѣ, не значитъ ли учить ученаго, и не излишній ли это трудъ? Такъ можетъ показаться при поверхностномъ сличеніи словъ: но не такъ при основательномъ разсмотрѣніи дѣла. И ученому нужно возобновлять пріобрѣтенныя познанія, и пріобрѣтать новыя, однимъ словомъ, учиться: ибо иначе надлежитъ опасаться, что и познанное потемнѣно будетъ забвеніемъ, и, остановясь, онъ отстанетъ отъ науки, которая непрестанно идетъ впередъ. Подобнымъ образомъ, или, еще и болѣе, нужно вѣрующему непрестанно поучаться вѣрѣ, и умозрительно, и дѣятельно: ибо иначе надлежитъ опасаться, чтобы и засвѣтившійся въ сердцѣ свѣтъ вѣры, безъ благоразумнаго наблюденія и поддержанія, не погасъ, подобно свѣтильникамъ извѣстныхъ въ притчѣ дѣвъ юродивыхъ. *Правда Божія* въ благо-

вѣствованіи Хрістовомъ *является отъ вѣры въ вѣру*, какъ изъясняется Апостолъ (Римл. I. 17.). То есть: въ ученіи Христіанскомъ открывается путь къ праведности и святости, даруемой отъ Бога, посредствомъ вѣры, восходящей со степени на степень, отъ совершенства къ совершенству, всегда полагающей себѣ новыя восхожденія, всегда простирающейся въ предняя; потому что она стремится къ безконечному.

Посему прилично намъ, Христіане, каждый разъ, когда слышимъ какое слово писанія о вѣрѣ, *испытывать*, по повелѣнію Господню, сіе *писаніе* (Іоан. V. 39.), и изыскивать, какое преподается въ немъ ученіе и руководство собственно для нашей вѣры.

Нынѣ въ Евангеліи мы слышали во многихъ отношеніяхъ поучительное повѣствованіе, какъ разслабленный принесенъ былъ къ Господу Іисусу на одрѣ, и получилъ отъ Него прощеніе грѣховъ, и исцѣленіе отъ болѣзни. При семъ нѣкоторые книжники, люди мнимо ученые, но въ самомъ дѣлѣ ослѣпленные гордостію книжнаго знанія, услышавъ возвѣщаемое Іисусомъ отпущеніе грѣховъ, мысленно приняли сіе за Богохуленіе; и такимъ сужденіемъ сами впали въ преступленіе, которое хотѣли осудить, порицая Богохуленіемъ Того, Который Самъ есть Богъ: поразительный примѣръ, до чего можетъ довести склонность къ пересудамъ! Но сіе оскорбленіе Божескаго достоинства Спасителя нашего подало Ему причину явить Свое Божественное всевѣдѣніе: потому что на сокровенныя, сердечныя помышленія книжниковъ Онъ тотчасъ далъ отвѣтъ.

Мнѣніемъ книжниковъ, что грѣхи можетъ прощать одинъ Богъ, Онъ воспользовался для преподанія глубокаго ученія, что, такъ называемое, физическое зло, то есть, страданіе, болѣзнь, тлѣніе, зависитъ отъ нравственнаго зла, то есть, грѣха, какъ послѣдствіе, съ нимъ родившееся и съ нимъ уничтожающееся; почему то же Божественное дѣйствіе, которое, простираясь на душу, выражается словами: *отпущаются ти грѣси*, простираясь и на тѣло разслабленнаго, здѣсь выражается словами: *востани и ходи*, то есть, будь исцѣленъ. Дѣйствительнымъ исцѣленіемъ разслабленнаго Іисусъ оправдалъ сіе ученіе, доказалъ Свою Божескую власть прощать грѣхи, и показалъ въ Себѣ истиннаго Сына Божія. Происшествіе кончилось тѣмъ, что простой народъ, слѣдуя здравому смыслу и не предубѣжденной совѣсти, принялъ чудо съ лучшими чувствованіями, нежели книжники, и прославилъ Бога. Какъ бы миходомъ, среди сего повѣствованія, встрѣчается имя вѣры: *и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои.* Но при внимательномъ разсмотрѣніи, открываются здѣсь относительно вѣры важныя и назидательныя истины.

Первая истина: вѣра благотворно дѣйствуетъ на человѣка грѣшника, для полученія прощенія во грѣхахъ. Ибо Евангелистъ не напрасно замѣчаетъ, что Господь произнесъ отпущеніе грѣховъ, *видѣвъ вѣру*. Видно, Господь дѣйствовалъ не просто по Своему изволенію, не потому только, что имѣлъ болящаго предъ глазами, даже не потому, что сострадалъ

бѣдствующему, хотя и сіе свойственно Источнику милосердія, но потому, что увидѣлъ вѣру. Видно, что если бы не была усмотрѣна вѣра, не послѣдовало бы и отпущенія грѣховъ. Одинъ Богъ дѣйствительно даетъ прощеніе грѣховъ: одна вѣра пріемлетъ оное.

Другая истина: вѣра благотворно дѣйствуетъ на человѣка бѣдствующаго, къ его избавленію отъ бѣдствія. Возвѣщая разслабленному отпущеніе грѣховъ, Господь не сіе одно имѣлъ въ намѣреніи, но вмѣстѣ съ симъ, его исцѣленіе отъ болѣзни. Въ Божественномъ опредѣленіи: *отпущаются ти грѣси*, уже заключалось и другое: *востани и ходи*. Только лукавыя помышленія книжниковъ потребовали, чтобы послѣднее произнесено было вновь, выразительно и отдѣльно. Слѣдственно и къ исцѣленію приступилъ Господь, *видѣвъ вѣру*. Если бы не было вѣры: то не послѣдовало бы чудеснаго исцѣленія, какъ сіе ясно замѣтилъ Евангелистъ въ другомъ случаѣ: *и не сотвори ту силъ многихъ, за невѣрство ихъ* (Матѳ. XIII. 58.). Господь, по милосердію Своему, даруетъ благодатныя и чудесныя исцѣленія, и другія творитъ избавленія отъ бѣдъ; и безъ сомнѣнія за Его милосердіемъ дѣло не станетъ: надобно при томъ, чтобы не стало дѣло за нашею вѣрою.

Третія истина: вѣра одного человѣка можетъ благотворно дѣйствовать въ пользу другаго. Евангельское повѣствованіе говоритъ: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному*. Изъ сего видно, что не вѣра самого разслабленнаго, или по крайней

мѣрѣ, не одна его вѣра привлекла ему прощеніе грѣховъ и исцѣленіе; но помогла ему вѣра нѣкоторыхъ другихъ людей: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ.* Кто были сіи необыкновенные помощники, узнаемъ отъ Евангелиста Марка, который, повѣствуя о исцѣленіи разслабленнаго, согласно съ Матѳеемъ въ существѣ дѣла, присовокупляетъ нѣкоторыя подробности. Онъ сказываетъ, что разслабленнаго несли на одрѣ четыре человѣка; что, по тѣснотѣ отъ множества народа, они не могли внести его въ домъ, въ которомъ Господь находился; что, не уступая сему препятствію, они разобрали кровлю или потолокъ дома, и опустили одръ съ больнымъ въ храмину, на пространство, которое между Господомъ и собравшимся къ Нему народомъ оставлено было благоговѣніемъ сего народа. Ихъ-то вѣру Господь увидѣлъ, и по ихъ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, при содѣйствіи вѣры ихъ вѣрѣ разслабленнаго, и грѣхи разслабленному простилъ, и отъ недуга исцѣлилъ его.

Здѣсь, братія, не не любопытно было бы мнѣ, если бы то возможно было, *видѣть помышленія ваши. Чудитесь* ли вы простодушно, подобно лучшимъ изъ древнихъ Іудеевъ, *и прославляете ли Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ,* что они вѣрою своею могутъ привлекать благодатную и чудодѣйственную силу Божію не только самимъ себѣ, но и другимъ, у которыхъ не достаетъ собственной подобной вѣры, или, подобно древнимъ книжникамъ, и между вами, нѣкоторые *помышляютъ въ сердцахъ своихъ, что сей тако глаголетъ?* Одинъ вѣруетъ, и другой исцѣляется: какая тутъ

сообразность? Одинъ вѣруетъ, и другой разрѣшается отъ грѣховъ: какая тутъ правда? Не знаю, входятъ ли въ сердца ваши подобныя помышленія: но поелику они ходятъ между людьми, и возмущаютъ иногда и тѣхъ, которые не желали бы *мыслити лукавая въ сердцахъ своихъ:* то что скажемъ мы въ отвѣтъ духу сомнѣній и совопрошеній? — Не будетъ ни грубо, ни обидно, если мы скажемъ ему то, что сказалъ Господь Апостолу Петру, когда онъ возсталъ съ возраженіемъ противъ одной изъ таинъ вѣры: *иди за мною сатано: яко не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческа* (Марк. VIII. 33.). Ты мыслишь о правдѣ человѣческой, и не понимаешь правды Божіей; думаешь о сообразностяхъ естественныхъ, вещественныхъ, но и сихъ часто не понимаешь и удивляешься, встрѣчая ихъ тамъ, гдѣ не ожидалъ, и не находя тамъ, гдѣ предполагалъ; и удивительно ли, что сообразностей духовныхъ, общеній благодатныхъ, не постигаешь безъ благодатнаго опыта? Духъ выше плоти; благодать выше природы; вѣра выше разума: посему не удивительно, что для плоти не понятно, какъ дѣйствуетъ духъ; для природы не понятно, какъ дѣйствуетъ благодать; для разума не понятно, какъ дѣйствуетъ вѣра.

Впрочемъ изъ самаго прещенія Господня на *не мыслящихъ, яже суть Божія,* можно примѣтить, что есть нѣкоторая возможность мыслить, яже суть Божія: потому что не справедливо было бы осуждать за то, что не сдѣлано невозможнаго. И если можно, по Апостолу, *вѣрою разумѣвать* (Евр. XI. 3.):

то можно нѣсколько разумѣвать и самую вѣру и ея спасительныя дѣйствія, и удостовѣриться, что въ нихъ нѣтъ ни неправды, ни несообразностей. Одна строгая правда не позволила бы ни въ какомъ случаѣ простить грѣхи; для сего нужна помощь милосердія; а милосердіе не требуетъ заслуги, которой бы воздано было по правдѣ, но только готовности принять подаваемую благодать. Душа безъ вѣры есть сосудъ запертый для благодати, а душа вѣрующая—открытый. Вѣра открываетъ душу для принятія благодати. Чтобы увѣриться въ семъ дѣйствіи вѣры Божіей, посмотримъ на дѣйствіе вѣры человѣческой. Въ сношеніи съ человѣкомъ, къ которому не имѣемъ ни довѣренности, ни преданности, не примѣчаемъ ли, что душа наша заперта для него; что его на насъ дѣйствіе скользитъ, такъ сказать, по поверхности нашего сердца, не проникая внутрь его; что разсужденія его насъ не убѣждаютъ, и чувствованія не трогаютъ, хотя онѣ и не безъ силы? Напротивъ, кому мы довѣряемъ и преданы: того и легкая мысль, и простое слово, преклоняетъ нашъ умъ, проникаетъ сердце, движетъ душу; и такое общеніе душъ бываетъ иногда столь тѣснымъ, что мы находимъ для него приличнымъ наименованіе единства. Примѣните сіе дольнее къ горнему, сіе земное къ небесному, сіе человѣческое къ Божественному, и вы отчасти возможете уразумѣть, какъ вѣра отверзаетъ душу для принятія благодати, а также и то, какъ одна душа, привлекшая благодать вѣрою чрезъ искреннее общеніе съ другою душею, можетъ и ей впечатлѣвать

дѣйствіе вѣры, и облегчать пріятіе благодати. Такъ души носителей Евангельскаго разслабленнаго съ одной стороны вѣрою стремились ко Христу, съ другой человѣколюбіемъ и состраданіемъ прилѣплялись къ душѣ разслабленнаго: *и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ,* и токъ благодати пролился отъ Него чрезъ ихъ души на душу и на тѣло разслабленнаго.

О если бы, братія, сіи размышленія о благотворномъ и могущественномъ дѣйствіи вѣры, сколько нибудь помогли намъ, чтобы наша вѣра не была ни безсильнѣе, ни бездѣйственнѣе вѣры сихъ неизвѣстныхъ жителей не славившагося вѣрою Капернаума, которые, принесши ко Господу разслабленнаго, изъ сокровищъ благодати Его вдругъ извлекли нѣсколько чудесъ, и весь народъ подвигли къ прославленію Бога! Благо было бы сіе для насъ во всякое время, во всякой скорби отъ належащаго, во всякомъ страхѣ отъ угрожающаго зла, при всякомъ непорочномъ желаніи потребнаго и истиннаго блага. Ко Господу взывающая скорбь, и къ Нему взирающее желаніе, само собою обращалось бы въ молитву вѣры; и вѣра приводила бы исполненіе молитвы. Ибо вѣрно Господне обѣщаніе: *вся, елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимете* (Матѳ. XXI. 22.). Аминь.

# 9. СЛОВО

**ВЪ НЕДѢЛЮ ПЕРВУЮНАДЕСЯТЬ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ, И ВЪ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ АВГУСТА 22 ДНЯ 1837 ГОДА.**

*Не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ?* Матѳ. XVIII. 33.

Евангельское чтеніе настоящаго воскреснаго дня назначаетъ предметомъ настоящаго слова ученіе о прощеніи согрѣшающихъ. Сіе не будетъ неблаговременно и для особеннаго настоящаго торжества о Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Нашемъ, Богомъ вѣнчанномъ и священно-помазанномъ. Святое ученіе кстати встрѣчается съ достойнымъ себя примѣромъ, и назидательныя размышленія облегчаются пріятными воспоминаніями вѣрноподданнической любви.

Сколько въ обширной державѣ Благочестивѣйшаго Императора Нашего людей, которые предъ Его правосудіемъ были въ долгу, иногда и очень тяжкомъ, но которыхъ судьба можетъ быть изобра-

жена сею Евангельскою чертою: *милосердовавъ же господь раба того, прости его, и долгъ отпусти ему*! Сколько, слѣдственно, такихъ, которыхъ Онъ сильнымъ примѣромъ собственнаго милосердія можетъ учить милосердію къ согрѣшающимъ: *не подобаетъ ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ?*

Можно ли не воспомянуть теперь, что и Первородный Сынъ Благочестивѣйшаго Государя нашего, вступая съ возрастомъ въ неотсрочное наслѣдіе Родительскихъ добродѣтелей, одно изъ раннихъ движеній наслѣдственной благости явилъ въ сострадательномъ вниманіи къ судьбѣ должниковъ правосудія, и въ ходатайствѣ предъ Августѣйшимъ Родителемъ о ея облегченіи, какое только возможно милосердію безъ оскорбленія правосудія; и что милосердіе Царя съ радостію отозвалось милосердію Сына Царева?

И такъ возвратимся къ Евангелію, и возмемъ оттуда побужденіе и способъ перенести и въ наши домы и въ наши сердца--добродѣтель, столь свѣтло сіяющую предъ нами на престолѣ.

Чтобы ученіе о прощеніи согрѣшающимъ соединить съ побужденіемъ къ исполненію онаго, Божественный Учитель нашъ предлагаетъ оное въ поразительной притчѣ.

Царь требуетъ отчета отъ подданныхъ, у которыхъ было въ рукахъ множество богатства, ему принадлежащаго. Приводятъ одного, который долженъ ему десятью тысячами талантовъ, то есть, долгомъ, для подданнаго неоплатнымъ, и который

за то, по законамъ царства, долженъ быть проданъ съ женою и дѣтьми. Несчастный, не зная, что дѣлать, проситъ отсроченія уплаты. Но Царь сжалливается, и совсѣмъ прощаетъ долгъ.

Величественное зрѣлище милосердія! Должникъ не имѣетъ средствъ къ оправданію; законъ осуждаетъ его; царь имѣетъ всю власть исполнить осужденіе; повинный не почитаетъ возможнымъ просить, чтобы долгъ былъ прощенъ, а развѣ только отсроченъ: и внезапно — долгъ прощенъ. Это такъ прекрасно, что, если бы Господь, не продолжая рѣчи, сказалъ, какъ нѣкогда въ другой притчѣ: *иди, и ты твори такожде* (Лук. X. 37.), сердцу неокаменѣлому надлежало бы тотчасъ отвѣчать: пойдемъ, исполнимъ.

Но Господь не благоизволилъ остановиться, показавъ, какъ прекрасна добродѣтель; Онъ провидѣлъ, что не всѣ плѣнятся ея красотою; и призналъ нужнымъ показать безобразную противоположность. Притча продолжается.

Прощенный должникъ встрѣчаетъ своего должника, одного изъ своихъ клевретовъ, подданныхъ того же царя. Долгъ маловаженъ: только сто пѣнязей. Однако прощенный заимодавецъ взыскиваетъ съ своего должника строже, нежели Царь заимодавецъ: *емь его давляше.* Слышитъ ту же мольбу, которую самъ приносилъ царю: *потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти:* но не воспоминаетъ прошедшаго, не трогается настоящимъ, и бросаетъ своего должника въ темницу.

Какая неумѣстная жестокость! Самъ прощенъ: а простить не хочетъ. Самъ проспилъ отсроченія уплаты невозможной: а не хочетъ отсрочить возможной. Если предъидущая часть притчи сильно побуждаетъ къ тому, чтобы простить: то сія вторая часть еще сильнѣе отражаетъ самую мысль о томъ, чтобы не простить.

Третья часть притчи показываетъ послѣдствіе жестокости, которую оказалъ прощенный непрощающій. Царь узнаетъ объ его поступкахъ; беретъ назадъ свое великодушное прощеніе; и предаетъ его истязателямъ, *донеже воздастъ весь долгъ свой* — неоплатный.

Не льзя не чувствовать силы сей притчи. Надобно только узнать ея вѣрное приложеніе.

Что̀ значитъ иносказательное лице Царя заимодавца, Господь Самъ истолковалъ въ заключеніи притчи: *тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ*. И такъ Царь заимодавецъ есть Отецъ небесный. Чрезъ сіе опредѣляется значеніе всѣхъ частей притчи.

Что же далъ намъ въ долгъ Отецъ небесный? — О, какъ много! Больше, нежели тысячи талантовъ! Далъ Онъ намъ бытіе и жизнь, тѣло и душу, разумъ, сердце и чувства; далъ землю подъ ноги наши, прекрасный шатеръ неба надъ главы наши; далъ солнце нашему зрѣнію и жизни, воздухъ нашему дыханію; далъ животныхъ во власть нашу, и многоразличныя произведенія земли для нашихъ нуждъ и удовольствій, для пищи, для одежды, для жилища, для упражненія нашей дѣятельности къ

произведенію полезнаго и пріятнаго. Скажетъ ли кто при семъ, что слишкомъ гордо думать, будто для насъ и земля, и солнце, и небо; таковому отвѣтствую: если ты думаешь о семъ гордо, совѣтую тебѣ отложить свою гордость, и думать о семъ смиренно и благодарно предъ благодѣтелемъ Богомъ, а не думать, будто мысль, злоупотребленная гордостію, потому самому перестаетъ быть истинною. Скажешь ли еще, что землею, солнцемъ и небомъ пользуешься не ты одинъ, и не только всѣ человѣки, но и безчисленное множество другихъ тварей Божіихъ; отвѣтствую: что до того? Тѣмъ болѣе чудно, тѣмъ болѣе необъятно богатство Божіе, что, хотя имъ пользуются безчисленныя существа, но и ты пользуешься имъ такъ, что оно совершенно для тебя приготовлено, и къ твоимъ потребностямъ приспособлено. Найди способъ обойтись безъ земли, солнца и неба, — и тогда не почитай себя за нихъ должникомъ предъ Богомъ: а если сего не можешь сдѣлать, то признай, что каждый лучъ солнца, который тебя освѣщаетъ или согрѣваетъ, каждая капля воздуха, которую ты берешь себѣ дыханіемъ, есть твой новый заемъ изъ сокровищъ Божіихъ,—заемъ, всегда продолжаемый, ежеминутно возобновляемый, и слѣдственно, всегда неоплатный. Но изъ однихъ ли сокровищъ творенія занимаемъ мы у Творца? Какъ щедро даруетъ намъ еще Всеблагій Промыслитель изъ сокровищъ Своего провидѣнія,—ежеминутное храненіе нашихъ силъ и способностей, помощь и содѣйствіе во всемъ благомъ, средства и пособія къ жизни благоустроенной

и благополучной, добрыхъ и любящихъ родителей, благоразумныхъ воспитателей, праведнаго и благодѣтельнаго Царя, безопасность общественную, успѣхи въ начинаніяхъ, невидимо устрояемое избавленіе отъ бѣдъ, когда очевидно *суетно спасеніе человѣческо* (Псал. LIX. 14.). Что сказать о важнѣйшемъ еще, и еще болѣе неоцѣнимомъ заимодательствѣ Божіемъ изъ сокровищъ благодати? Намъ грѣшникамъ, омраченнымъ, погибшимъ, даровалъ Господь свѣтъ вѣры, надежду спасенія, смертію Сына Своего Единороднаго заплатилъ за искупленіе насъ отъ вѣчной смерти, которой мы предали себя грѣхомъ; какъ залогъ, какъ начатокъ, какъ напутствіе жизни вѣчной и блаженной, далъ намъ Духа Своего Святаго, крещеніе возрожденія, нетлѣнную пищу тѣла и крови Христовой. О, если бы мы были вѣчными должниками Божіими потому только, что благодѣянія Божіи къ намъ безчисленны и вѣчны!

Но это еще не все. Есть новые долги наши предъ Богомъ, которые болѣзненно насъ тяготятъ, и глубоко уничижаютъ,—долги, происходящіе и возрастающіе отъ того, что мы и заимоданное намъ во зло употребляемъ, и возможнаго съ нашей стороны Великому Заимодателю, или, по Его порученію, клевретамъ нашимъ, не воздаемъ. Всегда ли вѣрно воздаемъ мы Богу славу, благодарность, молитву, ближнему любовь, бѣдствующему состраданіе, бѣдному возможную помощь? Тщательно ли употребляемъ мы въ оборотъ заимоданные намъ таланты,—время всегда ли на занятія полезныя, или, по крайней мѣрѣ, невинныя, разумъ всегда ли для истины,

сердце всегда ли на движенія къ добру, чувства всегда ли на подвиги умѣренности, воздержанія и чистоты? Можемъ ли похвалиться, что удовлетворяемъ въ сихъ отношеніяхъ своему долгу? — *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. IX. 7.)!

Послѣ сего, братія, усмиренный, какъ думаю, взоръ нашъ обратимъ на то, что притча Господня оцѣниваетъ маловажною цѣною *ста пѣнязей*, — на долги ближнихъ нашихъ предъ нами, на ихъ согрѣшенія противъ насъ, на несправедливости, или оскорбленія, нами отъ нихъ претерпѣваемыя. Какъ малыми, какъ ничтожными являются всѣ долги сего рода, когда имѣемъ въ виду наши собственные долги предъ Вседержителемъ! Небережно коснулся кто нибудь нашей чести: можно вовсе не замѣтить сего, если мы заняты справедливо заботливою мыслію о томъ, какъ часто мы не воздаемъ должной чести и славы великому и всеблагому Богу. Кто нибудь несправедливъ противъ насъ: не трудно стерпѣть и простить, если разсуждаемъ, что попустилъ сіе Богъ, предъ Которымъ мы такъ часто, такъ тяжко неправы. Тому, кто не забываетъ, что по безконечному только милосердію не низверженъ онъ въ вѣчную темницу, трудно забыться до того, чтобы до узъ и темницы преслѣдовать ближняго безъ необходимости, за оскорбленное своекорыстіе или самолюбіе.

Но если, къ стыду нашему, Христіане, мы забываемся, и помилованные не милуемъ, и прощаемые не прощаемъ: то поспѣшимъ напомнить себѣ,

что Царь небесный видитъ; что ближайшій къ намъ клевретъ, отъ котораго не льзя утаиться, наша совѣсть, противъ насъ предъ Нимъ свидѣтельствуетъ и будетъ свидѣтельствовать; что придетъ наконецъ день, когда и Долготерпѣливый *путесотворитъ стези гнѣву Своему* (Псал. XXVII. 50.), то есть, правосудію; что упрекъ небеснаго Судіи, который слышимъ заранѣе, и который еще можемъ обратить себѣ въ орудіе исправленія и спасенія, тогда уже неисцѣльно пройдетъ душу нашу, какъ оружіе суда и наказанія: *не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ?*

Для заключенія сего слова надобно вполнѣ выслушать заключеніе притчи Господней: *тако и Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ согрѣшенія ихъ. Отъ сердецъ вашихъ:* въ семъ заключается духъ ученія о прощеніи согрѣшающимъ, и разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній. Прости отъ сердца: не наружно только, и не лицемѣрно. Прости отъ сердца: и все сдѣлано, хотя бы потомъ потребовались отъ тебя внѣшнія дѣйствія, выражающія, по видимому, не прощеніе, а взысканіе. Должника не бѣднаго, а лукаваго, можно и въ темницу всадить въ духѣ помилованія, какъ будто въ больницу для излеченія его отъ язвы лукавства. Царь или судія также не нарушаютъ заповѣди о прощеніи согрѣшающимъ, когда опредѣляютъ наказаніе виновному, не мстя ему, но исправляя его, и предохраняя невинныхъ

отъ его преступленій. Такъ добрая мать плачетъ, и беретъ розгу на упрямое дитя: безъ сомнѣнія, въ сіе время она не мститъ, а разумно любитъ. Прощай согрѣшающему отъ сердца, съ любовію: а между тѣмъ, если можешь и долженъ, исправляй его съ благоразуміемъ и также съ любовію. Аминь.

# 10. СЛОВО

**ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮНАДЕСЯТЬ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.**

*И се единъ нѣкій приступль, рече Ему: учителю благій, что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный.* Матѳ. XIX. 16.

*Имѣть животъ вѣчный,* наслѣдовать безсмертную и блаженную жизнь на небесахъ, конечно лучше, нежели получить, какое бы то ни было, сокровище или преимущество на земли. По сему никто не долженъ быть равнодушенъ къ вопросу: какимъ бы образомъ вѣрнѣе и удобнѣе достигнуть вѣчнаго живота; особенно, когда видимъ, что къ сей цѣли многіе идутъ разными путями, а кто лучше достигаетъ ея, не легко усмотрѣть, потому что сіе открывается совершенно, только за предѣлами видимаго.

И такъ не напрасно приходитъ на помощь сей заботѣ Евангеліе. Въ немъ слышали мы нынѣ и этотъ занимательный вопросъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* и отвѣтъ на него, сколько достойный вниманія, по предмету, столько

же достойный довѣрія, по лицу Отвѣтствователя, Который не съ удовольствіемъ принялъ наименованіе *Учителя благаго*, произнесенное въ смыслѣ обыкновенной ласки, но Которому подобаетъ сіе наименованіе въ высокомъ смыслѣ Его собственнаго изреченія: *никто же благъ, токмо единъ Богъ.*

Какой же это отвѣтъ?—*Аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди.*

Опасаюсь, что сей краткій и простый отвѣтъ не успокоитъ многихъ испытателей, какъ онъ не успокоилъ *единаго нѣкоего*, вопрошателя Евангельскаго. *Соблюди заповѣди!*—Только?—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые. Для вопроса, столь не объятно великаго, и для любомудрыхъ труднаго, какое малое, и даже для дѣтей не новое, разрѣшеніе! Можетъ быть, въ слѣдъ за Евангельскимъ вопрошателемъ, предложатъ и сіе возраженіе: *вся сія сохранихъ отъ юности моея*, но притомъ чувствую, что *еще не докончалъ*, не довольно приготовилъ себя къ вѣчной жизни.

Такія помышленія располагаютъ къ особенному размышленію о важности, значеніи и употребленіи правила: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди.*

Если царь издалъ законъ: не должны ли всѣ подданные исполнять оный въ точности? Поелику въ неисполненіи царскаго закона заключается противленіе царской власти, оскорбленіе царскому величеству, вредъ обществу, для блага котораго законъ постановленъ, и самому нарушителю закона, полезнаго для всѣхъ и каждаго. Притомъ власть, которая

нашла нужнымъ постановить законъ, находится въ необходимости поддерживать его въ исполненіи, а слѣдственно и наказывать нарушителей онаго. Что сказать о *заповѣдяхъ* Божіихъ, о сихъ законахъ Царя царствующихъ? Колико еще выше и сильнѣе здѣсь долгъ, и благоговѣнія къ Законодателю, и повиновенія закону! Колико еще большій предстоитъ страхъ вреда отъ нарушенія закона, и праведнаго за то наказанія!

Добрый подданный, которому сказалъ бы кто нибудь: исполняй царскіе законы, позволилъ ли бы себѣ дать на сіе такой отзывъ, что это совѣтъ не очень важный? Кольми паче ты, сынъ царствія Божія, или желающій быть таковымъ, когда слышишь наставленіе: *соблюди заповѣди* Божіи, дерзнешь ли помыслить, что это наставленіе не высокой важности?

Если *Учитель благій,* или точнѣе, самоблагій, Который есть самая премудрость Божія, даетъ тебѣ наставленіе: *соблюди заповѣди*: что можетъ быть вѣрнѣе сего наставленія? Если Онъ сіе наставленіе соединяетъ съ условіемъ: *аще хощеши внити въ животъ;* и слѣдовательно въ соблюденіи заповѣдей указуетъ тебѣ путь къ вѣчной, блаженной жизни: что можетъ быть важнѣе сего наставленія?

Если сіе наставленіе кажется тебѣ малымъ: вспомни, что сказалъ Господь о малыхъ заповѣдяхъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. V. 19.). А что значитъ: *мній во царствіи небеснѣмъ?* изъяснитъ

намъ сіе святый Златоустъ. *Егда*, говоритъ, *слышиши меньшаго во царствіи небесномъ, ничто же ино разумѣй, развѣ геенну и муку: царство бо Онъ не наслажденіе въсть нарицати токмо, но и время воскресенія, и пришествіе оно страшное.—Во оно время мній будетъ, сіе-есть, отверженный, послѣдній. Послѣдній же всячески въ геенну впадетъ тогда* (Бесѣд. 16 на Матѳ.). Если такимъ образомъ нарушеніе малой заповѣди низводитъ до геенны: то, напротивъ, соблюденіе малой заповѣди и малаго наставленія предохраняетъ отъ геенны. И малаго ли вниманія достойно то, что предохраняетъ отъ безмѣрныхъ и безконечныхъ золъ?

Просты заповѣди, которыя Господь предложилъ, какъ средство для достиженія вѣчной жизни: *не убіеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, чти отца и матерь, и возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе.* Подлинно, и дѣтямъ, по устроенію Отца свѣтовъ, не неизвѣстно сіе ученіе. Чтожъ? Менѣе ли потому оно важно? Не тѣмъ ли паче и премудро, и сильно? Сколько мудрецы міра мучили и мучатъ себя и другихъ, изслѣдованіями о блаженной жизни! Кого научили они жить? Кого сдѣлали блаженнымъ? Ихъ ученіе конечно не для дѣтскаго разумѣнія и дѣятельности: потому что ихъ собственное разумѣніе никогда не выходитъ окончательно изъ борьбы съ недоразумѣніями; ихъ собственная дѣятельность не помнитъ ихъ ученія. Вотъ ничтожность важности человѣческой! Напротивъ того, вотъ величіе простоты Божіей: Богъ изрекъ не многія, простыя запо-

вѣди, и въ нихъ преподалъ ученіе жизни, которое и для мудрыхъ глубоко-знаменательно, и для дѣтей доступно, и невѣдущихъ просвѣщаетъ, и просвѣщенныхъ руководствуетъ, и души человѣческія очищаетъ, и общества человѣческія охраняетъ, и временную жизнь благоустрояетъ, и для вѣчной образуетъ.

Менѣе ли величественно солнце отъ того, что свѣтитъ и долинамъ, какъ горамъ, и хижинамъ, какъ чертогамъ, и насѣкомымъ, какъ планетамъ? Такъ, менѣе ли *заповѣдь Господня свѣтла* отъ того, что *просвѣщаетъ очи* душевныя и дѣтей, какъ отцевъ, *умудряетъ и младенцевъ* (Псал. XVIII. 8. 9.), какъ старцевъ?

Но какое дѣйствительно значеніе въ отношеніи къ жизни вѣчной имѣетъ правило: *соблюди заповѣди?* Евангельскій юноша не обинуясь говорилъ о нихъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Но между тѣмъ конечно не далеко прошелъ онъ по пути къ жизни вѣчной, когда еще и не зналъ его; ибо только незнающему свойственно спрашивать, какъ онъ спрашивалъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Гдѣ же плодъ храненія заповѣдей?—

Въ разсужденіи сего необходимо замѣтить, во-первыхъ, что этотъ человѣкъ напрасно хвалился; онъ не испыталъ глубины своего сердца, и сказалъ неправду, когда сказалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Уличить его не трудно. Если бы онъ подлинно сохранилъ заповѣдь: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе:* то ближнему

своему желалъ бы довольства и обилія столько же, сколько самому себѣ, и тогда не трудно было бы ему раздѣлить свои стяжанія съ нищими. Но онъ не могъ принудить себя къ тому, и отъ Учителя вѣчной жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ пути вѣчной жизни, *отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа.* Итакъ, если онъ не далеко прошелъ по пути къ вѣчной жизни: то потому, что не далеко прошелъ по пути заповѣдей. Не заповѣди были для него безплодны; но онъ не довольно трудился, чтобы воздѣлать и собрать плодъ.

Во-вторыхъ, истинный разумъ Господня изреченія: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди,* надлежитъ опредѣлить строгою точностію его выраженій. Не сказалъ Онъ: исполни заповѣди; поелику вѣдалъ, что для сего не достало бы силъ человѣческой природы, которая отъ прародителей повреждена грѣхомъ, и которой *прилѣжитъ помышленіе прилѣжно на злая отъ юности* (Быт. VIII. 21.). Но сказалъ: *соблюди заповѣди,* то есть, не теряй ихъ изъ вида, не оставляй безъ вниманія, имѣй всегда предъ очами, сообразуй съ ними свои дѣйствія, сколько разумѣешь, и сколько можешь. Не сказалъ также: соблюди заповѣди, и внидешь въ животъ; ибо вѣдалъ, что человѣкъ не достигнетъ жизни вѣчной однимъ соблюденіемъ заповѣдей, которыхъ не можетъ исполнить въ совершенствѣ. Но сказалъ: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди;* то есть, желающему достигнуть вѣчной жизни нужно начать и продолжать сіе дѣло соблюденіемъ заповѣдей, хотя впро-

чемъ не одно сіе нужно, и не симъ однимъ совершится сіе дѣло.

Въ чемъ же долженъ состоять плодъ соблюденія заповѣдей? — Въ томъ, что поколику соблюдаешь ихъ, и, по возможности, дѣйствительно исполняешь; потолику очищаешь себя отъ всякія скверны плоти и духа, и уготовляешь себя къ пріятію Божіей благодати: а поколику на пути заповѣдей изнемогаешь, претыкаешься, падаешь въ мертвенное состояніе грѣха, потолику испытываешь свою немощь, смиряешь свой помыслъ, ощущаешь потребность искупленія отъ грѣховъ, и вышней помощи къ благодѣланію, побуждаешься прибѣгнуть отъ закона къ благодати: глубоко и внутренно познаешь достоинство и силу заслугъ и благодѣяній Іисуса Христа, Его страданія и смерти, для насъ умилостивительной и очистительной отъ грѣховъ, Его воскресенія, для насъ жизнеподательнаго, прилѣпляешься къ Нему вѣрою, надеждою, любовію, благодарностію, желаніемъ послѣдовать Его ученію и примѣру. Къ сему точно хощетъ вести посредствомъ заповѣдей Господь нашъ, когда послѣ начальнаго наставленія: *соблюди заповѣди*, предлагаетъ другое совершительное: *гряди въ слѣдъ Мене*. Ибо и сіе послѣднее, такъ же какъ первое, относится не къ одному Евангельскому юношѣ, но ко всякому, кто *хощетъ внити въ животъ*. Частно же къ нему относился только совѣтъ, долженствовавшій очистить его сердце отъ усмотрѣнной въ немъ Сердцевѣдцемъ страсти къ богатству: *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ*.

Изъ сего явствуетъ, что правило: *соблюди заповѣди*, имѣетъ значеніе средства не единственнаго и окончательно достаточнаго, впрочемъ существенно нужнаго и дѣйствительнаго для пріобрѣтенія вѣчнаго спасенія.

Послѣ сего не безъ особенной заботы должно спросить: употребляемъ ли мы сіе средство соотвѣтственно потребности его и достоинству? Знаю, что истинно подвизающимся въ дѣланіи по заповѣдямъ, смиреніе не позволитъ похвалиться: *вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Но не много ли и такихъ, которымъ возбранитъ сіе обличающая совѣсть? Не видимъ ли нерѣдко, что заповѣди Божіи нарушаются безпечнѣе и дерзновеннѣе, нежели человѣческіе законы? Говоря сіе, не виновность противъ законовъ облегчаю, но тяжесть виновности противъ заповѣдей Божіихъ взвѣшиваю. Помышляютъ ли нерадящіе, что значитъ ихъ нерадѣніе? Если вѣрный во словесѣхъ, и неизмѣнный въ обѣтованіяхъ Своихъ Господь желаніе и надежду вѣчнаго живота связалъ съ соблюденіемъ заповѣдей: то не хотѣть соблюдать заповѣди не значитъ ли не хотѣть внити въ животъ?

Если ты не думаешь обманывать себя безплоднымъ желаніемъ и неосновательною надеждою, а искренно *хощеши внити въ животъ:* то также искренно и дѣятельно *соблюди заповѣди.* О всякомъ дѣлѣ, предпріемлемомъ, не спрашивай прежде, будетъ ли оно пріятно, выгодно, безопасно, похвально предъ людьми, но прежде и паче всего испытывай, будетъ ли оно угодно Богу, не будетъ ли

противно Его заповѣдямъ. По всякомъ дѣлѣ, сдѣланномъ, не хвали себя въ похотѣхъ души твоея, но испытывай вновь, не нарушена ли въ немъ какая заповѣдь Божія, и успѣхъ восписуй содѣйствующей и покрывающей благодати, а въ претыканіяхъ и паденіяхъ съ покаяніемъ и вѣрою взывай къ благодати милующей и возставляющей, и съ новою бдительностію поставляй твою совѣсть на стражу храненія заповѣдей, да возможешь наконецъ со дерзновеніемъ вѣры рещи Господу: *се возжелахъ заповѣди Твоя; въ правдѣ Твоей живи мя* (Псал. CXVIII. 40.); и будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей, и по вѣрности твоей. Аминь.

# 11. СЛОВО

**ВЪ НЕДѢЛЮ ВТОРУЮНАДЕСЯТЬ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.**

*Слышавъ же юноша слово, отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа.* Матѳ. XIX. 22.

Какой это несчастный человѣкъ! Только приблизился ко Христу Спасителю; и уже удаляется отъ Него. Услышалъ Его Божественное слово; и отходитъ съ печалію. Съ печалію отходитъ отъ Того, Который есть *утѣха Израилева* (Лук. II. 25.), и радость неба и земли. Если отъ Христа отходитъ онъ съ печалію: то гдѣ же найдетъ онъ утѣшеніе? Что за несчастіе? Что за странность? Отъ чего это?

Причина сей несчастной странности многимъ не показалась бы дѣломъ важнымъ, если бы не открывались ея послѣдствія, которыхъ не льзя почесть маловажными. Это—пристрастіе къ земнымъ вещамъ. *Бѣ бо имѣя стяжанія многа.*

И такъ Евангеліе хочетъ вразумить насъ о вредныхъ и опасныхъ послѣдствіяхъ пристрастія къ земнымъ вещамъ. Примемъ сіе вразумленіе со внима-

ніемъ, и вразумимъ, по возможности, сами себя размышленіемъ.

Пристрастіе къ земнымъ вещамъ бываетъ въ человѣкахъ не одного рода, и не одной степени. Особенно различить должно пристрастіе къ вещамъ земнымъ грубое, явно безпорядочное и беззаконное, отъ пристрастія тонкаго, не всегда примѣтнаго, иногда благовиднаго.

Пристрастенъ кто нибудь къ богатству, и для удовлетворенія сему пристрастію употребляетъ обманъ или хищеніе; пристрастенъ кто нибудь къ удовольствіямъ тѣлесныхъ чувствъ, и для удовлетворенія своему пристрастію предается объяденію, или піянству, или еще болѣе низкимъ порокамъ; истощаетъ стяжаніе свое, чтобы наполнить чрево свое; простираетъ свою жадность и невоздержаніе до неприличія, до безобразія, до болѣзней, и самыми болѣзнями не вразумляется обратиться къ воздержанію:—такія пристрастія, и дѣйствія ихъ, столь очевидно безпорядочны и беззаконны, и послѣдствія сихъ пристрастій столь очевидно вредны въ отношеніи ко временной и вѣчной жизни, что сего почти не нужно доказывать и указывать человѣку, котораго умъ не омраченъ таковыми пристрастіями, котораго сердце не погрязло въ тинѣ скотскихъ наслажденій. Пожелалъ ли бы добрый и благородно мыслящій хозяинъ, чтобы хищникъ поселился у него въ домѣ, чтобы ненасытимый и нечистый ядца сидѣлъ за его столомъ, чтобы неистовый отъ вина входилъ въ его бесѣду? Что же сказать о Всевышнемъ Домовладыкѣ, и чистыхъ обитателяхъ

небесныхъ обителей? Возможно ли, чтобы въ ихъ обители допущены были души съ такими склонностями и привычками, по которымъ, во время пребыванія ихъ въ тѣлахъ, для другихъ, еще не совсѣмъ очищенныхъ, только менѣе нечистыхъ человѣковъ, онѣ были отвратительны и нестерпимы? *Вни псы и чародѣи, и любодѣи и убійцы, и идолослужители, и всякъ любяй и творяй лжу* (Апок. XXII. 15.). *Ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI. 10.).

Есть земныя пристрастія, не столь грубыя, однако вредныя для ищущихъ Царствія небеснаго; и тѣмъ болѣе опасныя, чѣмъ менѣе ихъ опасаются. Сіе долженъ объяснить показанный намъ въ Евангеліи примѣръ человѣка, пристрастнаго къ имѣнію.

Онъ приступилъ къ Іисусу Христу съ важнымъ вопросомъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Посему можно примѣтить, что это былъ человѣкъ не легкомысленный, и не суетою только занимающійся. Сего юношу не стыдно поставить предъ лицемъ старцевъ; на сего Израильтянина можно съ уваженіемъ указать Христіанамъ. Всѣхъ ли насъ паче всего, и чаще всего занимаетъ сей важный вопросъ: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Не проводитъ ли иной дня въ заботѣ, и ночи въ безсонницѣ, надъ пустыми вопросами: какъ бы сдѣлаться богатѣе? Или, какъ бы выше и виднѣе другихъ занять мѣсто въ обществѣ? Между тѣмъ какъ едва ли кто нибудь изъ насъ не знаетъ, что Евангеліе возвѣщаетъ горе богатымъ, и первымъ

угрожаетъ жребіемъ послѣднихъ? Если въ такомъ состояніи душа твоя, христіанинъ: то сказываю тебѣ, что она, кромѣ благодати святаго крещенія, еще въ низшемъ духовномъ состояніи находится, нежели душа сего Израильтянина, коей жалкое состояніе обнаружилось внезапнымъ удаленіемъ отъ Христа.

Когда Іисусъ Христосъ вопрошающему о средствахъ достигнуть вѣчной жизни, отвѣтствовалъ, что для сего надлежитъ соблюдать заповѣди, не убивать, не прелюбодѣйствовать, не красть, не лжесвидѣтельствовать, почитать отца и мать, любить ближняго, какъ самого себя: тогда не обинуясь *глагола Ему юноша: вся сія сохранихъ отъ юности моея.* Въ то время, когда человѣкъ ищетъ себѣ наставленія для вѣчной жизни, трудно подозрѣвать его въ вознамѣренномъ лицемѣрномъ самохвальствѣ предъ своимъ наставникомъ: ибо въ семъ случаѣ онъ обманывалъ бы только самого себя, и, скрывая отъ наставника истинное состояніе своей души, тѣмъ самымъ лишалъ бы себя наставленія, сему состоянію приличнаго. И такъ должно думать, что Евангельскій юноша не противъ совѣсти объявилъ себя сохранившимъ заповѣди отъ юности своей: хотя впрочемъ можно, и должно примѣтить, что зеркало совѣсти его, неочищенное и непросвѣтленное благодатію Христовою, не довольно чисто и вѣрно представляло ему духовный видъ и достоинство его дѣяній. Если отъ Израильтянина не требовать болѣе, нежели чего надлежитъ отъ него требовать, по состоянію Израильтянина: то сей

Израильтянинъ опять является довольно хорошимъ; и я опять опасаюсь, что не каждый изъ насъ, Христіане, выдержитъ съ нимъ сравненіе въ добродѣтели.

Сохранилъ ли ты, Христіанинъ, тѣ заповѣди, которыя сохранилъ сей Израильтянинъ? А тебѣ легче было, нежели ему, сохранить оныя, и не сравненно болѣе можно и должно было сдѣлать добра, при помощи благодати Хрістовой, данной тебѣ во святомъ крещеніи, щедро умножаемой, и удобно возобновляемой, другими Христіанскими таинствами.

Послушаемъ еще Израильтянина.—*Вся сія сохранихъ отъ юности моея; что есмь еще не докончалъ?*—Какой опять благоразумный вопросъ! Какъ обыкновенный ученикъ писмени закона, смотря на дѣла свои со внѣшней ихъ стороны, онъ почитаетъ себя исполнившимъ заповѣди: однако потому еще не почитаетъ себя заслужившимъ жизнь вѣчную; не думаетъ, чтобы удаленіе отъ грубыхъ грѣховъ и преступленій можно было поставить въ столь высокую цѣну предъ Богомъ, но предполагаетъ, что для приближенія къ Богу, для достиженія Царствія Его, нуженъ какой нибудь подвигъ, болѣе возвышенный, болѣе достойный величія Божія. Не видители, что тутъ есть нѣкоторое смиреніе, и нѣкоторое предчувствіе духовнаго закона? Сіи добрыя расположенія душевныя привели сего Израильтянина ко Хрісту; поставили его во дверяхъ благодати; открыли предъ нимъ путь не только спасенія отъ вѣчной смерти, но и путь совершенства, ведущій къ вѣчной жизни и къ высшимъ степенямъ блажен-

ства: ибо Господь точно нашелъ его способнымъ къ тому, чтобы преподать ему ученіе совершенства: *аще хощеши совершенъ быти.*

Что жъ подлинно *не докончалъ* онъ?—Спрошу и я вмѣстѣ съ нимъ. Желаніе и дѣятельное исканіе вѣчной жизни, исполненіе заповѣдей, смиреніе, стремленіе къ усовершенію въ добрѣ:—какъ уже тутъ много добраго! Чего еще не достаетъ? И если подлинно чего нибудь не достаетъ: то, кажется, сіе остальное, или не очень нужно; или удобно можетъ само собою произрасти отъ столь обильныхъ сѣменъ добра. Такъ могли бы мы подумать: и много бы погрѣшили. Могутъ и многія сѣмена добра остаться безъ плода, отъ одного только недостатка; могутъ многіе подвиги не достигнуть цѣли, отъ одного только препятствія. Бѣдный Израильтянинъ умѣлъ почувствовать, что *не докончалъ:* но докончить не умѣлъ.

*Иди,*—сказалъ ему обрѣтенный имъ благій Учитель,—*продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ.* Отъ сего ученія о совершенствѣ вдругъ все измѣнилось въ непостоянномъ ученикѣ. Гдѣ прежняя довѣренность къ Учителю благому? Гдѣ желаніе живота вѣчнаго? Гдѣ отъ юности пріобрѣтенный навыкъ исполнять познанныя заповѣди? Гдѣ ревность о докончаніи подвиговъ, потребныхъ для вѣчной жизни? Все скрылось; все исчезло: я вижу только внезапное бѣгство; *отъиде.* Тщетно благій, воистину, Учитель, словомъ истины нанесши страсти богатолюбца врачебную и спасительную рану, поспѣшаетъ утолить боль ея, словомъ утѣшенія: *и имѣти*

*имаши сокровище на небеси;* то есть, я не отнимаю у тебя имѣнія, а только переношу оное въ самое безопасное мѣсто, на небеса; не разоряю тебя, но предохраняю отъ разоренія, перемѣняю сокровище тлѣнное на нетлѣнное, проживаемое на неистощаемое: крадомое и отъемлемое на некрадомое и неотъемлемое, Пристрастная къ земному душа не пріемлетъ утѣшенія небеснаго: *отъиде скорбя.* Тщетно провидѣвшій сіе Господь привлекаетъ его непосредственно къ Себѣ: *и гряди въ слѣдъ Мене;* то есть, я предлагаю тебѣ тотъ самый жребій, который я избралъ для самого Себя; можетъ ли это быть худой жребій? Если ты привыкши почитать себя счастливымъ съ имѣніемъ, не знаешь, какъ быть довольнымъ безъ имѣнія, ты удобно сему научишься изъ примѣра, слова и опыта, слѣдуя за Мною. Сила слова и любви Христовой, примѣтно, проникала въ сердце юноши; ему тяжко было разстаться съ такимъ Учителемъ, не послѣдовать такому наставленію: однако жъ онъ не имѣлъ довольно рѣшительности побѣдить свою страсть, и потому она увлекла его. *Отъиде скорбя: бѣ бо имѣя стяжанія многа.* Отшелъ онъ отъ Христа, можетъ быть, для того, чтобы никогда уже не возвратиться къ Нему: ибо если, находясь у самаго Источника благодати, онъ не вкусилъ ея; то кто знаетъ, взыщетъ ли его въ удаленіи благодать, имъ оскорбленная и пренебреженная?

Смотрите, братія, и со вниманіемъ примѣчайте, съ заботою и опасеніемъ о вашемъ собственномъ спасеніи примѣчайте, какъ одна страсть въ человѣкѣ

можетъ повредить многимъ добродѣтелямъ; какъ пристрастіе къ земнымъ вещамъ отягчаетъ душу, омрачаетъ умъ, связуетъ волю, угашаетъ уже разгорѣвшееся желаніе благъ небесныхъ, удаляетъ отъ благодати, уже обрѣтенной, разрушаетъ надежду вѣчной жизни, по видимому, не безъ труда и благоразумія основанную. Ибо въ Евангеліи дѣло идетъ не просто о какомъ-то князѣ Іудейскомъ, котораго судьба не теперь, и не нами должна рѣшиться; нѣтъ, Евангеліе не разсказываетъ праздныхъ и безполезныхъ повѣстей; дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, пристрастнаго къ имѣнію; и если ты таковъ, то, хотя безъ твоего имени, однако и о тебѣ говоритъ Евангельская повѣсть, и тебѣ угрожаетъ, не какою либо маловажною опасностію, но тѣмъ, что твоя страсть можетъ довести тебя до измѣны ученію Христову, и удалить отъ Христа.

Что же дѣлать, скажетъ кто-либо, не ужели всѣмъ бросать имѣніе, и сдѣлаться нищими? — Нѣтъ, опять не о томъ дѣло. Ибо и Христосъ не отъ всякаго требовалъ добровольной нищеты. На примѣръ, сего, видно, не требовано Имъ отъ Іосифа Аримаѳейскаго, *иже и самъ учился у Іисуса*, и безъ сомнѣнія былъ вѣренъ Его ученію, когда рѣшился послужить Его погребенію, не смотря на опасность отъ враговъ Его, и который впрочемъ въ сіе время еще оставался *человѣкомъ богатымъ* (Матѳ. XXVII. 57.).

Итакъ что же дѣлать?

Кто чувствуетъ внутреннее призваніе къ добровольной нищетѣ, а паипаче кто, по испытанію и

убѣжденію въ семъ призваніи, посвятилъ оной себя обѣтомъ: тотъ да держится нищеты сея, какъ можно, вѣрнѣе, какъ можно, искреннѣе, какъ можно, совершеннѣе. Имѣй то, что имѣть заставляетъ необходимость, и правило твоего званія позволяетъ. Но берегись присвоивать и удерживать что нибудь сверхъ сего; и не позволяй себѣ жаждать большаго. Не прельщай себя мнимымъ снисхожденіемъ сужденія о томъ или другомъ, говоря: это не слишкомъ непозволительно: по сему обольстительному сужденію поступалъ Іуда, когда *ковчежецъ имѣяше, и вмѣтаемая пошаше* (Іоан. XII. 6.). Онъ думалъ, что не слишкомъ непозволительно съ нѣкоторою жаждою желать умноженія денегъ, чтобы отъ избытка удобнѣе было подавать нищимъ; и не примѣтилъ, какъ совсѣмъ забылъ правило Апостольскаго нестяжанія: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ* (Матѳ. X. 9.); и подъ покровомъ нищелюбія воспиталъ своекорыстіе и злокорыстіе: *тать бѣ.* Не обезпечивай себя и тѣмъ, что ты не какое нибудь большое накопилъ сокровище: не пуды золота надобны, чтобы погрузить твою ладію въ бездну адскую; тридцать сребренниковъ были для сего слишкомъ тяжелы въ рукахъ человѣка, измѣнившаго правилу нестяжанія.

Кто же не обязанъ правиломъ совершеннаго нестяжанія: тотъ, пользуясь богатствомъ, законно пріобрѣтеннымъ, не забывай правила, еще Псалмопѣвцемъ провозглашеннаго всѣмъ богатымъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. LXI. 11.). Напоминай себѣ часто, что скорѣе, или

медленнѣе, но во всякомъ случаѣ чрезъ не долгое время, или богатство тебя оставитъ, или ты оставишь богатство: и потому обходись съ нимъ, какъ съ гостемъ, котораго надобно честно принять и честно проводить. *И купующіи, яко не содержаще, и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. VII. 30. 31.), учитъ Апостолъ.

Наконецъ, если, не смотря на желаніе поставить себя въ сіе Христіанское равнодушіе къ земнымъ вещамъ, ты не достигаешь сего безпристрастія, сей свободы, сей возвышенности духа; если земныя желанія противъ твоей воли, какъ сѣти, опутываютъ твою душу, и не допускаютъ ее возноситься къ небесному; если заботы любоимѣнія отвлекаютъ тебя отъ дѣлъ благочестія, или развлекаютъ мысли и охлаждаютъ чувствованія сердца твоего въ самыхъ упражненіяхъ благочестія, если скупость стѣсняетъ твое сердце, и скорчиваетъ твою руку, когда тебѣ надлежало бы простерть ее для благотворенія: то вновь особеннымъ образомъ указываю тебѣ на Евангельскаго богатолюбца. Это его болѣзнь; и тебѣ показано теперь, какъ она опасна. Итакъ подумай о врачевствахъ, которыя подалъ противъ нея Врачь душъ и тѣлесъ: *продаждь имѣнія твое, и даждь нищимъ; – гряди въ слѣдъ Мене.* Если ты не умѣешь съ сохраненіемъ имѣнія, сохранить твою душу: то подлинно, не лучше ли уже погубить богатство, нежели, чтобы оно тебя погубило? Если не можешь вдругъ, по крайнѣй мѣрѣ по немногу выпутывай душу твою изъ сѣти пристрастій, дѣйствуя вопреки пристрастіямъ, ее связующимъ. Заставь себя

благотворить бѣдному, хотя бы сердце твое не преклонялось къ нему состраданіемъ. Отторгни себя отъ дѣлъ житейскихъ, и хотя съ нѣкоторымъ принужденіемъ, поставь себя на дѣло благочестія, когда того требуетъ долгъ и порядокъ жизни. Богъ узритъ сіи, хотя не совершенныя, однако благонамѣренныя жертвы: и низпослетъ тебѣ мудрость и силу на то, чтобы приносить оныя въ большей чистотѣ и совершенствѣ. Наипаче же, если по немощи твоей не достигаешь еще, чтобы непосредственно слѣдовать за Хрістомъ, по крайнѣй мѣрѣ внимательно и неуклонно взирай во слѣдъ Его; вразумляй себя ученіемъ Его; возбуждай себя примѣромъ Его; молитвою привлекай силу Его; и за симъ путеводительнымъ Свѣтомъ, какъ Израиль за столпомъ огненнымъ, хотя по малу, простирайся дальше и дальше отъ Египта, ближе и ближе къ землѣ обѣтованія,—дальше и дальше отъ порабощенія страстямъ и похотямъ, ближе и ближе къ свободѣ чадъ Божіихъ, и къ житію на земли небесному, къ которому и да приведетъ всѣхъ насъ путями провидѣнія и благодати Своея, насъ ради Обнищавшій, да мы нищетою Его обогатимся, богатый въ милости Хрістосъ Богъ нашъ, сый благословенъ во вѣки. Аминь.

# 12. СЛОВО

### въ недѣлю по воздвиженіи.

*Иже бо аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.* Марк. VIII. 38.

Отецъ небесный не судитъ никому, но весь судъ отдалъ Сыну Своему. Смотрите, какъ дивенъ судъ Его. Какъ онъ точенъ и строгъ! Ибо наказаніе съ преступленіемъ измѣряется одною и тою же мѣрою. Если человѣкъ постыдится Христа; — вотъ преступленіе:—и Христосъ постыдится человѣка; — вотъ наказаніе. Но какъ вмѣстѣ и снисходителенъ судъ сей! Сколько дерзновенный рабъ захочетъ унизить предъ очами своими Господа Славы: столько, а не болѣе, Господь Славы хочетъ унизить предъ Собою раба дерзновеннаго. *Иже аще постыдится Мене: — и Сынъ человѣческій постыдится его.*

Но какимъ бы въ семъ случаѣ ни являлся намъ Верховный Судія, строгимъ ли, дабы устрашить насъ, и страхомъ спасти отъ преступленія и осужденія, снисходительнымъ ли, дабы устыдить насъ, и стыдомъ спасительнымъ предупредить стыдъ законопреступный, самое преступленіе, на которое произносится судъ, кажется, можетъ возбудить въ насъ весь ужасъ отвращенія, и все вниманіе осторожности. Какъ? Будутъ люди, которые подумаютъ, что Сынъ человѣческій и словеса Его, то есть, Христосъ и Христіанство, дѣлаютъ имъ стыдъ? — Къ сожалѣнію не возможно въ семъ сомнѣваться. Будетъ то, что предсказываетъ Истина. Всевѣдущій Судія не провозглашалъ бы наказанія, если бы не предвидѣлъ преступленія.

Чтобы нѣкогда Господь нашъ не постыдился насъ, Христіане, нужно намъ, въ предосторожность нашу, внимательно размыслить, что значитъ *постыдиться Сына человѣческаго и словесъ Его*, и какъ можно впасть въ сіе преступленіе.

*Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.*

Стыдятся обыкновенно нечистаго, низкаго, презрѣннаго. Какъ же можно постыдиться Іисуса Христа всечистаго, превознесеннаго, препрославленнаго? Что значитъ въ семъ случаѣ *постидиться?*

Дабы опредѣлить разумъ сего слова въ устахъ Іисуса Христа, надлежитъ вспомнить, что предъ

тѣмъ говорилъ Онъ о крестѣ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Но что былъ крестъ въ очахъ людей, прежде нежели крестная смерть и воскресеніе Спасителя нашего, представили оный и по внутреннему знаменованію величественнымъ, и чрезъ то купно и по внѣшнему знаменованію священнымъ? Онъ былъ орудіе смерти для осужденныхъ, и между осужденными для рабовъ, или для людей, признаваемыхъ достойными вмѣстѣ и наказанія и поруганія. Посему вѣроятно, что люди, привыкшіе цѣнить вещи цѣною народнаго мнѣнія, услышавъ ученіе о крестѣ, тотчасъ подумали, какъ трудно послѣдовать Учителю, Который готовится и готовитъ учениковъ своихъ къ такому необыкновенному позору; вѣроятно, что люди отличной образованности и изящнаго вкуса по своему времени, стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподаетъ столь странное ученіе. На сіи помышленія и чувствованія испытующій сердца Учитель отвѣтствуетъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ: и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми.* Изъ сего можно заключить, что *стыдиться Сына человѣческаго* опредѣлительно значитъ стыдиться Іисуса Христа, яко распятаго; и что стыдиться *словесъ* Его значитъ стыдиться ученія о крестѣ. Предостереженіе противъ сего стыда очевидно нужно было для временъ, въ которыя господствовало Іудейство и язы-

чество, и въ которыя для опроверженія Христіанской вѣры, и для осмѣянія Христіанъ, какъ безумныхъ, довольнымъ почитали сказать, что они вѣруютъ въ Распятаго;—какъ безумныхъ, говорю я; ибо точно сіе говоритъ Апостолъ. *слово крестное погибающимъ юродство есть; — мы проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе* (1 Кор. I. 18. 23.); и посему тотъ же Апостолъ, вмѣсто того, чтобы объявить себя пріемлющимъ ученіе Христово, вѣрующимъ ему, благоговѣющимъ предъ нимъ, почелъ довольнымъ сказать, что не стыдится онаго: *не стыждуся благовѣствованіемъ Христовымъ; сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. I. 16.).

Должно замѣтить, что то же преступленіе, которое Іисусъ Христосъ называетъ стыдомъ имени Его и ученія, иначе называетъ Онъ *отверженіемъ Его*, или отреченіемъ отъ Него: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ.* Стыдиться Христа есть начало, а отречься отъ Него есть совершеніе одного и того же преступленія. Какъ *сердцемъ вѣруется въ правду; усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. X. 10.): такъ сердцемъ стыдятся Христа въ ссужденіе, чувствуютъ тягость и затрудненіе отъ Его ученія, какъ не сообразнаго съ понятіями гордаго разума, съ похотями плоти, съ обычаями вѣка сего; и въ слѣдствіе таковыхъ внутреннихъ расположеній, устами, дѣлами и всею жизнію отрекаются отъ Него къ погибели.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый благомыслящій хри-

стіанинъ чувствуетъ важность сего преступленія, разсматриваемаго во всемъ его пространствѣ: и можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что самая тяжесть онаго избавляетъ ихъ отъ опасенія, чтобы не впасть въ оное. Не удивляюсь, если благонамѣренные, но не опытные въ христіанствѣ, такъ думаютъ. Такъ думалъ Апостолъ Петръ, когда на предсказаніе Іисуса Христа, что всѣ Апостолы соблазнятся о Немъ въ слѣдующую ночь, сказалъ Господу: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблазнюся* (Матѳ. XXVI. 33.). И еще на предсказаніе о его троекратномъ отреченіи отъ Христа: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе.* Такъ и всѣ Апостолы думали: *такожде и вси ученицы рѣша* (35.). Но извѣстно, что было въ слѣдующую ночь: *тогда ученицы вси оставльше Его, бѣжаша* (56). И Петръ, который менѣе всѣхъ опасался паденія, палъ бѣдственнѣе всѣхъ прочихъ. Отъ чего же сіе случилось? Отъ того наиболѣе, что Петръ не опасался пасть такъ глубоко; а того еще не извѣдалъ, какъ древній человѣкоубійца тростіемъ и изгребіемъ закрываетъ пропасти, чтобы навести на нихъ и низринуть неосторожнаго. Если бы кто изъ явныхъ и сильныхъ враговъ Христовыхъ напалъ на Петра: онъ увидѣлъ бы опасность, и вооружился бы мужествомъ. Если бы прямо сказали ему: отрекись отъ Христа: онъ ужаснулся бы сего преступленія, и, можетъ быть, подлинно рѣшился бы въ ту же минуту, до смерти стоять въ исповѣданіи осуждаемаго на смерть Іисуса. Вмѣсто того, *приступи къ нему едина рабыня:*

чего тутъ опасаться? Она ничего не говоритъ, и вѣроятно, ничего не понимаетъ, ни о вѣрѣ во Христа, ни о исповѣданіи Его; а только любопытствуетъ о томъ, кого видали съ Нимъ вмѣстѣ: *и ты былъ еси со Іисусомъ Галилейскимъ.* Петръ подумалъ, можетъ быть, что не стоитъ труда входить въ разговоръ о Христѣ съ людьми, которые такъ далеки отъ Его таинъ, и что сіе значило бы метать бисеръ предъ свиніями. По видимому, онъ старался только прекратить рѣчь. *Не вѣмъ, что глаголеши*, сказалъ онъ; я тебя не понимаю: и не свѣдалъ, какъ постыдный для Апостола стыдъ Сына человѣческаго прокрался въ сердце Апостола. Нападеніе повторено сильнѣе прежняго: ибо другая рабыня указала его *сущимъ тамо.* Надлежало усилить отпоръ: и Петръ сказалъ *съ клятвою, яко не знаю человѣка.* Такимъ образомъ уклоненіе отъ разговора о Іисусѣ не примѣтно превратилось въ отреченіе отъ Его лица. Еще нападеніе и улика, — и Петръ *начатъ ротитися и клятися, яко не знаю человѣка,* то есть, всѣми силами отрицаться отъ Него. Сіе нечаянное и глубокое паденіе Петра, горько имъ оплаканное, попущено Провидѣніемъ Божіимъ не для его только испытанія, но и въ наставленіе всѣмъ намъ, Христіане. Онъ преткнулся, дабы мы научились осторожно ступать по пути спасенія. *Мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X. 12.). Если мы думаемъ, что рѣшились бы пожертвовать жизнію за Христа, когда бы то нужно было: то дабы симъ пріятнымъ увѣреніемъ, подобно Петру, не обмануть самихъ себя, мы должны тща-

тельно смотрѣть за собою, какъ поступаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для неизмѣннаго исповѣданія Христа нужно пожертвовать чѣмъ либо гораздо менѣе важнымъ, нежели жизнь.

Подходитъ рабыня суетныхъ приличій, и ни на чемъ добромъ не основанныхъ обычаевъ, называемая въ мірѣ образованностію или людскостію (какъ будто безъ нея люди и людьми бы не были, и образа не имѣли), и говоритъ человѣку, желающему быть послѣдователемъ распятаго Іисуса: не ужели подлинно ты хочешь оставить путь столь многихъ людей разумныхъ, разборчивыхъ, сильныхъ, богатыхъ, почитаемыхъ, любезныхъ, которыхъ образъ жизни столько же пріятенъ для нихъ самихъ, столько и всѣми одобряемъ? Не ужели откажешь себѣ въ удовольствіяхъ и нѣкоторыхъ вольностяхъ, которыя почти у всѣхъ почитаются невинными? Не ужели рѣшишься быть страннымъ въ очахъ свѣта и притчею общества? Не ужели будешь мучить себя подвигами, убивать постомъ, изнурять строгостями, которыя въ самыхъ отшельникахъ суть дѣйствіе излишней, можетъ быть, и не разсудительной ревности? До кого изъ желающихъ итти путемъ Христовымъ не доходятъ такія рѣчи? Къ кому не приходятъ иногда такіе помыслы? Что же скажемъ на сіе, Христіане? Кажется, здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы отречься отъ Христа; насъ хотятъ только пристыдить подозрѣніемъ, *не были ль мы со Іисусомъ Галилейскимъ*, или не хотимъ ли вмѣсто свѣтскаго вечера, быть съ Нимъ на всенощномъ бдѣніи Его въ саду Геѳсиманскомъ, гдѣ и Самъ

Онъ былъ съ тугою и скорбію, съ болѣзненнымъ, хотя притомъ совершенно свободнымъ и охотнымъ пожертвованіемъ Своея воли. Нѣтъ,— говорятъ иные въ тайныхъ помыслахъ, я совсѣмъ не понимаю, что значитъ быть въ саду Геѳсиманскомъ; я знаю, и хочу знать только такое христіанство, которое утѣшаетъ, а не такое, которое учитъ лишаться, страдать, и какимъ-то не понятнымъ образомъ умирать самому себѣ: *не вѣмъ, что глаголеши.* Ахъ! Поберегись, желающій спасти душу свою! Если такъ говоришь ты: то уже ты послѣдователь не Іисуса, возставляющаго падшихъ, но Петра падающаго. Если ты сказалъ теперь объ отреченіи отъ міра и отъ самого себя, о участіи въ страданіяхъ Христовыхъ и о крестномъ словѣ: *не вѣмъ, что глаголеши:* можно ли быть увѣрену, что не скажешь вскорѣ о Самомъ Христѣ: *не знаю человѣка?*

Войдемъ въ какое нибудь изъ обыкновенныхъ собраній, въ домѣ или *на преддвоpіи;* поищемъ христіанъ между сынами вѣка сего; вслушаемся въ разговоры. Тотчасъ услышимъ ласкательство, злорѣчіе, голосъ тщеславія, корысти, смѣхъ легкомыслія, вопли нетерпѣливости, сужденія о всемъ, что знаютъ, и чего не разумѣютъ. Но скоро ли найдемъ бесѣду, и въ бесѣдѣ человѣка, который бы свободно произносилъ слово, солію мудрости Евангельской растворенное, разсуждалъ съ чадами плоти о душѣ, и сынамъ вѣка сего напоминалъ о вѣчности? Отъ чего же такъ рѣдко говорятъ Христіане языкомъ христіанскимъ? — Они боятся, чтобы ихъ не узнали, какъ христіанъ, и за то не пору-

гались имъ сыны вѣка сего; чтобы имъ не сказали: *бесѣда твоя явѣ тя творитъ.* Итакъ они таятся и молчатъ;—и не примѣчаютъ, что стыдятся Сына человѣческаго, и что ихъ молчаніе иногда довольно внятно говоритъ міру о Іисусѣ: *не знаю человѣка!*

По симъ примѣрамъ каждый можетъ указать самъ себѣ многіе случаи въ жизни, въ которыхъ мы болѣе или менѣе приближаемся къ опасности постыдиться Сына человѣческаго, или совсѣмъ отречься отъ Него. Будь осмотрителенъ, Христіанинъ, старайся благовременно примѣчать, гдѣ врагъ спасенія твоего ставитъ тебѣ ковы на пути послѣдованія Іисусу Христу, дабы или осторожно миновать оные, или мужественно разрушать. Или пусть бы не входилъ Петръ во дворъ Архіереевъ на столь близкую опасность; или, вошедши, уже не отступалъ бы такъ далеко назадъ отъ Того, Которому хотѣлъ такъ близко послѣдовать. И ты, Христіанинъ, или не приближайся, если можно, къ людямъ, которые имѣютъ безстыдство стыдить тебя тѣмъ, что составляетъ твою славу: или, если необходимо приблизиться къ нимъ, *глаголи о свидѣніяхъ* Христовыхъ предъ кѣмъ бы то ни было, *и не стыдися.* Не являй своего дѣла благочестія, не провозглашай своего слова о спасеніи, когда не призываетъ тебя къ сему никакая обязанность, и не вызываетъ на то слава твоего Спасителя, чтобы тебѣ не впасть въ лицемѣріе или тщеславіе: но не оставляй Богоугоднаго дѣла потому, что міру кажется оно страннымъ; и когда захотятъ отлучить тебя отъ участія въ скорбяхъ, страданіяхъ и попошеніяхъ распятаго

Іисуса, скажи съ благородною твердостію: *знаю человѣка*, и желаю съ Нимъ жить и умереть, чтобъ и по смерти жить съ Нимъ, какъ съ моимъ Спасителемъ и Богомъ. Не постыдись, когда крестомъ Хрістовымъ хочетъ стыдить тебя *родъ прелюбодѣйный и грѣшный*, да не будешь постыженъ *предъ Ангелами Святыми, предъ Сыномъ человѣческимъ во славѣ Его*, и *предъ Отцемъ Его небеснымъ*, но да внидешь во славу Того, Которому подобаетъ слава во вѣки. Аминь.

# 15. СЛОВО

### ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТУЮ.

*И рече Іисусъ: кто есть коснувыйся Мнѣ?* Лук. VIII. 45.

Евангеліе повѣствуетъ, что нѣкогда Іисусъ Христосъ, идя посреди множества народа, получилъ нѣкое *прикосновеніе*, которое заставило Его спросить, кто прикоснулся къ Нему? И когда шедшіе съ Нимъ ученики отвѣтствовали, что сіе прикосновеніе могло быть нечаянное, происходящее отъ тѣсноты, и потому не требующее дальняго изслѣдованія: тогда Онъ присовокупилъ, что то было не простое и обыкновенное прикосновеніе, но такое, при которомъ Онъ ощутилъ силу изъ Него исшедшую: *прикоснуся Мнѣ нѣкто: азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене.*

Когда при семъ повѣствованіи представляемъ себѣ, что сіе изысканіе дѣлаетъ Іисусъ Христосъ, Божія сила и Божія премудрость: отъ удивленія приходитъ желаніе взаимно вопросить Его: не ужели Ты, Господи, сый Божія Премудрость, не вѣдаешь,

кто прикоснулся къ Тебѣ? И еще: не ужели Ты, сый Божія Сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что могутъ они почерпать, и, такъ сказать, похищать изъ Тебя сію Божественную силу безъ Твоего свѣдѣнія и соизволенія?

Первый изъ сихъ вопросовъ разрѣшить поможетъ намъ Апостолъ Павелъ, который говоритъ, что *Хрістосъ Іисусъ, иже во образѣ Божій сый не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу*, для Котораго, то есть, быть и почитаться равнымъ Богу не было похищеніе чуждаго достоинства, поелику Онъ есть существенный образъ Божій, что сей Хрістосъ Іисусъ *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся, яко же человѣкъ* (Филіп. II. 6. 7.), то есть, столько же истинно и совершенно воспріялъ на Себя малый и рабскій образъ человѣка, сколько непреложно и неизмѣнно былъ и есть въ Немъ великій и славный образъ Господа и Бога. Въ семъ *умаленіи* Своемъ, или по точнѣйшему преложенію Павлова изреченія, *въ истощаніи* Своемъ, Іисусъ Хрістосъ, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, *искушенъ былъ по всяческимъ, по подобію* человѣческихъ недостатковъ и немощей, *развѣ грѣха* (Евр. IV. 15.), который собственно не принадлежитъ къ образу человѣка, но къ образу діавола. И такъ если воплотившійся Сынъ Божій истощилъ всего Себя; если Онъ искушенъ былъ по всяческимъ по подобію человѣковъ: то не удивительно, что благоволилъ искуситися и тѣмъ, что принялъ на Себя подобіе человѣческаго невѣдѣнія, въ которомъ

сокрывалъ свѣтъ Божественной Премудрости, и сквозь которое свѣтъ сей просіявалъ токмо, когда было нужно, для озаренія человѣковъ. Изъ сего можно уразумѣть, что не было не пристойно Божественному Іисусу вопрошать окружающихъ Его: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* Хотя же само Божество Его видѣло, знало и сокровеннымъ образомъ возвѣщало Его человѣчеству, *кто есть коснувыйся:* но Ему благоугодно было наружно предложить сей вопросъ для того, чтобы обратить общее вниманіе на необыкновенное прикосновеніе и слѣдствіе сего прикосновенія.

По сему можно сказать, что Самъ Іисусъ Хрістосъ обратно предлагаетъ нашему вниманію и размышленію вторый сдѣланный нами вопросъ: подлинно ли Тотъ, Который есть Божія Сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что единымъ нѣкакимъ прикосновеніемъ они могутъ извлекать изъ Него для себя сію Божественную силу? — Потщимся же, колико можемъ, изслѣдовать и сей вопросъ, уже не столько слѣдуя собственному желанію знать, сколько соотвѣтствуя намѣренію Самого Спасителя, желающаго наставить насъ, и привести въ благодатное къ Нему приближеніе.

Прежде всего въ настоящемъ изслѣдованіи должны мы утвердить для себя, какое только возможно, истинное и вѣрное понятіе о той непостижимой силѣ, которою Іисусъ Хрістосъ исполненъ такъ, что при одномъ прикосновеніи, да и то не къ самому Его тѣлу, а токмо къ краю одежды, оная уже про-

ливается, и производитъ чудесное дѣйствіе. Таковое понятіе даетъ намъ Апостолъ, когда говоритъ о Іисусѣ Христѣ, что въ Немъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Кол. II. 9.). Вникнемъ тщательнѣе въ сіе краткое, но весьма знаменательное изображеніе Богочеловѣка. Божество представляетъ Апостолъ исполненіемъ, или полнотою всякаго совершенства, блага и блаженства. Но поелику Божество безконечно: то никакое конечное существо не можетъ принять и вмѣстить сего исполненія. Поелику Божество и все Его исполненіе духовно: то никакая бренная тварь естественно не можетъ причаститься отъ сего исполненія. Поелику Божество свято и праведно: то какъ можетъ особенно человѣкъ грѣшникъ приступить къ Его исполненію безъ того, чтобы не быть пожерту всепоядающимъ огнемъ строгаго суда Божія? Что же творитъ *не хотяй смерти грѣшника*? Онъ *благоизволилъ*, говоритъ Апостолъ, *всему* Божественному *исполненію* Своему *вселитися* во Христѣ Богочеловѣкѣ, *и тѣмъ примирити всяческая къ Себѣ, умиротворивъ кровію креста Его чрезъ Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. I. 19. 20.). Такимъ образомъ безконечность Божія вселяется во Христа, и дѣлается прикосновенною для конечныхъ существъ; высочайшая духовность Божія вселяется во Христа, и не только сближается съ низшею духовностію души человѣческой, но проникаетъ, объемлетъ и наполняетъ Божественными силами самую тѣлесность Его человѣчества, — *живетъ въ Немъ тѣлесно*; оный *Свѣтъ неприступный*, оный *огнь*

*полдаяй*, какимъ представляетъ намъ нѣгдѣ Бога самое слово Его (1 Тим. VI. 16. Евр. XII. 29.), вселяется во Христа, и, умѣряемый Божественнымъ Его человѣчествомъ, является въ Немъ отверзтымъ источникомъ свѣта и воды живыя для омраченнаго и умерщвленнаго грѣхомъ естества. Человѣчество Іисуса Христа есть полный сосудъ Божественныхъ даровъ, которые при единомъ прикосновеніи преливаются изъ него; есть устіе Божественнаго источника, въ которомъ вся внутренняя и сокровенная полнота животворящей силы Божіей становится приступною и удобопріемлемою; есть оный, Пророкомъ Исаіею въ таинственномъ откровеніи видѣнный, *горящій уголь* (Иса. VI. 6.), который чрезъ одно прикосновеніе къ устамъ Пророка, все существо его проникнулъ своею огненною силою, и очистилъ, и освятилъ его. Приложимъ сіи понятія къ описаннымъ въ Евангеліи дѣйствіямъ Іисуса Христа: и мы точно найдемъ въ сихъ дѣйствіяхъ возвѣщаемое Апостоломъ исполненіе Божественныхъ силъ, наполняющихъ самую тѣлесность Богочеловѣка, и на все отъ нея преизливающихся. Онъ пріемлетъ въ руки хлѣбы: и Его неоскудѣвающее исполненіе творитъ пять хлѣбовъ достаточными для пяти тысячъ народа. Онъ беретъ бреніе: и Его вседѣйствующее исполненіе сообщаетъ сему бренію силу отверзти очи слѣпому. Онъ прикасается мертвому: и Его животворящее исполненіе возбуждаетъ жизнь угасшую. Онъ получаетъ отъ жены кровоточивой прикосновеніе только въ краю ризы Его: и Его безпредѣльное исполненіе достигаетъ ея чудотвор-

ною своею силою, *и абіе ста токъ крови ея*, — она исцѣлѣла.

Видите изъ сего, Христіане, что Богъ во Христѣ не держитъ, такъ сказать, заключенною, а *отверзаетъ щедрую руку Свою*, для всякаго требующаго; что всякое исполненіе благодати Божіей чрезъ Христа непрестанно готово наполнить всякій недостатокъ, исцѣлить всякую немощь, очистить всякій грѣхъ человѣковъ.

Впрочемъ Евангельская Исторія показываетъ, что не всѣ, наружно приближавшіеся ко Христу, принимали отъ Его исполненія. Она представляетъ намъ въ одно время множество народа, Его сопровождающее, окружающее, стѣсняющее; и одну только жену, Ему прикасающуюся такъ, что сіе прикосновеніе ощутилъ Онъ не тѣломъ, а Божественною Своею силою. *Наставниче*, говоритъ Петръ и сущіе съ нимъ, *народи одержатъ Тя и гнѣтутъ*. Іисусъ отвѣтствуетъ: *прикоснуся мнѣ нѣкто*. — Должна быть нѣкая тайна въ семъ прикосновеніи.

Для сей-то тайны, Христіане, Господь и предложилъ вопросъ свой: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* Онъ благоволилъ, чтобы всѣ мы знали тайну сію, и умѣли бы прикасаться къ Нему для нашего спасенія. Простремъ вниманіе наше до конца сего Евангельскаго приключенія; и не отринемъ наставленія, которое самъ небесный Учитель подаетъ всѣмъ намъ въ лицѣ жены кровоточивой. Сія жена прикоснулась ко Христу тайно, стыдясь всенародно изъяснять Ему свою болѣзнь: но когда двукратный вопросъ Его: *кто есть коснувыйся?* показалъ ей, что поступокъ

ея утаенъ быть не можетъ; тогда она, хотя не безъ смущенія, открыла и намѣреніе и слѣдствіе своего прикосновенія. *Трепещущи пріиде, и падши предъ Нимъ, ея же ради вины прикоснуся Ему, повѣда Ему предъ всѣми людми, и яко исцѣлѣ абіе.* Тогда Господь, поучая ее не стыдиться прежняго недуга, но утѣшаться полученнымъ исцѣленіемъ, въ то же время открываетъ въ наставленіе всѣмъ тайну ея чудодѣйственнаго прикосновенія: *дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя.* Вѣра, Христіане, есть соотвѣтственное орудіе спасительнаго ко Христу прикосновенія; ею прикасающійся и къ ризамъ Его достигаетъ даже до внутренности Его Божественнаго исполненія; она есть духовный магнитъ, привлекающій небесныя силы.

Тайна сія извѣстна, говорятъ, можетъ быть, нѣкоторые, слыша сіе. О, если бы такъ было, Христіане! О, если бы намъ извѣстна была вѣра, какую имѣютъ истинные послѣдователи Христовы! О, если бы намъ извѣстна была оная, истинно *вселенская*, вѣра, которая въ Авелѣ множайшую жертву принесла паче Каина; которая въ Ноѣ угодила Богу, и спасла родъ человѣческій отъ конечнаго истребленія потопомъ; которая въ Авраамѣ принесла въ жертву Богу единороднаго сына, и, сквозь отдаленіе многихъ вѣковъ, видѣла день Христовъ; которая въ Моисеѣ жезломъ пресѣкла море, и чрезъ бездну провела народъ Божій; которая отверзала очи Пророковъ, и дѣлала ихъ современниками потомственныхъ событій; которая въ ученикахъ и свидѣтеляхъ Іисуса Христа оставила все, чтобъ идти въ слѣдъ

Его, и потомъ Его силою исцѣляла всякій недугъ и всякую язву, съ Нимъ ходила по водамъ, не умерла въ ужасные дни смерти Его, пріяла обѣтованіе Святаго Духа по вознесеніи Его, повелѣвала именемъ Его всей природѣ, побѣдила своимъ терпѣніемъ цѣлый міръ ея гонителей! — Что я говорю? — Если бы намъ дѣятельно извѣстна была вѣра хотя столь малая, какъ зерно горчичное. что̀ бы мы тогда были? — Мы могли бы преставлять горы. *Аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ и ничто же не возможно будетъ вамъ* (Матѳ. XVII. 20.). Если же въ той вѣрѣ, которую нѣкоторые изъ насъ толь тщеславно себѣ приписываютъ, не находимъ мы не только возможности дѣйствовать чудесными и Божественными силами, но ниже довольной помощи, для возстановленія разсыпанныхъ и подавленныхъ силъ собственной нашей духовной природы; если сія мнимая вѣра не исцѣляетъ насъ ни отъ духовныя слѣпоты ума, ни отъ текущаго непостоянства сердечныхъ вожделѣній, ни отъ двоедушнаго хроманія въ путяхъ закона и правды, и не спасаетъ отъ мертвыхъ дѣлъ: то не должно ли признаться намъ, вѣрные, что истинная вѣра, которую небесный Учитель называетъ *вѣрою Божіею*, и для насъ есть еще тайна, которой предлежитъ намъ поучаться, дабы она открылась въ насъ? И поелику сія тайна, хотя и въ насъ самихъ сокрывается, но никѣмъ не можетъ быть открыта, развѣ Начальникомъ и Совершителемъ вѣры Іисусомъ: то не должно ли намъ непрестанно взывать къ Нему

съ первыми Его учениками: Господи, *приложи намъ вѣру* (Лук. XVII. 5.)?

Или, можетъ быть, вѣра наша не достигаетъ сообщенія съ явленною во Христѣ силою Божіею, потому болѣе, что уже Онъ оставилъ землю, и вознесся на небо? – Если какая душа, жаждущая Господа, возмущается сею мыслію: то да вспомянетъ она послѣднее обѣщаніе Іисуса Христа, данное Апостоламъ предъ отшествіемъ Его на небо: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII. 20.). Апостолы не пребыли на земли *до скончанія вѣка:* кто же не видитъ, что данное имъ обѣтованіе простирается и на тѣхъ, которые по нихъ преемственно вступаютъ въ тѣ же права вѣры, и составляютъ единую Церковь *до скончанія вѣка?* Живущее во Христѣ исполненіе Божества не заключается небомъ; и вознесеніе плоти Его не отъемлетъ у насъ Его Духа и силы. Дерзнемъ сказать болѣе: оно не столько раздѣляетъ, сколько еще болѣе соединяетъ Его съ своею Церковію. Ибо для чего *восшелъ* Онъ *превыше всѣхъ небесъ?* — Для того, учитъ Апостолъ, *да исполнитъ всяческая* (Еф. IV. 10.). И потому исполненіе Божества живетъ нынѣ уже не въ единомъ личномъ тѣлеси Его, но и во всемъ таинственномъ тѣлѣ Церкви, *яже есть* вся – единое *тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. I. 23.).

О, коль близъ есть насъ Христосъ повсюду, и паипаче въ Церкви своей! Только твари, окружая насъ отвсюду, и, подобно какъ въ ономъ приключеніи Евангельскомъ, тѣсняся между Имъ и нами,

не допускаютъ насъ прикоснуться къ Нему. Но дерзай, ищущая своего спасенія душа! Не уступай сей смятенной толпѣ, которая сама не знаетъ, куда влечетъ тебя. Употребляй всѣ усилія проложить себѣ прямый путь къ вожделѣнному твоему Спасителю; простирай къ Нему то крѣпкіе вопли покаянія, то тихія воздыханія молитвы, то пламенныя желанія любви. Подвизайся, елико можешь, досягнуть хотя края Его ризъ: Онъ не умедлитъ и въ нихъ открыть для тебя токъ живоносной силы Своей. Приближайся къ Нему преимущественно въ семъ домѣ молитвы и таинствъ, гдѣ хотя Онъ также закрываетъ Свое присутствіе нѣкоторыми наружными видами, но вмѣстѣ и являетъ оное торжественнѣйшимъ образомъ. Здѣсь ежедневно слышатся глаголы Его, которые хотя для чувственныхъ человѣковъ суть чувственные звуки и письмена, но для вѣрующихъ *духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI. 63.). Здѣсь тайнодѣйствуется тѣло Его, коего святое пріобщеніе не токмо приближаетъ къ Нему вѣрующихъ, но и совершенно съ Нимъ соединяетъ, по слову Его: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI. 56.). Погружайся вѣрующая душа, всею мыслію и сердцемъ во глубину сихъ таинствъ вѣры; и въ нихъ наипаче обрѣтай твоего Спасителя, приступай къ Нему, прикасайся Ему, соединяйся съ Нимъ! *Дерзай, вѣра твоя спасетъ тя.* Аминь.

# 14. СЛОВО

## ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЦАТЬ ШЕСТУЮ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ.

*Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя.* Лук. XII. 21.

Евангеліе въ притчѣ представляетъ намъ человѣка богатаго и корыстолюбиваго, который, получивъ обильный урожай хлѣба, не подумалъ ни о благодареніи къ Богу, ни о человѣколюбіи къ ближнимъ, нуждающимся въ пропитаніи, но составлялъ себѣ планъ, куда положить множество хлѣба, и какъ сберечь его на многіе годы, предполагая далѣе изъ корыстолюбиваго сдѣлаться роскошнымъ и лѣнивымъ. Провидѣніе не имѣло причины беречь того, кто рѣшился жить безъ пользы для другихъ, и во вредъ собственной душѣ: и потому на лѣта многа составленный планъ въ самый день его составленія рушился опредѣленіемъ судьбы Божіей: *въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе.* Господь заключилъ сію притчу слѣдующимъ возглашеніемъ: *тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя.* Такъ об-

манывается въ своихъ предположеніяхъ, такъ не успѣваетъ въ своихъ намѣреніяхъ, такъ сверхъ опасенія теряетъ свои сокровища, и себя, человѣкъ, который собираетъ богатство себѣ только, по своей жадности, чтобы сдѣлать оное пищею своего корыстолюбія, роскоши, лѣности; который не въ Бога богатѣетъ.

Ученіе притчи о нелѣпости жаднаго, своекорыстнаго и самонадѣяннаго богатолюбія, надѣюсь, каждому изъ васъ, братія, и вразумительно, и убѣдительно, безъ дальнѣйшихъ объясненій и доказательствъ. Кто захочетъ богатѣть такъ безумно, и такъ несчастно, какъ изображенный въ притчѣ? Надѣюсь посему, что мысль ваша ищетъ болѣе правильнаго и болѣе благонадежнаго отношенія, какое было бы возможно между человѣкомъ и богатствомъ. Примѣтьте же сіе отношеніе въ заключительныхъ словахъ притчи: оно состоитъ въ томъ, чтобы *богатѣть въ Бога.*

Но что значитъ: *богатѣть въ Бога?* Правило сіе, по первому виду, не такъ ясно, какъ противоположная ему неправильность—*собирать себѣ.* Собираютъ себѣ, въ житницу, въ кладовую, въ пазуху: но какъ богатѣть въ Бога, Который не беретъ земнаго, вещественнаго богатства къ Себѣ на небо, и не имѣетъ въ ономъ нужды?

Для кратчайшаго изъясненія правила: *богатѣть въ Бога,* скорѣе всего можно указать на близкій здѣсь примѣръ. Богу во храмъ, на его созиданіе или на обновленіе, или на содержаніе его въ потребномъ благоустройствѣ и въ приличномъ благо-

лѣніи, иной приноситъ часть богатства своего, а иной посвящаетъ безкорыстный трудъ, который есть также собственность, не рѣдко высоко цѣнимая между людьми, и первопачальное богатство, посредствомъ котораго дѣлаются богатыми небогатые. Что-жъ? Отдающіе такимъ образомъ свое богатство и свой трудъ Богу, бѣднѣютъ ли, или богатѣютъ? Словомъ Господнимъ говорю: *богатѣютъ*, какъ потому, что симъ образомъ благословляется прочее ихъ богатство, честно пріобрѣтенное, и благонамѣренный трудъ, такъ и потому, что принесенное ими, не перестаетъ быть ихъ достояніемъ, поелику Богу присвоять оное не нужно, не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется въ невредимой предъ очами Божіими цѣлости, для ихъ будущаго воздаянія. Вотъ одинъ изъ способовъ *богатѣть въ Бога!*

Другой способъ *богатѣть въ Бога*, Самъ Іисусъ Хрістосъ излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣемо на небесѣхъ* (Лук. XII. 33.). Если мысль твоя не успокоивается на одномъ простомъ довѣріи къ вѣрному и непогрѣшительному слову Хрістову, и желаетъ еще объясненія, какъ можетъ поданное тобою нищему очутиться въ сокровищницѣ небесной: и сіе изъясняетъ тебѣ Господь другимъ Своимъ изреченіемъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мат. XXV. 40.). На сіи слова, написанныя въ Евангеліи, ты можешь смотрѣть, какъ

на заемное письмо, которымъ Господь призналъ Себя должнымъ тебѣ во всемъ, что ты подалъ, или что благотворительно сдѣлалъ нуждающемуся ближнему. Обладатель міра, безъ сомнѣнія, не имѣлъ нужды въ семъ ничтожномъ займѣ, не только для Себя, но и для тѣхъ, для которыхъ дѣлаетъ оный: но такова дивная благость Его, что Онъ уничижаетъ Себя до образа должника твоего, чтобы привлечь тебя къ благотворенію и чрезъ благотвореніе къ блаженству; Онъ занимаетъ у тебя бездѣлицы, прахъ, тлѣнъ, которые ты называешь земными благами, чтобъ имѣть случай, безъ оскорбленія Своего правосудія, платить тебѣ истиннымъ благомъ, нетлѣніемъ, блаженствомъ, съ такой лихвою, которой ты никогда исчислить не возможешь.

Противъ сего способа: *богатѣть въ Бога*, нѣкоторые могутъ возразить, что имъ не льзя продать имѣніе и обратить оное въ милостыню: поелику оно нужно имъ для пропитанія себя и семейства. Уважимъ сію отговорку столько, сколько она заслуживаетъ быть уважена. Признаемъ, что о совершенной, произвольной нищетѣ можно сказать тоже, что сказалъ Господь о совершенномъ дѣвствѣ: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Мат. XIX. 11.). Осудимъ нерадѣніе о домашнихъ, и безчувственную холодность къ роднымъ, которая конечно уже не обѣщаетъ человѣколюбія и къ чужимъ; — осудимъ строгостію Апостольскаго слова: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1. Тим. V. 8.). Если тебѣ не дано

свыше стремленія къ совершенной, добровольной нищетѣ: оставайся, доколѣ будетъ угодно Богу, богатымъ, смиряя между тѣмъ себя мыслію о своемъ несовершенствѣ по духу, а не возносясь по мудрствованію плотскому. Пекись о родныхъ, о семействѣ, по обязанности, по любви естественной: но не забывай, что сія степень любви положена, дабы восходить на высшую степень духовной любви къ человѣчеству, и на высочайшую степень любви къ Богу. *Богатый въ Бога*, хотя частію твоего богатства, посвящаемою на дѣла Богоугодныя и человѣколюбивыя: остальное же,—берегись, по крайней мѣрѣ, чтобы не *собирать себѣ* только, изъ любостяжанія, чтобы не умножать неправдою, чтобы не иждивать на роскошь и тщеславіе. Освящай твое стяжаніе, не присвояя онаго себѣ, но признавая оное даромъ Провидѣнія Божія, благодаря за оное Всещедрому Дателю Богу, не прилѣпляя своего сердца къ даянію, но непрестанно возноса оное къ Дателю, съ готовностію возвратить Ему оное, когда премудрая судьба Его потребуетъ.

Послѣ сего, можно еще ожидать по настоящему предмету вопроса отъ тѣхъ, которые не пожертвовали богатствомъ Богу, потому что не имѣли онаго. А намъ, скажутъ, необидливый Богъ не ужели не далъ способа богатѣть Ему, хотя бы въ нѣкоторый замѣнъ бѣдности, претерпѣваемой нами для себя?— Не сѣтуйте. Покажу и вамъ ваше богатство, которымъ если умѣть будете владѣть, не позавидуете никому изъ тѣхъ, которые почитаются богатыми. Посмотрите; вотъ открываетъ вашу неокрадомую

сокровищницу Святый Апостолъ Іаковъ: *слышите*, говоритъ, *братія моя возлюбленная, не Богъ ли избра нищія міра сего богаты въ вѣрѣ, и наслѣдники царствія, еже обѣща любящимъ Его* (Іак. II. 5.)? Видите ли? — Богатство вѣры, наслѣдіе царствія Божія, — чего вамъ больше? Безъ сего богатства никакое другое не принесетъ пользы; при семъ богатствѣ никакой уронъ, никакое лишеніе, не важны, потому что и кратковременны, безмѣрно малы въ сравненіи съ сокровищами вѣры, съ наслѣдіемъ царствія небеснаго.

О богатствѣ вѣры всего паче попечемся, братія, и богатые, и бѣдные, чтобы и пріобрѣсть, и умножить оное, и не утраченнымъ сохранить въ непорочномъ житіи: тогда безъ скудости, безъ зависти другъ къ другу, безъ изнурительныхъ заботъ, въ мирномъ упованіи, ожидать будемъ *наслѣдія царствія, еже уготова Богъ любящимъ Его*. Аминь.

# 15. СЛОВО

## ВЪ НЕДѢЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ.

*Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Марк. VIII. 34.

Нѣкогда Іисусъ Христосъ наименовалъ Себя *Путемъ, Истиною и Жизнію* (Іоан. XIV. 6.). Теперь, соотвѣтственно съ первымъ изъ сихъ наименованій, указуетъ Онъ намъ путь. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.*

Евангелистъ замѣчаетъ при сихъ словахъ, что Іисусъ Христосъ произнесъ ихъ, *призвавъ народы со ученики Своими.* Сіе показываетъ, что Его возваніе относится не къ однимъ особенно избраннымъ, но ко всѣмъ безъ исключенія.

Кто бы ты ни былъ, слушающій сіе, надобно и тебѣ подумать о пути. Въ видимомъ и временномъ мірѣ, въ которомъ ты живешь, нѣтъ ничего неподвижнаго, но все идетъ, и проходитъ. И твоя жизнь

идетъ, и проходитъ; ты покоишься иногда, по видимому, тѣломъ, но твои сокровенныя помышленія, твои тайныя желанія непрестанно въ движеніи: а потому если ты не идешь путемъ спасенія, то вѣрно идешь путемъ погибели, или, если не идешь, то падаешь, — падаешь изъ жизни духовной въ плотскую, изъ жизни человѣческой въ скотскую, и не примѣтишь, какъ обрушишься въ жизнь адскую, въ смерть сугубую, — невозвратно! Подумай же о своемъ пути!

Какъ вождь и царь свободныхъ, Іисусъ Христосъ не приневоливаетъ никого къ пути, который Онъ указуетъ, но приглашаетъ желающихъ вступить въ оный: *иже хощетъ по Мнѣ ити.* Спроси себя, Христіанинъ, спроси такъ, чтобы отвѣтствовать рѣшительно, хочешь ли ты идти за Іисусомъ Христомъ?

Христіанину не хотѣть идти за Христомъ? Какая нелѣпая мысль! Какъ она противорѣчитъ сама себѣ! Однако есть люди, которые понимаютъ, какъ нелѣпа сія мысль, но не чувствуютъ, какъ преступно сіе дѣло. Почему же мы и Христіане, когда не послѣдуемъ Христу? — Мы потому Христіане, — скажутъ нѣкоторые, прислушавшись къ словамъ первоначальнаго ученія Христіанскаго, но не уразумѣвъ силы ихъ, — мы потому Христіане, что вѣруемъ во Христа. — Хорошо. Но если ты вѣруешь во Христа; то конечно вѣруешь и въ слово Христово: ибо то и другое есть одно. Если ты вѣруешь въ слово Христово; то долженъ и поступать по сему слову: ибо вѣровать въ слово, и не поступать по нему, есть пагубная дерзость и безуміе. Изъ-

яснимъ сіе примѣромъ: если бы тебѣ, блуждающему въ неизвѣстныхъ и опасныхъ мѣстахъ, сказалъ нѣкто: вотъ тропинка, по которой ты можешь придти въ безопасное мѣсто; и если бы ты, не имѣя причины сомнѣваться въ семъ указаніи, сталъ медлить, или пошелъ въ противную сторону, можетъ быть, на встрѣчу звѣрю или разбойнику: не была ли бы то пагубная дерзость и безуміе?—Но что говоритъ тебѣ слово Іисуса Христа, въ Котораго, и въ которое ты вѣруешь? — *Аще хощеши совершенъ быти, гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21.). Послѣ сего чѣмъ отзовешься отъ послѣдованія Іисусу Христу? Развѣ тѣмъ, что ты не домогаешься совершенства? Но сего именно требуетъ отъ тебя Тотъ, въ Котораго ты вѣруешь: *будите вы совершени*, говоритъ Онъ; и притомъ какъ? *якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. V. 48.). Если ты отрекаешься отъ стремленія къ совершенству: то Онъ отъемлетъ у тебя надежду царствія небеснаго: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V. 20.). Если ты не хочешь быть съ Нимъ: — а какъ быть съ Нимъ, если не поступать по слову Его, и не послѣдовать Ему во всемъ?—то Онъ признаетъ тебя врагомъ Своимъ, и отрекается тебя предъ лицемъ неба и земли: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть* (Мат. XII. 30.); *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. VIII. 38.). И такъ одно изъ

двухъ: или ты долженъ идти за Христомъ, послѣдовать Его слову и Его примѣру; или ты напрасно называешься Христіаниномъ.

Не трудно было бы признать и принять обязанность идти за Христомъ, если бы не останавливала мысль: куда идти за Нимъ? Куда же? — Посмотримъ, куда Онъ идетъ. *Се восходимъ*, возвѣщаетъ Онъ идущимъ въ слѣдъ Его (Марк. X. 33. 34.), *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій предань будетъ Архіереомъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ, и поругаются Ему, и уязвятъ Его, и оплюютъ Его, и убіютъ Его.* Страшный подлинно путь Христовъ! Самые Апостолы, которые, будучи непосредственно Имъ руководимы, за Нимъ слѣдовали, не могли спокойно проходить путемъ симъ. *Бяху*, повѣствуетъ Евангелистъ, *на пути восходяще во Іерусалимъ; и бѣ варяя ихъ Іисусъ, и ужасахуся, и въ слѣдъ идуще, бояхуся* (Марк. X. 32.). И что еще? Есть на семъ пути поприще, которое Самъ Іисусъ Христосъ проходилъ не безъ ужаса: *начатъ ужасатися и тужити* (Марк. XIV. 33.).

Но не напрасно ли открываю я весь ужасъ пути Христова, котораго и безъ того страшатся многіе? — Нѣтъ, Христіане! *утѣшеніе наше*, скажемъ со Апостоломъ, *не отъ прелести, ни отъ нечистоты, ни лестію* (1 Сол. II. 3.). Не хотимъ скрывать отъ васъ трудности, которая неизбѣжна: но изъ самой трудности вы можете усмотрѣть, что не трудно преодолѣть ее. Отъ чего ужасался Іисусъ Христосъ, Его же вся боятся и трепещутъ, Которому

некого бояться, потому что нѣтъ силы, которая бы могла быть страшна для Всемогущаго? Отъ чего тужилъ Тотъ, Который есть источникъ радости и блаженства для всего, что̀ можетъ быть причастно радости и блаженства? Очевидно, что не Его собственно былъ сей ужасъ, и сія туга: но подвергся Онъ имъ потому, что *Онъ недуги наша пріятъ, и болѣзни понесе* (Матѳ. VIII. 17.). Но для чего пріялъ Онъ и понесъ наши недуги и болѣзни, если не для того, чтобы уврачевать ихъ, или по крайней мѣрѣ, до совершеннаго уврачеванія, облегчить такъ, чтобы не оставить насъ *искуситися паче, еже мощи* (1 Кор. X. 13.)? Слѣдственно ужасъ и скорбь, если не совсѣмъ отъяты отъ пути Христова, то много уменьшены тѣмъ самымъ, что Онъ уже совершилъ путь сей, и проложилъ его для насъ. Посему и Апостолы не всегда, какъ въ началѣ, боялись идти за Христомъ; но пришло послѣ время, когда они тѣмъ же страшнымъ и скорбнымъ путемъ проходили съ радостію. Они, пишетъ повѣствователь ихъ дѣяній, *идяху радующеся, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V. 41.). Какъ могло статься, что тѣ же люди, на томъ же пути, сперва боялись, а потомъ радовались? Боялись, когда Іисусъ Христосъ еще не совершилъ сего пути, и не привелъ его въ безопасность; радовались, когда Онъ прошелъ путемъ симъ, и на Себѣ унесъ трудности его. Боялись, когда взирали только на сіи трудности, не проникая далѣе; но возрадовались, когда ясно усмотрѣли конецъ пути Христова. Ибо куда наконецъ приво-

дитъ путь сей? Онъ приводитъ на небеса, къ Самому Богу Отцу, какъ Самъ Іисусъ Христосъ, изображая весь путь Свой, отъ начала до конца, сказуетъ: *изыдохъ отъ Отца, и пріидохъ въ міръ, и паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (Іоан. XVI. 28.). Сей путь вводитъ въ славу Божественную: *подобаше пострадати Христу, и внити въ славу Свою* (Лук. XXIV. 26.). Не ужели и мы, скажетъ не разумѣющій таинъ Христовыхъ, не ужели и мы возведены будемъ къ Самому Богу Отцу, и внидемъ въ славу Единороднаго Сына Божія? Такъ, братія! Ибо вѣренъ Тотъ, Который сказалъ: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. XII. 26.). И такъ, если Господь нашъ идетъ къ Богу Отцу Своему: то приведетъ къ Нему съ Собою и насъ. Если Христосъ входитъ въ Свою Божественную славу: то введетъ съ Собою и Христіанъ, и содѣлаетъ, какъ изъясняется Апостолъ, *причастниками Божественнаго естества* (2 Петр. I. 4.). Не говорите, что толикая высота недосязаема для земнородныхъ: намъ должно только съ твердою рѣшимостію вступить въ ту часть пути Христова, которую прошелъ Онъ, и проложилъ для насъ на земли; когда надобно будетъ вознестись превыше земнаго, и восходить къ небесному и Божественному, тогда Онъ Самъ подъиметъ насъ, яко *на крилѣхъ орлихъ* (Исх. XIX. 4.), по Своему великому обѣщанію: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII. 32.).

При сихъ размышленіяхъ, падѣемся о васъ, братія, что сердце ваше говоритъ Вождю и Спасителю

своему: *Господи! иду по Тебѣ, аможе аще идеши* (Матѳ. VIII. 19.); только Ты, Сердцевѣдче, не отрини сего желанія, какъ нѣкогда отвергнулъ оное въ устахъ нѣкоего, безъ сомнѣнія, потому, что не отъ полноты сердца оно изливалось.

Если же вы желаете идти за Христомъ: то время сказать вамъ, какъ должно вамъ идти за Нимъ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.*

Во-первыхъ, желающій послѣдовать Христу долженъ *отречься самого себя*, то есть, отвергнуть свое самолюбіе, не быть привязанъ къ собственной чести, собственной выгодѣ и собственному удовольствію, но все сіе, по образу путешественника, встрѣчать мимоходомъ, и вскорѣ оставлять позади себя; во всемъ поступать по сему наставленію Апостола: *да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ: и плачущіися, якоже не плачущіи: и радующіися, якоже не радующеся: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. VII. 29—31.). Какъ можно, скажутъ, дойти до такого самоотверженія? Можно такъ же, какъ воинъ отрекается отъ пріятностей домашней жизни, когда выходитъ на поле брани; какъ онъ отрекается и отъ самой жизни, когда вступаетъ въ сраженіе, безъ каковаго отреченія не могъ бы онъ быть ни мужественнымъ, ни побѣдоноснымъ. Если сіе можно дѣлать для тлѣннаго вѣнца и временной славы: чего не можно и не должно сдѣлать для вѣнца нетлѣннаго и славы вѣчной?

Во-вторыхъ, для послѣдованія Христу должно

*взять крестъ свой.* Крестъ Хрістовъ составляютъ *Его страданія, искушенія и убіеніе* (Марк. VIII. 31.). Претерпѣвъ единъ все сіе для насъ, Онъ имѣетъ совершенное право требовать, чтобы каждый изъ насъ претерпѣлъ все сіе для Него. Но дабы не сокрушить насъ тяжестію сего бремени, подъ которымъ Онъ Самъ являлся изнемогающимъ, Онъ не возлагаетъ на насъ Своего великаго креста, но заповѣдуетъ только взять каждому свой собственный, то есть, быть готовымъ перенести столько страданій, искушеній, внѣшнихъ, внутреннихъ, сколько на каждаго въ особенности наведетъ наказующая, очищающая, и вмѣстѣ милующая судьба всѣмъ управляющаго Провидѣнія. Не ужели сіе неизбѣжно? вопіютъ изнѣженныя души. — Успокойтесь и разсуждайте. Если *подобаше пострадати Хрісту*, безгрѣшному и всемогущему, дабы *внити въ славу Свою*: какъ можемъ мы, осквернённые и разслабленные грѣхомъ, дойти до сея славы, не бывъ очищены искушеніями и укрѣплены страданіями? Ибо что̀ живетъ въ насъ нынѣ? Если самолюбіе препятствуетъ признанію: обличимъ себя признаніемъ Апостола: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе* (Рим. VII. 18.). Въ насъ живетъ, со времени перваго грѣха, ветхій Адамъ, съ его страстями и похотями: какъ же можно совлещись его, и облещись въ новаго человѣка, — что̀ есть цѣль нашего стремленія, — не говорю, безъ страданія, но даже безъ смерти? Должно взять крестъ не для того только, чтобы подвизаться въ ношеніи онаго, но чтобы наконецъ совсѣмъ *распять плоть со страсть-*

*ми и похотьми* (Гал. V. 24), *умертвить уды наша, сущія на земли* (Кол. III. 5.), *умереть* таинственно, чтобы *животъ* нашъ *былъ сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. III. 3.).

Таково, Христіане, ученіе креста, ученіе столь нужное и существенное въ Христіанствѣ, что Церковь, не довольствуясь часто возвѣщать оное гласомъ, еще чаще представляетъ оное въ изображеніяхъ и знаменіяхъ. При самомъ крещеніи она возлагаетъ на насъ изображеніе креста; при каждой молитвѣ повелѣваетъ намъ полагать на себѣ знаменіе креста; и отъ времени до времени, какъ и въ настоящій день, торжественно предлагаетъ намъ для поклоненія и цѣлованія знаменіе креста. Будемъ внимательны; пріиммемъ, не яко отъ устъ человѣческихъ, но яко отъ устъ Самого распятаго Спасителя нашего сію заповѣдь, да *отвержемся себе, и возмемъ крестъ свой, и послѣдуемъ Ему*. Аминь.

# 16. СЛОВО

## ВЪ НЕДѢЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ.

*И призвавъ народы со ученики своими, рече имъ: иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Мар. VIII. 34.

Хочу показать вамъ знаменованіе настоящаго дня въ Церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложить часть Христіанскаго ученія, которой исполненіе всякой день нужно и спасительно. Почтивъ день сей поклоненіемъ кресту, почтите оный вниманіемъ къ размышленію о Господней заповѣди самоотверженія и крестоношенія.

Посмотримъ въ Евангеліи, при какихъ обстоятельствахъ изречена сія заповѣдь.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, проходя поприще земнаго житія и проповѣдыванія истины, приближался къ страданію и крестной смерти, предуставленнымъ для Него, во спасеніе наше. По Своему Божественному всевѣдѣнію, Онъ видѣлъ сію бли-

зость; и нашелъ нужнымъ предупредить своихъ учениковъ о предстоящихъ грозныхъ событіяхъ, которыя, при совершенной внезапности, могли бы не только поколебать вѣру ихъ, но и совсѣмъ разрушить. Посему двѣнадцати Апостоламъ, какъ болѣе достойнымъ, и способнымъ принимать тайны Его, сказалъ Онъ ясно: *яко подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати, и искушену быти отъ старецъ и Архіереи и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день воскреснути.* Но поелику и Апостольская вѣра въ сіе время еще не созрѣла для сей великой тайны; и первый изъ Апостоловъ Петръ осмѣлился противорѣчить сему предсказанію, такъ что нужно было заградить уста его строгимъ упрекомъ: то, безъ сомнѣнія, не время было такъ же ясно говорить о семъ народу; а между тѣмъ для утвержденія вѣры нужно было, чтобы и народъ имѣлъ заранѣе свидѣтельство, что Господь предвидѣлъ свои страданія и шелъ на вольную смерть. Посему-то ученикамъ при народѣ, и народу, сказалъ Онъ какъ бы загадочно: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Не говоритъ: Я понесу крестъ, и постражду на немъ: но когда велитъ своему послѣдователю нести крестъ; а послѣдовать значитъ подражать, дѣлать тоже, что дѣлаетъ предшествующій; то даетъ разумѣть, что понесетъ крестъ и Самъ; а слѣдственно и распятъ будетъ; ибо не для чего было нести крестъ, если не для распятія. Итакъ загадка загадана всенародно: и хотя народъ не могъ отгадать ее въ то же время;

но, по событіи распятія Господня, долженъ былъ и понять слышанное предсказаніе, и удостовѣриться въ Божественности Предсказателя, и повѣрить спасительному таинству нашего искупленія страданіемъ и крестною смертію Богочеловѣка.

Мы теперь, братія, проходимъ поприще поста, и приближаемся къ торжественному воспоминанію спасительныхъ страданій, смерти и воскресенія Хрістова. Матерь-Церковь заботится, чтобы мы не предстали сему высокому и святѣйшему зрѣлищу неготовые недостойные. По сему она останавливаетъ насъ на срединѣ постнаго поприща: и тѣмъ самымъ словомъ, которымъ Господь заранѣе приготовлялъ учениковъ и народъ къ событію Своего распятія, она приготовляетъ насъ къ благоговѣйному воспоминанію Его распятія; и намъ въ Евангеліи возглашаетъ она отъ лица Хрістова: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ;* и чѣмъ оглашаетъ нашъ слухъ, то самое предлагаетъ и нашему оку, то есть, крестъ Хрістовъ, дабы чрезъ око непрестанно внушать то, чего не льзя довольно часто повторять слуху. Мнѣ кажется, что я слышу сіе безмолвное, но довольно внятное внушеніе. Ты приближаешься къ высокому и таинственному воспоминанію крестной смерти Хрістовой, чтобы потомъ войти въ радость Воскресенія Хрістова. Остановись и подумай, достоинъ ли ты сего приближенія, готóвъ ли къ сему созерцанію, довольно ли у тебя для сего вѣры, благоговѣнія, любви, разумѣнія. Посмотри какъ-бы еще нѣсколько издалеча, какъ-бы при-

готовительно, на великое зрѣлище Христа Крестоносца, Христа распинаемаго, Христа умирающаго и погребаемаго; и поучись, какъ бы приступить ближе и не быть отринуту, какъ бы прикоснуться къ жизнеточащимъ язвамъ Господнимъ и не быть осуждену. Многіе приближались, но не многіе такъ спасительно, какъ благоразумный разбойникъ; многіе прикасались, и по любопытству тѣснящіеся, и ругающіеся, и біющіе, и распинающіе, но не многіе такъ свято, какъ Іосифъ и Никодимъ. Только послѣдователи Христовы неосужденно и спасительно приближаются и прикасаются ко Христу; а послѣдователь Его долженъ отвергнуться себя, взять крестъ свой, и по Немъ идти. Вотъ что, братія, внушаетъ вамъ нынѣ Матерь-Церковь. Вотъ что и безъ меня, какъ чрезъ меня, проповѣдуетъ вамъ нынѣшній день.

Дабы сему внушенію послѣдовать, надобно вразумиться, что такое отвергнуться себя и взять крестъ свой.

*Отвергнуться себя* не значитъ ли бросить свою душу и тѣло, какъ бросаютъ ничего нестоющую вещь, безъ вниманія, безъ попеченія?—Не льзя такъ думать. Душа есть вещь очень дорого стоющая. Вѣрную оцѣнку ея вы слышали нынѣ же въ сихъ словахъ Евангелія: *кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою?* То есть: потеря души есть потеря столь великая, что цѣлымъ міромъ замѣнена быть не можетъ. Слѣдственно душа для человѣка дороже цѣлаго міра. Какъ ее бросить безъ вниманія? Не льзя думать и

того, чтобы Господь повелѣлъ намъ бросить безъ всякаго попеченія тѣло наше, если вспомнимъ, что Апостолъ Его представляетъ, какъ дѣло закона естественнаго, и даже, какъ образъ высшаго закона духовнаго, то попеченіе, по которому *никто же когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Еф. V. 29); что тѣло наше создалъ Богъ, и далъ намъ, какъ орудіе, для дѣйствованія въ тѣлесномъ мірѣ, съ тѣмъ, чтобы въ употребленіи онаго въ свое время потребовать отъ насъ отчета, *да пріиметъ кійждо предъ судищемъ Христовымъ, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. V. 10.);—что наконецъ тѣло не только должно беречь и образовать для дѣлъ нужныхъ, полезныхъ и добрыхъ въ мірѣ, но еще можно употребить къ славѣ Божіей, по совѣту Апостола: *прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (Кор. VI. 20.). Можно ли пренебрегать, какъ маловажное, то, чрезъ что можно прославлять Бога?

И такъ, что же значитъ отвергнуться себя? — Изъ сказаннаго, по необходимости, надлежитъ заключить, что сіе не значитъ бросить душу и тѣло безъ вниманія, безъ попеченія, но развѣ отвергнуть пристрастіе къ тѣлу и его удовольствіямъ, къ жизни временной и ея благополучію, и даже къ наслажденіямъ душевнымъ, почерпаемымъ изъ неочищенной природы, къ желаніямъ собственной воли, къ любимымъ понятіямъ собственнаго мудрованія. Что такое разумѣніе заповѣди самоотверженія есть правильное, сіе усмотрѣть можно изъ намѣренія, съ

которымъ она произнесена. Какого намѣренія? — того, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ идти за Христомъ. *Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе.* Для чего бы желающему идти по Христѣ не стать на сей путь по самому сему желанію, безъ другаго предварительнаго требованія? Для чего предварительно требуется отъ него самоотверженіе? —Видно, для того, что безъ сего желаніе идти по Христѣ осталось бы несбыточнымъ. И подлинно, привязанному къ любимымъ понятіямъ собственнаго мудрованія сія привязанность препятствуетъ восходить выше, и вѣровать истинѣ Божественной: онъ не способенъ идти за Христомъ безъ отверженія сей привязанности, потому что безъ сего не вступитъ на путь чистой вѣры. Не оставляющій желаній собственной воли также не можетъ быть послѣдователемъ Христовымъ: ибо послѣдованіе въ томъ и состоитъ, чтобъ избирать путь не по собственной волѣ, а по волѣ предшествующаго. И не хотящій послушанію и преданности въ волю Божію пожертвовать наслажденіями душевными не есть надежный послѣдователь Христовъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ стремится къ наслажденіямъ духовнымъ; поелику онъ, напрягая всѣ усилія къ мерцанію свѣта на крутизнахъ Ѳавора, потому самому еще не сопровождаетъ Господа къ спасительной Голгоѳѣ: что же сказать, если онъ почерпаетъ свои душевныя наслажденія изъ неочищеннаго источника падшаго естества, и упорствуетъ, когда Провидѣніе и благодать приближаются преградить потоки его, для очищенія души? — Сказалъ о семъ судъ Свой

Самъ Господь, когда одному изъ людей сего рода, изъявившему желаніе идти по Немъ, и въ то же время, привлекаемому наслажденіями родственной любви, отвѣтствовалъ: *никжо же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Лук. IX. 62.). Что пристрастный къ жизни временной не можетъ успѣшно совершить послѣдованія Христу, сіе видно въ Апостолахъ, которые, и послѣ довольно долгаго у Него ученія, и послѣ столь многихъ чудесъ, не только Имъ, но и ими, по дару Его, содѣланныхъ, обратились отъ послѣдованія Ему въ бѣгство, когда на пути Его встрѣтились съ опасностію жизни. Что пристрастный къ благамъ жизни временной не способенъ послѣдовать Христу, сего печальный опытъ представляетъ Евангельскій юноша, который хотя и самъ желалъ вступить на путь къ животу вѣчному, и Самимъ Христомъ призываемъ былъ послѣдовать Ему, не послѣдовалъ, но *отъиде скорбя, бѣ бо имѣя стяжанія многа* (Лук. XIX. 22.), и не хотѣлъ съ ними разстаться. Наконецъ, пристрастный къ тѣлу и его удовольствіямъ, очевидно, есть худой послѣдователь Христу: ибо изнѣженному, обременяемому, разслабляемому оными, ему трудно подниматься на гору Господню; онъ охотнѣе обратится подъ гору, или воздремлетъ въ цвѣтахъ, и не далекъ отъ того, чтобы погрязнуть въ блатѣ нечистыхъ страстей и похотей. Кратко сказать, поелику все, что есть въ сынѣ Адамовомъ, доколѣ не очищено, или лучше, не новосоздано Христомъ, обыкновенно подвержено употребленію при-

страстному: то желающій быть истиннымъ и вѣрнымъ послѣдователемъ Христовымъ все, что въ себѣ усвояетъ и любитъ, долженъ оставить, не въ отношеніи къ употребленію, но въ отношеніи къ пристрастію. И сіе-то сокращая еще болѣе, Господь сказалъ: *да отвержется себе.*

Другое, чего требуетъ Господь отъ своего послѣдователя, есть взять крестъ свой. Что такое *крестъ свой?* — Я уже сказалъ, что изреченіе о крестѣ послѣдователя Христова предполагаетъ крестъ Самого Христа, и указуетъ на оный. И такъ крестъ нашъ есть нѣчто подобное тому, что называется крестомъ Христовымъ. И какъ подъ именемъ креста Христова мы разумѣемъ, во-первыхъ, орудіе страданія и смерти Его, во-вторыхъ самое страданіе и смерть Его на крестѣ, въ-третьихъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ, все послѣдованіе и разнообразіе страданій, уничиженія и постепеннаго умерщвленія Его, и внутренній крестъ скорби, въ глубокомъ ощущеніи, и еще ранѣе, въ предчувствіи видимаго креста и страданія: то и подъ именемъ креста нашего должно разумѣть всякую, по судьбамъ Божіимъ, насъ постигающую скорбь, лишеніе, уничиженіе, страданіе и многострадальную или бѣдственную смерть. Не ужели, скажутъ, на все сіе долженъ обречь себя каждый Христіанинъ? — Заповѣдь Господня не изъясняется такъ строго. Не наше дѣло предназначать себѣ жребій: нашъ долгъ умѣть принимать тотъ, который Господь намъ назначаетъ. И Христосъ не избиралъ, и не умножалъ себѣ страданій, а принялъ тѣ, и въ той полнотѣ, какія, и въ

какой, предуставила Ему премудрость, правда и судьба Отца Его, а исполнили сыны человѣческіе, не вѣдавшіе, что творили. Кольми паче нескромная и потому ненадежная была бы дерзость, обрекать себя на многое трудное нашей немощи, не могущей и малое, и легкое понести безъ вышней помощи. Посему-то Господь не говоритъ въ заповѣди Своему послѣдователю, да умножитъ себѣ страданія, да распнетъ самъ себя, но меньше, снисходительнѣе: *да возметъ крестъ свой.* Что такое *взять крестъ!* — Не убѣгать скорбнаго посѣщенія; не упорствовать противъ онаго; быть въ готовности принять оное, когда еще не постигло, послушно и безропотно принять оное, когда дѣйствительно постигаетъ; кротко дать себя вести, какъ овча на заколеніе, по образу Агнца и Пастыря Хріста, если нужно пострадать за правду; безпрекословно нести дрова для собственнаго всесожженія, какъ Исаакъ, если такова воля Отца Небеснаго, для нашего очищенія и для преведенія насъ въ обѣтованное пакибытіе.

Таковы суть условія, при исполненіи которыхъ человѣкъ можетъ незаблужденно слѣдовать за Хрістомъ, приближаться къ Нему не внѣшно, а внутренно, не мѣстомъ, а духомъ, содѣлываться въ вѣрѣ и любви общникомъ спасительныхъ Его страданій и смерти, и въ упованіи общникомъ Его воскресенія и славы.

Да испытуемъ себя, Христіане, и да отвергаемся всего, что насъ привязываетъ узами пристрастія къ себѣ самимъ, къ плоти, къ міру, да будемъ свобод-

ны и легки, чтобы идти за Христомъ. Да пріемлемъ безропотно и послушно крестъ свой, то есть, мѣру скорби и страданій, безъ сомнѣнія, непогрѣшительно измѣренную для насъ Провидѣніемъ, соотвѣтственно потребности нашего исправленія, очищенія и усовершенія. Вѣрно да ходимъ за Христомъ путемъ самоотверженія и креста; и вѣрно внидемъ въ радость Господа своего. Аминь.

# 17. СЛОВО

**ВЪ НЕДѢЛЮ ЧЕТВЕРТУЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА, И ВЪ ДЕНЬ АЛЕКСІЯ, ЧЕЛОВѢКА БОЖІЯ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ АЛЕКСѢЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ, МАРТА 17 ДНЯ 1835 ГОДА.**

*И тако долготерпѣвъ, получи обѣтованіе.* Евр. VI. 15.

Недостатокъ терпѣнія и постоянства въ дѣлахъ, предпріемлемыхъ для вѣчнаго спасенія, нѣкоторымъ кажется недостаткомъ, по немощи человѣческой, обыкновеннымъ, и потому не очень важнымъ.

Къ сожалѣнію, едва ли не правда то, что сей недостатокъ обыкновененъ: но никакъ не правда, чтобы онъ былъ не очень важенъ. Множество душъ по сему недостатку не достигаютъ спасенія: не ужели это маловажно?

Кто не согласился бы войти въ рай, если бы всякой могъ войти въ него нѣсколькими шагами, въ нѣсколько минутъ или часовъ? И тать, и разбойникъ охотнѣе пошли бы на сію легкую и вѣрную

добычу, нежели на опасную и невѣрную добычу татьбы и разбоя. Но когда видятъ, что къ вѣчному спасенію надобно долго идти узкимъ путемъ, съ трудомъ проходить тѣсныя врата,—надобно постоянство, терпѣніе, долготерпѣніе: тогда многіе совращаются на широкій путь искать временнаго удовольствія; и, какъ путь удовольствія законнаго и позволеннаго также не довольно широкъ, и средства онаго самою законностію нѣкоторымъ образомъ ограничиваются и стѣсняются; то, по тому же недостатку терпѣнія, переходятъ къ удовольствіямъ непозволеннымъ, порочнымъ, беззаконнымъ, и непримѣтно приближаются къ вѣчной погибели.

Посему благодѣтельно святый Апостолъ учитъ насъ постоянству и терпѣнію для достиженія вѣчнаго спасенія, и для сего указываетъ на примѣръ Авраама, который *долготерпѣвъ, получи обѣтованіе*. Послѣдуемъ окомъ ума за его указаніемъ. Вникнемъ въ его ученіе.

Богъ повелѣлъ Аврааму оставить отечество, и идти въ неизвѣстную землю: и въ награду за вѣру и послушаніе сему повелѣнію изрекъ обѣтованіе: *сотворю тя въ языкъ велій, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословенъ. И благословлю благословящія тя, и клянущія тя проклену, и благословятся о тебѣ вся племена земная* (Быт. XII, 2. 3.). Авраамъ повѣрилъ и повиновался. Вышелъ изъ Ура; пришелъ въ Харранъ. Здѣсь лишился отца, можетъ быть, не отъ старости только, но и отъ трудностей путешествія. Но обѣтованіе не исполнялось. Авраамъ пришелъ въ землю

Ханаанскую и узналъ, что это земля, обѣтованная ему и его потомству. Не голодъ изгналъ его изъ сей земли въ Египетъ, еще болѣе для него непзвѣстный, еще болѣе опасный. Обѣтованіе становилось почти несбыточнымъ: однако Авраамъ продолжалъ вѣрить, и терпѣлъ. По возвращеніи въ землю обѣтованную, ссора между пастухами Авраама, и племянника его Лота, заставила ихъ раздѣлиться: слѣдственно Авраамъ сдѣлался слабѣе, и тѣмъ большей опасности подвергался отъ сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ; и въ слѣдъ за тѣмъ, по случаю взятія въ плѣнъ Лота въ Содомѣ, вмѣшанъ былъ въ войну противъ четырехъ царей. Мелхиседекъ благословилъ его, какъ побѣдителя, словомъ: но благословеніе Божіе, которое должно было сотворить его въ языкъ великъ., не являлось. Еще Авраамъ не имѣлъ обѣтованнаго сына, какъ уже предречено ему было порабощеніе потомства его въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ. Надобно было долготерпѣніе, чтобы взирать на столь продолжительныя бѣдствія, тогда какъ не видно еще было и начала благословенія. Авраамъ поспѣшилъ имѣть сына отъ Агари: но то была ошибка; Измаилъ не былъ сынъ обѣтованія. Сыну обѣтованія надлежало родиться отъ Сарры: но Сарра была неплодна; Авраамъ и Сарра были оба стары: какое долготерпѣніе нужно было, чтобы еще вѣровать, еще надѣяться исполненія обѣтованія! Наконецъ обѣтованный Исаакъ родился, выросъ; событіе обѣтованія Божія началось; надежда благословеннаго потомства просіяла. Конецъ ли долготерпѣнію Авраама? — Еще нѣтъ. Внезапно Богъ требуетъ

Исаака во всесожженіе: отецъ долженъ заклать сына, и въ немъ все свое потомство, и уничтожить Божіе обѣтованіе! Не льзя довольно дивиться, какъ и въ семъ случаѣ достало у отца вѣрующихъ вѣры и долготерпѣнія: но достало. Исаакъ принесенъ въ жертву въ послушномъ Богу сердцѣ отца своего: и тѣмъ самымъ упрочено на жизнь и благословеніе всемірное и вѣчное. Въ сіе время сквозь отдаленіе вѣковъ Авраамъ увидѣлъ день Христа, приносимаго въ жертву живую и спасительную на крестѣ, *и видѣ, и возрадовася* (Іоан. VIII. 25.), не только о своемъ обѣтованномъ потомствѣ, но и о своемъ обѣтованномъ вѣчномъ спасеніи. *Тако долготерпѣвъ, получи обѣтованіе.*

Можетъ быть, нѣкоторые подумаютъ: что намъ до Патріарха? Кто можетъ быть другимъ Авраамомъ?— Не льзя одобрить сихъ мыслей. Это уклоненія и отговорки отъ добрыхъ подвиговъ долготерпѣнія въ вѣрѣ, свойственныя тому самому нетерпѣнію, непостоянству, малодушію, лѣности, противъ которыхъ Апостолъ хочетъ вооружить насъ силою примѣра Авраамова. Правда, что Авраамъ человѣкъ единственный, Патріархъ, отецъ вѣрующихъ. Но вы, дѣти вѣры, развѣ не дѣти сего самаго отца вѣрующихъ? А дѣтямъ прилично ли не подражать доброму отцу? Прилично ли сказать: что намъ до отца? Для чего-жъ и Писаніе говоритъ намъ о Аврамѣ, и о другихъ древнихъ Святыхъ, если сіе до насъ не касается?—Нѣтъ, сказуетъ о путяхъ и судьбахъ ихъ то же Писаніе: *сія вся образы прилучахуся онѣмъ; писана же быша въ наученіе наше,*

*въ нихъ же концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. X. 11.). Нѣтъ нужды, что мы живемъ почти на другомъ концѣ вѣковъ отъ ветхозавѣтныхъ Патріарховъ; ихъ примѣры не такъ далеки отъ насъ, какъ ихъ времена; ихъ приключенія такъ ведены были Провидѣніемъ, что между тѣмъ, какъ они шли къ исполненію данныхъ имъ обѣтованій временныхъ и вѣчныхъ, они показывали намъ стези къ нашему вѣчному спасенію; и для сего самаго ихъ приключенія описаны въ священныхъ книгахъ. Дѣло не въ томъ, чтобы буквально и чувственно повторять то, что въ нихъ видимъ: Богъ *удоволи насъ служителеми быти нову Завѣту, не писмене, но духу* (2 Кор. III. 6.). Надобно примѣчать въ Ветхозавѣтныхъ Святыхъ духъ вѣры, который издалеча приближалъ ихъ къ грядущему Христу, и перенимать оный, какъ наслѣдіе, законно слѣдующее намъ, вѣрующимъ во Христа пришедшаго. Итакъ должно смотрѣть на долготерпѣніе Авраама въ вѣрѣ, и побуждать себя постоянно и терпѣливо упражняться въ дѣлахъ вѣры и спасенія, поколику немощь наша позволитъ, паче же, поколику благодать даруетъ.

Разумѣется, что не одинъ Авраамъ подаетъ въ семъ примѣръ, но и многіе, если только не всѣ, угодившіе Богу. Непосредственный сынъ и наслѣдникъ обѣтованія Авраамова, Исаакъ, не такъ же ли, какъ отецъ, *долготерпѣвъ, получи обѣтованіе* благословеннаго потомства? Онъ долженъ былъ, не колеблясь въ вѣрѣ, претерпѣть двадцатилѣтнее неплодство Ревекки, опасности и обиды отъ Герарцевъ, наконецъ слѣпоту, которая воспрепятствовала

ему дать, какъ онъ хотѣлъ, благословеніе первенцу природы, Исаву, но въ то же время, при его долготерпѣніи вѣры, способствовала дать неотъемлемое благословеніе избранному первенцу благодати, Іакову. И благословенный Іаковъ, котораго Самъ Богъ обѣщалъ *не оставить* (Быт. XXVIII. 15.), не долженъ ли былъ долго терпѣть смертельную вражду старшаго брата, двадцатилѣтнюю работу въ домѣ неблагодарнаго Лавана, опасности нападеній, разнообразныя огорченія семейственныя, лишеніе сына любви и надеждъ, Іосифа, наконецъ тягость глада и трудное въ старости переселеніе въ необѣтованную землю Египетскую, въ которой надлежало страдать его потомству, о чемъ предсказаніе, дѣду его бывшее, не могло быть и ему не извѣстно? Кто не знаетъ, сколько долженъ былъ претерпѣть Іосифъ, чтобы достигнуть спасенія своего, и своего племени? Онъ претерпѣлъ вражду братьевъ, рабство, клевету, узы, темницу. Моисей, чтобы содѣлать временное спасеніе своего народа, во образъ нашего вѣчнаго спасенія, также долженъ былъ всю жизнь терпѣть, то сороколѣтнее добровольное изгнанничество, то трудную борьбу съ ожесточеніемъ Фараона, то, почти непрерывную борьбу съ препятствіями природы, и съ непостоянствомъ и невѣрностію своего народа.

Но поспѣшимъ отъ дальнихъ образовъ къ примѣрамъ болѣе близкимъ. Апостолы, мученики, преподобные, сколько долготерпѣли, въ проповѣдываніи Евангелія, въ страданіяхъ за вѣру, въ подвигахъ духовной жизни! Послушаемъ хотя одного святаго

Павла, о себѣ разсказывающаго: *отъ Іудей пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ*, то есть, въ пяти разныхъ случаяхъ получилъ по тридцати девяти ударовъ; *трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ; трикраты корабль опровержеся со мною; нощь и день во глубинѣ сотворихъ; въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи, въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жаждѣ, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ* (2 Кор. XI. 24—27). Вспомнимъ наконецъ и долготерпѣніе собравшаго насъ нынѣ во храмъ сей Человѣка Божія. Домъ, богатство, родителей, невѣсту оставилъ чудный Алексій, избирая тѣсный путь спасенія, семнадцать лѣтъ провелъ безъ жилища, между нищими въ притворѣ церковномъ; и, что еще труднѣе, *пробысть*, какъ сказуетъ повѣсть житія его, *приснопамятный въ отчемъ дому невѣдомъ, сице худый и изнуряемъ, отъ врага побораемъ, отъ любве сродниковъ разжигаемъ, и отъ рабовъ своихъ поругаемъ, не десять дней или сто, но лѣтъ семнадесять всецѣлыхъ* (Пролог.). Какая рѣшительность въ намѣреніи спасенія, какое постоянство въ исполненіи, какое терпѣніе въ искушеніяхъ!

Наша лѣность неохотно смотритъ на таковые примѣры долготерпѣнія въ вѣрѣ. Она охотнѣе ищетъ примѣровъ тому, какъ бы спастись легче и скорѣе. Правда, безконечно—милосердый Богъ сдѣ-

лалъ возможнымъ и сіе, дабы никакой грѣшникъ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ причины отчаяваться. Въ Евангеліи видимъ, какъ нѣсколько словъ покаянія и вѣры отверзли разбойнику рай. Но при семъ не оставимъ безъ вниманія и того, что сей примѣръ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ безпримѣренъ, именно въ томъ, въ какую неожиданную близость судьба поставила погибающаго со Спасителемъ, безъ возможности удалиться отъ Него пригвожденному ко кресту, и въ какія чудесныя минуты благодати. Примѣтимъ также и то, что покаяніе, не поздное для разбойника на крестѣ, поздно было для другаго, въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ тѣ же самыя благодатныя минуты; что спасенный разбойникъ обратился ко Христу одинъ, въ противоположность нераскаянію Архіереевъ, Князей, Фарисеевъ, Книжниковъ, Старѣйшинъ, цѣлаго Іерусалима. Кто дерзнетъ сказать, что легче и надежнѣе къ исполненію сіе быстрое, ничѣмъ неудержимое возникновеніе изъ погибели во спасеніе, нежели достиженіе спасенія постепеннымъ шествіемъ по пути покаянія и самоисправленія, съ терпѣніемъ и долготерпѣніемъ?

Для успокоенія нашей лѣности и непостоянства, мы говоримъ, что Богъ пріемлетъ и тѣхъ, которые часто падаютъ. Такъ, Онъ пріемлетъ и сихъ: но прежде усматриваетъ, по немощи ли они падаютъ, по невѣдѣнію ли, по соблазнамъ ли и претыканіямъ невольнымъ, или напротивъ, по нерадѣнію, по пристрастію къ порокамъ, въ которые падаютъ, не смотря на свидѣтельство совѣсти противъ беззако-

ній, въ которыя падаютъ. Есть падающіе, которымъ поспѣшаетъ помощь благодати: и есть падающіе, къ которымъ пренебреженная ими премудрость Божія посылаетъ достойное ихъ слово: *убо и Азъ погибели вашей посмѣюся;—будетъ бо, егда призовете Мя, Азъ же не послушаю васъ; взыщутъ Мене зліи, и не обрящутъ* (Прит. I. 26. 28.).

Если бы ты испытывалъ человѣка, котораго намѣренъ принять въ свой домъ; и если бы онъ, нѣсколько минутъ занимался тѣмъ, что ты ему поручаешь, а потомъ на цѣлый день, или болѣе, обращался къ тому, что ему нравится, что тебѣ противно, что несообразно съ порядкомъ твоего дома: не ужели ты бы его принялъ? Какъ же думать, что всесвятый Богъ менѣе насъ печется о Своемъ вѣчномъ домѣ, о небесномъ градѣ Своего Царствія, да *не имать въ него внити всяко скверно* (Апок. XXI. 27.)? Какъ же думать, что Онъ доволенъ будетъ человѣкомъ, который на минуту вспоминаетъ Его, и на цѣлый день, или еще на многіе дни забываетъ; который нѣсколько дней какъ нибудь постится, и потомъ на годъ предается невоздержанію; который однимъ и тѣмъ же языкомъ теперь *благословляетъ Бога и Отца*, и потомъ *клянетъ человѣки, бывшія по подобію Божію* (Іак. III. 9.); который послѣ покаянія безпечно возвращается ко грѣху, и послѣ грѣха такъ же безпечно не спѣшитъ къ покаянію; въ которомъ не только нѣтъ готовности, ни желанія, ради вѣры и любви къ Богу и Христу, претерпѣть всякую скорбь, всякое лишеніе, всякое бѣдствіе и самую смерть, по

который не имѣетъ твердости, для благоугожденія Богу, побѣдить страсть, исправить неправильную склонность, отвергнуть худую привычку, предпочесть дѣло благочестія дѣлу собственной корысти или честолюбія; который, даже послѣ посвященія себя Богу особеннымъ обѣтомъ, такъ же, какъ безъ обѣта, живетъ міру и работаетъ суетѣ его?

Да уповаемъ, Христіане, на благодать Божію, обѣщавшую и подающую намъ спасеніе: но при томъ *да не лѣниви будете, но подражатели наслѣдствующихъ обѣтованія вѣрою и долготерпѣніемъ* (Евр. VI. 12.). Аминь.

# 18. СЛОВО

### ВЪ ПЯТУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА

*Она же рѣста Ему: даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сядева во славѣ Твоей. Іисусъ же рече има: не вѣста, чесо просита.* Марк. X. 37. 38.

Случай, какого не надлежало, по видимому, ожидать, представляется намъ въ сихъ словахъ Евангелія. Лучшіе ученики наилучшаго изъ Учителей, предъ самымъ окончаніемъ обученія, оказываются незнающими! Извѣстно, что двѣнадцать учениковъ, иначе называемые Апостолами, избраны Божественнымъ Учителемъ, Іисусомъ Хрістомъ, преимущественно предъ тысящами другихъ явныхъ и тайныхъ учениковъ Его. Можно примѣчать, что Іаковъ и Іоаннъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, между самыми двѣнадцатью Апостолами были особенно избранные: ибо имъ, и кромѣ ихъ одному Петру, оказалъ Онъ ту высокую довѣренность, что допустилъ ихъ быть свидѣтелями Своего славнаго Пре-

ображенія на Ѳаворѣ, и Своего тяжкаго подвига въ саду Геѳсиманскомъ. Около трехъ лѣтъ сіи счастливые ученики почти неразлучно пребывали съ единственнымъ своимъ Учителемъ, слушая отъ Него глаголы жизни вѣчной. Приближалась минута, когда Онъ скажетъ имъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV. 15.). И такіе ученики, и въ такое время, не знаютъ, что говорятъ! *Не вѣста, чесо просита.*

Что же при такомъ просвѣщеніи повергло ихъ въ такое невѣдѣніе?—Желаніе быть выше другихъ, и быть почти равными Тому, Который превыше всего. *Даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сядева во славѣ Твоей.*

Не уничижимъ, братія, сихъ ближайшихъ послѣдователей Христовыхъ за то, что и они претыкались на пути своемъ, когда еще сошествіе Святаго Духа не озарило ихъ свѣтомъ незаходимымъ, и не укрѣпило силою непобѣдимою. Но видя, какъ иногда самый *свѣтъ міра* (Матѳ. V. 14.) подверженъ былъ затмѣнію, самые *столпы* (Гал. II. 9.) Церкви колебались, помыслимъ, какъ нужно намъ бодрствовать надъ собою, и непрестанно взывать о свѣтѣ и силѣ къ Отцу свѣтовъ и Господу силъ. *Мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X. 12.).

Апостолъ Павелъ, говоря о грѣхопаденіяхъ и наказаніяхъ Евреевъ, при образованіи изъ нихъ народа Божія подъ руководствомъ Моисея, замѣчаетъ, что *сія вся образи прилучахуся онѣмъ; писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. X. 11.). Подобно

сему и объ искушеніяхъ первыхъ послѣдователей Хрістовыхъ, въ которыя влекла ихъ поврежденная въ Адамѣ природа, и въ которыя неисповѣдимый, но всегда премудрый и благій Промыслъ попускалъ имъ впадать въ то самое время, когда надлежало изъ нихъ образоваться новому народу Божію, можно сказать, что все сіе случилось съ ними, какъ образъ или примѣръ для послѣдующихъ за ними, и описано въ Евангеліи, для наставленія нашего. Такъ, приключеніе Іакова и Іоанна, которые домогались первыхъ мѣстъ предъ Апостолами, научаетъ насъ познавать и отвращать искушеніе, которое заключается *въ желаніи быть выше другихъ.*

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ слышимъ притчу: худой тотъ воинъ, который не желаетъ быть военачальникомъ. Не Соломонова это притча; не мудрость это, но мудрованіе плотское и суетное. Истинная притча говоритъ; *иже высокъ творитъ свой домъ, ищетъ сокрушенія* (Прит. XVII. 16.). И еще: *не чистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Прит. XVI. 5.). Съ симъ согласна притча и Того, Который болѣе Соломона: *всякъ возносяйся, смирится* (Лук. XVIII. 14.).

Трудно понять, какъ не понимаютъ сихъ ясныхъ свидѣтельствъ истины мудрователи вѣка сего, которые, не преставая называться послѣдователями Хрістовыми, вопреки слову Хрістову, желаніе вознести себя выше другихъ, однимъ словомъ, честолюбіе полагаютъ правильною чертою благороднаго духа. Они думаютъ даже Апостола Павла поставить проповѣдникомъ честолюбія, поймавъ его из-

реченіе: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. IX. 15.). Но вслушайтесь внимательнѣе въ проповѣдь Апостола, вы, проповѣдники честолюбія, и узнайте разность между ревностію къ похвалѣ, которая одушевляетъ его, и между алчностію къ чести, которая васъ снѣдаетъ. Вы думаете исполненіемъ должности заслужить честь: онъ говоритъ, что исполненіе священнѣйшей должности, благовѣствовать небесную истину, не приноситъ ему никакой похвалы, какъ дѣло необходимой обязанности: *аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы; нужда бо ми належитъ* (1 Кор. IX. 16.). Вы за каждый подвигъ желаете награды: онъ полагаетъ свою награду въ томъ, чтобы оставаться безъ награды, на которую имѣетъ право: *кая убо ми есть мзда? да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣствованіе Хрістово, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи* (18.). Вы усиливаетесь исторгнуться изъ подчиненія, и получить свободу и власть надъ другими: а онъ, имѣя полную свободу, отрекается отъ нея, и порабощаетъ себя всѣмъ: *свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (19.). Да умретъ, вопіете вы, или по крайней мѣрѣ, да накажется гордымъ презрѣніемъ тотъ, кто коснется нашей чести предъ человѣками, но Апостолъ говоритъ: пусть умру я, если кто уничижитъ похвалу мою предъ Богомъ; лучше мнѣ умереть, нежели потерять благоволеніе Божіе: *добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ.* Возможно ли сію святую ревность о

безкорыстномъ служеніи Богу и ближнимъ, смѣшивать съ страстію честолюбія? Спросите ваше честолюбивое сердце, каково было бы ему, если бы заставили его почувствовать, что вы худшіе изъ людей одинакаго съ вами состоянія, что вы первые изъ всѣхъ достойны презрѣнія и осужденія? Но Апостолъ Павелъ сіе самое чувствованіе сердца непринужденно исповѣдуетъ предъ цѣлою Церковію: *азъ есмь мній Апостоловъ, и недостоинъ нарещися Апостолъ, первый отъ грѣшныхъ есмь азъ* (1 Кор. XV. 9.). Если вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы столь уничижительное признаніе столь великаго изъ Святыхъ могло произойти отъ внутренняго убѣжденія: то знайте, что не иная какая причина, какъ честолюбіе же препятствуетъ вамъ вѣрить тому, что чувствуетъ духовный человѣкъ во глубинѣ своего смиренія. *Како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. V. 44.)?

Но возвратимся къ Іакову и Іоанну, и снимемъ нѣкоторыя черты, которыми ознаменовалось въ нихъ желаніе превознести себя надъ другими.

Во-первыхъ, сіе желаніе побудило ихъ къ домогательству странному и нимало несообразному съ обстоятельствами, въ которыхъ они находились. *Даждь намъ*, говорили они Іисусу Христу, *даждь намъ, да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, сядева во славѣ Твоей.* Но время ли было говорить сіе? Предъ симъ самымъ говорилъ имъ Іисусъ Христосъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ Архіереомъ и*

*книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ и поругаются Ему* (Марк. X. 33.). И вскорѣ надлежало исполниться сему предсказанію. Какая же несообразность! Онъ идетъ на мѣсто поруганія и смерти: а они хотятъ дѣлить между собою первыя мѣста во славѣ Его. Настаетъ время подвига: а они просятъ вѣнца. Надлежало бы просить вѣры, чтобы не быть ни первыми, ни послѣдними въ оставленіи Господа своего, когда Онъ преданъ будетъ: а они предлагаютъ странное требованіе, быть ближе всѣхъ къ Тому, Котораго вскорѣ оставятъ! Не такія же ли запутанности, въ разныхъ видахъ, представляетъ и нынѣ желаніе превознести себя надъ другими? Домогаются высокаго мѣста: но не примѣчаютъ пропастей, то есть, опасностей, которыя находятся на пути къ нему, или окружаютъ оное. Иной, на примѣръ, говоритъ: дайте мнѣ сѣсть на мѣсто правосудія: но не помышляетъ, что, можетъ быть, мѣсто сіе обложено сѣтями клеветы, подкопано мздоимствомъ, что оно ждетъ не того, кто бы на немъ, какъ на престолѣ, являлъ себя въ блескѣ славы, но того, кто бы на немъ, какъ на жертвенникѣ, принесъ въ жертву справедливости свое спокойствіе, свои выгоды, а иногда благоволеніе многихъ сильныхъ, чтобы спасти одного безсильнаго. Не многіе ли стараются достигнуть сего престола, тогда какъ готовы бѣжать отъ сего жертвенника? Что сказать о томъ родѣ честолюбія, котораго нелѣпость чувствуютъ нѣкоторые изъ самыхъ честолюбцевъ, — о честолюбіи тѣхъ, которые стараются дойти до священнаго сѣ-

далища правды путемъ неправды и святокупства, достигнуть высшей степени въ обществѣ низкими средствами человѣкоугодія, лести и раболѣпства?— Не сдѣлаемъ несправедливости никому изъ честолюбивыхъ, если скажемъ всѣмъ имъ безъ исключенія тоже, что сказалъ Первый и Послѣдній Своимъ искателямъ первенства: *не знаете вы, чего ищете.*

Во-вторыхъ, желаніе превозношенія обнаружило въ Іаковѣ и Іоаннѣ тотъ недостатокъ, что они не довольно вникали въ самихъ себя, въ свои способности и въ свое внутреннее состояніе. Ибо въ семъ сокровенно ихъ обличаетъ Господь, когда вопрошаетъ притчею: *можета ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, крститися* (Марк. X. 38.)? Сія чаша Христова есть та самая, о которой Онъ молился въ саду Геѳсиманскомъ: *Отче мой! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI. 39.); то есть, чаша страданія и смерти. Сіе крещеніе Христово есть крещеніе кровію, проліянною на крестѣ. Слѣдственно вопросъ, предложенный Іакову и Іоанну, вводитъ ихъ въ испытаніе самихъ себя, способны ли они участвовать въ страданіяхъ и крестѣ Христовомъ. И хотя они, совершенно или несовершенно выразумѣвъ сіе, провозгласили себя способными, что, по видимому, призналъ и Господь, когда сказалъ имъ: *чашу убо, юже Азъ пію, испіета; и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, крститася* (Марк. X. 39.): но послѣдующія событія показываютъ, что Господь обѣщалъ только имъ на будущее время даръ участія въ Его страданіяхъ, что

и совершилось наконецъ усѣченіемъ Іакова, и заточеніемъ Іоанна ; въ самое же то время, когда они такъ рѣшительно утверждали, что могутъ пить чашу Христову, они весьма далеки были отъ сей возможности ; ибо когда Іисусъ Христосъ предъ сею чашею стоялъ въ молитвѣ, они не могли и единаго часа пребыть съ нимъ во бдѣніи ; а когда Іуден возложили на Него руки, тогда они вмѣстѣ съ прочими, *оставльше Его, бѣжаша* (Марк. XIV. 50.). Таковое незнаніе себя, и мѣры своихъ силъ и способностей, есть обыкновенный недостатокъ людей, коими обладаетъ желаніе превозношенія. Они готовы занять всякое мѣсто , которое обѣщаетъ удовлетвореніе сему желанію: а того не знаютъ, что, можетъ быть, первый трудъ, котораго потребуетъ сіе мѣсто, приведетъ ихъ въ изнеможеніе, первая опасность обратитъ въ бѣгство. Спроси себя , пщущій того, что выше тебя , можешь ли ты пить чашу, къ которой простираешь руку? Если ты думаешь, что тебѣ надлежитъ возсѣсть у самаго кормила правленія обществомъ: то можешь ли правильно обращать сіе великое орудіе , и крѣпко удержать во время бури? Если желаешь быть именованъ мужемъ совѣта въ собраніи старѣйшинъ: то имѣешь ли въ себѣ потребную для сего званія мудрость и духъ совѣта? Если порываешься выйти изъ круга простыхъ гражданъ, и вступить въ сословіе благородныхъ мужей: то подлинно ли благородствомъ духа надѣешься ты поддержать себя на ряду съ другими, принадлежащими къ сему сословію , или одною суетною пышностію и наружнымъ блескомъ , который

только обнаружитъ то, чего тебѣ недостаетъ, и, вѣроятно, истощитъ то, что имѣешь? Чѣмъ болѣе кто имѣетъ истиннаго познанія о себѣ: тѣмъ менѣе почитаетъ себя способнымъ устоять въ таковомъ испытаніи, а потому и пріемлетъ въ законъ своего поведенія правило Мудраго: *высшихъ себе не ищи* (Сир. III. 21.). Напротивъ того, чѣмъ успѣльнѣе и дерзновеннѣе кто ищетъ того, что выше его: тѣмъ несомнительнѣе можно заключать, что онъ или не испыталъ себя, или обманулся въ семъ испытаніи, и обманетъ надежду тѣхъ, которые будутъ благопріятствовать исполненію его желанія.

Въ-третьихъ, желаніе превозношенія, воздѣйствовавъ въ Іаковѣ и Іоаннѣ, сопровождалось нарушеніемъ мира между Апостолами. *И слышавше десять, начаша негодовати о Іаковѣ и Іоаннѣ* (Марк. X. 41). Евангельская Исторія не изъясняетъ, какого рода было сіе негодованіе: огорчились ли Апостолы неблаговременнымъ стуженіемъ Учителю своему о преимуществахъ во славѣ, когда Онъ приготовлялся и приготовлялъ ихъ ко вступленію въ трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостію, которая обнаруживалась въ томъ, что изъ двѣнадцати, которые равнымъ образомъ оставили все для Іисуса, и пребыли съ Нимъ въ напастяхъ Его, и которымъ потому всѣмъ равно обѣщаны двѣнадесять престоловъ въ царствіи Его, двое хотятъ восхитить нѣкій особенный степень славы; или наконецъ и въ прочихъ десяти дѣйствовалъ тотъ же духъ превозношенія, такъ какъ нѣкоторые, по видимому, могли представить свои особенныя права

на предпочтеніе прочимъ, какъ на примѣръ, другой Іаковъ то, что онъ былъ сродникъ Господень по плоти, Андрей то, что онъ первый рѣшился послѣдовать Іисусу (ибо и въ одномъ и томъ же подвигѣ важнѣе подать первый примѣръ, нежели послѣдовать примѣру другихъ),—Петръ то, что онъ первый исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Но какъ бы то ни было: довольно ясно въ наставленіе наше написано въ сей исторіи то, что между Апостолами никогда не видно было взаимнаго негодованія, доколѣ не являлось между ими желаніе первенства; но какъ скоро возникло сіе желаніе, въ слѣдъ за нимъ открылось и взаимное негодованіе. Сіе значитъ, что ближайшее порожденіе духа превозношенія и честолюбія есть духъ несогласія и раздора. Апостолъ, предрекая о послѣднихъ временахъ, между прочимъ сказуетъ, что тогда *за преумноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. XXIV. 12.). Не много нужно проницанія, чтобы усмотрѣть между нами сіе печальное знаменіе: а съ симъ вмѣстѣ можно примѣчать и то, что изъ всѣхъ беззаконій, едва ли не болѣе всѣхъ, изсушается любовь гордостію и честолюбіемъ. Роскошный легко дружится съ роскошнымъ; корыстолюбивый, если не въ сообществѣ съ корыстолюбивымъ, то убѣгаетъ его: но честолюбивый честолюбиваго старается низринуть и истребить, и не оставляетъ въ мирѣ и покоѣ никого, потому что послѣдняя цѣль его есть видѣть всѣхъ подъ ногами своими.

Познаемъ, Христіане, въ страстномъ желаніи быть выше другихъ, тяжкую и опасную болѣзнь человѣче-

скаго духа и язву общества. Познавъ же сіе, пріимемъ или къ исцѣленію, или къ предохраненію нашему, и тѣ врачевства, которыми врачевалъ оную Врачь душъ и тѣлесъ въ ученикахъ Своихъ.

*Іисусъ, призвавъ ихъ, глагола имъ: вѣсте, яко мнящіися владѣти языки содолѣваютъ имъ, и велицыи ихъ обладаютъ ими, не такоже будетъ въ васъ* (Марк. X. 42.). Первымъ врачевствомъ противъ духа превозношенія и преобладанія должна быть мысль, что это есть духъ, свойственный язычникамъ. Это ихъ несчастіе, что они плѣняются славою человѣческою, потому что не знаютъ славы Божіей; усиливаются превознести себя на земли, потому что не имѣютъ упованія взыти на небо. Мы ли, Христіане, познавъ истинную славу, будемъ гонятся за ложною? Нѣтъ, братія! *Не тако да будетъ въ васъ.*

Но какъ же должны поступать Христіане? Божественный Наставникъ нашъ продолжаетъ: *иже аще хощетъ въ васъ влящшій быти, да будетъ вамъ слуга* (43.). Желаешь ли превосходства и совершенства? старайся преимущественно и совершенно служить благу ближнихъ. Если ты уже выше другихъ по твоему званію; тѣмъ болѣе старайся служить благу ихъ, чтобы ты не былъ ниже своего званія: но если ты и ниже другихъ; также ревностно старайся служить благу ихъ, и тогда никто здравомыслящій не скажетъ, что ты въ низкомъ состояніи; поелику и высочайшая земная власть, по понятію Христіанскому, не иное что есть, какъ *Божій слуга во благое* (Рим. XIII. 4.).

Наконецъ, если, не смотря на сіе, ветхій Адамъ, нѣкогда восхотѣвшій быть яко Богъ, еще тоскуетъ въ тебѣ, когда ты умаленъ предъ человѣками, или, когда ты возвышенъ предъ нѣкоторыми изъ нихъ, вновь льститъ тебѣ мечтою, что ты можешь быть Божествомъ надъ ними: то войди во врачебницу новаго Адама, и пріими противу сей древней болѣзни вѣчноживотное врачевство. Іисусъ Христосъ предлагаетъ тебѣ во врачевство Самого Себя: *ибо Сынъ человѣчь не пріиде, да послужатъ Ему, но да послужитъ, и дастъ душу Свою избавленіе за многи* (Матѳ. XX. 28.). Христіанинъ! Не ужели ты думаешь, вознестись выше Христа твоего? *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Матѳ. X. 25.). Но Божественный Учитель нашъ, будучи Господь всѣхъ, смиряетъ Себя и служитъ рабамъ Своимъ: кольми паче да смиримъ себя мы, и послужимъ другъ другу любовію, *честію другъ друга больша себе творяще* (Филип. II. 3.). Аминь.

# ОТДѢЛЕНІЕ III.

## СЛОВА

## НА БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

# ОТДѢЛЕНІЕ III.

# СЛОВА

## НА БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

## 1. СЛОВО

### ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*И отвѣща имъ глаголя: кто есть мати Моя или братія Моя?* Марк. III. 33.

Отъ чего праведная Елисавета, какъ скоро увидѣла пришедшую къ ней Дѣву Марію, и услышала изъ устъ Ея обыкновенное привѣтствіе посѣщающихъ, тотчасъ исполнилась такою радостію, что радость сія сообщилась и младенцу во чревѣ ея, и онъ взыгрался, и матерь воскликнула и начала благословлять Дѣву! Отъ того, какъ объясняетъ сама Елисавета, что въ Маріи узнала она Матерь Господа. *Откуду*, говоритъ, *мнѣ сіе, да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ?*

Отъ чего и Церковь о Пресвятой Дѣвѣ Маріи такъ радуется, и съ такимъ восторгомъ ублажаетъ Ее? Почему самому рожденію и младенчеству Ея воздаетъ праздничную честь, безпримѣрную для прочихъ святыхъ и праведныхъ? — Кажется, и на сіе не нужно искать другаго отвѣта, кромѣ того, который нашли мы въ пророческомъ духѣ Елисаветы: Марія есть Мати Господа нашего.

Но посмотрите, какую нечаянность представляетъ намъ Евангеліе Мати Господа, которую такъ рано нашла и намъ указала Елисавета, внезапно скрывается. Се господь Самъ вопрошаетъ: *кто есть Мати Моя?*—Не льзя вообразить, чтобы Онъ или не зналъ Своея Матери, или хотѣлъ отречься отъ Нея: однако вопрошать: *кто есть Мати Моя*, значитъ, или не знать Ея, или отрицаться отъ Нея.

И что же мы дѣлаемъ, когда ублажаемъ благословенную Матерь Господа нашего, думая тѣмъ угодить Ему, и къ Нему чрезъ Нее приближиться, если Онъ нѣкоторымъ образомъ устраняетъ Ее отъ Себя?

Не смущайтесь, Пѣснословцы Богородицы, отъ сего труднаго помышленія. Оно поведетъ насъ къ размышленіямъ, которыя не поколеблютъ, но утвердятъ насъ въ увѣренности о Ея Божественной славѣ, также какъ и въ разумѣніи святаго ученія Сына Ея и Бога.

*Сѣдяше,* повѣствуетъ Евангелистъ Марко, *народъ окрестъ Его. Рѣша же Ему: се Мати твоя и братія твоя и сестры твоя вонъ ищутъ тебе. И*

*отвѣща имъ глаголя: кто есть Мати Моя или братія Моя?*

Что не хощетъ Онъ знать братій Своихъ, то понять не трудно. Въ то время они были достойны таковаго отчужденія, потому что, какъ замѣчаетъ Евангелистъ Іоаннъ, *ни братія Его вѣроваху въ Него* (VII. 5.). Но и кромѣ вины невѣрованія ихъ, справедливо сіе потому, что это были мнимые только братія Іисуса; ибо это было родство Іосифа, мнимаго отца Іисусова. Такимъ образомъ отрекаясь отъ братій, по рожденію плотскому такъ называемыхъ, Господь не отрицаетъ никакой истины земной, а утверждаетъ небесную истину Своего Божественнаго рожденія.

Но какимъ образомъ и Матерь Господа подвержена одинакому жребію съ Его братіями? Она не мнимая, а истинная матерь Его по человѣчеству; и сего высокаго достоинства никогда не унизила Она невѣрованіемъ въ Него, яко истиннаго Сына Божія. Одна та вѣра, которою Она пріяла Его, прежде Его земнаго рожденія и зачатія, во время благовѣщенія Архангелова, уже превосходитъ вѣру всѣхъ прочихъ вѣрующихъ. Когда Іисусъ, еще младенецъ, во ясляхъ, признанъ отъ пастырей Спасомъ, Христомъ, Господомъ: чѣмъ, какъ не вѣрою, побуждаема была *Мати Его соблюдать вся глаголы сія въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 19.)? Прежде нежели чудесами *явилъ* Онъ *славу Свою, и вѣроваша въ Него ученицы Его* (Іоан. II. 12.), Матерь Іисусова столько уже вѣровала въ Его чудодѣйственную силу, что сотворить первое чудо въ Канѣ Галилей-

ской, Она именно Его убѣдила. Такъ Она и ранѣе другихъ, и совершеннѣе другихъ, и вѣровала въ Него, и познавала Его: а Онъ то произноситъ вожделѣнное имя Матери, и уклоняется отъ того, чтобы видѣть ее: *кто есть Мати Моя?* то видитъ Ее, и не даетъ Ей имени Матери: *что есть*, глаголетъ, *мнѣ и тебѣ жено?* И паки: *жено, се сынъ твой.*

Господи! Не дѣянія Твои мы истязуемъ; но премудрости Твоей спасительной научиться желаемъ. Не постави намъ въ вину испытанія писаній, и даруй благодать разумѣнія.

Нужно ли предостерегать васъ, Христіане, дабы вы не подумали, будто Господь не вполнѣ чтитъ Преблагословенную Матерь Свою? Едва ли нужно. Ибо вамъ должно быть извѣстно всеобщее противъ недоразумѣній сего рода предостереженіе, которое Онъ Самъ сдѣлалъ еще Іудеямъ, когда сказалъ: *да не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки; не пріидохъ разорити, но исполнити* (Мат. V. 18.). Посему, безъ сомнѣнія, не разорилъ, но исполнилъ Онъ и сію заповѣдь закона: *чти отца твоего и матерь твою.* И подлинно, когда Его, еще въ юныхъ лѣтахъ, проникнутаго чувствомъ Своего назначенія, не разумѣвшіе того родители пришли отторгнуть отъ собесѣдованія съ учителями закона Божія, и увлечь изъ храма; тогда Онъ, хотя сдѣлалъ возраженіе противъ сего поступка родителей, но тѣмъ не менѣе *бѣ повинуяся има* (Лук II. 51.). И наконецъ, когда страданія

крестныя раздирали Его душу и тѣло; когда пронзенными членами такъ тяжко висѣлъ Онъ на гвоздяхъ между жизнію и смертію, а на Немъ цѣлый міръ висѣлъ надъ погибелію въ ожиданіи спасенія, ни муки всего ада, ни попеченія всего міра, всѣхъ временъ и вѣчности, не заглушили въ Немъ чувства законной обязанности къ Матери. Сію обязанность, которой исполненіе пресѣкалось для Него вмѣстѣ съ земною жизнію, Онъ передалъ тогда Іоанну, котораго дѣвство и любовь содѣлали достойнымъ служителемъ Дѣвы-Матери; а чрезъ то и въ сей части закона, подобно какъ во всѣхъ другихъ, показалъ намъ совершенство, состоящее въ томъ, чтобы почтеніе къ родителямъ, и попеченіе о нихъ, простиралось на всѣ обстоятельства жизни, до гроба, и далѣе гроба.

Если же и въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, столь совершенное почтеніе Матери Своей оказалъ Господь нашъ: то безъ сомнѣнія должно заключить, что и въ другихъ случаяхъ, хотя Онъ, по видимому, чуждался Ея, чуждался отнюдь не въ предосужденіе духовному *величію*, которое *сотворилъ* Онъ Ей Своимъ отъ Нея рожденіемъ, а только по уваженію другихъ высокихъ обязанностей Своего земнаго служенія. Вспомнимъ Его ученіе: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мат. X. 37.). Такъ поучая, такъ долженъ Онъ былъ и творить, и примѣромъ дать силу поученію, по собственному Его правилу, что *велій въ царствіи небесѣмъ* долженъ

*сотворить и научить* (Матѳ. V. 19.). Посему надлежало Господу Іисусу когда нибудь въ земной жизни Своей дѣломъ показать, какъ любитъ Онъ земную Матерь Свою совершенно, только не *паче* Отца Своего небеснаго, и какъ сыновнюю по человѣчеству любовь приноситъ въ жертву дѣлу Божію, Имъ совершаемому.

Теперь смотрите, какъ симъ умозрѣніемъ объясняются дѣла Христовы, казавшіяся съ перваго взгляда непонятными.

Матерь Іисуса требуетъ, чтобы Онъ чудесно произвелъ вино на бракѣ. Но чудеса назначены не для угожденія Матери, а для явленія славы Божіей. Итакъ здѣсь угожденіе Матери надлежало принести въ жертву: и, для совершенства сего жертвоприношенія, пожертвовано и самою мыслію о Матери, и самымъ наименованіемъ Матери: *что есть Мнѣ и тебѣ, жено?* Впрочемъ, часъ явить славу Божію, который не пришелъ прежде сея жертвы, наступилъ въ слѣдъ за оною: и потому чудо, въ которомъ, по видимому, отказано Матери, чрезъ минуту совершается.

Матерь Іисуса и братія Его приходятъ, чтобы взять Его изъ дома, гдѣ Онъ многочисленному народу проповѣдуетъ небесную истину. Они предприняли сіе по доброму побужденію, почитая Его находящимся въ опасности: потому что Его враги оглашали Его то неистовымъ, то дѣйствующимъ чрезъ князя бѣсовскаго, и умышляли погубить Его. Но если бы Онъ покорился волѣ Своихъ сродни-

ковъ: то былъ бы нанесенъ вредъ дѣлу Божію, не только потому, что безвременно прервалась бы Его проповѣдь, но и потому, что враги Его, какъ доказательство клеветы, употребили бы взятіе Его сродниками, какъ будто имѣющаго нужду въ ихъ попеченіи. Итакъ должно было и здѣсь угожденіе Матери принести въ жертву: и сія жертва опять была полнымъ всесожженіемъ, то есть, Господь принесъ въ жертву всю Свою любовь къ Возлюбленной Матери, и самую мысль и память о Ней: *кто есть Мати Моя?*

Какъ-бы такъ говорилъ Онъ: «для чего волею «земной Матери хотите вы отвлечь Меня отъ ис- «полненія воли Отца небеснаго? Когда сіи двѣ воли «влекутъ въ разныя стороны: Я знаю, и тотчасъ «покажу, которой изъ нихъ, и съ какою рѣшитель- «ностію, должно послѣдовать. Оставляю земное «рожденіе и родство, какъ-бы Я забылъ его, какъ- «бы его совсѣмъ не было: совершенно преданъ есмь «волѣ Отца небеснаго, и дѣлу Его, и Царствію Его; «здѣсь ищу Себѣ и родства, если его имѣть надоб- «но: *кто есть мати Моя или братія Моя?* «Кто же они? *Чада Божіи, вѣрующіе во имя Его,* «*иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни* «*отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* «(Іоан. I. 12. 13.); или иначе: *иже аще сотворитъ* «*волю Божію, сей братъ Мой, и сестра Моя, и* «*мати Ми есть*».

Видите, Христіане, что Господь не Матерь Свою, всякаго ублаженія достойную, вниманія лишаетъ, но

насъ поучаетъ истинѣ и правдѣ, словомъ и примѣромъ. Внимайте и поучайтесь; примѣчайте и подражайте.

Когда родители, сродники, наставники, начальники требуютъ отъ васъ того, что противно мудрованію вашему, вашей склонности, вашему вкусу, но что нужно, или полезно, или по крайней мѣрѣ, безвредно: пожертвуйте мудрованіемъ вашимъ, вашею склонностію, вашимъ вкусомъ обязанности повиновенія. Вспомните Іисуса, Премудрость Божію, Который *бѣ повинуяся* Іосифу древодѣлю.

Когда ваши родители, сродники, ближніе, требуютъ помощи, утѣшенія, служенія, между тѣмъ какъ вы сами въ нуждѣ, въ скорби, въ немощи: соберите послѣднія силы ваши; забудьте свою скорбь для облегченія ихъ скорби; раздѣлите съ ними послѣднюю крупицу и послѣднюю каплю. Вспомните Іисуса, среди мученій крестныхъ, пекущагося о спокойствіи Своей Матери.

Но когда несчастный примѣръ и желанія вашихъ родителей, сродниковъ, людей вами почитаемыхъ и любимыхъ, отвлекаютъ васъ отъ исполненія священныхъ обязанностей къ Богу, вовлекаютъ въ дѣла противныя закону, нарушающія миръ совѣсти, противныя истинному благу и спасенію безсмертной души вашей. тогда спросите и вы себя словомъ Іисусовымъ: *кто есть мати моя, или братія моя?* Вспомните, что у васъ есть лучшее и высшее обыкновеннаго родство; что Богъ, Отецъ вашъ; что Церковь, Матерь ваша; что всѣ творящіе волю

Божію, всѣ Святые, суть ваши братія, или по крайней мѣрѣ, желаютъ быть вамъ братіями; не унизьте себя предъ симъ высокимъ родствомъ; не разлучите себя отъ сего добраго и прекраснаго семейства; сотворите и вы волю Божію вмѣсто человѣческой, да и на васъ укажетъ Господь, и речетъ: *се мати Моя и братія Моя.* Аминь.

# 2. СЛОВО

**ВЪ ДЕНЬ ВВЕДЕНІЯ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.**

*Явися бо благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ.* Тит. II. 11. 12.

Если память жизни и дѣяній Святыхъ естественно приводитъ къ размышленію о добродѣтеляхъ и совершенствахъ, которыми жизнь ихъ была ознаменована: то къ настоящему торжественному воспоминанію посвященія Богу Преблагословенныя и Пречистыя Дѣвы Маріи что̀ можетъ быть ближе, какъ размышленіе о дѣвствѣ и цѣломудріи?

Ибо не Она ли положила твердое основаніе дѣвства? Не Она ли возвѣла оное до безмѣрной высоты?

Міръ ветхозавѣтный ревновалъ о чадородіи, а потому и о бракѣ, домогаясь родить Спасителя

міра. Онъ такъ мало понималъ и чтилъ дѣвство, что дѣвство, навсегда чуждое брака, было для него предметомъ оплакиванія. Дщерь Іефѳаева, которая должна была умереть, *не познавъ мужа*, не только *иде сама, и другини ея, и плакася дѣвства своего на горахъ*, но и послѣ смерти ея *отъ дней до дней исхождаху дщери Израилевы плакати о дщери Іефѳая Галаадитина четыре дни въ лѣтѣ* (Суд. XI. 38. 40.). Жизнь Іоанна Крестителя, и, еще прежде, жизнь Пророковъ Иліи и Елисея, — вотъ раннія указанія на достоинство дѣвства: но и сіи указанія въ свое время не поняты; потому что Евреи чаще видали Пророковъ; не чуждающихся жизни супружеской, какъ на примѣръ. Моисея, Самуила и другихъ. Были отъ начала міра человѣки Божіи: но первая Дѣва Божія есть Преблагословенная Марія. Въ непорочности младенческой бывъ посвящена Богу на всегдашнюю чистоту, Она сдѣлалась первымъ, навсегда непоколебимымъ, основаніемъ Ангельской на земли жизни.

И въ какой, больше нежели небесной, высотѣ, Она показала намъ достоинство дѣвства! Отъ Евы до Нея, женскій полъ, такъ какъ и мужескій, служилъ закону брака, въ чаяніи той награды, что рано или поздно произведетъ на свѣтъ благословенное Сѣмя, Которое *сотретъ главу* адскаго *змія* (Быт. III. 17.), и о Которомъ *благословятся вси языцы земніи* (Быт. XXII. 18.): но сія награда не браку была предназначена. Бракъ могъ раждать только человѣковъ. Одно дѣвство достойно было родить Богочеловѣка.

Но прежде нежели скажу что нибудь о дѣвствѣ собственно для васъ, которые меня слушаете, опасаюсь помысла, который, можетъ быть, захочетъ отражать отъ вашего сердца слово о дѣвствѣ.—«Дѣвство Пресвятыя Богородицы, избранное быть пріятелищемъ воплощенія Сына Божія, есть единственное въ родѣ человѣческомъ, которое какъ предъ собою не имѣло примѣровъ, такъ и по себѣ не будетъ имѣть подражателей.»—То правда, что не будетъ другаго воплощенія Бога Слова, ни другой Матери Божіей: однако, братія, изъ сего не должно заключать, будто дѣвство Преблагословенныя Маріи не представляетъ намъ никакого примѣра для подражанія, не подаетъ никакого ученія для жизни.

Если Дѣва Марія удостоена высочайшаго избранія Божія: то разсуждайте, почему сіе сдѣлано? Скажете: по особенной благодати Божіей? — Не спорю. Но разсуждайте далѣе: благодать Божія можетъ ли быть въ противорѣчіи съ правдою Божіею?—Нѣтъ, безъ сомнѣнія. Если въ человѣкѣ несогласіе съ самимъ собою есть нелѣпость: кольми паче въ Богѣ, существѣ всесовершенномъ, должно быть совершенное согласіе свойствъ и дѣйствій, сродное чистѣйшему единству. Итакъ, если Дѣва Марія удостоена высочайшаго избранія по благодати Божіей; то равномѣрно и по правдѣ Божіей. Превыше всѣхъ вознесена Она избраніемъ; потому что превыше всѣхъ явилась достойною избранія, по своимъ душевнымъ качествамъ и расположеніямъ, и, между прочимъ, по чистѣйшему дѣвству, которымъ Она, какъ солнце, взошла, очевидно превыше всего древ-

няго, вѣрно же и превыше всего грядущаго міра. Отсюда надлежитъ заключить, что если Преблагословенная Марія чистѣйшимъ дѣвствомъ достигла высочайшаго и безпримѣрнаго избранія Божія: то, хотя и не возможно равное сему избраніе, однако подражающій, по возможности, Ея дѣвству, по правдѣ Божіей, можетъ, подобно Ей, уповать особенной благодати Божіей, особеннаго избранія, особеннаго приближенія къ Богу. Если Ее одну дѣвство содѣлало честнѣйшею Херувимъ, и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ: то Ея подражателей по крайней мѣрѣ оно можетъ содѣлать равными Ангеламъ. Если Ее одну дѣвство содѣлало освященною скиніею Духа Святаго, Матерію Сына Божія: то можетъ оно тѣмъ не менѣе и другія души содѣлать дщерями Божіими, ближними Царя небеснаго, невѣстами Христовыми. Сіе именно возвѣщаетъ намъ тайнознаменательный псаломъ: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея* (Пса. XLIV. 15.).

Если умозаключенія кажутся вамъ не довольно надежны; а рѣчи Пророковъ и гаданія не довольно ясны: то хотите ли отъ Самого Господа узнать о равноангельномъ достоинствѣ дѣвства? Слышите собственное слово Его: *въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть* (Мат. XXII. 30.); или, какъ пересказываетъ другой Евангелистъ, *равни суть Ангеломъ* (Лук. XX. 36.). Состояніе, въ которомъ ни женятся, ни посягаютъ, слѣдственно, всегдашнее дѣвство, Господь называетъ состояніемъ равноангельнымъ.

Хотите ли узнать изъ слова Божественнаго, что

дѣвство не только для многихъ возможно къ соблюденію, но и для всѣхъ вожделѣнно? — Слышите слово Апостола Павла къ Коринѳянамъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже азъ* (1 Кор. VII. 7.). Что значитъ: *якоже азъ?* — Сіе изъясняетъ онъ далѣе въ томъ же Посланіи: *еда не имамы власти сестру жену водити? Но не сотворихомъ по области сей, но вся терпимъ, да не прекращеніе кое дамы благовѣствованію Христову* (IX. 5. 12.). То есть, онъ лишилъ себя помощи и утѣшеній брачнаго состоянія, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе заниматься проповѣданіемъ Евангелія. Слѣдственно и всѣмъ Апостолъ желалъ бы того, чтобы посвятили себя на служеніе Богу и благочестію въ дѣвствѣ.

Хотите ли видѣть высокій жребій, уготованный дѣвству отъ Бога? — Смотрите очами тайновидца Іоанна: *и видѣхъ, и се Агнецъ стояше на горѣ Сіонстѣй, и съ нимъ сто и четыредесять и четыре тысѧщи, имуще имя Отца Его, написано на челѣхъ своихъ.* Онъ слышалъ ихъ *поющихъ пѣснь нову предъ престоломъ Божіимъ, и никтоже можаше навыкнути пѣсни, токмо сіи.* Кто жъ это? — спросите вы. — Онъ отвѣтствуетъ: *сіи суть, иже съ женами не осквернишася: зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ; сіи суть куплени отъ людей, первенцы Богу и Агнцу* (Апок. XIV. 1—4.).

Видите превосходное достоинство дѣвства. Полюбопытствуйте знать, что такое дѣвство, и какъ сія добродѣтель совершается.

Каждый, по собственному опыту, знаетъ дѣвство, какъ естественное состояніе, предшествующее браку, не испытавшее тайнъ брака, не пробужденное къ познанію ихъ. Но это есть только несовершенный начатокъ того, о чемъ теперь бесѣдуемъ. Это еще только трава лиліи, а не цвѣтъ; только лѣторасль яблони, а не яблоко благовонное. Дѣвство младенчества, по тому самому, что есть просто естественное состояніе, не есть дѣло свободы, ни плодъ подвига, слѣдственно не есть еще добродѣтель. Прилично называется оно *невинностію*, потому что въ немъ *нѣтъ вины*, противуположной дѣвству; но и все тутъ: а еще нѣтъ въ немъ превосходнаго достоинства, принадлежащаго дѣвству совершенному.

Дѣвство, какъ подвигъ, какъ добродѣтель, какъ цвѣтъ чистоты, какъ плодъ цѣломудрія, какъ путь совершенства, является тогда, когда человѣкъ, въ возрастѣ, по обыкновенному ходу тѣлесной природы, болѣе или менѣе располагающему къ супружеству, не предаваясь влеченію природы, не увлекаясь обычаемъ, примѣрами, пріятностями и нуждами общежитія, рѣшается не пріобщаться браку, а соблюсти дѣвство навсегда.

Но какъ и подвизающійся не будетъ увѣнчанъ, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. II. 5.): то рѣшающійся на подвигъ дѣвства долженъ знать, всегда помнить и соблюдать главный законъ сего подвига, состоящій въ томъ, чтобы подвигъ дѣвства предпринимаемъ и проходимъ былъ для Бога.

*Царствія ради небеснаго*, говоритъ Самъ Верховный Законоположникъ дѣвства Іисусъ Христосъ (Матѳ. XIX. 12.); и Апостолъ: — *не оженившійся печется о Господнихъ, како угодити Господеви.— Не пожегшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII. 32. 34.). Угожденіе Богу, и для сего освященіе духа и тѣла есть цѣль подвизающихся въ дѣвствѣ. Кто бѣжитъ на поприщѣ дѣвственной жизни не къ сей цѣли: тотъ не къ вѣнцу бѣжитъ. Для того дѣвственникъ и устраняется отъ супружества, чтобы особенная склонность къ существу земному не задерживала, или не кривила его стремленія къ Богу. По сему стремленію всею силою ума и любви къ Господу, и по направленію всей дѣятельности къ благоугожденію Ему, дѣвствующая душа и называется невѣстою Небеснаго Жениха.

Изъ сего главнаго закона дѣвства не трудно уразумѣть, что тѣлесное удаленіе отъ всего, принадлежащаго браку, не есть совершенное дѣвство, а только низшій степень онаго: ибо стремленіе и приближеніе къ Богу, какъ Существу духовному, можетъ и должно совершаться собственно въ духѣ; дѣвство же тѣла отъемлетъ только препятствія стремленію духовному, и пресѣкаетъ стремленія противоположныя. Отсюда происходятъ разныя подробныя правила дѣвства.

Господь сказалъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V. 28.). Посему, какъ есть

любодѣяніе сердца: такъ должна быть и противоположная сему пороку добродѣтель—дѣвство сердца. Подвизающійся въ сей добродѣтели долженъ сохранять сердце свое чистымъ отъ всякаго плотскаго вожделѣнія, отъ всякихъ помысловъ, противныхъ цѣломудрію; невольныя прираженія нечистыхъ помысловъ безъ укоснѣнія отражать, для сего бдѣть осторожно надъ движеніями своихъ помышленій и желаній, занимать и ограждать умъ и сердце свое, то упражненіемъ въ Словѣ Божіемъ, то внимательною, внутреннею молитвою.

Какъ Господь показалъ, что любодѣянію сердца бываетъ служителемъ око: то въ противоположность сему и око надлежитъ обучать, чтобы оно служило дѣвству, то есть, отвращать взоры отъ всякаго соблазнительнаго предмета, а на представляющіеся неизбѣжно, взирать безъ страсти, безъ помысла, видя не видѣть, и, какъ можно скорѣе, пресѣкать опасное видѣніе. И сіе-то есть, умерщвлять чувство зрѣнія, по завѣщанію Господнему: *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе* (Матѳ. V. 29.). Отсюда покрывало на очахъ, пустынножительство, затворничество.

Но если для охраненія дѣвства отъ соблазна и нечистоты нужно умерщвлять чувство зрѣнія: то, по сравненію, можно понять и убѣдиться, что подобнымъ образомъ нужно умерщвлять и прочія чувства, какъ то: слухъ—отъ слышанія нескромныхъ и соблазнительныхъ рѣчей, вкусъ, обоняніе, осязаніе—отъ соотвѣтствующихъ имъ ощущеній, наклоняю-

щихъ къ пѣгѣ и роскоши. Отсюда упражненіе въ молчаніи, постъ, сухоядѣніе, простота и суровость въ одеждѣ, одрѣ, жилищѣ, порабощеніе и умерщвленіе тѣла трудомъ, молитвенными бдѣніями, колѣнопреклоненіями.

Чтобы сократить изображеніе дѣвства въ одну черту, привожу прекрасное и многознаменательное изреченіе святаго Златоуста: *корень и плодъ дѣвства есть жизнь распятая* (О дѣвст. гл. 79.).

Но не много ли уже бесѣдую я о предметѣ, о которомъ многіе изъ слышащихъ могутъ думать, что сіе не до нихъ касается? Въ самомъ дѣлѣ, Господь Самъ предварилъ насъ, что не всѣ способны дѣвствовать: *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Матѳ. XIX. 11.). Онъ Самъ призывалъ къ подвигу дѣвства не всѣхъ, но только тѣхъ, которые способны, которымъ дано сіе дарованіе: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. XIX. 12.). И поелику дѣвство не для всѣхъ; то вы можете даже спросить: для чего ко всѣмъ объ ономъ бесѣдуемъ?—Пріемлю сей вопросъ. Онъ приведетъ меня къ цѣли и къ концу моего слова.

Ко всѣмъ говоримъ о дѣвствѣ: потому что между всѣми находятся тѣ, *имже дано есть* сіе; и слово ищетъ между всѣми тѣхъ, которыхъ Богъ призываетъ слышать и творить оное, и которыхъ человѣкъ часто не знаетъ.

Ко всѣмъ говоримъ о дѣвствѣ: чтобъ и брачные знали, что есть состояніе выше брака; чтобы сми-

ренно мыслили о бракѣ; и чтобы, уважая дѣвство, хотя въ другихъ, и смиренно мысля о бракѣ, пріобрѣтали браку благословеніе, близкое къ благословенію дѣвства.

Ко всѣмъ говоримъ о истинномъ дѣвствѣ: чтобы, зная оное, остерегались ложныхъ путей буйныхъ дѣвъ, которыя, съ невозженными свѣтильниками ума, безъ сердечнаго елея, скитаются вдали отъ чертога, и, вмѣсто небесной любви къ небесному Жениху, питаютъ въ себѣ только вражду противъ благословеннаго брака. Ибо еще съ Апостольскихъ временъ *духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣднія времена, отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внимающе духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняюще женитися* (1 Тим. IV. 1—3.).

Наконецъ, ко всѣмъ говоримъ о дѣвствѣ: чтобы и брачные и безбрачные, отъ высокой красоты дѣвства, отъ средняго благообразія честнаго и непорочнаго брака, осторожнымъ и заботливымъ окомъ различали неблагообразіе того состоянія, которое ни златаго таланта дѣвства, ни сребрянаго таланта брака не воздѣлываетъ вѣрно по волѣ Господа всѣхъ талантовъ и даровъ. Дѣвство и бракъ не для всѣхъ: но цѣломудріе для всѣхъ. *Явися бо благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ.* — Что значитъ *цѣломудренно?* — Или въ

чистотѣ дѣвства, или въ честности брака, въ томъ и другомъ случаѣ, съ *отверженіемъ мірскихъ похотей*, и въ особенности *плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу* (1 Пет. II. 11.). Только такъ живущіе въ нынѣшнемъ вѣкѣ, могутъ *ожидать блаженнаго упованія* въ будущемъ (Тит. II. 13.). Аминь.

# 3. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*И исповѣдуемо велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася Ангеломъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ.* 1 Тим. III. 16.

Благоговѣйно воспоминаемъ и торжествуемъ мы нынѣ тотъ единственный во временахъ день, то великое мгновеніе, когда велія благочестія тайна: *Богъ во плоти*, не въ словѣ только, но въ силѣ Вышняго, принесена Архангеломъ Гавріиломъ на землю, скрыта въ чистомъ сердцѣ, и въ приснодѣвственной утробѣ Преблагословенныя Маріи запечатлѣна смиреннымъ Ея молчаніемъ. Послѣ сія *тайна, сокровенная отъ вѣкъ и отъ родовъ* (Кол. I. 26.), превратилась во всемірную славу: но тѣмъ не менѣе и теперь еще остается тайною. *Велія есть благочестія тайна, Богъ явися во плоти.*

Дивились, безъ сомнѣнія, сей тайнѣ и на небесахъ, когда она тамъ открылась; когда Іисусъ Хрі-

стосъ, воскресшій, и возносящійся, дабы сѣсти одесную Бога Отца, *показася Ангеломъ*, въ невиданной ими славѣ Богочеловѣка. Небесное удивленіе, какъ и все небесное, прекрасно. Дивились Ангелы тайнѣ и славѣ Богочеловѣка: но не смущались. Вопрошали: *кто есть сей Царь славы?* но не любопытствовали, не сомнѣвались; желали знать, чтобы благоговѣть, и прежде нежели провозглашено имъ разрѣшеніе вопроса ихъ: *кто есть сей Царь славы,* они уже принимали Его, какъ Царя славы; потому что уже взывали: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная: и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7. 8.). Чѣмъ болѣе непостижимою видятъ они тайну: тѣмъ болѣе находятъ ее достойною непостижимаго Бога, тѣмъ болѣе благоговѣютъ, тѣмъ болѣе славятъ Бога, тѣмъ болѣе просвѣщаются Его славою, и блаженствуютъ. Тамъ вѣдѣніе и слава не противорѣчатъ и не завидуютъ тайнѣ: и тайна до безконечности умножаетъ славу и свѣтъ.

Но земля такъ ли пріемлетъ дивную тайну Бога во плоти,—земля, для которой собственно сія тайна и изобрѣтена, и употреблена, и сокрыта, и открыта, и низведена, и вознесена, и предана позору, и прославлена?—Воистинну благословенна въ женахъ единственная Прествятая Дѣва, которая представила Себя достойнымъ хранилищемъ пришедшей съ небесъ тайнѣ, чтобы она не обратилась вспять, какъ наполненный сокровищами корабль отъ берега, не имѣющаго пристани;—которая, бывъ возводима въ превыспренній санъ Богоматери, не попустила сво-

ему помыслу, ниже на одинъ волосъ, подняться изъ глубины смиренія; — которая умѣла обнять безконечное Слово Божіе столь малымъ словомъ человѣческимъ: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* (Лук. I. 38.). Послѣ Ея благословимъ и тѣхъ, которыми тайна Бога во плоти *вѣровася въ мірѣ*, которые оную съ вѣрою приняли, вѣрно сохранили, проповѣдали всѣмъ народамъ; — чрезъ которыхъ она, въ непзмѣнной чистотѣ, въ неуменьшенной силѣ, и до насъ достигла. Но это тѣ, которые хотя и *въ мірѣ суть* (Іоан. XVII. 11.), однако *не суть отъ міра* (ст. 14.). А міръ? — Онъ не хотѣлъ было принять спасительной для него тайны Божіей: по слуху о ней, онъ возсталъ было въ тревогѣ, чтобы подавить ее, чтобы затьмить ее лжами, запутать вымыслами, покрыть презрѣніемъ и клеветами, чтобы преградить ей путь мечемъ, залить ее кровію ея свидѣтелей, погребсти въ ихъ могилахъ, сжечь въ огнѣ, потопить въ водѣ, истребить всѣми возможными способами истребленія. Не удалось! Вопреки усиліямъ міра, тайна Бога во плоти превратилась, какъ я уже сказалъ, во всемірную славу. Но и теперь сколько еще людей, которые или не познали сей тайны, или, познавъ, не приняли! И что еще прискорбнѣе, даже между тѣми, которые получили оную по наслѣдству отъ отцевъ и праотцевъ, или остаются, или вновь являются такіе, которые не знаютъ, что дѣлать съ сею непонятною тайною; спрашиваютъ, то съ любопытствомъ, — почему для спасенія человѣческаго рода употреблено столь необычайное средство — вопло-

щеніе Божества; то съ сомнѣніемъ, — не ужели безъ сего не возможно спасеніе человѣка. А гдѣ любопытство, тамъ еще нѣтъ чистаго вѣдѣнія; гдѣ сомнѣніе, тамъ еще нѣтъ полной вѣры.

Тайна гонитъ отъ себя прочь любопытство по тому самому, что есть тайна. Она призываетъ къ себѣ вѣру: впрочемъ не возбраняетъ ей мимоходомъ пользоваться пособіемъ скромнаго размышленія, для снятія съ ея пути претыканій, которыя бросаетъ на него сомнѣніе.

Если посему осмѣлиться размышлять о потребности воплощенія Сына Божія насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія: то вѣрующій можетъ положить въ основаніе своего размышленія слѣдующія изреченія Самого Іисуса Христа.

Первое изреченіе: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ; ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Мат. XI. 27.). Что безъ познанія Бога не льзя быть спасену и блаженну, въ томъ не усомнится никто здравомыслящій. Но если сокровище Богопознанія лежитъ сокрыто во внутренности самаго Божества, недоступно по недосязаемой высотѣ Его; если взять изъ онаго себѣ на потребу спасенія можетъ *токмо* тотъ, *емуже аще волитъ Сынъ* Божій *открыти;* а между тѣмъ и Самого Сына Божія, Который *волитъ открыти* человѣку Богопознаніе, *никтоже знаетъ*, *токмо Отецъ*: то какъ же можетъ совершиться спасительное открытіе Богопознанія? — Надобно, чтобы Сынъ Божій, изъ недовѣдомости Божества, которая превыше всѣхъ образовъ познанія,

такъ сказать, выступилъ въ нѣкіе познательные образы, какъ Онъ и нарицается *образомъ Бога невидимаго* (Кол. I. 15.). Но въ какіе образы? — Конечно, ближе къ Божеству, въ духовные. Положимъ такъ. Чрезъ сіе начинаетъ быть понятнымъ, какъ совершается откровеніе Богопознанія небесное, въ духовномъ, Ангельскомъ мірѣ. Но земля не то, что небо; и человѣкъ не то, что Ангелъ. Особенно въ настоящемъ состояніи земли и человѣка, небо и Ангелъ закрыты для земли и человѣка: слѣдственно и откровеніе Богопознанія, свойственное небу и Ангеламъ, не было бы еще откровеніемъ для земли и человѣка. И такъ надобно, чтобы Сынъ Божій, когда Онъ *волитъ открыти* спасительное Богопознаніе нынѣшнему человѣку, снизшелъ еще, и вступилъ въ образы познанія, ближайшіе къ человѣку; чтобы Слово Божіе, не преставая быть Словомъ Божіимъ, вступило въ образы человѣческаго слова; чтобы *образъ Бога невидимаго*, не преставая быть тѣмъ, что Онъ есть, вступилъ въ образы видимые для ока земнороднаго ума; чтобы Онъ явился или въ образахъ преходящихъ, — и вотъ откровенія и видѣнія Святыхъ: или въ образѣ пребывающемъ, — и вотъ воплощеніе Сына Божія.

Второе изреченіе: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV. 6.). Что значитъ пріити къ Богу? — Къ Богу, Который *во свѣтѣ живетъ неприступнѣмъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 16.) въ существѣ Его, — конечно не можетъ человѣкъ притти ни ногами по землѣ, ниже крилами по воз-

духу. Что же значитъ пріити къ Богу? Приходятъ къ тому, отъ кого бываютъ удалены: но какъ можно и удалену быть отъ Бога вездѣсущаго? — *Духъ есть Богъ* (Іоан. IV. 24.): духовно должно быть и шествіе къ Нему. Духовное удаленіе и приближеніе происходитъ преимущественно въ волѣ. Волею грѣховною, злою, человѣкъ удаляется отъ Бога, какъ и сказано въ Писаніи: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Иса. LIX. 7.). Волею покаянною и благою человѣкъ приходитъ къ Богу. И сего-то не можетъ быть безъ воплощеннаго Сына Божія, какъ Онъ Самъ сказуетъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною.* Если ты спросишь: для чего-жъ бы человѣку не пріити къ Богу одною собственною волею, которая свободна? отвѣтствую: въ добрый часъ! Сдѣлай опытъ. Но если будешь внимателенъ: то, безъ сомнѣнія, найдешь и признаешь то, въ чемъ признавались лучшіе насъ съ тобою: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю; не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю* (Рим. VII. 18. 19.). Какъ ни странно предъ глазами разума сіе противорѣчащее само себѣ явленіе въ человѣческой природѣ; но оно давно замѣчено даже и тѣми, которыхъ сему наблюденію не научило Христіанство. и если вникнуть глубже въ причину онаго, то можно удостовѣриться, что такъ и должно быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Источникъ добра и силы есть единъ Богъ. Если человѣкъ стоитъ въ добрѣ, и чрезъ то въ общеніи съ Богомъ: то онъ непрестанно почерпаетъ изъ Бога силу

дѣлать добро; и потому какъ свободенъ желать добра, такъ и силенъ дѣлать оное. Но если онъ допустилъ себя до грѣха, и чрезъ то вошелъ въ разлученіе съ Богомъ: то, по мѣрѣ удаленія отъ Бога, уменьшается для него удобность почерпать отъ Бога силу; и потому, когда воля его, по природной свободѣ своей, дѣлаетъ обратное движеніе къ добру и къ Богу, сила дѣлать добро не отвѣчаетъ хотѣнію дѣлать оное; и человѣкъ не можетъ пріити къ Богу самъ собою, безъ особеннаго, чрезвычайнаго низведенія къ нему силы Божіей; — безъ такого посредства, которымъ бы разстояніе между Богомъ и человѣкомъ было наполнено, раздѣленіе уничтожено, общеніе, ничѣмъ не прерѣкаемое, возстановлено; — безъ посредства, которое бы съ совершеннымъ единствомъ касалось обѣихъ раздѣленныхъ сторонъ, — Бога и человѣка. И такое посредство есть Богочеловѣкъ.

Третіе изреченіе: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16.). Богъ не можетъ дѣлать ничего излишняго и ненадобнаго: ибо сіе было бы не сообразно съ Его премудростію. Итакъ, если Богъ далъ Единороднаго Сына Своего міру: то видно, сіе было нужно. Для чего?—Для того, какъ сказуетъ Самъ Сынъ Божій, *да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.* Не ужели иначе погибъ бы міръ, и не имѣлъ бы живота вѣчнаго?—видно, такъ. Почему?—Чтобы сдѣлать сіе, по возможности, понятнымъ, взойдемъ мыслію къ пача-

лу тварей. Въ книгѣ премудрости написано: *Богъ смерти не сотвори* (гл. I. 13.). Сію строчку изъ книги премудрости Божественной безъ затрудненія можетъ переписать въ свою книгу всякая премудрость человѣческая, если она не совсѣмъ лишена понятія о Богѣ Творцѣ всесовершенномъ. Богъ есть чисто жизненное начало. Тварь, какъ тварь, подвержена перемѣнамъ: но ея перемѣны въ твореніи, и подъ управленіемъ всесовершеннаго Творца, могутъ быть устроены въ порядкѣ, къ совершенству, безъ страданія, безъ разрушенія грубаго, нечистаго, мертваго, даже въ случаѣ разрѣшенія оныхъ на составныя начала, которое можетъ происходить легко и пріятно, какъ на примѣръ (поколику можно найти примѣры въ нынѣшнемъ несовершенномъ устроеніи тварей), разрѣшеніе чистаго елея въ свѣтъ, или разрѣшеніе ладана въ благовонное куреніе. Откуда же безпорядокъ, безобразіе, нечистота, страданіе, разрушеніе, тлѣніе, словомъ: смерть?—Мнѣ кажется, что и естественное разсужденіе не найдетъ на сіе сказать ничего другаго, какъ то, что̀ говоритъ откровенное Богомъ ученіе: *грѣхъ въ мірѣ вниде, и грѣхомъ смерть* (Рим. V. 12). Грѣхъ, какъ отлученіе отъ Бога, есть вмѣстѣ *отчужденіе отъ жизни Божія* (Еф. IV. 18.), и слѣдственно, раньше или позже,—смерть для существа тѣлеснаго, разрушимаго, временная, а для духовнаго, неразрушимаго, вѣчная, потому что, кромѣ Бога, нѣтъ и никогда не будетъ другаго источника жизни. Такимъ образомъ грѣхъ и смерть ручаются въ мірѣ другъ за друга, что они тутъ. Видишь ли владычествующій въ мірѣ грѣхъ:

ты можешь сказать: міръ находится на пути смерти. Видишь ли въ немъ смерть: ты также можешь сказать: міръ, видно, согрѣшилъ, и идетъ къ погибели. Кто не такъ слѣпъ, чтобы не видѣть въ мірѣ владычества ни того, ни другаго, ни грѣха, ни смерти: тотъ можетъ понять, сколь нужно міру избавленіе отъ погибели, дарованіе вновь вѣчной жизни. И для сей-то потребности, Богъ *Сына Своего Единороднаго далъ есть*. Смерть и погибель приходятъ на человѣка, и какъ естественное слѣдствіе удаленія отъ Бога, и вмѣстѣ, какъ дѣйствіе правосудія Божія надъ грѣхомъ. Посему для спасенія человѣка нужно, во-первыхъ, удовлетворить правосудію Божію (потому что никакое свойство Божества не можетъ лишено быть свойственнаго ему дѣйствія; и потому что объявленіе безусловнаго прощенія или ненаказанности, стоящаго уже на пути грѣха человѣка всего легче повело бы далѣе по сему пути, и слѣдственно не ко спасенію, а къ погибели): — во-вторыхъ, вновь ввести въ человѣчество жизнь Божію, которая бы воцарившуюся въ немъ смерть побѣдила и уничтожила. Требованія трудныя, и естественно невозможныя! Удовлетворить правосудію Божію значитъ предать грѣшника вѣчной смерти: за симъ совершенно исчезаетъ для него возможность вѣчной жизни. Какъ и приближить жизнь всесвятаго Бога къ человѣку грѣшнику? Столь рѣзкая противоположность сближаемыхъ крайностей болѣе угрожаетъ истребленіемъ недостойной твари, какъ сѣна отъ огня, нежели обнадеживаетъ спасеніемъ. Что же творитъ Богъ чудесъ? Онъ ввo-

дитъ Свою Ѵпостасную жизнь, Своего Единороднаго Сына, въ малую, избранную долю человѣческаго естества, долгимъ, сокровеннымъ дѣйствіемъ судебъ Его приготовленную, отъ заразительной примѣси грѣха предохраненную, соединяетъ Божество и человѣчество въ единую Ѵпостась Богочеловѣка; низводитъ облеченное человѣчествомъ Божество въ состоянія человѣческія, кромѣ грѣха, даже въ немощи, въ страданія, въ смерть. И что же? — Правосудіе Божіе всесовершенно удовлетворено, потому что въ лицѣ Богочеловѣка человѣчество понесло присужденную себѣ смерть, и понесло вполнѣ, такъ какъ и мгновеніе смерти Богочеловѣка, по соприсутствію вѣчнаго Божества, равняется вѣчности; на удовлетвореніи правосудію основано право Искупителя, простить кающагося грѣшника, безъ пагубной надежды ненаказанности для некающагося; и въ то же время жизнь Божія, низшедшая въ глубину человѣческой смерти, но смертію по своему естеству не одержимая, изъ глубины смерти сіяетъ во все умершее грѣхомъ человѣчество, и вноситъ вѣчную жизнь во всѣ души, которыя ей открываютъ себя вѣрою, а не отражаютъ ея отъ себя невѣріемъ и ожесточеніемъ. *Тако возлюби Богъ міръ.*

Сіи размышленія даютъ мѣсто вопросамъ: какъ же человѣкъ жилъ, дѣлалъ добро, познавалъ Бога еще прежде, нежели совершилось воплощеніе Божества? Какъ живутъ, дѣлаютъ добро, познаютъ Бога и теперь человѣки, не пользующіеся плодами воплощенія Божества? Вопросы, достойные вниманія. Тѣмъ, которые не довольно проникли во внутренность

тайны Бога во плоти, чтобъ изнутри видѣть ея живоносный свѣтъ, испытывать ея спасительную силу, разрѣшеніе предложенныхъ теперь вопросовъ можетъ, по крайней мѣрѣ, отнѣ показать величіе сей тайны, которая одна зиждетъ изъ человѣческаго рода стройное зданіе, съ удивительнымъ единствомъ въ разнообразіи, простирающееся по всѣмъ размѣрамъ пространства и времени, и высотою своею теряющееся въ небесахъ; и внѣ которой человѣчество представляетъ безпорядочныя развалины, рѣдко гдѣ и когда нѣсколько возвышающіяся, вообще же раздробленныя, разсыпанныя, едва поднимающіяся надъ землею.

Какъ жилъ человѣкъ до Христа?—Жилъ въ первоначальной чистотѣ своего сотворенія, посредствомъ общенія съ Богомъ Словомъ, въ Которомъ *животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ въ началѣ* также, какъ и всегда послѣ (Іоан. I. 1 — 4). А съ того времени, какъ грѣхъ разлучилъ человѣка отъ Бога, до Христа, если человѣкъ уже *мертвый прегрѣшеньми* (Еф. II. 5.) внутренно, жилъ еще внѣшно; и если являлись еще въ немъ и нѣкоторые проблески жизни высшей: то жилъ онъ, во-первыхъ, останками жизни, преподанной ему отъ Бога въ началѣ, подобно какъ живетъ черенокъ, отрѣзанный отъ живаго дерева, до истощенія въ немъ живаго сока, или до привитія его вновь къ живому дереву; во-вторыхъ, жилъ предварительными начатками жизни Христовой, которыхъ можно искать далѣе колыбели Виѳлеемской, и ранѣе благовѣщенія Назаретскаго, можно сказать, окончательнаго, а не на-

чинательнаго: ибо въ то самое время, какъ жизнь первоначальная повреждена грѣхомъ, нужно было ввести въ человѣчество врачество Христово; и оно введено словомъ перваго благовѣщенія о воплощеніи Бога Слова: *сѣмя жены сотретъ главу змія* (Быт. III 15.); и съ того времени начало и непрерывно продолжало дѣйтвовать благодатно, какъ можно примѣчать въ Патріархахъ и Пророкахъ. Что касается до естественной жизни человѣчества, поврежденной грѣхомъ; можно ли не примѣчать, и въ прежнихъ временахъ, и нынѣ, какъ она идетъ не къ совершенству, но къ разрушенію и смерти; какъ она съ теченіемъ вѣковъ сократилась въ лѣтосчисленіи личнаго житія, какъ она растрескалась и разсѣлась на несвязныя глыбы, которыя называютъ племенами и народами; какъ она во многихъ чуждыхъ Христа народахъ, низпала до самыхъ низкихъ степеней жизни скотской и звѣрской.

Какъ человѣкъ познавалъ и познаетъ Бога, дѣлалъ и дѣлаетъ добро до Христіанства и безъ Христіанства?—Мой отвѣтъ одинъ: если познавалъ Бога, то познавалъ останками первоначальнаго свѣта въ разумѣ, при помощи благочестиваго преданія; если дѣлалъ что-нибудь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, доброе, то останками первопачальной доброты въ волѣ. Паденіемъ человѣка во грѣхъ, образъ въ немъ Божій сокрушенъ, но не совсѣмъ истребленъ и уничтоженъ; вѣчное Солнце зашло въ душѣ его, но нѣкоторые лучи зари отъ Него еще касаются высотъ ея. И при семъ уменьшившемся свѣтѣ, *невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема*

*видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20.). *Языцы, закона не имуще, естествомъ законная творятъ; — являютъ дѣло законное, написано въ сердцахъ своихъ* (II. 14. 15.). Но скажутъ, можетъ быть: если естественно есть въ родѣ человѣческомъ хотя нѣкоторое познаніе Бога, и хотя нѣкоторое дѣланіе добра: то не могъ ли бы онъ естественными же средствами, при продолжаемыхъ усиліяхъ и взаимномъ содѣйствіи, быть возвышенъ, усовершенъ и спасенъ? Отвѣтъ на сіе не очень труденъ: ибо опыты готовы, надобно только указать на нихъ. Родъ человѣческій, до Христіанства, въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ имѣлъ довольно простора испытывать естественныя свои усилія. Что же онъ выработалъ? — Послѣ древнѣйшихъ преданій о единомъ Богѣ, о непорочности райской, или, какъ говорилось у язычниковъ, о золотомъ вѣкѣ, — многобожіе, идолопоклонство, пороки и злодѣянія, которыхъ однѣ названія ужасаютъ противуестественностію, какъ на примѣръ, не только человѣкоубійство, но и дѣтоубійство, и отцеубійство, и человѣкоядѣніе. Міръ языческій, жалкій въ невѣжествѣ, когда переходитъ въ образованность, становится отвратительнымъ по разврату, который обыкновенно идетъ рядомъ съ нею, и обращаетъ ее въ свое орудіе. Что сдѣлала языческая философія? Привела ли она хотя одинъ языческій городъ или деревню въ познаніе единаго Бога? Не она ли напротивъ изобрѣла сомнѣнія о бытіи Бога и добродѣтели? — Во времена Христіанства легко было разуму зажечь многіе фокусы естественнаго

знанія, при солнцѣ откровенія Божественнаго· но и въ сіи времена, естественный разумъ, вознамѣрясь дѣйствовать безъ Христа, не лишилъ ли себя самыхъ останковъ духовнаго свѣта, не посрамилъ ли себя неистовствомъ, котораго и въ язычествѣ не видано, именно, государственнымъ закономъ провозгласилъ-было безбожіе? Пусть назовутъ сіе случайнымъ припадкомъ, частнымъ безпорядкомъ, злоупотребленіемъ разума въ немногихъ людяхъ, обладаемыхъ страстями, только наружно представившимся въ обширномъ видѣ: не спорю, если хотите; но если это злоупотребленіе, безпорядокъ, болѣзнь; то гдѣ же благоупотребленіе, порядокъ, здравіе разума естественнаго, безъ высшаго управленія откровеніемъ, безъ врача Христа? Пусть покажутъ, если могутъ, въ болѣе обширномъ, или хотя не въ меньшемъ видѣ, общественное дѣйствованіе такого разума къ совершенству и блаженству рода человѣческаго! И кто можетъ поручиться, что его злоупотребленіе, безпорядокъ, болѣзнь не возвратятся многократно, въ новыхъ, по обстоятельствамъ, видахъ, съ новою жестокостію, если вы оставите его безъ высшаго попечительства, и предоставите ему независимое владычество; если, прежде несбыточной отъ него заслуги, провозгласите его спасителемъ рода человѣческаго? Поистинѣ, довольно печальныхъ опытовъ для удостовѣренія, что самоспасеніе человѣчества, естественными средствами и усиліями разума, есть не болѣе, какъ мечтаніе и болѣзненный бредъ духовно недугующаго человѣчества. Лучшій и дѣйствительно спасительный подвигъ разума человѣ-

ческаго къ совершенству и блаженству человѣчества можетъ состоять только въ томъ, чтобы безпристрастно извѣдать и измѣрить свои силы, средства, недостатки, для сей великой цѣли; понять возможность, признать потребность откровенія свыше: приближиться *къ великій благочестія тайнѣ,* положить къ ея стопамъ свое оружіе и свой вѣнецъ; и предать себя въ благородный плѣнъ, въ свободное послушаніе вѣрѣ въ *Бога явльшагося во плоти.*

Христіане, чада Вѣры, наслѣдники Откровенія, хранители тайны Божіей! Благословимъ Бога таинъ и откровеній. Прославимъ Богочеловѣка, Начальника и Совершителя вѣры. Сохранимъ тайну Божію, толико снисходительно намъ ввѣренную. Помыслимъ также при семъ, что неприлично было бы хранить тайну благочестія въ душѣ и жизни нечистой. Должно хранить святое и Божественное сокровище въ ковчегѣ отъ злата чиста, — *таинство вѣры въ чистой совѣсти* (1 Тим. III. 9.). Аминь.

# 4. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Рече Маріамъ: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему* (Лук I. 38.). Вотъ слова земныя, но которыя, подобно небеснымъ, чище искушеннаго сребра, вожделѣннѣе злата, цѣннѣе драгоцѣнныхъ камней! Вотъ сокровище, котораго пять тысячъ лѣтъ небеса искали на землѣ, и которое открыть посланъ былъ одинъ изъ ближайшихъ предстоятелей небеснаго Престола!

Подлинно, Архангелъ Гавріилъ не только принесъ Дѣвѣ Маріи слово Божественнаго благовѣщенія, но и взыскалъ услышать отъ Нея слово соотвѣтствія. Когда онъ произнесъ только слово привѣтствія: *радуйся, благодатная: Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ*: благовѣщеніе о Спасителѣ міра почти уже совершилось; потому что симъ ознаменована и указана Матерь Господня. Но какъ Дѣва смутилась и, размышляя, молчала: то Архангелъ продолжилъ и усилилъ слово благовѣще-

нія: *родиши Сына; — Сей будетъ велій и Сынъ Вышняго наречется; — Царствію Его не будетъ конца.* Теперь благовѣщеніе со стороны Архангела рѣшительно совершилось: но еще онъ не почитаетъ дѣла своего посольства конченнымъ, потому что не то, котораго ждетъ, слышитъ слово· *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?*—Наконецъ онъ разрѣшаетъ вопросъ: *Духъ Святый найдетъ на тя,*—и получаетъ взыскуемый отвѣтъ: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему.* И вотъ искомое сокровище открыто. Радостнымъ благовѣщеніемъ отъ неба пріобрѣтено благовѣщеніе отъ земли небу, взаимно вожделѣнное. Небесное посольство совершенно достигло своей цѣли. *И отъиде отъ нея Ангелъ.*

Чтожъ это значитъ?—что значитъ, что воплощеніе Сына Божія предваряется небеснымъ благовѣщеніемъ, и что сіе благовѣщеніе не только изрекается вседержавною волею Господа, но и взыскуетъ соизволенія рабы Его? Развѣ Вседержитель не властенъ дѣйствовать, не предваряя и не ожидая соизволенія? Для чего такъ нужны небу сіи земныя слова: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему?*— Нужно сіе было и для достоинства Матери Господней, и для самаго дѣла воплощенія Бога Слова.

Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что, для избранія быть Матерію Господнею, требовалось въ избираемой высочайшее, возможное на земли, достоинство. Но въ чемъ состоять можетъ достоинство существа разумнаго и свободнаго, если не въ чистыхъ и возвышенныхъ воззрѣніяхъ ума и движеніяхъ свободной воли?—Надлежало дать имъ мѣсто,

чтобы основалось, утвердилось и, къ утѣшенію и назиданію нашему, явилось въ Дѣвѣ Маріи достоинство Матери Господней. Ея смущеніе отъ высокаго Архангелова привѣтствія было движеніе души глубоко смиренной. Удержаніе сего смущенія въ молчаливомъ размышленіи знаменовало мудрость, твердость и спокойное величіе духа. Въ вопросѣ: *како будетъ сіе, идъже мужа не знаю?* — проявлялась неизмѣнная любовь къ чистотѣ дѣвства. Наконецъ въ рѣшительномъ изреченіи: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему*,—изрекло себя послушаніе вѣры.

Если, какъ учитъ Апостолъ, *вѣрою вселяется въ сердца Христосъ* (Ефес. III. 17.), уже приближившійся къ человѣчеству, и пріобщившійся онаго воплощеніемъ: то колико превосходнѣйшая и крѣпчайшая вѣра потребна была Дѣвѣ Маріи, дабы первоначально воплощеніемъ вселился въ Нее Сынъ Божій, такъ еще не близкій къ человѣчеству, и по недоступной ни для какой твари высотѣ Своего Божества, и по причинѣ средостѣнія, которое грѣхъ поставилъ между Божествомъ и человѣчествомъ! И обрѣлась въ Ней такая вѣра, и содѣлала для Нея возможнымъ чистое и совершенное послушаніе, — призванію непостижимому послушаніе безъ сомнѣнія, призванію безпримѣрно-высокому послушаніе безъ превозношенія. И сіе послушаніе преклонило душу Ея подъ осѣненіе Духа Святаго, соединило волю Ея съ волею Божіею, отверзало сердце Ея для входа силы Вышняго; и Вѣчный Свѣтъ пришелъ и засвѣтилъ въ Ней жизнь, повую не только для зем-

ли, но и для неба, небесную въ земной, вѣчную во врѣменной, Божескую въ человѣческой, всеоживляющую въ умирающей. *И Слово плоть бысть, и вселися въ ны.*

*Дивна дѣла Твоя, Господи! Дивны твоя тайны, Богородице!* Кто слышитъ Твой тихій глаголъ въ Твоей затворенной молитвенной храминѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою Твое малое слово? Міръ ощущаетъ ли сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую измѣняются отношенія между землею и небомъ? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нѣкая дщерь царей, называющая себя *рабою Господнею*, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излетѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и кумирницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на гласъ Евреянки сходитъ съ неба невѣдомая дотолѣ Премудрость, Которая обуитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергнетъ, но младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя?—Что я говорю?—Іерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и *безпрестанно день и нощь служаще надъ-*

*ются дойти* (Дѣян. XXVI. 7.) до исполненія, — дослужились ли они до познанія, что, пройдя обширную область обѣтованія, въ сей день или въ сію нощь, внезапно приближились они къ предѣлу исполненія, и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книжники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исаіи: *се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*, и едва ли не столько же разъ недоумѣвали о семъ, — думаютъ ли они, что провидѣнная Пророкомъ Дѣва, и уразумѣла уже сіе пророчество, и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Іосифъ, уже не совсѣмъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившій Ее себѣ съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть дѣвою, — знаетъ ли, что въ слѣдъ за симъ Она обручается Духу Святому, чтобы содѣлаться Матерію Господа? Въ цѣломъ мірѣ никому, кромѣ единыя, не вѣдомо благовѣщеніе Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствуетъ огласить весь міръ, когда совершится. И услышавъ рано простыя, по-видимому, слова благовѣщенія Маріина: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему*, — кто исчерпалъ бы весь ихъ разумъ, ощутилъ бы всю ихъ силу? А ихъ разумъ сливается съ бездною разума Божія, и объемлетъ время и вѣчность; ихъ сила сопрягается съ силою Вышняго, и преобразитъ землю и наполнитъ небо. — Смиритесь, пытливые изслѣдователи! Чудитесь и радуйтесь, смиренные созерцатели! Брось, кичливый разумъ, ломкія оружія своевольнаго мудрованія, и возлюби свободный плѣнъ вѣры!

Ты же, благомысленно ищущая своего спасенія, душа, вразуми себя словомъ и примѣромъ Преблагословенныя Дѣвы, какъ высоко возводитъ, какъ многое совершаетъ, какъ совершенно благоугождаетъ Богу скромная и неблистательная, по видимому, добродѣтель, — послушаніе вѣры.

*Послушаніе*, по имени своему, есть *послѣдованіе* тому, что̀ *слышимъ*, какъ наставленіе, или какъ повелѣніе. Но въ высшемъ, существенномъ, духовномъ значеніи, подъ именемъ послушанія разумѣется послѣдованіе воли человѣческой, какъ сотворенной и зависимой, волѣ Божіей, какъ творческой и вседержавной.

Изъ сего понятія тотчасъ открывается обязанность, польза и важность послушанія.

Твари ли возставать противъ Творца? Рабу ли земному воздвигать мятежъ противъ Небеснаго Владыки? Не совсѣмъ омраченный разумъ, не совсѣмъ ожесточенное сердце, общими силами, отражаютъ сію нелѣпую несообразность. Разумъ и сердце согласно изрекаютъ обязанность послушанія воли человѣческой волѣ Божіей.

Воля Божія не погрѣшительна. Слѣдственно послушаніе волѣ Божіей должно предохранить или избавить человѣка отъ погрѣшностей и заблужденій.

Воля Божія всеблага. Слѣдственно послушаніе волѣ Божіей должно вести человѣка ко всякому благу.

Тварь безъ Творца есть ничто. Силою только Творца она есть нѣчто. Что̀ же будетъ значить воля

человѣка, если она не прилѣпится къ волѣ Божіей послушаніемъ, если отторгнется отъ нея непослушаніемъ?

Нѣкогда первый человѣкъ блаженствовалъ: почему? потому что послѣдовалъ всеблагой волѣ Божіей. Онъ палъ съ высоты своего блаженства: какимъ образомъ? — Его воля отпала отъ воли Божіей, и впала въ чувственныя пожеланія. Преслушаніе, грѣхъ, смерть: это звѣнья одной цѣпи; взявшійся за первое звѣно влечетъ самъ къ себѣ послѣднее, — и, о если бы всегда не болѣе, какъ только самъ къ себѣ! Напротивъ, *ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози* (Рим. V. 19.). *Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде* (ст. 12.).

Надобно ли врачевать отъ всеобщей смертоносной болѣзни бѣдное человѣчество? — Можно догадаться, что весьма нужный врачебный пріемъ должно составлять то качество, утрата котораго была началомъ болѣзни, то есть, послушаніе. Съ симъ точно врачевствомъ и пришелъ на землю Небесный Врачь. Смотрите, какъ Онъ, будучи Самъ безболѣзненъ, въ Самомъ Себѣ приготовляетъ врачевство для больнаго рода человѣческаго, и какъ врачуетъ его, — именно послушаніемъ. *Смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II. 8.). *Послушаніемъ Единаго праведни будутъ мнози* (Рим. V. 19.). *Аще и Сынъ бяше, обаче навыче отъ сихъ, яже пострада, послушанію, и совершився бысть всѣмъ послушаю-*

*щимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. V. 8. 9.).

Есть послушаніе любви, послушаніе страха, послушаніе вѣры. Въ началѣ человѣкъ жилъ, какъ сладкою пищею, послушаніемъ любви къ Богу всеблагому и всесовершенному. Но послѣ того, какъ сію блаженную жизнь отравилъ онъ вкушеніемъ запрещеннаго, ему нужно, какъ врачевство, иногда не безъ горечи, употреблять послушаніе страха предъ Богомъ, праведнымъ Судіею, и потомъ послушаніе вѣры въ Бога и Христа, Помилователя, Исцѣлителя и Спасителя, дабы наконецъ, по мѣрѣ исцѣленія, вновь питаться сладкою и безсмертною пищею, — послушаніемъ любви. Такъ отъ послушанія зависитъ духовная жизнь человѣка и Христіанина; почему слово Апостолькое и нарицаетъ Христіанъ *чадами послушанія* (1 Петр. I. 14.).

Если бы мыслъ питаться и жить послушаніемъ показалась кому только представленіемъ воображенія, изысканнымъ и преувеличеннымъ, а не представленіемъ ума, почерпнутымъ изъ существа дѣла: таковый пусть вспомнитъ изреченіе непогрѣшительнаго Учителя, въ словѣ Котораго не льзя предполагать изысканности или преувеличенія. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV. 5.). Какъ это сдѣлать, чтобы человѣкъ былъ во Христѣ, и Христосъ въ человѣкѣ, чтобы человѣкъ соединился со Христомъ, подобно какъ съ виноградною лозою вѣтвь ея? — Не иначе можно, какъ по-

слушаніемъ вѣры, свободною преданностію сердца и безмолвно покорной воли человѣка вседѣйствующей волѣ Христовой. Такимъ образомъ послушаніе вѣры дѣйствительно вводитъ въ человѣка силу и жизнь Христову, почему и дѣятельность такого человѣка нерѣдко бываетъ далеко возвышеннѣе и могущественнѣе обыкновенной, свойственной человѣку, дѣятельности.

Неразумѣвающій, или ищущій отговорки можетъ сказать: какъ можно даже *жить*, то есть, непрестанно заниматься послушаніемъ волѣ Божіей? Не ужели не оставить мѣста своей волѣ, которая отъ природы есть, и которой уничтожить не можно? И можно ли въ каждую минуту знать волю Божію? Счастливы избранные, къ которымъ для сего Богъ посылалъ Своихъ вѣстниковъ; но и для избранныхъ такіе случаи были рѣдки. — Кто говоритъ такимъ образомъ, тотъ доказываетъ не то, что дѣло совершеннаго послушанія не удобно, а то, что не упражняющійся въ дѣлѣ, не знаетъ, какъ оно дѣлается.

Если искренно желаешь знать волю Божію: есть и для тебя Ангелъ, который близокъ и готовъ. Это твоя совѣсть. Внимай совѣсти твоей; не заглушай тонкаго гласа ея шумомъ страстей твоихъ: и будетъ открываться тебѣ воля Божія; и будешь на пути послушанія.

Есть и болѣе удостовѣрительное и болѣе полное возвѣщеніе воли Божіей, которое можешь читать въ священныхъ книгахъ, слышать въ церкви, видѣть въ примѣрахъ Святыхъ. Внимай сему; и воля Божія

болѣе уяснится тебѣ, и послушаніе сдѣлается болѣе удобнымъ и вѣрнымъ.

Все въ мірѣ происходитъ подъ управленіемъ Провидѣнія Божія, и слѣдственно все по волѣ Божіей, поколику не по волѣ человѣческой. Итакъ во всемъ, что̀ тебя постигаетъ, можешь познавать волю Божію. Приходитъ благополучіе, и благовѣствуетъ тебѣ волю Божію, чтобы ты благодарилъ Бога. Приходитъ бѣдствіе, и возвѣщаетъ тебѣ волю Божію, чтобы ты терпѣлъ. И послушаніе можетъ являться не только въ томъ, чтобы дѣйствовать по волѣ Божіей, но и въ томъ, если не дѣйствуешь противъ воли Божіей, и наипаче, если безропотно страждешь по волѣ Божіей. Умѣй вѣстнику высшаго жребія сказать смиренно: *буди мнѣ по глаголу твоему*. Но учись также и при видѣ креста сказать великодушно: *не якоже азъ хощу, но якоже Ты*, Отче небесный!

Впрочемъ, хотя истина и добродѣтель доступны всѣмъ, однако никакъ не излишни, а часто необходимы особые учители, по роду знанія, особые руководители, по роду подвиговъ. Такъ и для успѣха въ духовномъ послушаніи, поколику можешь, поколику внутренно чувствуешь особенную нужду, избери себѣ особеннаго наставника, свѣдущаго и опытнаго въ сей наукѣ, благословеннаго на сіе служеніе, котораго слово сильно жизнію, свѣтло молитвою, охранено отъ заблужденія смиреніемъ. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога небеснаго сойдетъ къ тебѣ на землю, и твое простое земное послушаніе будетъ достигать до

неба, по реченному къ истиннымъ и законнымъ наставникамъ отъ Дающаго пастырей и учителей: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ.*

Правда, послушаніе Богу посредствомъ человѣка издревле вынесло свои училища изъ жизни обыкновенной, отдѣлило ихъ отъ общежитія мірскаго, создало себѣ особыя обители, въ которыхъ и приносило, и приноситъ свои плоды для неба и для земли. Но наука, которую преподавать удобнѣйшимъ признаю въ тишинѣ загородной, должна ли потому считаться совсѣмъ ненужною и безполезною для города?

Сыны вѣка сего желаютъ все больше и больше простора собственной волѣ. Къ чему сіе ведетъ? — Не къ тому ли, что̀ нѣкогда предсказывалъ Пророкъ: *будутъ людіе, аки жрецъ, и рабъ, аки господинъ, и раба, аки госпожа: будетъ купуяй, яко продаяй, и взаимъ емляй, аки заимодавецъ* (Иса. XXIV. 2)? Но что̀ будетъ во время сего неограниченнаго простора собственной воли? — Пророкъ сказуетъ: *се Господь разсыплетъ вселенную и опустошитъ ю.* То есть, Онъ попуститъ своеволію наказать самому себя тѣми безпорядками, которые оно производитъ.

И послѣ всѣхъ временныхъ наказаній, знаете ли, что̀ дастъ пищу адскому огню? Ничто болѣе, какъ собственная воля съ ея порожденіями, то есть, грѣхами. Отложите собственную волю; и адъ не найдетъ въ васъ для себя пищи. Воспріимите волю Божію, и пріимете въ себя небо, доколѣ оно васъ въ себя пріиметъ. Гдѣ воля Божія, тамъ небо.

Но легко ли разстаться съ свободою, которая человѣку естественна? — Кто требуетъ отъ тебя, чтобы ты разстался съ свободою? Богъ даровалъ тебѣ свободу, чтобы ты свободно сдѣлалъ выборъ между зломъ и добромъ, между тварію и Творцемъ, между собою и Богомъ. Если изберешь себя, тварь, зло: пойдешь въ плѣнъ самолюбія, тварей, зла. Если изберешь, и непрестанно будешь избирать добро, Бога, и Его волю: не утратишь, а утвердишь и расширишь свою свободу. *Идѣже бо Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III. 17.).

Но легко ли иногда преломить собственную волю?—Иногда трудно, иногда и легко, смотря потому, какъ ты самъ себѣ дѣлаешь сіе труднымъ, или легкимъ. Когда ты хочешь исполнить волю возлюбленнаго отца или матери: не легко ли тебѣ забывать свою волю, не пріятно ли даже приносить ее въ жертву? Кто препятствуетъ тебѣ посредствомъ вѣры и любви сдѣлаться сыномъ Божіимъ, и сдѣлать себѣ сладостнымъ послушаніе волѣ Отца Небеснаго?

*Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да будетъ воля Твоя* во всѣхъ насъ! Аминь.

# 5. СЛОВО

**ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.**

*Рече же Маріамь: се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему.* Лук. I. 38.

Не великія, по видимому, слова, но великое дѣло въ нихъ заключается.

И всѣ мы нерѣдко называемъ себя *рабами*, даже рабами человѣковъ, правда не всегда съ готовностію на самомъ дѣлѣ быть тѣмъ, чѣмъ себя называемъ; но иногда и самымъ дѣломъ, даже безъ нужды и обязанности, раболѣпствуемъ человѣкамъ. Трудно ли, по видимому, назвать себя *рабомъ* или *рабынею Господа*, которому мы всѣ, по необходимости, рабы, желаемъ ли, или не желаемъ быть и называться таковыми? *Глаголомъ Его* все сотворено въ началѣ, и донынѣ, когда ни посылаетъ Онъ глаголъ Свой на землю, глаголъ сей не можетъ возвратиться къ Нему тощь. Посему не трудно,

кажется, и то, чтобы на посланный отъ Него глаголъ отвѣтствовать изъявленіемъ согласія, *да будетъ по глаголу Его*, такъ какъ сіе уже должно быть непремѣнно.

Разсуждая такимъ образомъ, безъ вниманія оставили бы многіе, а, можетъ быть, нѣкоторые и оставляютъ безъ вниманія, слова Маріами: но дѣло, которое открывается въ слѣдъ за ея словами, должно пробудить все вниманіе каждаго мыслящаго. Во дни творенія міра, когда Богъ изрекалъ Свое живое и мощное: *да будетъ*, слово Творца производило въ міръ твари: но въ сей безпримѣрный въ бытіи міра день, когда Божественная Маріамъ изрекла свое кроткое и послушное *буди*,— едва дерзаю выговорить, что̀ тогда содѣлалось,—слово твари низводитъ въ міръ Творца. И здѣсь Богъ изрекаетъ Свое слово: *зачнеши во чревѣ и родиши Сына* (Лук. 1. 31);— *Сей будетъ великій* (32);— *воцарится въ дому Іаковли во вѣки* (33): но,— что опять дивно и непостижимо, — самое слово Божіе медлитъ дѣйствовать, удерживаясь словомъ Маріи: *како будетъ сіе* (34)? Потребно было Ея смиренное: *буди*, чтобы воздѣйствовало Божіе величественнное: *да будетъ*. Что жъ за сокровенная сила заключается въ сихъ простыхъ словахъ: *се раба Господня: буди Мнѣ по глаголу Твоему*, и производитъ столь необычайное дѣйствіе? — Сія чудная сила есть чистѣйшая и совершенная *преданность* Маріами Богу, волею, мыслію, душею, всѣмъ существомъ, всякою способностію, всякимъ дѣйствіемъ, всякою надеждою и ожиданіемъ.

Христіане! О если бы каждый изъ насъ, хотя помалу пріобщился сей Богодѣйственной силы, молитвами Преблагословенныя Дѣвы! Се раби Господни, и раби Твои, Мати Господня! Буди намъ по образу Твоему!

Да будетъ, братія, примѣръ Пресвятыя Дѣвы наставникомъ нашимъ въ *истинной Богу преданности.*

Преданность Богу есть такое расположеніе духа, по которому человѣкъ всего себя, все, что ему принадлежитъ, все, что съ нимъ случиться можетъ, предоставляетъ волѣ и провидѣнію Божію, такъ что самъ остается только стражемъ своей души и тѣла, какъ стяжанія Божія. Къ сему расположенію приготовляетъ человѣка внимательное наблюденіе надъ собственными усиліями сдѣлать себя совершеннымъ и благополучнымъ. Желаетъ онъ сдѣлаться мудрымъ; образуетъ свои способности; напрягаетъ силы ума; подкрѣпляетъ себя силами другихъ избранныхъ умовъ; составляетъ себѣ образъ вѣдѣнія: что же? Между тѣмъ, какъ онъ старается уяснить для себя въ семъ образѣ одну черту, другая въ немъ затмѣвается, пресѣкается, исчезаетъ; по той мѣрѣ, какъ расширяетъ кругъ своихъ познаній, за чертою знаемаго еще обширнѣе открывается область недовѣдомаго; истина, давно признанная за достовѣрную, приводится въ сомнѣніе вновь открытою истиною; конецъ самодѣятельныхъ изысканій, по признанію безпристрастнѣйшаго изъ древнихъ мудрецовъ, есть открытіе того, что человѣкъ самъ собою ничего не знаетъ. Желаетъ онъ сдѣлаться добрымъ; старается

познать законъ справедливости; возбуждаетъ сердце свое къ добродѣтельнымъ чувствованіямъ; предпріемлетъ добрыя дѣла: что же и здѣсь? Опытъ доказываетъ, что желаніе быть добрымъ нерѣдко бываетъ слабѣе страсти, влекущей къ пороку, и ею побѣждается; что познанный законъ предлагаетъ добро, но не даетъ силы творить оное; что добродѣтельныя чувствованія, изъ жестокаго сердца, какъ огонь изъ кремня, высѣкаются съ трудомъ, а легко угасаютъ, въ мягкомъ же сердцѣ, хотя и скоро возгараются, какъ огонь во льну, но такъ же тлятся слабо и не долго; что дѣла, внѣшнею своею стороною добрыя, со внутренней стороны своей часто бываютъ осквернены нечистыми побужденіями: своекорыстіемъ, самоуслажденіемъ, тщеславіемъ; что природа человѣческая, какъ принужденъ былъ признать въ новѣйшія времена одинъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей, такъ называемаго, нравственнаго разума, изъ самаго корня своего зло производитъ. По таковымъ опытамъ, что могутъ обѣщать и усилія сдѣлать себя благополучными?— Гдѣ недостаетъ истиннаго блага: тамъ истинное благополучіе конечно невозможно. Правильное слѣдствіе сихъ опытовъ, тщательно и безпристрастно наблюдаемыхъ, должно быть то, что человѣкъ потеряетъ надежду на самого себя, и, если не хочетъ погибнуть, — поелику внѣ дѣйствительнаго благополучія, и внѣ надежды, ничего не льзя найти, кромѣ погибели, — какъ бы по необходимости вознесетъ желаніе и надежду свою къ Богу, и, еще не предвидя, и не предчувствуя, какимъ образомъ

она можетъ совершиться, предастъ себя Ему, какъ разстроенную собственность, которою владѣтель располагать не умѣетъ.

Начавъ предаваться Богу, человѣкъ встрѣчаетъ другіе опыты, совсѣмъ противоположные тѣмъ, которые имѣлъ онъ, управляя самъ собою. Прежде собственныя усилія познать истину едва производили въ немъ слабый, кратковременный свѣтъ, оставлявшій по себѣ сугубую тьму: теперь изъ самой тьмы, въ которой онъ повергается предъ Отцемъ свѣтовъ, раждается для него внезапный свѣтъ: а если оставляется онъ иногда и во тьмѣ, то и въ ней познаетъ непостижимую близость Того, Который есть Свѣтъ превыше свѣта. Прежде усилія дѣлать добро или совсѣмъ подавляемы были въ немъ злыми склонностями, или производили несовершенное дѣйствіе: теперь, когда онъ положилъ сердце свое въ силу Божію, въ самой немощи его начитаетъ совершаться сила Божія, разрушающая зло и созидающая благо. Прежде наилучше обдуманныя предначертанія его къ устроенію своего благополучія или не исполнялись, или въ самомъ исполненіи оказывались неудовлетворительными: теперь онъ не дѣлаетъ никакихъ собственныхъ предначертаній, но со дня на день болѣе усматриваетъ великій чертежъ Провидѣнія, по которому, не смотря ни на какія препятствія,—кромѣ одного препятствія, которое полагало прежде его упорство и невѣріе, — постепенно устрояется его спасеніе. Прежде успѣхи надмѣвали его, неудачи повергали въ уныніе, прошедшее терзало раскаяніемъ, настоя-

щее озабочивало, будущее устрашало: теперь и благопріятныя событія пріемлетъ онъ съ чистою радостію, потому что видитъ въ нихъ милость и даръ Божій, и неблагопріятныя съ надеждою, потому что усматриваетъ въ нихъ обличеніе своего недостоинства, наставленіе къ смиренію, очищеніе и приготовленіе къ лучшему; раскаяніе не есть уже огнь, пожирающій душу его, но тихій дождь, ее орошающій, потому что онъ погрузилъ грѣхи свои въ кровь и воду, истекшую изъ ребра Спасителева; нѣтъ для таковаго человѣка слишкомъ тяжкой заботы, потому что онъ всю печаль свою возвергъ на Господа; нѣтъ страха, потому что онъ живетъ подъ кровомъ Всемогущаго; прошедшее для него не потеряно, настоящее безопасно, будущее вѣрно,—въ рукахъ Вѣчнаго. Прежде въ самыхъ дѣлахъ благоугожденія Богу, онъ суетился, подобно изображенной въ Евангеліи Маѳѣ, и производилъ много молвы, не пріобрѣтая тѣмъ совершеннаго благоволенія Божія: теперь, подобно Маріи, безмолвенъ и недвижимъ, пребываетъ онъ у ногъ своего Спасителя, и, съ минуты на минуту наполняясь жизнію слова Его, во глубинѣ души своей обрѣтаетъ свидѣтельство, что онъ *избралъ благую часть, которая не будетъ отнята у него* (Лук. X. 42.). Такимъ образомъ преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перераждается въ живое чувство сердца; вынужденная, такъ сказать, уступка того, чего не умѣли сберечь, превращается въ свободное даяніе того, что симъ единственно способомъ надѣются сохранить; человѣкъ повергаетъ себя невоз-

вратно, какъ убогую лепту, въ сокровищницу Божества, не мечтая увеличить ею сокровище Божіе, но вѣруя и уповая, что тамъ она не будетъ потеряна, и, сколь ни малоцѣнна, употреблена будетъ, вмѣстѣ съ безчисленными талантами, на созиданіе живаго храма живому Богу.

Говорятъ, что это значитъ сложить навсегда руки, сѣсть, и ожидать своего спасенія. Совсѣмъ нѣтъ! Если кто въ самомъ дѣлѣ такое составилъ себѣ понятіе о преданности Богу, и поступаетъ по сему понятію: тотъ въ заблужденіи; онъ предается не Богу, но лѣности. Человѣкъ, не преданный Богу, не тѣмъ отличается, что онъ дѣйствуетъ, но тѣмъ, что дѣйствуетъ по собственной волѣ, полагаясь на собственный разумъ; подобно и преданный Богу не тѣмъ отличается, что не дѣйствуетъ, но тѣмъ, что не дѣйствуетъ по собственной волѣ и разуму. Какъ не преданный Богу можетъ быть въ бездѣйствіи: такъ напротивъ и преданность Богу не исключаетъ дѣйствованія,— дѣйствованія по волѣ Божіей и по Духу Божію. Положить талантъ свой въ землю, безъ сомнѣнія, не то, что положить его въ руку торжника. Ты отдалъ сокровище свое въ искусныя и вѣрныя руки; ты себя обезпечилъ: но сверхъ того можешь сему самому торжнику предоставить и свои руки, дабы онъ употребилъ ихъ по своему искусству къ совершенію своихъ оборотовъ; и тогда получишь сугубое пріобрѣтеніе. Такъ желающій стяжать душу свою, предаетъ сіе сокровище Искупителю душъ, и успокоевается въ Немъ вѣрою, надеждою и любовію: но въ тоже вре-

мя сему всеобщему Стяжателю всѣ свои способности и силы представляетъ въ дѣятельныя орудія къ совершенію великаго оборота, чрезъ который цѣною земнаго, тлѣннаго, ничтожнаго должно быть пріобрѣтено небесное, нетлѣнное, Божественное.

Если послѣ сего найдетъ еще кто нужнымъ спросить, почему собственно для усовершенія и облаженствованія человѣка требуется преданность Богу? вотъ отвѣтъ: — по тому, что человѣкъ потерялъ совершенство и блаженство, похитивъ себя у Бога, который не только, по всеобщему праву Вседержителя, обладалъ имъ, но и особенно усвоилъ его Себѣ, положивъ на немъ Свою печать, — Свой образъ. Собственная воля твари отторгла третію часть неба, и зажгла въ ней адъ; собственная воля заразила природу человѣческую грѣхомъ и смертію, и весь міръ проклятіемъ; и дотолѣ не престанетъ производить всѣ виды зла, доколѣ не будетъ всецѣло предана Богу, который единъ силенъ вновь проникнуть ее благословеніемъ, жизнію, святынею и блаженствомъ небеснымъ.

Посему слово Божіе часто напоминаетъ намъ о сей преданности, въ отношеніи ко внутреннему и внѣшнему, ко временному и вѣчному. *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворитъ* (Псал. XXXVI. 5.). *Приближи ко Господу дѣла твоя, и утвердятся помышленія твоя* (Притч. XVI. 3.). *Смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время, всю печаль вашу возвергше нань, яко Той печется о*

*васъ* (1 Петр. V. 6. 7.). *Отче нашъ! Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Матѳ. VI. 9.).

Все великое, что представляетъ намъ слово Божіе, совершилось великою преданностію Богу.

Кто не знаетъ Авраама и его великой жертвы? Какъ возмогъ онъ поднять смертоносную руку на сына, о которомъ получилъ потомственныя обѣтованія? Какъ не усомнился онъ? Какъ не сказалъ Богу: не Ты ли, Господи, обѣщалъ, что *во Исаакѣ наречется мнѣ сѣмя* (Быт. XXI. 12.)? Гдѣ же будетъ сіе сѣмя, когда отрокъ Исаакъ сгоритъ на жертвенникѣ? - Патріархъ не имѣлъ въ сіе время ни помышленія, ни желанія, ни дѣйствія собственнаго; все предалъ онъ Богу, *паче упованія во упованіе вѣруя* (Рим. IV. 18.); и такимъ образомъ и вожделѣнную жертву принесъ, и вожделѣннаго сына не лишился, и благословеніе надъ собою усугубилъ. *Воистинну*, сказано ему, *благословляя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, — и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 17. 18.). Такимъ образомъ преданность есть лучшая Богу жертва и вѣрнѣйшій залогъ Его благословеній.

Кто не слыхалъ о Іовѣ, котораго добродѣтель проповѣдывалъ Самъ Богъ предъ собраніемъ небесныхъ силъ? Но въ чемъ состоитъ сила его добродѣтели, если не въ преданности Богу, Котораго непостижимымъ судьбамъ съ благодарностію предалъ онъ себя, и дѣтей, и богатство, и здравіе, и чрезъ то содѣлалъ ничтожными всѣ усилія врага добродѣтели и блаженства человѣческаго? *Господь*

*даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословено* (Иов. I. 21.). Такая преданность Богу есть безопасная ограда отъ всѣхъ искушеній

Посмотрите и на Моисея въ ужасную минуту, когда предъ нимъ море, а за нимъ войско Египетское. Народъ вопіетъ къ Богу; ропщетъ на вождя: но что вождь? Онъ не приготовляетъ народъ къ брани, не ищетъ пути къ бѣгству, не воздвигаетъ чудодѣйственнаго жезла, не произноситъ даже ни одного молитвеннаго слова къ Богу. Что сіе значитъ?— Онъ предался Богу, и вводитъ народъ въ сію преданность: *Господь поборетъ по васъ, вы же умолкните* (Исх. XIV. 14.). Все умолкло: но молчаніе сіе громко раздалось на небесахъ, и подвигло чудодѣйственную силу Божію. *И рече Господь къ Моисею: что вопіеши ко Мнѣ? рцы сыномъ Израилевымъ, и да путешествуютъ; — и да внидутъ сынове Израилевы посредъ моря по суху* (Исх. XIV. 15. 16.). Здѣсь видно, что преданность Богу есть самая крѣпкая и дѣйственная молитва.

Но,— чтобы вкратцѣ сказать все для Христіанина, — чѣмъ начинается высочайшее дѣло Христово? — Преданностію Сына Божія волѣ Бога Отца Своего. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Псал. XXXIX. 9.), глаголетъ Онъ, нисходя къ воплощенію. Чѣмъ оканчивается сіе дѣло?—Тою же преданностію. *Не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXIV. 39.). *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. XXIII. 46.). Итакъ преданность Богу есть и начало, и совершеніе Христіанства и вѣчнаго спасенія.

Заключимъ сіе ученіе увѣщаніемъ, которымъ Церковь заключаетъ большую часть молитвенныхъ провозглашеній, дабы непрестанно питать въ насъ духъ преданности, которымъ дышетъ и живетъ истинное Христіанство: *пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и присподьву Марію со всѣми Святыми помянувше, сами себе, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.* Аминь.

# 6. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*И рече Маріамь: величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы Своея: се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* Лук. I. 46—48.

Наконецъ безмолвная Маріамь говоритъ; и слово Ея, исполненное духомъ, какъ рѣка, течетъ и играетъ, какъ ѳиміамъ, восходитъ и благоухаетъ, какъ молнія, сіяетъ и озаряетъ. Прочитанное теперь начало торжественнаго слова, произнесеннаго Ею, когда Елисавета въ первый разъ привѣтствовала Ее наименованіемъ *Матери Господа*, какъ много уже въ себѣ заключаетъ! Она славитъ Бога, и возноситъ къ Нему не гласъ, но самую душу Свою: *величитъ душа Моя Господа.* Радуется, и радость Свою превращаетъ въ молитву и жертву духовную: *возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ.* Смиряется, и проповѣдуетъ снисхожденіе Всевышняго: *призрѣ на смиреніе рабы Своея.* Пророчествуетъ, и пророческій взоръ Ея проницаетъ сквозь

всѣ времена до самаго конца ихъ: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* Такъ и надлежало содѣлаться плодовитой словомъ Той, въ Которую отнынѣ вселилось Слово; прежде нежели Оно изыдетъ изъ Нея, какъ плодъ чрева, Оно является въ Ней, какъ плодъ устенъ, исповѣдающихся Господеви: *рече Маріамъ.*

Дивно слово Маріами: но величественно и Ея молчаніе. Предоставимъ благоговѣйнымъ и внимательнымъ, самимъ углубляться въ разумъ слова Ея, которое такъ часто слышится въ Церкви: обратимъ вниманіе на то, что̀ не столь открыто вниманію. Вслушаемся въ молчаніе Маріино, и поучимся отъ Нея бережливо употреблять сокровище слова.

О безмолвіи, въ которомъ Пресвятая Дѣва возрасла и воспитана, говорить не буду: потому что сіе закрыто молчаніемъ Святыхъ Евангелистовъ. Кто слышалъ, что говоритъ о семъ преданіе: тотъ имѣетъ образъ совершеннѣйшаго благочестиваго воспитанія, и можетъ судить, соотвѣтствуетъ ли сему образу, и обѣщаетъ ли благословенные плоды, разсѣянность, столь охотно позволяемая дѣтямъ въ наше время.

День *Благовѣщенія*, то есть, радостнаго возвѣщенія о предстоящемъ воплощеніи Сына Божія, начинаетъ открывать сокровенную въ Богѣ жизнь Богоматери. Слово Ангела обнаруживаетъ въ Ней добродѣтель молчанія. Внезапно входитъ онъ въ Ея уединеніе, и говоритъ Ей: *радуйся, благодатная: Господь съ Тобою; благословенна Ты въ женахъ.* Сколько вопросовъ представлялось при семъ уди-

влѣнной Маріами! Кто сей непзвѣстный? Какое имѣетъ онъ право, нарушать уединеніе Дѣвы? Что значитъ неслыханное привѣтствіе, которое безвѣстную Дѣву поставляетъ превыше всѣхъ женъ въ мірѣ? Но ничто не выводитъ Ея изъ обычнаго Ей безмолвія. Она чувствуетъ движеніе духа: но уста Ея не движутся. Не спѣшитъ Она отвѣтствовать на привѣтствіе; молчитъ, и размышляетъ. *Смутися о словеси его, и помышляше.*

Ангелъ, успокоивъ духъ Ея однимъ словомъ: *не бойся,* – ибо слова небесныхъ Силъ не бываютъ безъ силы, и потому не остаются безъ дѣйствія,—продолжаетъ начатое благовѣщеніе. Въ изъясненіе наименованія *Благодатной*, присовокупляетъ, что Она *обрѣла благодать у Бога.* Потомъ предсказываетъ Ей зачатіе во чревѣ, рожденіе Сына, Его спасительное имя, Его достоинство Божественное, воцареніе чудесное, царство безконечное. Сколько еще предметовъ для испытанія и разглагольствія! Но Благодатная не желаетъ испытывать тайнъ благодати. Благословенная не дерзаетъ разглагольствовать о томъ, что выше слова и разума. И теперь не прервала бы Она своего молчанія, если бы любовь къ дѣвству не исторгла изъ сердца Ея краткаго слова: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Чтобы правильно разумѣть сіе слово, необходимо должно, во-первыхъ предположить, какъ и преданіе сказуетъ, что Маріамъ еще прежде обязала Себя обѣтомъ, во всю жизнь Свою хранить дѣвство: ибо не обязанная симъ обѣтомъ, и обрученная мужу, какую имѣла бы причину вопрошать о возмож-

ности родить сына: *како будетъ сіе?* Во-вторыхъ, надлежитъ взять въ соображеніе законъ Моусеевъ (Числ. XXX.), по которому обѣтъ дѣвы или жены могъ быть уничтоженъ однимъ словомъ отца или супруга, и только тогда становился твердымъ, когда отецъ или супругъ слышалъ о немъ, и не отвергъ онаго. Изъ сего соображенія должно заключить, также согласно съ преданіемъ, что обѣтъ дѣвства, который, на предсказаніе о рожденіи Сына, заставилъ Марію сказать: *како будетъ сіе?* былъ уже тогда извѣстенъ Іосифу, и признанъ имъ; и что онъ обручилъ себѣ Пречистую Дѣву съ тѣмъ, чтобы, подъ именемъ супруга, быть стражемъ Ея дѣвства, которому нужно было таиться подъ наружнымъ покровомъ брачнаго союза въ такомъ народѣ, который, привлекаясь видимымъ благословеніемъ брака, не постигалъ высоты дѣвства. По симъ обстоятельствамъ, сколь ни далека была Маріамъ отъ того, чтобы не вѣровать, или сомнѣваться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена однако была вопросить Ангела: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Хотя имѣю мужа по обряду обрученія: но у меня нѣтъ мужа по обѣту дѣвства; обѣтъ сей произнесенъ, утвержденъ; сколько я не желаю отмѣнить его, столько не позволяетъ законъ, который говоритъ: *человѣкъ, иже аще обѣщаетъ обѣтъ Господу, или заклятется клятвою, или опредѣлитъ предѣломъ о души своей, не осквернавитъ словесе своего; вся, елика изыдутъ изъ устъ его, да сотворитъ* (Числ. XXX. 3.); Господь не нарушаетъ Своихъ зако-

новъ: какъ же будетъ то, что и обѣтъ дѣвства сохранится, и законъ исполнится, и сынъ родится? — Видите, что крайняя только необходимость разторгаетъ священныя узы Ея молчанія, или лучше сказать, сама благодать изливается во устахъ Ея; открывается тайна Ея обрученія съ Іосифомъ, дабы подъ сею тайною скрыть другую, глубочайшую тайну обрученія съ Богомъ; отреченіе Маріами отъ земнаго мужа подаетъ Ангелу случай возвѣстить Ей достоинство Богоневѣсты, къ которому Она предопредѣлена: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя.*

Благовѣщеніе принято; Ангелъ отшелъ; Слово воплотилось; Дѣва зачала; оказались признаки зачатія: *обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята. Отъ Духа Свята,* пишетъ Евангелистъ Матѳей: но Іосифу долго не была возвѣщена сія тайна, и онъ не зналъ болѣе того, что являло чрево: *обрѣтеся имущи во чревѣ.* Ибо если бы онъ зналъ тайну Богоневѣсты: то могъ ли бы онъ думать о Ея *обличеніи,* могъ ли бы рѣшиться *отпустить* Ее? А онъ думалъ о первомъ, и рѣшился было на послѣднее. *Не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити Ю.* Здѣсь столько чудесъ молчанія, что не знаю, достанетъ ли у насъ слова, чтобъ изглаголать молчаніе. Іосифъ видитъ въ Маріами, чего не ожидалъ, и чего понять не можетъ: но молчитъ, и не вопрошаетъ Ея. Маріамъ видитъ Себя въ опасности подвергнуться тяжкому подозрѣнію, и даже осужденію: но молчитъ, и не открываетъ Своей тайны. Гдѣ и Ангелъ благовѣстникъ Маріами? Почто молчитъ онъ, и не

успокоиваетъ Ея отъ новаго смущенія? Гдѣ и Ангелъ хранитель Іосифа? Почто онъ такъ долго не является, и не предохраняетъ праведника, когда чистая душа его столь удобно можетъ омрачиться мыслію неправеднаго, и даже богохульнаго подозрѣнія? И — если не дерзновенно вопрошать о семъ — почто такъ долго безмолвствуетъ и Самъ, Посылающій Ангеловъ? Почто медлитъ просвѣщать Своего праведника, и спасать Ту, въ Которой спасеніе міра? — *Зри,* восклицаетъ Святый Златоустъ, указуя на Іосифа въ сихъ обстоятельствахъ, зри *мужа кротость: не токмо, яко не мучи, но яко ниже изрече кому, ниже самой зазираемой, но въ себѣ помышляше, и отъ самыя Дѣвы тщася укрыти вину. Ниже бо рече, яко отринути Ю хотяше, но отпустити. Толико бѣ кротокъ и тихъ мужъ.* И еще. *егда бо держати Ю въ дому, законопреступно быти видяшеся; обличити же и на судище вести, смерти предати нужда бяше: онъ же ничтоже отъ сихъ творитъ, но выше закона уже себе устроляетъ. Подобаше бо, благодати пришедшей, многимъ быти уже высокаго жительства знаменіямъ* (на Матѳ. Бесѣд 4.). Подлинно, видно, сердце праведника уже предчувствовало Христовы заповѣди, чтобъ имѣть *око простое* (Мато. VI. 22.) *и не судить, дабы не быть судимымъ* (Мато. VII. 1.). Потому, онъ видитъ признаки матери, и однако не хочетъ предаться помысламъ подозрѣнія о Дѣвѣ; имѣетъ законъ, уполномочивающій супруга, и однако не хочетъ судить обрученную. *Не хотя Ея обличити, вос-*

*хотѣ тай пустити Ю.* Видите, какія возвышенныя добродѣтели заключаетъ въ себѣ молчаніе Іосифа. Но еще выше молчаніе Маріами. Тотъ молчаніемъ облегчастъ затрудненіе чужое, и въ тоже время находитъ средство прекратить свое затрудненіе: а Сія въ молчаніи носитъ Свою опасность, и съ каждымъ днемъ молчанія увеличиваетъ Свое затрудненіе. Что же значитъ сей непонятный подвигъ молчанія?—То, что Маріамъ есть совершенный сосудъ Благодати. Ибо какъ вещественный сосудъ негоденъ, когда онъ течетъ; такъ и духовный сосудъ не достоинъ, если не хранитъ вліянной въ него Благодати въ непарушимомъ, смиренномъ молчаніи, но течетъ и выдыхается безъ нужды и безъ пользы словомъ праздным, или нескромнымъ, или нетерпѣливымъ, или тщеславнымъ: и напротивъ, какъ вещественный сосудъ совершенный былъ бы тотъ, который бы не только влитое въ него, но и самый духъ онаго заключалъ во внутренности своей безъ малѣйшей утраты, и котораго бы ни ударъ не могъ сокрушить, ни воздухъ или огонь разрушить: такъ совершенный сосудъ духовный есть тотъ, кто *имѣя таинство вѣры въ чистой совѣсти* (1 Тим. III. 9.), въ мірѣ сердца, и въ безмолвіи всего существа своего, хранитъ ввѣренную ему благодать съ такою твердостію, которой никакіе удары бѣдъ сокрушить, никакая страсть, никакое искушеніе разрушить не могутъ. Если Марія говорила о Своей тайнѣ съ Елисаветою: то потому, что Елисаветѣ уже открыта была сія тайна Духомъ Святымъ, и Онъ Самъ говорилъ устами обѣихъ а

если бы Она стала говорить о семъ съ Іосифомъ; то или по человѣческой довѣренности, или по человѣческому страху, и слѣдственно не по Божественному побужденію говорила бы о тайнѣ Божественной. Теперь Она таится отъ того, которому, вѣроятно, болѣе всѣхъ на земли открыто было сердце Ея, поелику Она избрала его стражемъ Своего дѣвства; таится съ явною для Себя опасностію не только *обличенія*, но, какъ изъясняетъ Святый Златоустъ, съ опасностію *суда* и *смерти:* такое молчаніе достовѣрнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Она воспріятое въ нѣдра Свои Слово крѣпко держитъ, хранитъ совершенно, любитъ паче избраннаго и обрученнаго мужа, паче всякаго земнаго утѣшенія, паче самой жизни Своей; въ семъ молчаніи совершается непрестанная, чистая, великая жертва Богу Слову. Неудивительно, что и Божественное откровеніе на время безмолвствовало, чтобы дать созрѣть, и въ наставленіе наше открыться, столь великимъ добродѣтелямъ. Безмолвная жертва Маріами совершилась; мысль Іосифа рѣшительно утвердилась въ безстрастіи; тогда слово небесное приспѣло увѣнчать подвигъ молчанія, прекращеніемъ затрудненія Маріами, и открытіемъ Іосифу великій тайны благочестія. *Сія же ему помышлшу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему, глаголя: не убойся пріяти Маріамь жены твоея; рождшееся въ Ней отъ Духа есть свята* (Матѳ. I. 20.).

Кто будетъ имѣть довольно постояннаго вниманія, чтобы слѣдовать за Маріею по всему пути жизни Ея: тотъ можетъ усматривать въ Ней всегда

тотъ же характеръ глубокой молчаливости, совершеннаго безмолвія, ничѣмъ не развлекаемаго сосредоточенія во внутренности своей, словомъ—жизни, сокровенной въ Бозѣ. Ни высочайшая радость, ни глубочайшая скорбь не могла измѣнить сей главной черты Ея духа.

Раждается Слово, Ангелы славословятъ; пастыри проповѣдуютъ; Матери ли Слова безмолвствовать и не торжествовать словомъ? Но Она безмолвствуетъ, и не расточаетъ словъ, а только соблюдаетъ слышанное. *Маріамь же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 19.).

Симеонъ ли пронзаетъ душу Ея грознымъ пророчествомъ; Самъ ли Іисусъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, оставляетъ Матерь, и какъ бы отрекается отъ Нея, возвѣщая, что Ему *въ тѣхъ, яже Отца Его, достоитъ быти:* Матерь Слова не прекословитъ, но безмолвствуетъ. *Мати Его соблюдаше вся глаголы сія въ сердцы Своемъ* (Лук. II. 51.).

Наконецъ *стоитъ* Она при *крестѣ* (Іоан. XIX. 25.) возлюбленнаго Сына Своего, и предреченное Симеономъ оружіе дѣйствительно проходитъ душу Ея. Чужіе не могли оставаться равнодушными; и еще тогда, какъ Онъ только несъ крестъ Свой, *идяше во слѣдъ Его народъ многъ людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху Его;* и по распятіи *вси пришедшіи народи на позоръ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII. 27. 48.). Чего надлежитъ ожидать отъ Матери Распятаго, стоящей при крестѣ Его? Рыданій, жалобъ, воплей, терзаній? – Ничего таковаго

не видимъ и не слышимъ; самовидецъ не пересказываетъ намъ даже ни одного слова Ея. Она страдала, безъ сомнѣнія, какъ никто никогда не страдалъ на земли, кромѣ Самого Распятаго: но бездна Ея страданій не обуревала и не потопляла Ея, непрестанно упадая въ столь же неизмѣримую бездну Ея терпѣнія, смиренія, вѣры, надежды, безусловной преданности судьбамъ Божіимъ.

Взирай, Христіанская душа, на священный образъ духовнаго молчанія, представленный тебѣ Евангеліемъ, частію и въ лицѣ Іосифа, паипаче же въ лицѣ Маріами, и познавай сокровенную, величественную красоту души Ея, о которой написалъ Пророкъ: *вся слава дщере царевы внутрь* (Псал. XLIV. 14.); познавай, и возлюби сію духовную красоту; возлюби, и подвизайся, чтобъ и тебѣ, хотя отчасти, облечься сею красотою дщере царевы, и по слѣдамъ Ея добродѣтели достигнуть ея блаженства; ибо *приведутся царю дѣвы во слѣдъ ея.*

Встрѣчаешь ли непонятное въ вѣрѣ? Не спѣши любопытствовать или прекословить: но въ молчаніи внимай глаголу вѣры, и терпѣливо жди времени, когда глаголющій въ притчахъ удостоитъ тебя изъясненія оныхъ живымъ словомъ и опытомъ.

Примѣчаешь ли въ словахъ или дѣлахъ ближнихъ нѣчто странное, и, какъ тебѣ кажется, неправильное? Не торопись обличать и судить, если не призываетъ тебя къ сему должность отца, или пастыря, или наставника, или начальника. Не будь праведенъ, какъ Фарисей, который себя одного находилъ такимъ въ цѣломъ свѣтѣ: *инѣмь, якоже про-*

*чіи человѣцы, хищницы, непраседницы;* по будь *праведенъ,* какъ Іосифъ, *сирѣчь,* — изъясняетъ Святый Златоустъ,—*благъ и кротокъ* (на Матѳ. Бесѣд. 4.).

Опасаешься ли, что какое нибудь твое дѣло вѣры или любви подвергнется превратнымъ сужденіямъ и нареканію? Не провозглашай для сего твоей добродѣтели, чтобы, охраняя славу ея, не утратить чистоты ея. *Открый* не къ человѣкомъ прекословіемъ, но *ко Господу* молитвою *путь твой и Той сотворитъ: и изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. XXVI. 5. 6.).

Посѣщаетъ ли тебя благополучіе, и радость разширяетъ сердце твое? Не разширяй устъ для тщеславія; но слагай въ благодарномъ сердцѣ глаголы благодѣющаго Провидѣнія.

Постигаетъ ли тебя бѣдствіе, и скорбь наполняетъ душу твою? Не умножай воплей и стоновъ, во множествѣ которыхъ по большой части слышны бываютъ отголоски упорства и непокорности судьбамъ Вышняго; но *потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое* (Псал. XXVI. 4.).

Ни въ какомъ случаѣ не расточай безразсудно слова, словесная тварь Слова Творческаго! Если Словомъ Богъ сотворилъ все; а человѣкъ сотворенъ по образу Божію: то какія величественныя дѣйствія надлежало бы производить слову человѣка! Въ самомъ дѣлѣ, оно исцѣляло болящихъ, воскрешало мертвыхъ, низводило съ неба огнь, останавливало солнце и луну, и, что всего важнѣе, содѣлавшись орудіемъ Воплощеннаго Слова Божія, оно претворяло и претворяетъ растлѣнныхъ грѣ-

хомъ человѣковъ въ новую тварь, чистую и святую. Такъ дѣйствуетъ слово человѣческое, когда крѣпко бывъ заключено въ горнилѣ благоговѣйнаго молчанія, и разжигаемо тайною внутреннею молитвою, получаетъ свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать, становится причастнымъ силы Слова Божія и Духа Святаго. И сіе ли могущественное, зиждительное, священное орудіе, мы обращаемъ на дѣйствія нечистыя, разрушительныя, святотатственныя,—на злорѣчіе, клевету, хуленія; или легкомысліемъ раздробляемъ оное въ легкій прахъ, и разсыпаемъ по вѣтру въ суетномъ празднословіи?—

Нѣкто сказалъ о себѣ: *девять помышленій блажихъ въ сердцы моемъ, а десятое изреку языкомъ* (Сир. XXV. 9.). Такъ берегутъ слово знающіе цѣну его. По крайней мѣрѣ, Христіанинъ, *не скоръ буди усты твоими* (Еккл. V. 1.); давай себѣ размыслить, во благо ли тебѣ и другимъ будетъ слово, которое ты раждаешь въ міръ, и которое, какъ бы ни казалось малымъ или ничтожнымъ, будетъ жить до послѣдняго суда, и предстанетъ на немъ во свидѣтельство или о тебѣ, или противъ тебя. Прими совѣтъ Апостольскаго слова: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо къ созиданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ; и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія* (Ефес. IV. 29. 30.). Аминь.

# 7. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

*Она же видѣвши смутися о словеси его.* Лук. I. 29.

И слышащіе сіе не смущаются ли уже мыслію, для чего хочу я говорить о смущеніи преблагословенныя Дѣвы Маріи, какъ будто сіе торжество Ея не представляетъ важнѣйшихъ предметовъ для размышленія? Столько добродѣтелей, столько совершенствъ, столько чудесъ, столько таинъ, при имени преблагословенныя Маріи, при воспоминаніи Ангельскаго Ей благовѣщенія, представляются уму, что едва даютъ примѣтить малое и кратковременное смущеніе мирной и тихой души Ея.

Но меня не смущаетъ опасеніе такихъ прекословій. Чудеса славны безъ слова; тайны не рѣдко лучше чтутся благоговѣйнымъ молчаніемъ, нежели дерзновеннымъ усиліемъ изъяснить оныя; добродѣтели, совершенства,—о если бы для насъ довольно было говорить только о добродѣтеляхъ и совершен-

ствахъ, и не было нужды упоминать о несовершенствахъ, и даже о порокахъ! Если же, какъ полагаю, не отрекутся многіе признаться со мною, что едва ли не каждый день, а иногда и не однажды, то или другое слово, тотъ или другой случай, приводитъ насъ въ смущеніе, малое или великое, кратковременное или продолжительное, не рѣдко простирающееся на наши собственныя слова, дѣйствія и отношенія къ другимъ, и во всякомъ случаѣ неблагопріятное потому, что нарушаетъ спокойствіе, и затмѣваетъ ясность души: то, есть немаловажная причина, съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣть на сей, маловажнымъ кажущійся, случай, какъ иногда и благословенная миромъ Божіимъ душа, неизбѣжно входитъ въ смущеніе, и какъ выходитъ изъ онаго, дабы примѣромъ, наши, большею частію произвольныя смущенія, обличить, уменьшить, исправить и, по возможности, распространить область истиннаго мира душевнаго.

*Она же видѣвши смутися о словеси его.* Кто приводитъ въ смущеніе Ту, которая должна быть исполнена мира, какъ призываемая родить *Миръ нашъ* (Еф. II. 14.)? Человѣкъ ли непріязненнаго расположенія духа? Духъ ли непріязни, всегдашній врагъ мира, потому что самъ его не имѣетъ, обыкновенный производитель смущеній и смятеній, потому что живетъ въ мятежѣ непрерывномъ? — Нѣтъ! Къ удивленію, виновникъ смущенія Маріи есть Ангелъ, мирный служитель Бога мира. Но можетъ быть, образъ, какъ онъ явился Ей, имѣлъ въ себѣ нѣчто ужасное? — Нѣтъ, и сего не видно Ан-

гелъ тихо входитъ, и говоритъ: *вшедъ къ ней Ангелъ, рече.* И такъ отъ чего же Она смущается? — *Смутися о словеси его.* Развѣ слово сіе было грозно? — Напротивъ, оно было слово радости и благословенія: *радуйся благодатная: Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ.*

Углубимся нѣсколько въ разумѣніе сего Ангельскаго слова, чтобы найти сокровенную причину смущенія Маріина. До сихъ поръ ни одинъ, и особенно ни одна изъ земнородныхъ не слыхали съ небесъ подобнаго привѣтствія. Примѣтно, что небесные вѣстники не расточаютъ привѣтствій: поелику чистой небесной истинѣ также не сродна изысканная ласковость, какъ и не нужная суровость. *Миръ тебѣ* (Суд. VI. 23.), сказалъ Ангелъ Господень Гедеону, по надобности успокоить его: ибо Гедеонъ, по понятіямъ своего времени, думалъ, что видѣніе Ангела будетъ ему смертоносно. Но привѣтствіе: *радуйся*, безпримѣрно въ древнихъ явленіяхъ Ангеловъ. *Господь съ тобою,* — такъ привѣтствовалъ Ангелъ Гедеона же, и также по особенной надобности, вдохнуть ему силу и бодрость для чудесной побѣды на враговъ, и для спасенія народа Израильскаго. Многократно и щедро благословлялъ Богъ Авраама, какъ на примѣръ, *во истину благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря; и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ; и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 17. 18.); и паки: *Авраамъ бывая будетъ въ языкъ великъ и многъ, и благо-*

*словятся о немъ вси языцы земніи* (Быт. XVIII. 18.). Но не сказано здѣсь, чтобъ Авраамъ былъ благословленъ въ мужахъ, то есть, преимущественно предъ всѣми мужами; а о благословеніи Сарры, хотя и она участвовала въ произведеніи на свѣтъ благословеннаго сѣмени, совсѣмъ умолчано. Правда, сказалъ Господь однажды и о Саррѣ. *благословлю жену* (Быт. XVII. 16.): но достойно примѣчанія, что и сіе краткое благословеніе изречено не въ лице ей, а въ отсутствіи ея, Аврааму. Видно, такъ надлежало по судьбамъ Божіимъ, чтобы отъ жены, въ которой прежде мужа началась утрата благословенія въ блаженномъ раю; долѣе, нежели отъ мужа, таились начатки возвращающагося благословенія на несчастной землѣ. Безъ сомнѣнія, разумѣла сіе Дѣва Марія, какъ изъ писаннаго слова Божія, такъ и посредствомъ собственнаго смиреннаго Богомыслія: и потому, когда слышитъ, что неожиданный посѣтитель привѣтствуетъ ее не только миромъ, но и радостію; приписываетъ ей благодать не какъ даръ, но какъ ея неотъемлемое достояніе; возвѣщаетъ ей благословеніе, преимущественное предъ всѣми женами въ мірѣ: тихая душа ея отъ сильныхъ словъ духа, какъ тихая вода отъ сильнаго дыханія вѣтра, по необходимости приходитъ въ движеніе: *смутися о словеси его.* Нѣтъ въ семъ смущеніи ничего не чистаго: но нѣтъ въ минуту смущенія той душевной тишины, которая ему предшествовала! Когда вѣтръ, ударяя въ поверхность воды, частію поднимаетъ ее отъ мѣста ея покоя, тогда и чистая вода трепещетъ, и кажется возмущенною: такъ душа

Маріи, хвалебнымъ словомъ Ангела не только подъемлемая изъ самоуничиженія, въ которомъ она обыкла покоиться, но и возносимая превыше всего сотвореннаго, трепетала чистымъ страхомъ, и Ея постоянное стремленіе во глубину смиренія, сдѣлавшееся ощутительнымъ отъ того, что Ее превозносили, обнаружилось въ видѣ смущенія.

Видимъ, какъ и святая и безстрастная душа входитъ въ смущеніе: посмотримъ, остается ли она въ немъ, и какъ выходитъ изъ онаго.

*Смутіся о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.*

Когда въ какой душѣ происшедшее смущеніе продолжается, усиливается, беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ спокойствіемъ: тогда мы слышимъ нетерпѣливыя слова, примѣчаемъ неправильныя движенія, видимъ безпорядочныя дѣйствія. Ничего такого не оказалось въ Пресвятой Маріи. Смущеніе не подвигло Ея ни къ какому дѣйствію; не исторгло у Нея ни одного слова. Изъ сего видно, что въ смущеніи, въ которое Она вошла по необходимости, ни минуты не оставалась Она по произволу; но какъ скоро почувствовала себя въ ономъ, тотчасъ обратилась, чтобы выйти изъ онаго; и первымъ орудіемъ противъ смущенія употребила молчаніе.

Другое средство, которое премудрая Дѣва употребила противъ смущенія, было размышленіе: *помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.* Евангелистъ не излагаетъ подробно, въ чемъ состояли сіи помышленія, безъ сомнѣнія чистыя, какъ Ея душа, возвышенныя, какъ Ея духъ, сильныя, какъ данная

Ей благодать; онъ не нашелъ для насъ нужною сію подробность; онъ написалъ о смущеніи Маріи только то, что полезно узнать всѣмъ, подверженнымъ смущенію, то есть, что Она выходила изъ смущенія посредствомъ основательнаго и осторожнаго размышленія. Если, дабы довершить возстановленіе внутренняго мира Ея, нужно было успокоивающее слово Ангела: *не бойся*: то для приготовленія къ новому принятію словъ Ангельскихъ не менѣе нужно было Ея собственное успокоивающее размышленіе, одушевляемое и молитвою, какъ изъ извѣстнаго постояннаго расположенія духа Ея безъ сомнѣнія заключить должно. Небесное вліяніе приноситъ совершенный миръ душѣ: но только твердая противъ внѣшнихъ и внутреннихъ обуреваній душа, восходящая отъ основательнаго размышленія къ Богомыслію, способна принимать высокія и обильныя вліянія небесныя.

Сличимъ теперь съ непорочнымъ смущеніемъ пренепорочныя Дѣвы, наши столь обыкновенныя смущенія.

Смущается Маріамъ отъ слова похвалы, хотя нѣтъ похвалы, которой бы не была Она достойна, и которой бы не превышала своимъ достоинствомъ. Такъ ли мы встрѣчаемъ похвалу, когда она входитъ въ ухо наше? Думаемъ ли, что хотя она кажется словомъ Ангела, но можетъ оказаться словомъ искусителя? Стыдимся ли похвалы незаслуженной, не завидимъ ли похвалу пристрастную, страшимся ли даже справедливой похвалы, чтобы она не усыпила добродѣтели, или не повредила чистотѣ ея? Не

поглощаетъ ли неосторожное сердце похвалу, какъ сладкое яство, и, можетъ быть, какъ сладкую отраву; не доходитъ ли ненасытное самолюбіе до безстыдства просить похвалы, или приписывать ее самому себѣ? Безъ застѣнчивости говорятъ нѣкоторые о самихъ себѣ: я хорошій христіанинъ; я истинный сынъ Церкви: они спокойны при сихъ словахъ: но я, признаюсь, желалъ бы имъ нѣсколько недовѣрчиваго къ самимъ себѣ смущенія, вмѣсто сего слишкомъ безпечнаго и самонадѣяннаго спокойствія, которое можетъ кончиться крайнимъ и позднымъ смущеніемъ.

Смущается Маріамь отъ слова, неудобопріятнаго для Ея смиренія: мы напротивъ не часто ли смущаемся отъ словъ неудобопріятныхъ для нашей гордости? Не только слова, подлинно укоризненныя, и дѣйствія въ самомъ дѣлѣ оскорбительныя, скоро выводятъ насъ изъ терпѣнія; но и непріятности легкія, слова ненамѣренныя, обличенія справедливыя и умѣренныя возмущаютъ до глубины сердца, до раздраженія и ожесточенія. Не очищенная отъ страстей душа, при самомъ слабомъ дѣйствіи возмущающей силы отвнѣ, какъ нечистая вода, поднимаетъ изъ глубины своей илъ и прахъ, и ко внѣшнему возмущенію присоединяетъ гораздо болѣе тяжкое внутреннее помраченіе.

Смущается Маріамь, и не медлитъ укрощать смущеніе, удерживая и подавляя оное молчаніемъ. А изъ насъ многихъ едва не каждое воскипѣніе внутренняго неудовольствія превращаетъ въ сосудъ бродящаго вина, или въ огнедышущую гору, кото-

рая изливаетъ лаву, и бросаетъ камни на все окружающее. Какъ скоро искра безпокойнаго неудовольствія затлилась внутри тебя: тотчасъ возьми осторожность не дать ей внѣшняго воздуха, чтобы дымъ не превратился въ пламя, и пожаръ не обнялъ всего тебя. Отъ чего бы ни произошло твое внутреннее смущеніе: закрой бережно сосудъ твой—молчаніемъ, и дай ему стоять—въ терпѣніи, доколѣ безпокойное броженіе кончится, и вино твое очистится.

Смущается Маріамъ: но побѣждаетъ смущеніе размышленіемъ. Пріимемъ отъ Нея и мы сіе оружіе, для употребленія въ нашихъ внутреннихъ браняхъ. Какъ бы ни были разнообразны нападенія; слово разума, и наипаче изощренное поученіемъ въ словѣ Божіемъ, какъ обоюду острый мечь, можетъ дѣйствовать во всѣ стороны, къ низложенію враговъ, и къ нашей безопасности. Кто возстаетъ противъ тебя, и возмущаетъ миръ души твоей? Укоризна? — размысли, справедлива ли она. Если несправедлива: то стрѣла пролетѣла мимо тебя; отъ чего жъ тебѣ быть больну, когда ты не раненъ? Если же справедлива: то не сѣтуй на укорителя, какъ на врага, который наноситъ рану, но благодари его, какъ врача, который открываетъ ее, и побуждаетъ тебя къ увраченію оныя. Обида ли, дѣломъ нанесенная, раздражаетъ тебя? — размысли, что лучше, обидчикомъ ли быть, или обиженнымъ? Безъ сомнѣнія лучше быть невиннымъ, нежели виновнымъ. Размысли и о томъ, лучше ли раздражаться, или терпѣть? Раздраженіе можетъ сдѣлать вдругъ и виновнымъ, и болѣе прежняго несчастнымъ

напротивъ того, терпѣніемъ и непорочность сохраняется, и несчастіе уменьшиться можетъ. Собственные ли недостатки, несовершенные успѣхи въ исправленіи себя, внезапныя паденія, и другія внутреннія неустройства приводятъ тебя въ смущеніе и унынie?—Помысли, что смущеніе одно не исправляетъ и не усовершаетъ; а унынie отнимаетъ силу; и потому не должно медлить въ безплодномъ смущеніи, должно воспрянуть отъ унынія; и неослабными подвигами пріобрѣсть побѣду надъ страстями и похотями, а съ нею душевный миръ и радость спасенія.

Благодать Богоблагодатныя Маріами да будетъ со всякою душею Христіанскою въ ея невольныхъ смущеніяхъ, и да вспомоществуетъ, и утишать оныя молчаніемъ, и совершенно прекращать размышленіемъ и молитвою, дабы безпрепятственно могъ возглаголать сердцу нашему Ангелъ мира, и не исторгаемо посѣять въ немъ *плодъ правды*, который *сѣется въ миръ творящимъ миръ* (Iак. III. 18.). Аминь.

# 8. СЛОВО

**ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.**

*Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.* 2 Тим. II. 19.

Мнѣ кажется, что нынѣ вижу я сіе *основаніе Божіе*, которое Апостолъ указуетъ, какъ закрытое печатью, какъ извѣстное одному Господу. Что есть основаніе Божіе, на которомъ твердо стоитъ всякое созданіе Божіе, какъ не Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ? *Яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти, всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася, и всяческая въ Немъ состоятся* (Кол. I. 16. 17.). Если нужно и вновь созидать падшія созданія Божіи; *основанія инаго никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор III. 11.). Сіе основаніе Божіе несетъ нынѣ Духъ Святый отъ высоты небесной,

и полагаетъ во глубинѣ земной; несетъ отъ славы Божества, и полагаетъ въ сокровенности человѣчества, закрытое болѣе, нежели одною печатію, — печатію дѣвства, печатію смиренія, печатію молчанія. Подлинно, кто кромѣ Господа зналъ Тебя, Единосущный Божій, въ семъ непостижимо умаленномъ состояніи, въ которомъ однакоже сокровенъ былъ *Богъ вселенская во всѣхъ*, когда Ты, какъ основаніе спасенія нашего, положенъ былъ во чревѣ Маріи, даже и послѣ Архангелова благовѣщенія недовѣдомымъ образомъ.

Дивимся славѣ творческихъ дѣлъ Божіихъ: подивимся также ихъ сокровенности. Углубимъ еще мало вниманіе наше въ указуемое Апостоломъ основаніе Божіе: должно надѣяться, что въ немъ найдется скрытое для насъ сокровище.

## Часть первая.

*Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя.*

Хотя то вѣрно, что *начатокъ созданія Божія* (Апок. III. 14.), или всеобщее основаніе онаго есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ: впрочемъ изъ словъ Апостола примѣтить можно, что здѣсь онъ говоритъ *объ основаніи Божіемъ*, не въ отношеніи ко всѣмъ созданіямъ Божіимъ, но въ отношеніи къ нѣкоторымъ только избраннымъ, которыхъ Господь отличительно познаетъ и нарицаетъ Своими. *Позна Господь сущія Своя.*

Что же значитъ въ семъ особенномъ отношеніи основаніе *Божіе?* Безъ сомнѣнія, оно значитъ то, что на Сынѣ Божіемъ, какъ на всеобщемъ основаніи, въ особенности созидается въ родѣ человѣческомъ; то, что на Іисусѣ Христѣ, какъ на глубочайшемъ основаніи, созидается въ каждой душѣ истинно Христіанской. Яснѣе сказать: оно значитъ Церковь, которой основатель есть Сынъ Божій; оно значитъ благодатный и спасительный даръ Божій въ человѣкѣ, вѣру, которой Начальникъ и Совершитель есть Іисусъ Христосъ.

Сіе основаніе Божіе Апостолъ называетъ твердымъ или неразрушимымъ: потому что Самъ Господь сказалъ, какъ о Церкви вообще: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мат. XVI. 18.), такъ и о душахъ истинно Христіанскихъ въ особенности: *не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея* (Іоан. X. 28.).

Было издревле обыкновеніе полагать на зданіяхъ знаменія, или надписи, которыя бы показывали принадлежность оныхъ, назначеніе, важность, неприкосновенность. По сему образу и на духовномъ зданіи Божіемъ Апостолъ видитъ *печать*, или иначе, знаменіе, или надпись, которая твердое основаніе Божіе отличаетъ отъ неосновательныхъ и удоборазрушимыхъ взгроможденій человѣческихъ, и охраняетъ въ неприкосновенности отъ покушеній хитрости или дерзости, безразсудности или злобы. *Твердое основаніе Божіе стоитъ, имущее печать.*

Какую же печать?—*Сію,* продолжаетъ Апостолъ: *позна Господь сущія Своя.* Дивная по-истинѣ печать! Вы видите, что это надпись, поелику она состоитъ изъ словъ: но не безъ причины Апостолъ называетъ ее *печатью;* поелику не столько изъявляетъ и открываетъ, сколько сокрываетъ и утаеваетъ; а сіе и есть свойство печати.

*Позна Господь сущія Своя.* Господь знаетъ Своихъ: и такъ не ужели человѣки не знаютъ тѣхъ, которые суть Божіи?— Такъ. Очень часто, и, можетъ быть, большею частію, ихъ не знаютъ. О Моисеѣ, когда онъ поразилъ Египетъ, избавилъ Израиля, ознаменовалъ чудесами воздухъ, воду, землю, древо, каменіе, можно ли было не знать, что онъ есть Божій? Однако, видно, не довольно сіе знали, когда роптали на него, и воздвигали мятежи противъ него. Іосифъ чрезъ рабство и темницу проведенъ былъ до престола; прославленъ вѣдѣніемъ таинъ Божіихъ, облеченъ могуществомъ: однако самые братья его не скоро догадались, что онъ есть Божій; онъ принужденъ былъ самъ открыть имъ сіе: *не бойтеся: Божій бо есмь азъ* (Быт. L. 19.). Кому не извѣстно было Ангельское житіе и небесъ достойное ученіе Іоанна Крестителя? Но многіе ли знали, что онъ точно указанъ симъ словомъ Господнимъ: *се Азъ посылаю Ангела Моего* (Мал. III. 1.)? На вопросъ: *крещеніе Іоанново съ небесе ли бѣ? Архіерее и книжницы и старцы,* люди болѣе другихъ знающіе, не постыдились объявить свое невѣдѣніе. *И отвѣщавше глаголаша Іисусови: не вѣмы* (Марк. XI. 30. 33.). И Тебя, Присносущій

и Единосущный Божій, даже послѣ того, какъ Ты глаголалъ, какъ *паколиже глаголалъ человѣкъ*, творилъ *знаменія*, которыхъ *не можетъ человѣкъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. VII. 46. III. 2.),—знали ль и Тебя, отъ Котораго единаго истинное знаніе, какъ свѣтъ отъ солнца, исходитъ? Если бы знали; то не говорили бы такъ неблагоговѣйно: *не сей ли есть тектоновъ сынъ* (Матѳ. XIII. 55.)? Не отрекались бы такъ равнодушно: *сего не вѣмы, откуду есть* (Іоан. IX. 29.). *Аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8.). Если же свѣтильниковъ міра и Самого Солнца не видали слѣпотствующіе человѣки; если открыто посылаемыхъ человѣковъ Божіихъ, и самой Премудрости явившейся не познали: то уже и неудивительно, если не познаваемы бываютъ въ мірѣ тѣ изъ сущихъ Божіихъ, которыхъ особенное провидѣніе Божіе не являетъ міру, между тѣмъ какъ собственное ихъ смиреніе скрываетъ отъ него.

*Позна Господь сущія Своя.* Никому кромѣ Господа не приписываетъ Апостолъ сего знанія: и такъ не ужели тѣ, которые суть Божіи, не знаютъ и сами, что суть Божіи? — Подлинно, и сіе должно заключить изъ словъ Апостола. Правда, по изреченію того же Апостола, *самый Духъ споспѣшествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія* (Римл. VIII. 16.), если мы подлинно таковы; и по другому Апостолу, *вѣруяй въ Сына Божія, имать свидѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. V. 18.). Но какое свидѣтельство? — *Сіе есть свидѣтельство, яко*

*животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ Его есть* (11.). Поелику же сей *животъ* вѣрующихъ, до дня откровенія сыновъ Божіихъ, *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ:* то можетъ случиться, что они сами не довольно знаютъ, какое сокровище Божіе имѣютъ въ скудельныхъ сосудахъ своего тлѣннаго человѣчества. И Духъ, который свидѣтельствуетъ духу ихъ, не есть ли тотъ Духъ, который *идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ* (Іоан. III. 8.)? Когда Онъ, *не вѣси, откуду приходитъ;* тогда исполняетъ тебя Божественнымъ: а когда *не вѣси, камо идетъ;* тогда не найдешь въ себѣ ничего, кромѣ человѣческаго. Не преимущественно ли избралъ, не очевидно ли присвоилъ Себѣ Господь Павла, когда въ откровеніи сказалъ о немъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. IX. 15.); и, положивъ въ немъ Свое Божественное основаніе, воздвигъ на немъ духовное зданіе не только многихъ, увѣровавшихъ чрезъ него душъ, но и многихъ великихъ Церквей, во многихъ странахъ и народахъ? И что же? Павелъ и послѣ сего не знаетъ, достигъ ли онъ совершеннаго присвоенія Богу. *Братіе*, сказуетъ онъ, *азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, къ памѣренному теку, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. III. 13. 14.).

Воистину только Самъ единъ *позна Господь сущія Своя.* Но почто скрываетъ Онъ ихъ и отъ другихъ человѣковъ, и нѣкоторымъ образомъ отъ

самихъ себя скрываетъ? Для чего бы не знать имъ яснѣе, что они суть Божіи, — къ ихъ утѣшенію? Для чего бы не знать сего и другимъ человѣкамъ,— къ ихъ назиданію? — Бываетъ и такъ; поелику печать Божія не можетъ быть совсѣмъ неприметна, и не должна быть безполезна. Но и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, болѣе кроется подъ печатью, нежели что представляетъ открытый видъ печати.

Скрывается благодатное основаніе Божіе въ человѣкахъ: потому что полагается въ самой глубинѣ души, такъ чтобы глубже онаго не оставалось ничего человѣческаго, которое могло бы ослабить твердость основанія Божественнаго. Это, по выраженію Апостола, *потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. III. 4.): не льзя встрѣтить его на распутіяхъ, или увидѣть въ зеркалѣ.

Скрывается основаніе Божіе отъ міра, частію не по намѣренію, но по естественному послѣдствію его чувственнаго образованія. Міръ не видитъ святыхъ, подобно тому, какъ слѣпые не видятъ свѣта.

Скрывается благодатное основаніе въ человѣкахъ, частію по намѣренію хранящаго ихъ провидѣнія Божія: дабы тѣмъ менѣе могли приражаться къ оному враждебныя силы, угрожающія оному разрушеніемъ. Такъ и основаніе земнаго, вещественнаго зданія скрывается въ землѣ: потому что, бывъ обнажено и подвержено перемѣнному дѣйствію стихій, ослабѣло бы оно, и ослабило бы вмѣстѣ съ собою все зданіе.

Скрывается основаніе Божіе въ человѣкѣ и отъ сего самаго человѣка: дабы онъ *не возмнилъ себе*

*быти нѣчто, ничтоже сый* (Гал. VI. 3.), и не прельстилъ себя собственнымъ умомъ; дабы не превознесся, и гордостію не испровергъ въ себѣ основанія благодатнаго, которое лежитъ твердо и безопасно только во глубинѣ смиренія.

Таковыя и подобныя размышленія могутъ руководствовать къ уразумѣнію, почему основаніе или зданіе Божіе, столь видимое въ цѣломъ, такою сокровенностію запечатлѣно въ частяхъ своихъ и своемъ внутреннемъ составѣ, что единъ Господь вѣрно знаетъ сущія Своя.

Возблагоговѣемъ предъ тайными судьбами Божіими. Возбудимся съ глубокимъ вниманіемъ искать человѣковъ Божіихъ, и Божія въ нихъ основанія. Не будемъ дерзновенны въ сужденіяхъ о ближнихъ нашихъ, не зная въ нихъ того, что̀ единъ Господь въ нихъ знаетъ.

## Часть вторая.

*Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.* 2 Тим. II. 19.

Разсматривая указанную Апостоломъ на основаніи Божіемъ, или на зданіи Божіемъ въ человѣкѣ *печать* или надпись, до сихъ поръ мы разсмотрѣли первую половину ея. Слѣдуетъ вторая половина: *и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Если бы на зданіи Божіемъ лежала только первая оная печать, читалась только первая надпись: *позна Господь сущія Своя*, то есть, единъ Богъ вѣрно знаетъ тѣхъ, которые, по живой вѣрѣ и никогда не отпадающей любви, неотъемлемо и вѣчно принадлежатъ Ему и Его, не земной только, но и небесной Церкви; сіе могло бы и утѣшать насъ и устрашать. Утѣшать—мыслію о твердости основанія Божія, никому неприкосновеннаго, о ненарушимости печати Божіей, о безопасности тѣхъ, которые сокрыты въ тайнѣ лица Божія. Устрашать — неизвѣстностію, въ которой не льзя оставаться беззаботно. Ибо если единъ Господь знаетъ Своихъ, то кто суть тѣ, съ которыми мы живемъ и обращаемся, которыхъ внушеніями образуемся, которыхъ примѣрамъ слѣдуемъ? Кто есмы и мы сами? Божіи ли они? Божіи ли мы? — Богъ знаетъ! Какъ страшно слово сіе въ семъ случаѣ! Если Богъ одинъ знаетъ тѣхъ, съ которыми я въ сообществѣ, и которые меня руководствуютъ; то почему знать, не духи ли лестчіе меня руководствуютъ? Не со врагами ли Божіими я въ сообществѣ? Не въ опасности ли потому и я—быть и остаться чуждымъ истиннаго, благодатнаго усвоенія Богу? Какая страшная неизвѣстность!

Господи, вѣдающій сущихъ Твоихъ! Праведенъ и премудръ еси, сокрывая ихъ отъ міра, который недостоинъ вѣдать ихъ, и который употребилъ бы во зло извѣстность о нихъ: но буди такожде благъ для тѣхъ, которые, хотя можетъ быть еще не суть Твои, но желаютъ сдѣлаться и пребыть Твоими; покажи знаменіе, по которому и мы, не вѣдающіе,

могли бы узнавать истинное, благое, благодатное, святое, однимъ словомъ, Твое въ человѣкахъ, дабы паче всего сущее Твое любить, Твоего искать, Твоему поучаться и послѣдовать, къ Твоему прилѣпляться и присоединяться, и чрезъ единство съ сущимъ Твоимъ, слѣдственно и съ Самимъ Тобою, имѣть блаженное упованіе, и намъ быть Твоими непзмѣнно и вѣчно.

Подлинно, какъ царская печать, скрывая подъ собою тайну цареву, въ тоже время начертаніемъ своимъ показываетъ, кому она принадлежитъ, и такимъ образомъ предохраняетъ отъ погрѣшности, чтобы не принять за царское то, что не царю принадлежитъ: подобно сему надобно, чтобы таинственная печать, которою Богъ запечатлѣваетъ вѣрныхъ и избранныхъ Своихъ для Себя Самого, какъ извѣстныхъ Ему единому, ознаменована была нѣкоторымъ примѣтнымъ и довольно вѣрнымъ знаменіемъ, по которому бы можно было внимательнымъ отличать сущихъ Божіихъ отъ тѣхъ, которые обманываютъ, или обманываются, представляя себя таковыми. Таково и есть второе начертаніе, или вторая надпись, которую примѣтилъ Апостолъ на духовномъ зданіи Божіемъ въ человѣкахъ: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Великое для насъ благополучіе на земли, великая надежда блаженства на небеси, что мы можемъ по вѣрѣ *именовать имя Господне.* Божественный Спаситель нашъ почти все дѣло спасительнаго посольства Своего съ неба на землю заключаетъ въ томъ,

что сдѣлалъ человѣковъ способными *именовать имя Господне*. Приближаясь къ предѣлу Своего земнаго поприща, Онъ взываетъ въ молитвѣ къ Отцу Своему небесному: *дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю*. Какое Дѣло? — *Азъ прославихъ Тя на земли;* или иначе: *явихъ имя Твое человѣкомъ, ихъ же далъ еси Мнѣ отъ міра* (Іоан. XVII. 4—6.). Изъ сего почти можно заключить, что тѣ, которымъ *явлено имя Отца небеснаго*, которые *именуютъ имя Господне*, по сему самому суть Христовы, суть Божіи. *Никтоже*, свидѣтельствуетъ боговдохновенный Апостолъ, *можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII. 3.). А кто говоритъ Духомъ Святымъ, тотъ долженъ быть и Христовъ и Божій; поелику Духъ Святый чуждымъ не дается. Свидѣтельствуетъ и другой Апостолъ, что *всякъ вѣруяй, яко Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. V. 1.). А кто рожденъ отъ Бога, тотъ ближайшимъ образомъ есть Божій.

Чтожъ? Не можемъ ли мы посему разсуждать и заключать такъ: вотъ мы именуемъ имя Господне; мы нарицаемъ Господа Іисуса: такъ вѣрно мы Христовы, вѣрно мы Божіи; вѣрно есть въ насъ царствіе Божіе, и мы въ царствіи Божіемъ въ свое время будемъ? По жизни и дѣламъ нѣкоторыхъ подлинно можно примѣчать, что таковы у нихъ мысли и чувствованія, на которыхъ, какъ на основаніи, зиждутъ они свою надежду для неба и для вѣчности. Такимъ образомъ ихъ духовное зданіе имѣетъ только сію печать: *именуяй имя Господне*... и не болѣе.

Будемъ осмотрительны. Это печать переломленная. Это надпись прерванная. Это не твердое основаніе. Не *всякъ именуяй имя Господне* истинно и совершенно утвержденъ во Господѣ и во царствіи Его. Господь Самъ возвѣщаетъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное.* И еще болѣе грозно то, что̀ предрекаетъ Онъ далѣе: *мнози рекутъ Ми въ онь день*, то есть, въ день, когда царствіе небесное откроется, и въ него призваны будутъ благословенные: *Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда*, продолжаетъ Онъ, *исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ* (Матѳ. VII. 21. 22. 23.). О грозная нечаянность! Они призывали Господа, слѣдственно знали Его и вѣровали въ Него; пророчествовали, бѣсовъ изгоняли, творили чудеса, слѣдственно не малую, и болѣе нежели обыкновенную вѣру имѣли: но Господь не пріемлетъ ихъ во царствіе Свое, и даже не знаетъ ихъ! О невѣроятное преспѣяніе зла и растлѣнія человѣческаго! Не ужели и дающее животъ вѣчный познаніе Единаго истиннаго Бога, и, Егоже послалъ есть, Іисуса Христа, можетъ быть безъ духа и жизни? — Надобно признать сіе: потому что есть люди, которые *Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. I. 16.). Не ужели и вѣра, которой предоставлено спасать человѣковъ, можетъ быть безполезна? Именно, безполезна, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ: *кая польза, братіе моя, аще вѣру глаголетъ кто имѣти,*

*дѣлъ же не имать? Еда можетъ вѣра спасти его* (Іак. II. 14.)? Не ужели можетъ случиться, что самыя дѣйствія Духа Божія въ человѣкѣ, каковы суть: пророчество, изгнаніе бѣсовъ, чудотвореніе, погрязнутъ въ смѣшеніи свойствъ и дѣлъ растлѣннаго, плотскаго человѣка; что небесный огнь, который, возгорясь въ человѣкѣ, долженъ горѣ возводить человѣка, угаснетъ въ бреніи земномъ, и начавшаго просвѣщаться человѣка оставитъ темною главнею? — Если бы не было сей опасности, то не было бы произнесено и сего предостереженія: *духа не угашайте* (1 Сол. V. 19.)!

Христе Господи! Если не всѣ, именующіе имя Твое, внидутъ въ царствіе Твое; кто же изъ нихъ внидетъ въ оное? Господь отвѣтствуетъ: *творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ.* И напротивъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не внидутъ въ оное? *Отыдите*, глаголетъ, *отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII. 21. 23.).

Христіанинъ! ты *вѣруешь сердцемъ*; вѣроятно, ты вѣруешь *въ правду*. Но Богъ одинъ сіе знаетъ: *вѣсть Господь сущія Своя*. Меня сіе не назидаетъ, а можетъ быть и тебя не удостовѣряетъ. Доколѣ сѣмя лежитъ въ землѣ; кто знаетъ, будетъ ли древо и добрый плодъ?

Ты *устами исповѣдуешь* имя Господне и твою вѣру: если бы ты исповѣдалъ сіе, какъ святые Исповѣдники и Мученики, среди ужасовъ гоненія, при угрозахъ смертію за вѣру, исповѣданіе твое было бы не однимъ легкимъ словомъ, но вмѣстѣ и сильнымъ дѣломъ, и тогда было бы вѣрно то, что

исповѣдуешь *во спасеніе*. Но безъ того, кто знаетъ, отъ истинной ли внутренней силы, отъ живой ли вѣры происходитъ твое устное исповѣданіе. Цвѣтутъ весною и такія древа, которыя не принесутъ плодовъ, и сами, отъ слабости корня и отъ недостатка сока, увянутъ и изсохнутъ. Что, если на древѣ твоемъ видѣнъ плодъ только мелкій и грубый, безобразный и безвкусный? Что, если мнимая вѣра твоя, которая величаетъ себя православною, и даже, можетъ быть, представляетъ себя чудодѣйствующею, что, если она сопровождается жизнію плотскою и чувственною, дѣлами неправедными и беззаконными? Какъ бы ни хвалилось тогда древо, какъ бы ни украшалось цвѣтами; не льзя скрыть, что оно дикое. *Всяко бо древо отъ плода своего познается* (Лук. VI. 43.), говоритъ Великій Вертоградарь. Какъ бы ни превозносилъ ты свою вѣру, какъ бы ни украшалъ ее словами исповѣданія: неправедныя дѣла и нечистая жизнь обнаруживаютъ, что̀ ты такое въ самомъ дѣлѣ; не прельщай и не прельщайся: ты не принадлежишь къ добрымъ древамъ вертограда Христова, но къ *саду, егоже не насади Отецъ небесный*, и который *искоренится* (Матѳ. XV. 13.), если не будетъ воздѣланъ новымъ дѣланіемъ духовнымъ, дѣлами правды и святыни.

Хочешь ли быть добрымъ древомъ вертограда, которое не посѣчется и не искоренится? Приноси плоды добрые! Хочешь ли быть истиннымъ зданіемъ Божіимъ, вѣчно живымъ храмомъ Духа Святаго? Не только *именуй имя Господне* вѣрою, но *и отступи отъ неправды* жизнію.

Одно только твердое основаніе Божественнаго упованія, и одно зданіе вѣчнаго спасенія, одно то, которое *имѣетъ печать сію: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.* По сей печати узнавай между именующими имя Господне сущихъ Божіихъ; по сему знаменію испытывай себя, приходишь ли ты во усвоеніе Богу. Святый Василій Великій надежнѣйшимъ признакомъ благодатнаго состоянія полагаетъ возненавидѣніе неправды. *Какъ можетъ,* вопрошаетъ онъ, *извѣститися душа, что простилъ ей Богъ грѣхи?* И отвѣтствуетъ: *если увидитъ себе самую въ такомъ расположеніи, какое имѣлъ глаголавый: неправду возненавидѣхъ и омерзихъ* (Кратк. Прав. воп. 12. Пс. CXVIII. 163.).

Божіе зданіе, Божій домъ, душа Христіанская! Внимай себѣ, точно ли твое внутреннее основаніе имѣетъ истинную печать, утверждающую и охраняющую. Какъ отъ пропасти, какъ отъ смерти, какъ отъ двери ада, *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.* Аминь.

# 9. СЛОВО

**ГОВОРЕННОЕ ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ПРЕСВЯТЫЙ БОГОРОДИЦЫ ВЪ СТРАСТНОМЪ МОНАСТЫРѢ, ИЮНЯ 2 ДНЯ 1834 ГОДА.**

*И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе.* Лук. II. 35.

Бѣдствіе человѣка непорочнаго и добраго есть одна изъ трудныхъ загадокъ, какія предлагаетъ видимая вселенная человѣку размышляющему. Видя добраго страждущаго другой добрый страждетъ и самъ, поелику чувствуетъ состраданіе: и такимъ образомъ отъ одной загадки родится другая: за что и сей страждетъ? Видитъ сіе слабый вѣрою, и подвергается искушенію въ вѣрѣ. Видитъ склонный къ пороку, и разрѣшаетъ загадку на свою голову: какая же, говоритъ, польза быть добродѣтельнымъ? Видитъ склонный къ невѣрію, и непонятную загадку разрѣшаетъ другою, несравненно болѣе непонятною; онъ говоритъ: случай господствуетъ въ мірѣ и въ дѣлахъ человѣческихъ.

Благословенная въ женахъ! Непорочнѣйшая изъ дщерей человѣческихъ! И Тебѣ премудрый старецъ Симеонъ не усомнился предложить сію грозную загадку: *и тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе* День плачевный и ужасный, но вмѣстѣ спасительный разрѣшилъ тебѣ загадку пророчества. Терніе вѣнца Іисусова, гвозди Его распятія, копіе прободенія Его, Его раны, Его болѣзненный вопль, Его умирающій взоръ, — вотъ оружія, которыми Твое материнское сердце пронзено было столь же безпримѣрно глубоко, сколь совершенна Твоя любовь, сколь безпримѣрна Твоя непорочность. Теперь, когда Ты пребываешь въ Божественной славѣ Сына Твоего, для Тебя уже разгадана и загадка необычайнаго событія: теперь Ты видишь во свѣтѣ Божіемъ, для чего надлежало пройти оружію и Твою чистую душу, и какъ сіе согласно и съ безконечною премудростію, правдою, и благостію Провидѣнія, и съ Твоимъ безконечнымъ блаженствомъ.

Матерь Свѣта! низведи намъ искру свѣта отъ ума Христова, дабы уразумѣть и намъ тайну бѣдъ и скорбей земныхъ, не столько, сколько бы желало наше любопытство, но сколько нужно для нашего мира и спасенія.

Не было бы никакого зла на землѣ, и никакого бѣдствія въ человѣкахъ, если бы не было грѣха. *Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть* (Рим. V. 12.), въ имени которой заключается сокращеніе всѣхъ бѣдъ и золъ За грѣхъ опредѣленъ человѣку принужденный и изнурительный трудъ вмѣсто свободнаго и легкаго дѣланія:

*въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III. 19.). За грѣхъ болѣзни. *въ болѣзнехъ родиши чада* (16). За грѣхъ смерть: *въ оньже аще день снѣсте* отъ древа запрещеннаго, *смертію умрете* (Быт. II. 17.).

Человѣкъ, потерявъ опытъ первоначальнаго чистаго бытія своего и вселенной, потерялъ и понятіе объ ономъ. Какъ рыба, движущаяся въ водѣ, не знаетъ лучшей и болѣе совершенной жизни, какою животныя живутъ въ воздухѣ: такъ бѣдная душа человѣческая, погруженная въ грубый и тлѣнный стихійный міръ, и въ немъ живущая, какъ рыба въ водѣ, не знаетъ тонкой и нетлѣнной жизни райской. Отсюда недоумѣнія своемудрствующаго разума о томъ, была ли подлинно такая жизнь, и какъ она могла быть. Я приведу теперь одно только изъ сихъ недоумѣній, для примѣра ихъ ничтожности. Разумъ разсчитываетъ, что если бы люди все раждались, и ни одинъ изъ нихъ не умиралъ; то умноженіе людей сдѣлалось бы наконецъ несообразнымъ съ пространствомъ и способами земли обитаемой; и такимъ образомъ тѣснота вселенной требуетъ смертности человѣковъ, чтобы умирающіе очищали мѣсто преизбыточествующему множеству раждающихся. Таковымъ мелочнымъ счетчикамъ жизней мы можемъ сказать тоже, что Господь сказалъ Саддукеямъ, которые изъ законовъ брака вздумали было извлечь опроверженіе ученія о жизни будущей: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія, ни силы Божія* (Матѳ. XXII. 29.). Кто вамъ сказалъ, что земля была бы вѣчною темницею для человѣческаго безсмертія? И

не ужели вы думаете, что съ земли на небо нѣтъ иной дороги, кромѣ той, которая лежитъ чрезъ гробъ и могилу? Не ужели также вы думаете, что землю, и прежде ея проклятія въ дѣлахъ человѣка, такъ же какъ нынѣ, надлежало размѣрять десятинами на каждаго человѣка, для его обитанія и продовольствія? *Прельщаетеся, не вѣдуще.* Не растлѣнный грѣхомъ человѣкъ несравненно менѣе зависѣлъ въ жизни отъ произведеній земли, нежели нынѣ; а земля, безъ его труда, несравненно щедрѣе была для него въ своихъ произведеніяхъ, нежели нынѣ. Совершивъ на ней опредѣленное поприще, онъ восходилъ бы на небо такъ легко, какъ въ Іаковлевомъ видѣніи лѣствицы, досязающей до небесъ, *Ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней* (Быт. XXVIII. 12.) Возможность сего перехода въ Енохѣ и въ Иліи отчасти намъ показана. Не опасайтесь! Нетлѣнная жизнь безгрѣшнаго человѣка разсчитана была Провидѣніемъ лучше, нежели вами нынѣ. Поелику же вѣчное Провидѣніе отъ вѣка провидѣло и то, что превосходный и необходимый для блаженства даръ свободы будетъ человѣкомъ употребленъ во зло, и тѣмъ рушится первоначальное устроеніе человѣка и земли: то нѣтъ сомнѣнія, что премудро и благодѣтельно разсчитано имъ и послѣдовавшее за симъ смѣшеніе добра и зла, которое насъ изумляетъ и поражаетъ.

Послѣ общаго вопроса о бѣдствіяхъ человѣчества, зачѣмъ онѣ есть въ царствѣ Провидѣнія, на который отвѣтъ уже заключается въ томъ, что мы досель сказали, испытующій разумъ предлагаетъ два

особенные вопроса: во-первыхъ, зачѣмъ бѣдствуютъ и невинные, во-вторыхъ, зачѣмъ и тѣ, которые не безвинны, страждутъ не въ соразмѣрности съ виною своею, а нерѣдко наименѣе виновные страждутъ наитягчае. Дадимъ отвѣтъ на оба сіи вопроса.

Для сего воззримъ на человѣчество не нашимъ взоромъ поверхностнымъ, но глубоко проницательнымъ взоромъ людей просвѣщенныхъ свыше. Въ какомъ видѣ имъ представляется человѣчество? *Вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III. 23.), говоритъ Святый Павелъ. *Кто чистъ будетъ отъ скверны?* вопрошаетъ Іовъ, — и отвѣтствуетъ: *никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (XIV. 4. 5.). *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. L. 7.), исповѣдуетъ Давидъ, не опасаясь нарушить симъ отзывомъ заповѣдь почтенія къ родителямъ. Что же сіе значитъ? то, что всѣ человѣки согрѣшили еще во Адамѣ, который, поелику началъ раждать дѣтей уже послѣ грѣха, то не могъ безъ чуда передать имъ того, чего уже не имѣлъ, — безгрѣшности и нетлѣнія, а естественно передалъ то, что имѣлъ, — грѣхъ и тлѣніе. — Если бы кто изъ насъ дерзнулъ еще спросить: чѣмъ же виновны мы, невольно наслѣдовавшіе отъ Адама грѣхъ и тлѣніе? таковому, если онъ сколько нибудь внимателенъ къ себѣ, вмѣсто меня могла бы отвѣтствовать, и заградить ропотливыя уста, его собственная совѣсть, которая можетъ въ жизни каждаго указать случаи, въ коихъ мы не были вѣрны добрымъ побужденіямъ, бывъ

для того довольно сильны и при наслѣдованномъ поврежденіи. *Болій есть Богъ сердца нашего, и вѣсть вся*—( Іоан. III. 20. ); и потому видитъ въ насъ и тѣ тонкія нравственныя нечистоты, которыхъ болѣе или менѣе огрубѣвшая совѣсть не примѣчаетъ. Итакъ *аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ* ( Пс. CXXIX. 3. )? Симъ размышленіемъ, вопросъ: почему бѣдствуютъ и невинные? не только разрѣшается, но и уничтожается; потому что, по строгому сужденію, нѣтъ на земли невинныхъ, и слѣдственно всѣ бѣдствующіе бѣдствуютъ, какъ болѣе или менѣе виновные, кромѣ Единаго, *иже грѣха не сотвори* ( 1 Пет. II. 22. ), и Котораго страданія, высочайше таинственныя, имѣютъ блаженнѣйшее для насъ изъясненіе, ибо *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5.); Онъ подъялъ и понесъ тяготы, насъ подавляющія, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ возставить насъ отъ паденія.

Что касается до вопроса: зачѣмъ люди, хотя, можетъ быть, небезгрѣшные, но по всѣмъ открытымъ признакамъ безвинные, бѣдствуютъ иногда чрезмѣрно тяжко: кто можетъ обличить Провидѣніе въ сей чрезмѣрности? Если признаемъ, что бѣдствующій небезгрѣшенъ; и если знаемъ, что всякій грѣхъ есть отступленіе отъ закона, слѣдственно возстаніе противъ воли Бога законоподателя, мятежъ въ Царствѣ Божіемъ, оскорбленіе вѣчнаго величества Божія: то скажите, какой грѣхъ слишкомъ малъ для

временнаго бѣдствія, и какое временное бѣдствіе слишкомъ велико для грѣха?

Нѣтъ спора о томъ, что не всѣ грѣхи равно тяжки, и что есть разныя степени виновности въ грѣхѣ одного рода: но кто изъ насъ можетъ довольно вѣрно взвѣсить сію тяжесть, довольно точно опредѣлить сію степень? Для сего должно положить на вѣсы, и поставить въ мѣру, не только видимое дѣло, но и невидимое желаніе, и сокровенное намѣреніе, и тайную мысль, силу и немощь, познаніе и невѣдѣніе, пособія и препятствія, прельщеніе къ злу и поощреніе къ добру, невнимательность къ неизвѣданному и невѣрность дознанному опытомъ, закоснѣніе и раскаяніе, ожесточеніе и сокрушеніе: но кому возможно все сіе, развѣ единому Испытующему сердца и утробы, всеобъемлющему и всевѣдущему? Также и для того, чтобы взвѣсить тягость бѣдствія, надлежитъ принять въ разсужденіе, кромѣ открытаго вида онаго, степень чувствительности бѣдствующаго, скудость и даже отсутствіе, или напротивъ обиліе противодѣйствующихъ утѣшеній, и многое, для чего нѣтъ вѣса и мѣры у внѣшняго зрителя. Какъ же говоримъ мы о чрезмѣрной тяжести бѣдствія, въ сравненіи съ тяжестію грѣха, развѣ на угадъ и на удачу?

Богъ дѣйствуетъ на временную жизнь человѣка, поврежденнаго грѣхомъ, не только въ качествѣ судіи, чему еще будетъ особенное время въ концѣ вѣковъ, но также, и преимущественно, въ качествѣ врача, чему теперь-то и есть время. По сему онъ опредѣляетъ человѣку мѣру бѣдствія и скорби иног-

да не какъ отщитанное воздаяніе за дѣла, но какъ пріемъ врачевства, способный препобѣдить силу грѣховной болѣзни: а это совсѣмъ другой разсчетъ. Есть болѣзненныя состоянія, которыя кажутся маловажными и не угрожающими, но противъ которыхъ свѣдущій врачь находитъ нужнымъ употреблять жестокія врачебныя средства. Притомъ же Врачь небесный не всегда начинаетъ врачевать болѣзнь душевную по ея уже раскрытіи: взоръ Его проницаетъ въ глубину души, самой сей душѣ невидимую, и открывая тамъ тонкій зародышъ грѣха, страсти, самоволія, самоугодія, тонкую примѣсь зла и нечистоты къ добрымъ склонностямъ и расположеніямъ, орудіемъ искушенія извлекаетъ наружу сіи болѣзненныя начала для ихъ уврачеванія, и для возведенія души къ высшей чистотѣ. Не случается ли видѣть, что люди благоучрежденные въ жизни, охотно прибѣгающіе къ Богу, лишась того, что сильно любили, на примѣръ дѣтей или супруга, мірской чести и славы, или имущества, такъ предаются скорби, что въ ней одной сосредоточиваютъ свою жизнь, не умѣютъ подкрѣпить себя здравымъ размышленіемъ, въ которомъ прежде не имѣли недостатка; не могутъ довольно собрать себя въ молитву, въ которой прежде находили услажденіе; вѣра, любовь къ Богу, преданность въ волю Божію, суть теперь для нихъ только знакомыя имена и звуки, послѣ того какъ они до своего несчастія ощущали въ себѣ силу и дѣйствіе оныхъ? Что сіе значитъ?—то, что любезное имъ они любили чрезмѣрно, и паче Бога, хотя сами того не раз-

личали; что дѣти, супругъ или супруга, честь, слава, имущество были идолы ихъ сердца. Что же было дѣлать Сердцевѣдцу и Душелюбцу, какъ развѣ отнять идолъ, исторгнуть, хотя болѣзненно, неправильную любовь къ твари изъ души, которую Онъ хощетъ наполнить Своею Божественною любовію? Онъ любитъ, милосердуетъ, очищаетъ, врачуетъ, приготовляетъ къ блаженству; а мы смотримъ, и говоримъ: какъ Онъ тяжко посѣщаетъ!

Наконецъ согласимся, что есть бѣдствія, о которыхъ совсѣмъ не льзя спрашивать: за что, но развѣ: къ чему? въ которыхъ не нужно обвинять человѣка, но въ которыхъ надобно только умѣть оправдать и возлюбить Провидѣніе. Таковы бѣдствія Іова, Пророковъ, Апостоловъ, Пресвятыя Дѣвы. Не бывъ на сей высшей степени духовнаго возраста и жизни, когда питаются крѣпкою пищею креста, мы, въ нашемъ младенчествѣ Христіанства,— дай Богъ, чтобы, хотя въ младенчествѣ!—безъ сомнѣнія только слабо и невнятно можетъ лепетать о путяхъ и подвигахъ душъ полнаго возраста Христова. Вопросимъ же лучше ихъ самихъ, что скажутъ они намъ о своихъ бѣдствіяхъ. Что же говоритъ Іовъ? *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I. 21.). Что говоритъ Апостолъ? *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I. 24.): *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Видите ли, какъ не кстати мы, грѣшные люди, вступаемся за Пра-

ведниковъ, и покушаемся возстать противъ Провидѣнія за ихъ бѣдствія? Они не пріемлютъ нашей безразсудной услуги; они не жалуются на горькую участь свою; не хотятъ перемѣны ея; они радуются; они благословляютъ Бога; они счастливы; мы не понимаемъ ихъ счастія, и думаемъ, будто можно роптать за то, за что они благодарятъ.

Если вы хотите хотя догадочно понимать то, до чего еще не достигли: смотрите на земное, и гадайте о небесномъ и Божественномъ. Ты любишь друга; онъ тебя любитъ; и тебѣ благодѣтельствуетъ. Совершенно ли, при сихъ отношеніяхъ, удовлетворена твоя любовь, если она полна и чиста? Думаю, нѣтъ Ты можешь думать: «увѣренъ ли другъ мой въ искренности любви моей? не подозрѣваетъ ли онъ, что я люблю больше его благодѣянія, нежели его?» Пусть же откроется случай, когда ты могъ бы для своего друга понести трудъ, скорбь, опасность: если ты благородная душа; какъ охотно ты бросишься на сей случай! И перенося для друга твоего трудъ, скорбь, опасность, какъ будешь ты радоваться, что теперь онъ несомнительно узнаетъ искренность и чистоту любви твоей! Приложи сей примѣръ къ любящимъ Бога въ благополучіи. Они увѣрены, что Богъ знаетъ ихъ сердце, къ Нему благодарное: но не довѣряютъ себѣ. Они могутъ, и нѣкоторымъ образомъ должны заботливо помышлять о томъ, совершенна ли ихъ благодарность къ Нему, чиста ли любовь, не прилѣпляется ли сердце ихъ тайнымъ пристрастіемъ къ благодѣяніямъ, мимо Благодѣтеля, и любовь, питаемая временными благо-

дѣяніями, не угаснетъ ли по истощеніи сей пищи. Является искушеніе, и приглашаетъ: принеси въ жертву твоего возлюбленнаго Исаака; претерпи для Бога лишеніе того, что ты болѣе всего любишь послѣ Бога; понеси гоненіе, безчестіе, страданіе за имя возлюбленнаго Іисуса. Какъ воскрыляется при семъ Боголюбивая душа! Какъ она готова вступить на поприще страдальческаго подвига, предать себя въ огненное испытаніе! Какъ она тверда въ семъ испытаніи? Какъ утѣшаетъ ее мысль, что наконецъ она приноситъ Богу жертву, которая ей не дешева! Какое успокоительное и удостовѣрительное свидѣтельство даетъ ей совѣсть, когда огнь искушенія не измѣняетъ злата ея, когда въ горнилѣ страданій сильнѣе возгарается любовь ея къ Богу, когда сквозь внѣшнее умерщвленіе природы просіяваетъ внутренняя благодатная жизнь, и небо въ человѣкѣ утверждаетъ надежду о человѣкѣ въ небѣ! Повѣрьте, неопытные, что не лгутъ сіи люди, когда говорятъ о своей радости въ страданіяхъ, что въ огнѣ бѣдствія они поютъ и славятъ Бога съ такою же безопасностію, свободою и услажденіемъ, какъ три отрока въ пещи Вавилонской.

Христіане! кого изъ насъ на пути жизни временной не встрѣчаетъ чаще или рѣже разнообразное бѣдствіе? Тщетно старались бы мы обойти всѣ такія встрѣчи; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ неизбѣжны: слѣдственно надобно благовременно пріобучать себя, чтобы встрѣтиться приличнымъ образомъ. Предложенныя теперь размышленія да побудятъ насъ къ тому, чтобы встрѣчать бѣдствіе не

какъ врага и мучителя, но какъ справедливаго наказателя грѣховъ, какъ врача душевныхъ болѣзней, какъ посланника Божія, какъ вѣстника благодати. *Его же бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. XII. 6.). Аминь.

# 10. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Ангелъ рече: радуйся благодатная: Господь съ тобою, благословенна Ты въ женахъ. Она же видѣвши, смутися о словеси его.* Лук I. 28. 29.

Не удивляюсь, что и Ты, Матерь Начальника мира, смутилась о словеси небеснаго вѣстника. Слишкомъ необычайна была вѣсть; очень рановременно привѣтствіе, которое одинъ Ангелъ могъ тогда произнесть, едина Ты могла услышать и принять съ вѣрою.

Быть *Господь съ Тобою* не только благодатнымъ присутствіемъ, но и существеннымъ въ Тебѣ вочеловѣченіемъ. *Благодать* непостижимо высокая! *Радость* безмѣрно свѣтлая! Но какіе мраки облегали Тебя, живая и живоносная Обитель Свѣта! Еще Онъ не возсіялъ отъ утробы Твоей, какъ близъ Тебя возстала буря помышленій сумнительныхъ, и едва, омрачивъ, не низложила стража Свѣта, Іосифа. Тогда, какъ Божественный Свѣтъ изъ яслей отра-

зился въ небесахъ, и небесная о Немъ слава огозвалась на земли,—тогда какъ Онъ озарялъ и простодушныхъ пастырей и дальновидныхъ волхвовъ,—Иродъ и весь Іерусалимъ съ нимъ смутились отъ близости Свѣта, и царь подвигся на смертную брань противъ безоружнаго младенца, и Тебѣ, Матерь Свѣта, надлежало убѣжать во тьму Египта, бояться возвращенія въ отечество Свѣта, Іудею, и еще удалиться *къ людямъ, сѣдящимъ во тмѣ и сѣни смертнѣй, — въ Галилею языковъ* (Матѳ IV. 16.). Праведный Симеонъ, одинъ изъ не многихъ, рано не только увидѣлъ, но и узналъ, и на свои руки принялъ *Свѣтъ въ откровеніе языковъ* (Лук. II. 32.): но что же? Когда сей Свѣтъ освѣтилъ для него будущее, тогда онъ оружіемъ пророческаго слова предварительно пронзилъ душу Матери Свѣта, которой суждено было быть пронзенной оружіемъ скорбей крестныхъ: *и Тебѣ же самой*, сказалъ онъ, *душу пройдетъ оружіе*. Божественное провозглашеніе Іисуса на Іорданѣ, Его свѣтолитіе на Ѳаворѣ, торжество Его ученія и чудесъ довольно ли озаряло радостію Тебя, Благодатная, мы не довольно знаемъ: а то и въ Писаніи намъ открыто, и по собственному нашему, хотя несовершенному въ любви сердцу, намъ понятно и ощутимо, какъ многи, разнообразны, продолжительны, глубоки долженствовали быть скорби Твои о Твоемъ Божественномъ, но въ человѣческія немощи облекшемся Сынѣ, когда Ты видѣла Его, то въ изнуреніи отъ подвиговъ, то въ прекаліи у народа, то въ опасности отъ враговъ, то наконецъ въ рукахъ вра-

говъ; когда противъ Него возносимые вопли и хуленія, Ему наносимые удары и раны поражали Твое сердце; когда Онъ вмѣсто Себя далъ Тебѣ чужаго сына; когда Ты видѣла Его послѣдній взоръ, слышала Его послѣдній гласъ, сопровождала Его бездыханное тѣло. Свѣтъ воскресенія Его, безъ сомнѣнія, осіялъ Тебя обильнѣе всѣхъ: но не тѣмъ ли паче, какъ послѣ молніи ночь, темною и безвидною должна была остаться для Тебя земная жизнь, когда Онъ сокрылся въ вознесеніи на небо? И сія ли есть судьба *Благословенныя въ женахъ* — сперва быть сиротствующею матерью послѣ умершаго на крестѣ Сына, потомъ отъ воскресшаго и живущаго въ небесной славѣ Сына, вновь остаться на земли сиротствующею матерью.

Но вотъ настаетъ новое время. Оказывается, что сѣмя слова небеснаго, если не всегда скорый, за то тѣмъ болѣе обильный и прочный плодъ приноситъ. Теперь не одно небесное созерцаніе видитъ Твою *благодать*, не одинъ Ангелъ тайно благовѣствуетъ Тебѣ *радость:* въ церкви велицѣй благовѣствуется Твоя благодать и радость; родъ человѣческій благословляетъ Тебя, *Благословенная въ женахъ.* Подобно, какъ слава Твоего Сына и Бога, и Твоя слава Боголѣпная изъ гроба возсіяваетъ. Чудеса Твоего Успенія открывали, что Богоносная душа Твоя отхóдитъ прямо къ Богу: праздный послѣ погребенія гробъ Твой показалъ, что и въ тѣлѣ Твоемъ смерть не нашла себѣ никакой пищи, то есть, ничего грѣхомъ зараженнаго, и потому ничего тлѣннаго. Жизнь будущаго вѣка, которой мы

еще только чаемъ, для Тебя уже есть настоящая вѣчная жизнь, на высочайшей степени славы. Въ чертогѣ небесномъ, какъ *Царица* по благодати, *предстала* Ты *одесную* Царя по естеству, *въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна* (Псал. XLIV. 10.), или по другому созерцанію, *облечена въ солнце* (Апок. XII. 1.),—въ открытый, какъ мнѣ мнится, и совершенный свѣтъ Христовъ; предстала, чтобы не только пребывать во свѣтѣ и наслаждаться имъ, но и царствовать во свѣтѣ, или свѣтоводительствовать, да *приведутся Царю дѣвы*,— души цѣломудренныя или уцѣломудрившіеся,—*въ слѣдъ* Тебѣ. Нынѣ *радуйся благодатная*, и отнынѣ на вѣки ненарушимо *радуйся*,—не только радуйся, но и блаженствуй,—не только *благодатная*, но и препрославленная!

И если высокая степень свѣта и блага, благодати и блаженства, есть состояніе преисполненія, преизливающагося на сродное и удобопріемлющее: то, Богоблагодатная, отъ Твоего преисполненія и намъ, Твоей благодати вѣрующимъ и ее славящимъ, ниспосли хотя нѣкую, тайную росу благодати, какъ зарю свѣта, какъ источникъ блага, какъ залогъ блаженства.

Простите мнѣ, братія, если долго при васъ, какъ будто безъ васъ, размышляю. Въ такіе дни, какъ нынѣшній, можно совсѣмъ забыть землю въ бесѣдѣ съ Небомъ; и хорошо было бы, если бы мы охотнѣе и долѣе бесѣдовали съ Небомъ, а менѣе охотно и поспѣшно къ землѣ обращались, и то для того только, чтобы, встрѣтясь здѣсь съ нашими недо-

статками и нуждами, тѣмъ неотступнѣе прибѣгать къ обилію и щедротамъ Неба.

Да, братія, отъ созерцанія *благодати*, которую Маріамъ *обрѣла у Бога*, и которая столь чудными путями возвела Ее къ толь высокой славѣ, — обращаясь къ себѣ, мы должны помыслить о потребности благодати для насъ самихъ. Если едина Маріамъ есть *благодатная* по превосходству: то напротивъ безблагодатнымъ оставаться никому не можно безъ того, чтобы не погрязнуть во злѣ и погибели. Надобна хотя наименьшая доля благодати, чтобы достигнуть хотя послѣдняго степени блаженства.

Благодать, — если хотимъ исчерпывать полноту значенія сего имени, — есть даяніе отъ Благаго, даяніе благое, даяніе по единой благости, безъ предварительнаго права, или заслуги и достоинства пріемлющаго. Если принять въ разсужденіе, что, по слову Господню, *никтоже благъ, токмо Единъ Богъ:* и слѣдственно источника всего, что только есть благо въ тваряхъ, нигдѣ не льзя искать, кромѣ Единаго Бога, по чистой благости дарующаго, а не воздающаго (ибо *кто прежде даде Ему и воздастся Ему?* Рим. XI. 35.): то можно было бы заключить, что человѣкъ все, и въ себѣ, и окрестъ себя, самое бытіе, жизнь, тѣло, душу, способность и употребленіе способности познавать, желать, дѣйствовать, — все имѣетъ по благодати Божіей. Но поелику благо, которое Богъ положилъ въ твари дѣйствіемъ Своего творенія, усвоилось имъ какъбы въ собственность: то бывшее въ своемъ началѣ

благодатію, въ своемъ продолженіи содѣлалось естествомъ сущихъ и природою раждаемыхъ, и въ отличеніе отъ сего, благодатію именуется то, что Всеблагій Богъ даруетъ человѣку выше естества и природы. Въ семъ разумѣ слово Божіе употребляетъ имя благодати, означая имъ и *даяніе преподающее*, или Божественную силу, источающую благодатныя вліянія, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ изреченіи: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. II. 11.); *и даяніе преподаваемое*, или даръ благодатный, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ засвидѣтельствованіи Апостола: *Единому комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова* (Ефес. IV. 7.).

Когда не было въ мірѣ грѣха: тогда, не знаю, все ли было удобопроницаемо и прозрачно для сего стихійнаго свѣта, но, безъ сомнѣнія, все прозрачно и проходно было для свѣта благодати. Онъ безпрепятственно изливался на природу, и непрестанно исполнялъ ее благомъ и блаженствомъ, сохраняя въ ненарушимомъ совершенствѣ и безсмертіи даже и то, въ чемъ скрывалась возможность тлѣнія,— тѣло человѣка. Но когда чрезъ прельщеніе, злоупотребленіе свободы и уклоненіе воли человѣка отъ воли Божіей вошелъ въ міръ грѣхъ: тогда симъ самымъ нарушенъ первоначальный союзъ между природою и благодатію. Хотя свѣтъ благодати, какъ Божественный, и потому ничѣмъ не воспящаемый, не преставая, всегда и на все сіяетъ: но природа, грѣхомъ осквернённая, омраченная,

огрубѣлая, зараженная, сдѣлалась и недостойною и неспособною принимать чистыя, свѣтлыя, тонкія, нетлѣнныя вліянія благодати. Такъ вошла въ міръ *грѣхомъ смерть* духовная, и въ слѣдъ за нею тѣлесная, временная, и за нею вѣчная. И если только при споспѣшествованіи благодати человѣкъ сохранялъ то, что первоначально имѣлъ: то конечно не возможно ему безъ особенной помощи благодати возвратить то, что утратилъ. Здѣсь наипаче открывается и крайняя потребность, и чуднымъ образомъ удовлетворительный, по Апостольскому словоизраженію, *избытокъ благодати* (Рим. V. 17.). Отторгшемуся и отпадшему отъ благодати человѣку естественно уже было ниспадать даже до ада, если бы провидѣвшій сіе отъ вѣка, и вѣчно милосердующій Богъ въ среду паденія не простеръ удерживающей и возставляющей руки. И дающее благодать, и пріемлющее оную,—Божество и чистое человѣчество дивно совокупилъ Онъ въ едину Ипостась Христа Господа, и въ Его словѣ и жизни, въ Его тѣлѣ и крови, въ Его крещеніи водою и духомъ, отверзъ новые преизобилующіе токи благодати, простираемые и на отчужденное отъ нея, но не чуждое Вочеловѣчившемуся естество наше, дабы такимъ образомъ осквернѣнное грѣхомъ очистить, омраченное просвѣтить, плотяное одуховить, растлѣвшее исцѣлить, падшее возставить, осужденное оправдать, умерщвленное оживить, погибшее спасти. Это не мое умозрѣніе, но Евангельское ученіе. *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа*, говоритъ Апостолъ, *облагодати насъ о Воз-*

*любленнѣмъ, о Немже имамы избавленіе кровію Его, и оставленіе прегрѣшеній по богатству благодати Его* (Еф. I. 6. 7.).

Слово Апостольское часто къ мысли о благодати обращается, и все въ Христіанствѣ на ней утверждаетъ. Хочетъ ли оно возвести насъ къ началу нашего спасенія? Оно возводитъ насъ къ благодати: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*. Хочетъ ли указать на спасеніе наше, какъ уже совершившееся? Указаніе опять относится къ благодати: *благодатію есте спасени* (Еф. II. 5.). Хочетъ ли изъяснить цѣль, силу и дѣйствіе воплощенія Сына Божія и пришествія Его на землю? И сіе изъясняетъ мыслію о благодати: *благодать и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. I. 17.). Хочетъ ли показать, какъ произошли въ церкви Апостолы, Пророки, благовѣстники, Пастыри, Учители, и ихъ дѣло служенія спасенію прочихъ человѣковъ? Показуетъ начало сего въ благодати: *Едидому комуждо насъ дадеся благодать, по мѣрѣ дарованія Христова*. Хочетъ ли укрѣпить Христіанина въ подвигѣ? Укрѣпляетъ благодатію: *Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христѣ Іисусѣ* (2 Тим. II. 1.). Хочетъ ли остеречь отъ грѣха? — Остерегаетъ благодатію: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію* (Рим. VI. 14.). Хочетъ ли благоустроить нашу внѣшнюю дѣятельность? — Благоустрояетъ благодатію: *Слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солію растворено, вѣдѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣща-*

*вати* (Кол. IV. 6.). Хочетъ *ли* привѣтствовать и благословить? И для сего призываетъ въ помощь благодать: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.*

Видите, Христіане, что въ Христіанствѣ все благодатію, и ничего безъ благодати. Да печется же каждый изъ насъ обрѣсти для себя благодать.

Да не придетъ кому лестный помыслъ, что если въ спасеніи нашемъ все дѣйствуется благодатію, то намъ уже не много нужно попеченія о нашемъ спасеніи. Нѣтъ, соучастники благодати; благодать могущественная и дѣйственная намъ возвѣщена и дарована для того, чтобы укрѣпить пашу немощь, ободрить нашу безнадежность, одушевлять нашу благую дѣятельность, а не для того, чтобы обезсабочивать наше нерадѣніе, и усыплять насъ въ бездѣйствіи. *Молимъ,* пишетъ святый Павелъ къ Коринѳскимъ Христіанамъ, *не вотще благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. VI. 1.). Какъ? Не ужели благодать, *спасительная всѣмъ человѣкомъ*, можетъ быть принята *вотще?* Видно, можетъ сіе случиться, когда отъ сего такъ заботливо предостерегаетъ Апостолъ· *молимъ не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* Спасительна благодать Божія сама въ себѣ: но не спасаетъ насъ безъ насъ. *Не вотще* пріемлется она, когда пріемлется съ вѣрою, когда вѣрно употребляется и сохраняется, когда обращаемъ ее въ нашу жизнь и дѣла: но вотще,— когда вѣра оскудѣваетъ, когда наше житіе и дѣла благодать Божію оскорбляютъ и отрѣваютъ. Благодать есть талантъ небеснаго Домовладыки, который

вѣрнаго и усерднаго раба обогащаетъ, а невѣрнаго и лѣниваго осуждаетъ, и отъемлется у него. Итакъ *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ,—смотряще да не кто лишится благодати Божія* (Евр. XII. 15.).

Остережемся и отъ другаго помысла, неблагопріятнаго благодати. Нѣкоторые думаютъ, что живутъ довольно хорошо, если живутъ по природѣ; и потому не подвизаются возвысить планъ своей жизни, чтобы жить по благодати. Благовидность опасная! Если, какъ мы отчасти показали, неповрежденный грѣхомъ человѣкъ жилъ не одною природою, но паче благодатію блаженствовалъ: то будетъ ли довольно хороша жизнь по природѣ, которая грѣхомъ повреждена и благодатію не исправлена? Не укажетъ ли кто, какъ на одобреніе жизни по природѣ, на сказанное Апостоломъ, что *языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ* (Рим. II. 14.)? Такому скажу: развѣ тебѣ пріятно въ достоинствѣ жизни выравняться только съ язычниками? Не такъ судилъ Господь нашъ, когда въ упрекъ несовершенной жизни глаголалъ: *не и язычницы ли такожде творятъ* (Матѳ. V. 47)? Чрезъ сіе давалъ Онъ разумѣть, что для Его послѣдователя, для человѣка совершеннаго, слишкомъ мало того, чтобы жить по природѣ, подобно язычникамъ.

Чтобы опредѣлить значеніе и достоинство жизни по природѣ, надобно взглянуть на мѣсто, которое занимаетъ она во владычествѣ Божіемъ и Христовомъ. Хотя владычество сіе безпредѣльно и неизмѣримо для насъ: однако, поелику во всякомъ бла-

гоустроенномъ владычествѣ можно замѣчать нѣкоторое распредѣленіе состава его, соотвѣтственно цѣлямъ управленія: то Богословы не безъ основанія замѣтили во всеобщемъ владычествѣ Божіемъ и Хрістовомъ три сопредѣльныя царства: царство природы, царство благодати, царство славы. Входъ въ царство природы открывается человѣку естественнымъ рожденіемъ, въ царство благодати — крещеніемъ, въ царство славы откроется воскресеніемъ изъ мертвыхъ и послѣднимъ судомъ. Съ царствомъ славы непосредственно сопредѣльно царство благодати, и только чрезъ сіе лежитъ къ оному путь изъ царства природы. Слѣдственно, кто живетъ только по природѣ, тотъ на цѣлое царство удаленъ отъ блаженнаго царства славы. И потому, когда въ послѣдній день все царство благодати окончательно перейдетъ въ царство славы; *а земля и яже на ней дѣла сгорятъ:* гдѣ тогда останется безблагодатная жизнь по природѣ, если не въ природѣ преисподней.

Братія, общники даровъ и обѣтованій благодатныхъ! Не вознерадимъ о благодати Божіей. Взыщемъ ее познаніемъ, и признаніемъ нашей немощи и грѣховности, молитвою, поученіемъ въ словѣ Божіемъ, общеніемъ таинствъ вѣры, искреннимъ желаніемъ жить по заповѣдямъ Хрістовымъ; пріимемъ оную вѣрою и готовностію повиноваться ея внушеніямъ; сохранимъ — вѣрностію и постоянствомъ въ послѣдованіи ея руководству. Благодать сама будетъ намъ тайною помощницею въ нашихъ ради ея подвигахъ, и увѣнчаетъ ихъ. По увѣщанію

Апостола, *да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ, во благовременну помощь.* (Евр. IV. 16.). По обѣщанію Пророка, *Господь Богъ благодать и славу дастъ* (Псал. LXXXIII. 12.).

Слава Господу Богу, Дателю благодати, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

# 11. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Призрѣ на смиреніе рабы своея: се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди.* Лук. I. 48.

Кому изъ внимательныхъ къ Богослуженію не извѣстна часто слышимая Церковная пѣснь въ честь Пресвятыя Дѣвы Маріи: *блажимъ тя вси роди, Богородице Дѣво?* Если размыслимъ, отъ чего произошла сія пѣснь, и на что указуютъ самыя слова ея: то созерцающему духу представится чудное и необъятное зрѣлище. Въ дали прошедшихъ временъ видите вы, что изъ незнатнаго *Назарета* въ другой не славный городъ нагорной страны Іудейской приходитъ бѣдная и безвѣстная въ мірѣ Дѣва; привѣтствуетъ свою престарѣлую родственницу обычнымъ привѣтствіемъ: но внезапно возбуждаетъ въ ней Пророческій восторгъ; привѣтствуется ею, какъ *Матерь Господа*, и, бывъ объята подобнымъ восторгомъ, пророчествуетъ сама о себѣ: *се, отнынѣ ублажатъ мя вси роди.*

Гласъ Ея слышатъ народы, вѣки, концы вселенныя, и народы, вѣки, концы вселенныя отвѣтствуютъ Ей: се исполняемъ твое слово; *блажимъ тя вси роди, Богородице Дѣво.*

Сей храмъ, сей праздникъ, сіе священное и торжественное собраніе, также принадлежатъ къ исполненію предсказанія пресвятыя Дѣвы, что Ее будутъ ублажать всѣ роды. Въ ней ублажается и то, что до Нея всегда было предметомъ оплаканія, — конецъ земной жизни.

Усмотримъ изъ сего, братія, высокое достоинство изреченія пресвятыя Дѣвы: *се, отнынѣ ублажатъ мя вси роди.* Это не простое слово радости, не гаданіе, случайно получившее видъ предчувствія; но пророчество, въ самомъ точномъ смыслѣ сего слова, глаголъ Духа Святаго въ устахъ Маріи, изъявленіе опредѣленія и изволенія Божія о Ея судьбѣ, и о нашей къ Ней обязанности.

Усмотримъ и высокую важность преданія, по которому Вселенская Церковь во всякомъ Богослуженіи постоянно и ревностно ублажаетъ пресвятую Матерь Господню. Это не простое человѣческое преданіе, не обычай только, введенный произвольнымъ усердіемъ, не подражаніе примѣрамъ частнаго вѣрованія, но мысль Духа Святаго, переданная человѣкамъ, послѣдованіе мановенію перста Божія, исполненіе обязанности столько же священной, сколько справедливой и благотворной для Христіанина.

Законъ, по которому родятся истинныя пророчества, Апостолъ Петръ изобразилъ въ слѣдующихъ

словахъ: *ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы* (2 Пет. I. 21.). Два признака должны соединиться, чтобы съ достовѣрностію показать и отличить такое пророчество. Во-первыхъ, предсказаніе должно быть такое, котораго не льзя вывесть изъ извѣстныхъ обстоятельствъ посредствомъ заключеній разума, или изъяснить изъ естественнаго состоянія предсказателя. Во-вторыхъ, предсказаніе должно исполниться въ точности. Если предсказаніе выводится посредствомъ заключеній разума, или изъясняется изъ естественнаго состоянія предсказателя: то это догадка человѣческая, а не Богомъ вдохновенное пророчество. Если предсказаніе не сбылось въ точности: то это ложное, а не истинное пророчество, или, по крайней мѣрѣ, не дознанное въ истинѣ. Такъ судить о Пророкахъ учатъ сами Пророки. *Пришедшу слову, познаютъ Пророка, егоже посла имъ Господь въ вѣрѣ* (Іер. XXVIII. 9.).

Приложимъ сіи начала къ предсказанію Пресвятыя Дѣвы.

Бѣдная и безвѣстная въ мірѣ Дѣва изъ чего могла бы по разуму вывести столь великолѣпную догадку, на чемъ могла бы естественно утвердить столь огромную надежду, что Ее узнаетъ и будетъ прославлять не только современный міръ, но и всѣ роды всѣхъ послѣдующихъ временъ? На томъ ли, что она была отъ рода царей? — Но слава рода сего давно прешла; сама же она была обручена древодѣлю, а отъ такого жребія конечно слишкомъ

далеко до всемірной славы. На томъ ли, что Ей уже предсказано быть Матерію Христа? — Но если бы и о семъ разсуждала Она по разуму своего времени, какъ даже и при Христѣ разсуждали самые Апостолы; и потому ожидала бы *устроенія царствія Израилева* (Дѣян. I. 6.): какъ мало и сіе могло вести Ее къ надеждѣ всемірной и всеродной славы! Кто изъ царей Израилевыхъ знаменитѣе Давида? Чья память въ родѣ Израилевомъ благословеннѣе памяти родоначальника Авраама? Но матери Авраама и матери Давида, не только не ублажаютъ послѣдовавшіе роды, но даже именъ имъ не знаютъ. Много ли могла обѣщать Себѣ по симъ примѣрамъ и Матерь Мессіи, разсуждая естественно по разуму и понятіямъ своего народа и времени? Надобно при семъ вспомнить о глубокомъ смиреніи преблагословенныя Маріи. Кто не мало думаетъ о своемъ достоинствѣ, о своихъ добродѣтеляхъ; тотъ можетъ льстить себѣ преувеличенными надеждами: но расположеніе духа Ея совсѣмъ не таково было. Въ то самое время, какъ Она славитъ Бога за свое избраніе къ высокому званію Матери Господа, она видитъ Себя только рабою, говоритъ только о своей ничтожности: *призрѣ на смиреніе рабы своея.* Какъ же вдругъ, отъ столь смиреннаго мудрованія переходитъ Она къ столь высокимъ глаголамъ о самой Себѣ: *отнынѣ ублажатъ мя вси роди?* Очевидно, что не отъ собственныхъ сѣмянъ Ея разума и сердца возникла сія мысль. Духъ Святый, которому предалась Она въ восторгѣ молитвы, просвѣтилъ въ сіе

время Ея умъ, подвигнулъ Ея уста, и Она изрекла то, что предопредѣлилъ о Ней Богъ, и что, подъ руководствомъ Его провидѣнія, должна въ отношеніи къ Ней исполнить Вселенская Церковь.

Какъ предреченіе Пресвятыя Дѣвы являетъ признаки глаголющаго въ Ней Слова Божія: такъ событіе сего предреченія ознаменовано признаками дѣла Божія, не только вообще, потому что событіе вполнѣ соотвѣтствуетъ предреченію, но и въ особенности, потому что событіе образовалось и утвердилось не тѣми способами, которые бы показывали обыкновенный путь природы, или дѣло рукъ человѣческихъ. Если славу въ мірѣ находитъ ищущій ея, или охотно пользующійся случаями встрѣтиться съ нею: это путь міра, это дѣло рукъ человѣческихъ. Но если убѣгающій славы входитъ между человѣками въ славу, чистую, возвышенную, даже больше, нежели человѣческую: очевидно, это не путь міра, не дѣло человѣческое; здѣсь есть причина искать пути Божія, усматривать перстъ Божій. *Славы отъ человѣкъ не пріемлю* (Іоан. V. 41.), глаголетъ Сынъ Дѣвы Маріи; но слава Его покрываетъ землю, и очевидно, что это *слава, яже отъ единаго Бога* (44). Такой же путь славы устроилъ Онъ и для своей пречистой Матери. По видимому, Ей менѣе другихъ надлежало чуждаться славы, которую Она сама себѣ предсказала: тѣмъ не менѣе Она постоянно чуждалась и убѣгала ея. Когда народъ былъ въ восхищеніи отъ Божественныхъ глаголовъ Іисуса; когда славилъ Его за чудодѣйствія; когда торжественно срѣталъ Его, какъ

Царя: ни однажды не видимъ въ Евангеліи, чтобы въ такихъ случаяхъ Матерь Его являлась близъ Его, раздѣлить Его славу. Напротивъ, видимъ Ее поспѣшающую къ Нему съ материнскимъ участіемъ, когда Его безславили, будто *неистовъ есть* (Мар. III. 21. 31.); видимъ Ее при крестѣ Его, раздѣляющую Его страданія и поруганіе. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, во дни земной жизни своей, не спѣшилъ открыть славу Матери Своея, чтобы не казалось дѣломъ естественной, человѣческой любви то, что должно быть дѣйствіемъ высокой благодати. А потому не удивительно, что въ сіе время и Апостолы, какъ многое другое, такъ не довольно понимали то, какая степень чести и служенія подобаетъ Матери Господней, и нужно было со креста преподать начатки сего ученія возлюбленному ученику: *се мати твоя*. Таково было устраненіе Пресвятыя Богородицы отъ славы, Ее ожидающей, сообразное съ Ея смиреніемъ, а также и со временемъ, когда *Іисусъ не у бѣ прославленъ*. Но посмотрите, какъ уже въ сіе самое время непроложеннымъ, по видимому, путемъ приходитъ Ея слава. Какъ изъ облака молнія, внезапно просіяваетъ она изъ устъ нѣкоей жены, которая, въ духовномъ восторгѣ отъ Божественныхъ глаголовъ Іисуса, *воздвигши гласъ отъ народа, рече Ему: блаженно чрево носившее Тя!* Неизвѣстная жена конечно не слыхала того, что Матерь Іисуса слишкомъ за тридцать лѣтъ сказала одной только Елисаветѣ: *ублажатъ мя вси роди*. Но какъ вѣренъ ся исполнительный отвѣтъ на сіе пророчество, не

только въ мысли, но даже въ словѣ: *блаженно чрево!* Можно ли не примѣтать здѣсь, отъ предсказанія до исполненія, единаго пути Божія, которымъ приходитъ *слава, яже отъ Бога*, — дыханія единаго Духа Божія, подвизать *всѣ роды, да ублажатъ* Матерь Приснодѣву?

Когда распятый Господь прославленъ воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо: тогда слава Божественныя Матери Его является уже не мгновенно блистающею, яко молнія, но, по выраженію Соломона, *восходящею, аки утро*, такъ что *добрая, яко луна*, при Солнцѣ правды, — таже самая, по возшествіи Его превыше всѣхъ небесъ, осталась для земли *избранною, яко солнце*, посреди единонадесяти или двунадесяти звѣздъ, то есть, Апостоловъ. *Сіи вси*, сказуетъ Книга ихъ дѣяній, *бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ жены и Маріею матерію Іисусовою* (I. 14). Примѣчайте, что Она, никогда не бывъ видѣна среди Апостоловъ при Іисусѣ, теперь уже неразлучна съ соборомъ ихъ: *бяху терпяще*, постоянно пребывали, *съ Маріею матерію Іисусовою*. Что значитъ сіе новое устроеніе? — Хотя оно можетъ быть изъясняемо и просто желаніемъ общенія въ молитвѣ, при общемъ ожиданіи сошествія Святаго Духа: но, при углубленномъ вниманіи, можно здѣсь открыть нѣчто особенное и болѣе таинственное. Если сосудъ, въ которомъ было благоуханное муро, и послѣ онаго благоухаетъ, и въ нѣкоторомъ степени продолжаетъ дѣйствіе самаго мура: кольми паче содѣлавшаяся сосудомъ Божества во время воплощенія,

должна была на вѣки быть умащена Божественнымъ благоуханіемъ благодати отъ Того, Котораго и единое имя есть *миро изліянное* (Пѣсн I. 2.); и потому Ей свойственно и какъ-бы сродно Своимъ присутствіемъ и молитвою приближать къ человѣкамъ благодатное присутствіе и спасительное дѣйствіе Обитавшаго нѣкогда въ Ней тѣлесно, и всегда Обитающаго въ Ней духовно и Божественно. Сіе-то конечно благотворное дѣйствіе общенія съ Матерію Господнею ощутили Апостолы въ сердцахъ-своихъ, тѣмъ полнѣе, чѣмъ сильнѣе жаждали они подобнаго ощущенія, дабы восполнить лишеніе видимаго общенія съ вознесшимся Господомъ; и такимъ образомъ Она сдѣлалась глубокимъ средоточіемъ ихъ единства, не смотря на то, что по Своему смиренію продолжала уклоняться отъ всякаго вида владычествованія въ ихъ сонмѣ. *Бяху терпяще единодушно съ Маріею матерію Іисусовою.* Чудно и торжественно накопецъ благодать *избранныя, яко солнце,* явилась средоточною силою Церкви тогда, когда Она, по закону земнородныхъ, познавъ западъ свой на земли, восходила въ невечерній день небесный: ибо и разсѣяннымъ по вселенной для проповѣди Евангелія Апостоламъ свѣтъ Духа показалъ сіе время послѣдняго съ Нею въ видимомъ мірѣ общенія, и влеченіе Духа соединило ихъ окрестъ Ея смертнаго одра, Ея живоприемнаго гроба. Съ тѣхъ поръ, по выраженію Церковному, *слава ея Боголѣпная Богоподобными сіяетъ чудесы.* Тщетно мрачныя мудрованія неправомыслящихъ усиливались затьмить Ея славу: онѣ

только изощрили ревность правовѣрующихъ къ Ея прославленію. Ни пространства мѣстъ, ни продолженіе и превратности временъ, не ослабляютъ сіянія славы Ея. Сколь наши поздныя времена ни удалены отъ лицезрительнаго съ Нею общенія: сіе не препятствуетъ вѣрѣ созерцать Ее, и молитвѣ приближаться къ Ней, между прочимъ, при посредствѣ Ея священныхъ изображеній, и Она сама, чрезъ тайно сообщительные образы и знаменія, исходитъ во срѣтеніе вѣрѣ и молитвѣ, и простираетъ усвоенную Ей благодать и благотворную силу на все исполненіе Церковное, которое, въ соотвѣтствіе тому, всеродно ублажаетъ Ее, сколько по долгу благоговѣнія къ Матери Господа, столько же по чувству вѣры, упованія и благодарности.

Христіане! Чѣмъ совершеннѣе удостовѣряемся мы, что слава пресвятыя Богородицы въ Церкви есть дѣло Божіе; что наша обязанность ублажать Ее есть опредѣленіе Божіе: тѣмъ тщательнѣе, тѣмъ вѣрнѣе должна быть исполнена сія обязанность.

Ублажаемъ Приснодѣву. Искренно ли? Не съ лестію ли? Презрѣнна лесть и между живущими на землѣ, которыхъ впрочемъ она иногда обманываетъ: но живущую на небѣ, и видящую во всевидящемъ Богѣ, и обмануть не возможно. Возможно ли, скажутъ, и льстить тамъ, гдѣ самая высокая похвала остается ниже своего предмета? — Льстимъ, если хвалимъ то, чего внутренно не уважаемъ. И такъ, ублажая Приснодѣву, чтимъ ли дѣвство? Уважаемъ ли цѣломудріе? Хранимъ ли чистоту?

Ненавидимъ ли нечистоту? Ревнуемъ ли о своемъ очищеніи?

Ублажаемъ во храмѣ преблагословенную Матерь: но не дѣлаютъ ли противнаго сему нѣкоторые дома? Не оскорбляютъ ли благословенныхъ именъ отца и матери дѣти, неповиновеніемъ или непочтительностію, а и сами родители — пренебреженіемъ родительскихъ обязанностей и добродѣтелей?

Прославляемъ здѣсь высокую въ смиреніи, глубокую въ молчаніи Маріамъ: но не здѣсь ли же съ нами наша гордость, наше тщеславіе, наша суетность, наша разсѣянность и склонность къ празднословію? И молва страстей не заглушаетъ ли въ нашемъ сердцѣ славословій нашихъ устенъ?

Съ Елисаветою блажимъ *вѣровавшую*, и чрезъ то введшую въ міръ Начальника Вѣры; чудимся Богоблагодатной; величаемъ чудодѣйствующую: но тщательно ли храпимъ безцѣнный залогъ вѣры, которая и насъ можетъ привести къ блаженству? Взыскуемъ ли благодати, не говорю, видимо чудодѣйственной, которая не всѣмъ даруется, такъ какъ и не для всѣхъ нужда,— но благодати внутренно возрождающей, созидающей въ насъ сердце чистое, обновляющей духъ правый, содѣлывающей насъ новою во Христѣ тварію? Не живемъ ли напротивъ небрежно и безпечно въ растлѣніи природы, въ ветхомъ человѣкѣ, въ дѣлахъ плоти, въ заботахъ или забавахъ міра, съ праздным именемъ вѣры, неоплодотворенной любовію и дѣлами благими, и потому не могущей ни родить въ насъ блажен-

ства внутренняго, ни родить насъ въ блаженство небесное?

*Не красна похвала въ устахъ грѣшника.* Если желаемъ достойно ублажать Пресвятую Матерь Божію; то да возлюбимъ всѣмъ сердцемъ Ея достоинства и добродѣтели; возлюбивъ да поревнуемъ, по возможности, жизнію слѣдовать тому, что мыслію и словомъ ублажаемъ. Въ такомъ расположеніи утвердиться да поможетъ намъ Сама ублажаемая нами, данною Ей благодатію и могущественными молитвами къ Сыну своему и Богу, единосущному и прославляемому со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

# 12. СЛОВО

### ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Да не явишися человѣкомъ постлся, по Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Матѳ. VI. 18.

У гроба Пресвятыя Дѣвы Маріи, Церковь поставляетъ насъ нынѣ въ благочестивое созерцаніе. Ибо что̀ такое церковный праздникъ, если не благочестивое созерцаніе, въ которомъ духъ отдыхаетъ отъ труда плоти, и собираетъ силы для работныхъ дней жизни?

Что̀ же видимъ, бывъ поставлены у гроба Пресвятыя Дѣвы? Зрѣлище необыкновенное! — Обыкновенно до гроба — свѣтъ и ясность, далѣе гроба — мракъ и неизвѣстность: но здѣсь совсѣмъ напротивъ. До гроба — какое высокое достоинство и добродѣтель въ какой глубокой тайнѣ и безвѣстности! Далѣе гроба — какой свѣтъ и слава, какое торжественное воздаяніе достоинству и добродѣтели!

Не много нужно труда для изъясненія, что нравственное достоинство Преблагословенныя Дѣвы

Маріи должно признавать безпримѣрно высокимъ. Сіе видно само собою изъ достоинства служенія, въ которое Она избрана и возведена. Если бы нашлась добродѣтель выше, нежели Ея: то была бы несообразность въ томъ, что Она преимущественно избрана быть жилищемъ, престоломъ, Матерію Бога Слова. Но въ судьбахъ и дѣлахъ Божіихъ несообразности быть не можетъ. Слѣдственно, какъ вѣрно то, что Маріамъ есть *благословенная въ женахъ*, то есть, благословенная высочайшимъ благословеніемъ предъ всѣми прочими женами: такъ же вѣрно и то, что добродѣтель Ея есть высочайшая, чистѣйшая, совершеннѣйшая, хотя впрочемъ Она чиста и совершенна помощію того же Христа, Который содѣлался наградою Ея чистоты и совершенства.

Но посмотрите, сколько знаютъ, какъ видятъ достоинство Маріами прежде гроба Ея.

Кому лучше было знать Ее, какъ не тому, кто удостоенъ былъ довѣренности хранить сіе сокровище міра, сію запечатлѣнную сокровищницу Неба? Но Іосифъ вначалѣ такъ мало зналъ, сколь высоко должно чтить Ее, что почиталъ даже возможнымъ *обличить* Ее, хотя и не хотѣлъ того. Іосифъ готовъ былъ повергнуть безцѣнное сокровище, если бы оно не было надежнѣе оберегаемо, болѣе просвѣщенными хранителями, Ангелами. *Не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю. Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему* (Матѳ. I. 19. 20.).

О дивно-молчаливая Дѣво! Не ближе ли было Тебѣ самой извѣстить Іосифа о томъ, о чемъ наконецъ извѣстилъ его Ангелъ? Почто ждала Ты дальняго вѣстника съ неба? Почто не спѣшила на помощь праведнику, почти впадшему въ несправедливость?—Безъ сомнѣнія для того, *да не явишися человѣкомъ*, съ Твоею добродѣтелію, съ Твоею благодатію, съ Твоимъ достоинствомъ, *но* единственно *Отцу Твоему* небесному, *Иже въ тайнѣ*.

Тайну высокаго достоинства Дѣвы Богородицы болѣе или менѣе открывали Ангелы, звѣзда, волхвы, пастыри, Симеонъ: но Ангелы возвратились на небо; волхвы на Востокъ; звѣзда скрылась; Симеонъ съ міромъ отпущенъ изъ міра сего; свѣтъ Виѳлеемской славы потушенъ гнѣвнымъ дыханіемъ Ирода и кровію младенцевъ; Марія скрывалась то въ Египтѣ, то въ Назаретѣ, а Ея достоинство и знаменитость—въ Ея сердцѣ. *Маріамь же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцѣ своемъ* (Лук. II. 19.).

Пришло время, когда слава премудрости и чудотвореній Сына Маріина просіяла въ Іудеѣ и Галилеѣ. Надлежало бы отблеску славы Сыновней вскорѣ озарить и лице Матери. Однажды нечаянно показалось, что сіе начинается. Другая, можетъ быть мать, или сильно желающая быть матерью, живѣе другихъ вообразила счастіе Матери благословенной, и всенародно предалась восторгу, который побуждалъ ее прославлять Іисуса, и вмѣстѣ съ Нимъ Его Матерь. *Воздвигши нѣкая жена гласъ отъ народа,*

*рече Ему: блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссалъ* (Лук. XI. 27.). Но примѣтьте: она говоритъ околичностями; ублажаетъ *чрево* и *сосцы*, а не произноситъ имени Той, Которую прославляетъ. Почему? — Безъ сомнѣнія потому, что не знаетъ Ея ни въ лице, ниже по имени.

Другіе знали Маріамъ и въ лице и по имени: потому что не могли не знать сего: и не смотря на сіе оставались въ самомъ страшномъ о Ней невѣдѣніи. Послушайте, что̀ говорятъ сограждане и сосѣди Іисуса и Маріи. *Откуду сему премудрость сія, и силы?* (Слѣдственно, они слышатъ премудрость Іисуса, видятъ чудеса Его, признаютъ ихъ, и побуждаются ими узнавать все, что̀ до Него касается). *Не сей ли есть тектоновъ сынъ? Не мати ли Его нарицается Маріамъ* (Матѳ. XIII. 54. 55.)? Видите, они не умѣютъ даже сказать: Іосифъ, сынъ Давидовъ, Марія, дщерь Давидова; они знаютъ только то, что̀ въ глазахъ: — что Іосифъ есть ремесленникъ, что Марія есть — Марія. Какъ же не знаютъ они даже того, что̀ Евреи такъ заботливо старались знать и о себѣ, и о другихъ? Какъ не знаютъ рода и происхожденія Маріи? — Не иначе можно изъяснить сіе, какъ тѣмъ, что Пресвятая Дѣва, не желая ни въ чемъ *являться человѣкомъ*, не ища никакого человѣческаго утѣшенія, не хотѣла и того, чтобы въ уничиженіи бѣдности Своей утѣшать Себя предъ человѣками достоинствомъ Своего рода; и потому не дѣлала гласнымъ Своего происхожденія такъ же, какъ Своей добродѣтели и благодати.

Но что̀ уже дивиться тому, что чужіе, дальніе ли то, или ближніе, долго не даютъ славы Той, Которую должны *ублажать всѣ роды?* Самъ Сынъ Ея,—усомнился бы я сказать, если бы можно было усомниться пересказывать сказанное самою Истиною, — Самъ Сынъ Ея, по видимому, не рѣшается дать Ей предъ человѣками славу, подобающую матери; и Онъ является какъ-бы не знающимъ, или не желающимъ знать Ее. *Кто есть Мати Моя* (Матѳ. XII. 48.)? вопрошаетъ Онъ. Какъ-бы ищетъ, кому даровать имя, честь и славу Своея Матери, умалчивая о Той, Которой Его рожденіе дало право на сіи отличія. *Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышащіи слово Божіе и творящіи е* (Лук. VIII. 21.). Говоря такимъ образомъ, Господь не отчуждаетъ Матери Своея по плоти: поелику слышитъ слово Божіе паче другихъ Та, Которая услышала оное прежде другихъ; и творитъ оное дѣятельнѣе другихъ Та, Которая сотворила Ему достойную обитель во чревѣ Своемъ. Но, во первыхъ, Господь возвышаетъ Своимъ изреченіемъ слушающихъ и творящихъ слово Божіе, и возбуждаетъ къ сему спасительному дѣланію, во-вторыхъ, и Онъ, въ приведенномъ изреченіи, сообразуется съ собственнымъ правиломъ Своея Матери, чтобы *не являться человѣкомъ,* — сколько можно уклоняться отъ славы человѣческой, ища славы Божіей; и Онъ медлитъ, отлагаетъ явить человѣкамъ всю честь и славу Той, Которая есть *честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ.*

Иду далѣе поприщемъ земной жизни Іисуса и

Маріи: тоже повсюду. Гдѣ наболѣе является слава, тамъ отнюдь не является Марія, какъ напримѣръ, при торжественномъ входѣ Господнемъ во Іерусалимъ. А если гдѣ является Матерь Господня, тамъ не слава Ее встрѣчаетъ, какъ напримѣръ: *стояху при крестѣ Іисусовѣ Мати Его и сестра Матере Его* (Іоан. XIX. 25.).

Послѣдуемъ за Распятымъ, чрезъ дверь гроба, въ область славы Воскресшаго. Уже не первый только, но и послѣдній по вѣрѣ ученикъ Его славитъ Его Божество: *Господь мой и Богъ мой!* Уже за славою Господня воскресенія слѣдуетъ новая Божественная слава вознесенія Его на небо. Ищу человѣка, дѣйствія, слова, въ которомъ бы, хотя теперь, явилась слава *Матери Господа моего*, которую, правда, еще очень рано, только безъ свидѣтелей, и безъ послѣдствій возвѣщала праведная Елисавета: ищу и—не нахожу. *Сіи вси*—написано объ Апостолахъ послѣ вознесенія Господня — *бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею Матерію Іисусовою* (Дѣян. I. 14.) Какое неожиданное повѣствованіе! Не только послѣ Апостоловъ, но даже послѣ нѣкихъ неизвѣстныхъ женъ, едва наконецъ вспомнили наименовать *Марію Матерь Іисусову*. Что это такое? Не ужели повѣствователь не довольно чтитъ Матерь Божію? — Сохрани Богъ допустить сію мысль, оскорбительную не только для Пресвятыя Дѣвы, но и для Святаго Евангелиста Луки! Что жъ это значитъ? — То, что Святый Лука такъ пишетъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ вела себя Пресвятая Дѣва между

Апостолами; а Она, хотя, по высотѣ благодати, въ духѣ, невидимо предсѣдательствовала въ соборѣ Апостоловъ,—по смиренію сердца, во плоти, видимо, не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никакихъ преимуществъ, поставляла Себя въ ряду съ прочими женами, учила ихъ Своимъ примѣромъ тому, чему послѣ училъ ихъ Апостолъ Павелъ словомъ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ* (1 Кор. XIV. 34.). *Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ; жене же учити не повелѣваю* (1 Тим. II. 12.). Желалъ бы я—скажу мимоходомъ—чтобы въ сей священный примѣръ пристально всмотрѣлись наши чуждающіеся братія, которые, прежде суда Христова, осудивъ безъ разбора всякое священство, и за то наказавъ сами себя произвольнымъ лишеніемъ священства, къ довершенію безпорядка, поручаютъ начальствовать у себя въ общественномъ Богослуженіи дѣвамъ,—безъ сомнѣнія, не мудрымъ, а юродивымъ! Ибо какая дѣва, кромѣ юродивой, дерзнетъ принять на себя въ Церкви то, къ чему не дерзала приступать Пресвятая Дѣва Богородица?

Теперь посмотримъ на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по свѣтлости, поприще, которое открылось для Пресвятыя Дѣвы Ея успеніемъ. Какъ скоро сіе совершилось: соборъ Апостоловъ, какъ говоритъ благочестивое преданіе, отвсюду собранъ Духомъ Божіимъ, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ея погребеніе. Какъ прежде невѣріе Ѳомы обращено въ доказательство достовѣрности воскресенія Христова: такъ

теперь умедленіе Ѳомы обращается въ средство къ прославленію вознесенія Богоматери,—еще сокровеннаго, какъ сокровенна была жизнь Ея на земли. Воспріявъ славу Божію на небеси, съ сего времени Она не отвергаетъ и человѣческой славы на земли, прежде неугодной для Ея смиренія, теперь полезной и благотворной для живущихъ на земли.

Слава Ея имѣла и своихъ враговъ, подобно какъ и слава Христова: но въ семъ-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служатъ ей не столько препятствіемъ, сколько средствомъ къ достиженію ея цѣлей. Что произвели еретики, которые такъ и хитро и дерзновенно усиливались похитить у Пресвятыя Дѣвы Маріи высокое наименованіе *Богородицы?* — То, что Православная Церковь, остерегаясь отъ ихъ лукавства и дерзости, стала еще ревностнѣе прежняго прославлять Пресвятую Богородицу, отъ чего нѣтъ теперь въ Церкви ни одного дня, ни одного Богослуженія, которые бы не были *преукрашены Ея Божественною славою.* И это не есть простой перекоръ словъ православныхъ противу еретическихъ, но дѣйствительное сраженіе духовныхъ силъ и совершенная побѣда силы Христовой надъ силою Его противниковъ. Ибо славящія уста утомились бы въ продолженіе вѣковъ, если бы, на гласъ молитвъ и славословій, не посѣщала вѣрующихъ Пресвятая Богородица Своею могущественною помощію, принося душамъ Христа съ Его благодатію, подобно какъ Она является посящею Его на рукахъ, въ нашихъ

священныхъ изображеніяхъ. — *Радуйся благодатная! Слава Твоя Боголѣпная Богоподобными сіяетъ чудесы!*

Вотъ, братія, что̀ видится мнѣ нынѣ, чиномъ церковнымъ и долгомъ служенія поставленному на стражѣ, въ созерцаніи, у гроба Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Но къ чему сіе видѣніе?—Ибо созерцаніе благочестивое должно быть не праздно, а дѣятельно. — Къ тому, чтобы примѣръ сокровенной жизни Ея споспѣшествовалъ намъ—и уразумѣть, и принять, и дѣломъ исполнять ученіе Христово: *да не явишися человѣкомъ... по Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Подвизайся, дѣлай добро, служи Богу: но берегись, чтобы твоихъ подвиговъ, твоихъ добродѣтелей, твоего благочестія не обнаруживать предъ людьми безъ нужды, произвольно, самодовольно, тщеславно; имѣй Бога свидѣтелемъ твоей совѣсти, и Онъ будетъ мздовоздаятелемъ твоимъ за все, что̀ ты, не примѣчаемый человѣками, для Него дѣлаешь или терпишь

Господь заповѣдуетъ тайну, во-первыхъ, для дѣлъ человѣколюбія: *тебѣ творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что̀ творитъ десница твоя.* Во-вторыхъ, для дѣлъ благочестія: *егда молишися, вниди въ клѣть твою, и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Въ-третьихъ, для дѣлъ самоотверженія и умерщвленія плоти: *да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Слѣдственно, тайну скромности и смиренія заповѣдуетъ

Онъ для всѣхъ обязанностей человѣка къ Богу, ближнему и самому себѣ,—для всякой добродѣтели,—для всѣхъ дѣлъ Закона.

Скажутъ: но какъ же исполнится Христово же слово: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V. 16.)?—Не заботьтесь; слово Христово исполнится само собою, и не потребуетъ вашей помощи. Сказано: *да просвѣтится свѣтъ вашъ*, самъ собою, естественно, какъ свѣтитъ всякій свѣтъ; а не сказано: выставляйте на показъ свѣтъ вашъ. Добрыя дѣла суть дѣла свѣта по естеству: дѣлайте тайно,—свѣтъ просіяетъ, когда, и сколько повелитъ Богъ Свѣтодавецъ. Бѣда въ томъ, если дѣлаете дѣла темныя, злыя: отъ сихъ, конечно, нѣтъ и не будетъ свѣта, и Богъ не будетъ ими прославленъ.

Скажутъ еще: какъ же и молиться, или проповѣдывать въ Церкви, если и дѣла благочестія творить должно въ тайнѣ? — Дабы отвѣтствовать на сіе, напомнимъ, что въ томъ же самомъ поученіи, въ которомъ Спаситель нашъ говоритъ о молитвѣ въ тайнѣ, говоритъ и о дарѣ, приносимомъ къ олтарю: *аще принесеши даръ твой ко олтарю* (Матѳ. V. 23.); а сіе бываетъ въ Богослуженіи открытомъ и торжественномъ. Изъ сего видно, что заповѣдію о тайной молитвѣ не отмѣняется обязанность участвовать въ общественномъ церковномъ Богослуженіи. Но есть и въ семъ случаѣ своего рода осторожность, чтобы не являться человѣкамъ тщеславно, а смиренно предстоять Отцу небесному, Иже въ

тайнѣ. Если, стоя въ церкви, ты совершаешь дѣйствія благоговѣнія, общія всѣмъ присутствующимъ, но стараешься удерживать, или дѣлать непримѣтными, особенныя въ тебѣ движенія возбужденнаго благочестія, воздыханія или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовыя пролиться: въ семъ расположеніи ты и среди многочисленнаго собранія сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.

Помыслимъ, братія, сколь и неблагородно, и тягостно, и безполезно жить только на показъ, какъ поступаютъ многіе и въ нравственной, и въ общественной, и въ домашней жизни. Все показываютъ, все выставляютъ, о всемъ трубятъ, всякое ничтожное дѣло провозглашаютъ, подобно какъ кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашеніе кокоши основательнѣе; она возвѣщаетъ яйцо, которое подлинно родилось и остается: а тщеславные возвѣщаютъ то, чего нѣтъ, или провозглашеніемъ уничтожаютъ провозглашаемое. Напримѣръ: сдѣлано дѣло благотворенія: хорошо; до сихъ поръ оно существуетъ. Но если сдѣлавшій и хвалится онымъ: то доброе дѣло исчезаетъ. Теперь открылось, что нѣтъ добраго въ его сердцѣ; тамъ тщеславіе. Нѣтъ добраго въ его дѣлѣ; произведеніе тщеславія не есть доброе дѣло. Нѣтъ добраго даже въ глазахъ людей: ибо они проникаютъ тщеславіе, и если славятъ дѣло тщеславнаго, то въ тоже время разглашаютъ и укоризны его тщеславію. Кольми паче нѣтъ здѣсь добраго предъ Богомъ. Онъ отказался отъ тщеславныхъ, когда сказалъ: *воспріемлютъ мзду свою* (Матѳ. VI. 2. 6. 16.).

Христіанинъ! Будь, а не кажись. вотъ одно изъ важныхъ для тебя правилъ. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродѣтели. Ей свойственно быть тайною для земли: потому что она небесной породы, и для неба существуетъ. Совершай ее въ тайнѣ, и охраняй отъ глазъ человѣческихъ, часто нечистыхъ и вредящихъ ея чистотѣ; а представляй тщательно и непрестанно чистому и очищающему оку Божію. *И Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Аминь.*

# 13. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Помяни, яко смерть не замедлитъ.* Сир. XIV. 12.

Это не праздничное слово въ праздникъ, подумаютъ, вѣроятно, нѣкоторые, услышавъ сказанное теперь. Для чего уменьшать свѣтлость праздника мрачною мыслію о смерти, къ намъ поспѣшающей?

Мнѣ, братія, не такъ думается. Можетъ быть, и въ свѣтлое время мрачныхъ видовъ, и въ праздники печальныхъ мыслей достойны мы по дѣламъ нашимъ, согласно съ древнимъ прещеніемъ Божіимъ: *зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ на земли въ день свѣтъ, и превращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачь* (Амос. VIII. 9. 10.).

Какъ бы то ни было, Богопросвѣщенный мудрецъ, котораго книгу Апостольская Церковь предала и сохранила намъ, для нашего наставленія, подаетъ намъ сей совѣтъ. *помяни, яко смерть не замедлитъ.* Не благоразумно было бы, совѣтъ му-

дреца отвергнуть, даже безъ разсмотрѣнія. И если вы не думали бы заняться мыслію о смерти нынѣ, потому что она вамъ представляется мрачною, то есть, страшною или печальною: то я думаю напротивъ, что по сей-то именно причинѣ всего лучше заняться оною нынѣ, когда смерть является намъ не страшною или печальною, но радостною и торжественною, не разрушительницею жизни, но руководительницею къ вѣчному животу, когда она дышитъ на васъ не тяжкимъ воздухомъ тлѣнія, но благоуханіемъ нетлѣнія, когда непосредственно за темною дверію гроба отверзаетъ свѣтлую дверь неба, когда, какъ вы слышите въ церковной пѣсни, *животъ предобручаетъ смерть,* когда она, чтобы не тревожить васъ даже звукомъ своего имени, преобразилась и переименовалась въ *успеніе*, то есть, успокоеніе, мирному сну подобное, и въ *преставленіе*, то есть, какъ-бы легкое перестановленіе отъ мѣста на мѣсто, отъ мѣста въ мірѣ видимомъ въ состояніе міра невидимаго. И что значитъ, что смерть сдѣлалась предметомъ праздника? — Торжественно возвѣщаемъ въ Церкви смерть Господню, какъ спасительную и живоносную для всѣхъ насъ: торжественно воспоминаемъ и смерть Матери Господа, какъ въ высокомъ степени для насъ поучительную и утѣшительную. Показавъ намъ гробъ Христовъ, съ отваленнымъ камнемъ, съ однѣми погребальными пеленами, въ ономъ оставшимися, и возвѣстивъ, что *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV. 20.), — Святая Церковь, какъ-бы заботилась, чтобы наша

вѣра и надежда не утомились долгимъ ожиданіемъ послѣдующаго за симъ началомъ воскресенія умершихъ: и потому она приводитъ насъ къ другому гробу, также въ третій день послѣ погребенія отверстому, и уже праздному отъ тѣла, въ немъ погребеннаго, и какъ-бы указуя, говоритъ намъ: вотъ и дѣйствительный, скорый, очевидный въ лицѣ Матери Господней опытъ воскресенія, котораго Христосъ былъ началомъ; благодатію Сына Своего и Бога, Она такъ совершенно созрѣла на земли для неба, что и тѣла Ея не могла удержать земля до времени общаго воскресенія, зрите праздный гробъ Ея, и радуйтесь упованіемъ жизни за гробомъ.

Теперь мысль о смерти, омрачаемая страхомъ и печалію отъ нашего несовершенства и немощи, освѣщена радостію надежды отъ силы и благодати Божіей. Итакъ можно размышлять о смерти не смущенно: а размышлять о ней нужно.

Дабы доказать, что всякому человѣку нужно не поздное помышленіе о смерти, для сего довольно взять въ разсужденіе обыкновенное правило благоразумія. Оно требуетъ, чтобы мы старались по возможности предусматривать будущіе случаи, особенно важные или трудные для насъ, и заблаговременно соображать и употреблять средства и способы, какъ бы встрѣтить оные съ пользою для себя, или по крайней мѣрѣ съ безопасностію. Земледѣлецъ прежде посѣва думаетъ о жатвѣ, и приспособляетъ посѣвъ къ полученію жатвы, сколь можно болѣе обильной. Лѣтомъ помышляетъ онъ о зимѣ, и заботится, какъ бы обиліемъ лѣта напол-

нить скудость зимы. Не больше ли нужно всякому помыслить и позаботиться о томъ, какъ бы не пропустить лѣта жизни, и приготовить потребное на безплодную и суровую зиму смерти, какъ бы въ сей смертной жизни произвести добрый и благопадежный посѣвъ, дабы въ рѣшительное время воскресенія и суда, *пожать*, какъ изъясняется Святый Іоаннъ Дамаскинъ, *класы присно-живопитанія*, или, если угодно, дабы самимъ намъ прозябнуть, возрасти, процвѣсти и созрѣть доброю пшеницею, которую жатели Ангелы соберутъ въ житницы небесныя

Но мы часто позволяемъ себѣ небрежность въ соблюденіи правилъ благоразумія, думая, что нѣкоторая на время небрежность еще не бѣда. Посему надобно настоятельнѣе доказать вамъ, какъ необходима для насъ мысль о смерти, и какъ опасно пренебречь и потерять ее. Такъ она необходима, что не только земная, смертная, но и райская, безсмертная жизнь не могла стоять безъ мысли о смерти. Богъ сотворилъ человѣка въ совершенствѣ, достойномъ Всесовершеннаго Творца; ввелъ его въ рай сладости; далъ ему плодъ древа жизни, для нетлѣнія; отъ опаснаго древа познанія добра и зла предохранилъ его заповѣдію, не вкушать отъ плода онаго. Но сего было не довольно. Райская жизнь не была бы безопасна. Для ея охраненія нужно было поставить грознаго стража — помыслъ смерти. *Въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II. 17.), сказалъ Господь: и райская жизнь была безопасна, доколѣ стоялъ подлѣ ея помыслъ смерти.

Но какъ скоро успѣлъ исконный человѣкоубійца лукавствомъ своимъ удалить отъ человѣковъ мысль о смерти: «*не смертію умрете*» (Быт. III. 4.): тотчасъ и убилъ грѣхомъ жизнь райскую. Подивимся, братія, чудесамъ премудрости Божіей, и оплачемъ наше безуміе. Духъ злобы и зависти, погрузивъ себя въ смерть чрезъ отступленіе отъ Бога, умышляетъ смерть человѣку: Богъ провидитъ; и помыслъ смерти, въ намѣреніи врага губительный, въ познаніи человѣка обращаетъ въ орудіе предохранительное и спасительное. А человѣкъ ищетъ миновать приставленный къ нему отъ Бога помыслъ смерти, чтобы достать минутное чувственное удовольствіе: успѣваетъ избавиться отъ непріятной мысли о смерти, и впадаетъ въ дѣйствительную смерть. *Сія книга бытія человѣча!* Что было съ Адамомъ, тому естественно быть и съ нами: потому что мы естественные наслѣдники Адама, если благодать и вѣра не сдѣлаютъ насъ наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками Христу. Человѣкъ, наслѣдственно склонный ко грѣху, будетъ ли тверже противъ искушенія, нежели человѣкъ, еще безгрѣшный, искушаемый ко грѣху, если отвергнетъ помощь, которая и для сего была необходима? — Конечно, нѣтъ! Итакъ если ты подкрѣпишь и оградишь себя благоразумнымъ и благочестивымъ помышленіемъ о смерти, какъ бдительною стражею: то, безъ сомнѣнія, оно поможетъ тебѣ охранить себя, хотя не совсѣмъ отъ смерти, которая преступленіемъ Адамовымъ уже вошла въ міръ и во всѣхъ человѣковъ, впрочемъ отъ всего, что содѣлываетъ смерть страшною,

бѣдственною, въ полномъ смыслѣ смертію. Но если, пренебрегая и отражая отъ себя мысль о смерти, мимо ея будешь устремляться только за удовольствіями чувственными, за пріобрѣтеніями земными, за мечтами твоего воображенія: то наконецъ, вмѣсто страха отъ одной мысли о смерти, котораго ты убѣгалъ, внезапно и неизбѣжно встрѣтишься съ ужасами дѣйствительной смерти, не тѣлесной только, которая есть болѣе призракъ смерти, нежели самая смерть, но и смерти второй, духовной, вѣчной, *идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. IX. 44.).

Изъ сего размышленія можетъ возникнуть вопросъ: будетъ ли мысль о смерти, которую нѣкогда Самъ Богъ поставилъ оградою противу вторженія въ міръ грѣха и смерти, — будетъ ли она довольно сильна и полезна, когда грѣхъ и смерть уже вошли въ міръ, и въ немъ царствуютъ? — На сіе рѣшительный отвѣтъ даетъ намъ тотъ же благочестивый мудрецъ, котораго словами призвалъ я васъ къ настоящему размышленію о смерти. *Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ*, говоритъ онъ, *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII. 39.). Много сказано: впрочемъ, если бы кто вздумалъ возразить, что слишкомъ много: таковый скорѣе обнаружилъ бы неопытность своего мудрованія, нежели опровергнулъ бы ученіе мудреца.

Если подлинно во всѣхъ словесѣхъ твоихъ будешь ты поминать послѣдняя твоя, то есть, при всемъ, что думаешь, говоришь, дѣлаешь, будешь воспоминать и принимать въ разсужденіе смерть, и

послѣдующія за нею, воскресеніе, судъ, вѣчное осужденіе, вѣчное блаженство; если такимъ образомъ всякую твою мысль, желаніе, намѣреніе, начинаніе, поступокъ, дѣло, предварительно будешь разсматривать и испытывать при свѣтѣ вѣчности: то вѣра и благодать не дадутъ ли своимъ средствамъ болѣе силы и дѣйствія къ предохраненію и спасенію, нежели сколько силы и дѣйствія имѣть могутъ прелести грѣха къ соблазненію и погубленію? Не исчезнетъ ли обаяніе грѣховнаго, чувственнаго удовольствія, если ему противупоставятся послѣдняя его,—безобразіе разрушенія, смрадъ гніенія, червь могильный, тлящій и истлѣвающій, и наконецъ червь адскій, никогда не усыпающій? Превозношеніе гордаго не падетъ ли, руки любостяжательнаго, жадно простирающіяся, чтобы захватывать, на право и на лѣво, правильнымъ пріобрѣтеніемъ и неправильнымъ хищеніемъ, не опустятся ли, если укажутъ ему на немногіе лакти земли, которыми вскорѣ ограничатся его владѣнія, съ тѣмъ, чтобы здѣсь можно было попирать его? Какой огонь страсти или нечистаго желанія не угаснетъ предъ силою неугасающаго огня геенскаго?

И если силенъ смертный помыслъ, вооруженный страхомъ, противу зла: то еще въ высшемъ степени силенъ онъ, озаренный надеждою, въ пользу добра, въ подкрѣпленіе подвиговъ, собственно Христіанскихъ. Спасительная смерть Богочеловѣка даетъ новое значеніе смерти человѣковъ, вѣрующихъ въ Него: ибо теперь смерть проникнута жизнію. Сквозь язвы Распятаго Христа струится свѣтъ безсмертія, и въ

смертную жизнь, и въ самую область смерти; и сыны свѣта возбуждаются, и съ легкостію идутъ на трудныя дѣла свѣта, къ которымъ призываетъ ихъ Евангеліе. Вы должны распять плоть, и жить духомъ, заповѣдуетъ оно. — Повинуемся, отвѣтствуютъ они; потому что *сѣяй въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяй въ духѣ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI. 8.). Да умрете міру, и да живете Богу. — Да будетъ; потому что *міръ преходитъ и похоть его, а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки.* Да распнетеся со Христомъ. — И сіе вожделѣнно: *аще бо съ Нимъ умрохомъ, съ Нимъ и оживемъ; аще съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся* (2 Тим. II. 11.). Умѣйте быть блаженными въ изгнаніи за правду, въ поношеніи, въ страданіи за Христа. — И сіе возможно: потому что *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII. 18.).

Мнѣ кажется, братія, настоящими размышленіями далъ я вамъ нѣкоторый способъ усмотрѣть надобность и духовную, далеко простирающуюся, пользу, а слѣдственно и обязанность, *поминать послѣдняя.* Итакъ время бы мнѣ умолкнуть. Но поелику мы такъ часто теряемъ или отлагаемъ сіе полезное памятованіе, чтобы беззаботнѣе наслаждаться благами настоящей временной жизни: то надобно еще показать вамъ, какъ вредно дѣйствуетъ забвеніе *послѣднихъ* даже на видимыя блага настоящей временной жизни.

Іерусалимъ палъ. Іеремія сидитъ надъ развали-

нами его, и въ плачѣ размышляетъ о причинахъ его паденія. Какую же, думаете, Пророкъ открылъ причину бѣдствія Іерусалима?—Можетъ быть и не одну; но, какъ важную, замѣтилъ онъ ту, что Іерусалимъ не помнилъ послѣднихъ своихъ. *Не помяне послѣднихъ своихъ, и низведеся пречудно* (Пл. Іер. I. 9.). Такъ, когда обыкновеннымъ теченіемъ земныхъ тлѣнныхъ вещей не вразумляются человѣки поминать послѣдняя; когда не внемлютъ вразумляющему о семъ кроткому слову спасенія, и грѣхъ умножается: тогда не хотящій вѣчной смерти грѣшника Богъ, тяжко слышащимъ человѣкамъ возвѣщаетъ послѣдняя ихъ, гласами громовъ, — событіями грозными, потрясающими, разрушительными.

Братія, общники смертности и безсмертія, да не отлагаемъ благомысленно поминати послѣдняя, яко да не согрѣшаемъ, и спасемся, временно и вѣчно. Аминь.

# 14. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

*Бысть же ходящимъ имъ, и Самъ вниде въ весь нѣкую: жена же нѣкая именемъ Марѳа пріятъ Его въ домъ свой.* Лук. X. 38.

Блаженна ты, не славная и совсѣмъ неизвѣстная по имени весь: ибо Хрістосъ, Господь славы, посѣщаетъ тебя. Благословенъ ты, не богатый, вѣроятно, домъ: ибо Хрістосъ, богатый милостію, входитъ подъ кровъ твой. Закхей погибалъ отъ страсти любостяжанія. но какъ скоро посѣтилъ домъ его Хрістосъ, въ тотъ же самый день *спасеніе сему бысть* (Лук. XIX. 9.). Будетъ спасеніе и дому Марѳы, пріявшей Спасителя, будетъ, безъ сомнѣнія.

Блаженно и всякое мѣсто или домъ, которыя удостоиваются посѣщенія Божественнаго. Наипаче же блаженъ человѣкъ, достойно пріемлющій Божественное посѣщеніе. Ибо если посѣщаетъ мѣсто невмѣстимый Богъ: то для того, чтобы посѣтить человѣка, и въ его душѣ устроить Себѣ обитель.

И что значитъ, что Евангельское повѣствованіе о посѣщеніи Христовомъ, такъ часто провозглашаетъ предъ нами церковь? Не хощетъ ли она возбудить въ насъ жажду Божественныхъ посѣщеній? Не хощетъ ли вразумить насъ, какъ можно привлекать, и какъ достойно принимать оныя?

О Высокая Дверь посѣщеній Божественныхъ, живый градъ живаго Бога, первенствующая обитель Христа! *Маріа*, блаженная паче той, которая *избрала благую часть*, ибо Ты избрала, или лучше, Тебя избрало, всецѣлое и всесовершенное благо, Тебя прежде всѣхъ, но и ради всѣхъ, во тьмѣ сѣдящихъ, *посѣтилъ есть Востокъ свыше*, и не только посѣтилъ, но и обиталъ въ Тебѣ, и подъ сѣнію Твоею, Верховный Посѣтитель душъ! Дверію гроба отходя отъ насъ, чтобы взаимно посѣтить Его, и обитать съ Нимъ въ Его славѣ, оставь намъ за Собою отверстыми двери милосердія. Воспомяни Ему о смиренной всеи на распутіи міра, которая однако же принадлежитъ къ Его царству, о утлой хижинѣ въ юдоли тлѣнія, которую однако же Онъ Самъ, и для Себя Самого, построилъ. Да не вотще жаждетъ душа благодатнаго посѣщенія Его, да не вотще пріидетъ посѣщающая благодать въ душѣ, не умѣющей срѣтить и принять.

Мнѣ слышится, что душа говоритъ: о если бы только посѣтилъ меня Богъ Своимъ благодатнымъ посѣщеніемъ! Какъ бы уже не приять Его мнѣ съ благоговѣніемъ, съ усердіемъ, такъ, какъ благоугодно Посѣщающему?

Вопреки сему, гораздо справедливѣе можно ска-

зать: о, если бы только ты былъ способенъ, расположенъ, готовъ принять достойно благодатное посѣщеніе! Возможно ли, чтобы не посѣтилъ тебя вскорѣ Богъ, Который, по созерцанію Іова, *внимаетъ умомъ* къ человѣку, *посѣщеніе творитъ ему по всяко утро, и во всякое мгновеніе испытуетъ его* (Іов. VII. 17. 18.).

По что препятствуетъ человѣку съ успѣхомъ искать Бога, и достойно принимать Его благодатныя посѣщенія?—Евангельское повѣствованіе о Маѳѣ, пріявшей Господа въ домъ свой, къ вразумленію нашему показываетъ, что наиболѣе препятствуетъ въ томъ попеченіе житейское, или привязанность къ земному.

Маѳа ужс не искала только, или желала посѣщенія Христова, но и получила оное. *Пріятъ Его въ домъ свой.* Она приняла Его съ благоговѣніемъ: ибо и Господомъ нарекла Его, и отъ Него просила повелѣнія сестрѣ своей, будучи властна сама распоряжать въ своемъ домѣ. *Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави?—Рцы убо ей.*— Маѳа приняла Господа съ усердіемъ: ибо тщательно готовилась угостить Его, какъ поступилъ и Авраамъ во время бывшаго ему посѣщенія Господня. *Маѳа же молвяше о многъ службѣ.* Не располагаетъ ли сіе думать, что приняла она Христа достойно и благоугодно Ему?—Не спѣшите мнѣніемъ рѣшительнымъ. Подождите суда Христова. Что же глаголетъ Господь?—Не одобряетъ пріема, который дѣлала Ему Маѳа, и даруетъ преимущественное благословеніе Маріи, на которую Маѳа

жаловалась Что сему причиною? Въ чемъ укорить можно Марѳу? Она укорена въ житейскомъ попеченіи. *Марѳо, Марѳо, печешися, и молвиши о многъ.*

Если такимъ образомъ уже принятому благодатному посѣщенію повредило житейское попеченіе, и болѣе или менѣе похитило плодъ онаго: не больше ли еще можетъ оно препятствовать и вредить тѣмъ, которые только еще начинаютъ искать Бога и благодати Его?

При внимательномъ разсмотрѣніи Евангельскаго повѣствованія можно различить нѣкоторыя особенныя дѣйствія, которыми житейское попеченіе препятствуетъ человѣку благоугождать Богу, и пріобрѣтать благодать Его, или сохранять пріобрѣтенную. Оно развлекаетъ и смущаетъ. Отуманиваетъ око ума въ усмотрѣніи свѣта истины. Обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго.

Житейское попеченіе развлекаетъ и смущаетъ. — Посмотрите на Марѳу. Христосъ въ ея домѣ, — Тотъ, для Котораго множество народа бѣгало по селеніямъ и по пустынямъ, чтобы увидѣть Его, чтобы услышать слово Его,—Тотъ, Котораго *мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти и не видѣша* (Лук. X. 24.),— Котораго *день*, знакомый уже съ Божественными посѣщеніями *Авраамъ радъ былъ видѣть*, и когда *увидѣлъ* только издалека, *возрадовался* (Іоан. VIII. 56.), искомый, вожделѣнный, для Марѳы близокъ, видимъ, слышимъ. Что же Марѳа? Радуется ли о Немъ? Наслаждается ли Его лицезрѣніемъ и слышаніемъ глаголовъ Его? —

Сомнительно. У нея иное занятіе, иныя мысли и чувствованія. Она думаетъ и заботится о мукѣ и елеѣ, о хлѣбѣ и рубахъ. Божественнаго Учителя истины, Подателя благодати, почти нѣтъ для нея: *Марѳа же молвяше о многъ службѣ.* Негодованіе на сестру, не раздѣляющую сей заботы, обращаетъ наконецъ ее къ Господу, но и у Него ищетъ она помощи для того только, чтобы увеличить заботу и развлеченіе, и вовлечь въ тоже другихъ. *Ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? Рцы убо ей, да ми поможетъ.*

Помысли, Христіанинъ, что Хрістосъ Господь, или дѣйствительнѣе посѣщаетъ домъ души твоей, или стоитъ у дверей, и ожидаетъ, чтобы ты *пріялъ Его въ домъ свой.* Если это кажется не довольно вѣроятнымъ: не нашимъ словомъ увѣряемъ тебя. Слыши, какъ Онъ самъ возвѣщаетъ о Себѣ всѣмъ намъ: *се стою при дверехъ, и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечерямъ съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III. 20.). Скажемъ ли на сіе: не видимъ Тебя, Господи, стояща; не слышимъ Твоего толканія? — Неумѣстный споръ! Господь не обманываетъ насъ; *оправдится* Онъ *во словесѣхъ Своихъ* (Псал. L. 6.). Какъ же случается, что Онъ стоитъ при дверехъ, а мы не видимъ; толчетъ, а мы не слышимъ? — Такъ, какъ случилось подобное сему съ Марѳою. Житейское попеченіе влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ занятія къ занятію, отъ заботы къ заботѣ: и какъ заботы наши большею

частію не такъ бываетъ успѣшны, какъ мы желали бы; то неудача смущаетъ насъ, недостатокъ помощи огорчаетъ, препятствіе отъ другихъ раздражаетъ; желанія и страсти шумятъ, какъ вѣтры, какъ волны; мы мятемся всуе; волнуемъ сами себя, къ собственному вреду и опасности; обуреваемая внѣшно и внутренно душа не примѣчаетъ кроткаго присутствія, не слышитъ тихаго гласа вожделѣнной и спасительной благодати.

Житейское попеченіе отуманиваетъ умъ предъ свѣтомъ истины и благодати.—Такое затьмѣніе ума Господь обличаетъ въ Маѳѣ, когда сказуетъ ей, что *едино есть на потребу*. Какъ прежде сего вразумленія не уразумѣла она, сама собою, сей истины, если не глубоко, по крайней мѣрѣ въ простомъ и открытомъ значеніи словъ? Положимъ, что не вдругъ могла она возвыситься къ постиженію того, какимъ образомъ единое на потребу есть Богъ, и Его слово, и Его царствіе, по реченному: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV. 4.); и еще: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI. 33.). Но пріявъ Христа въ домъ свой, и слѣдственно имѣя о Немъ нѣкоторое познаніе предварительно, какъ не поняла она по крайней мѣрѣ того, что для Рекшаго: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. IV. 34.), для Постившагося четыредесять дней и нощей, для Питающаго многія тысящи народа немногими хлѣбами, не суть на потребу многіе роды пищи и питія? Какъ не до-

гадаться бы ей, что Пришедшій въ міръ, *да свидѣтельствуетъ истину* (Іоан. XVIII. 37.), Нарицающій Себя хлѣбомъ животнымъ, Призывающій къ Себѣ жаждущихъ, не тѣмъ благоугождается, чтобы Ему въ изобиліи предлагали брашно гиблющее, но развѣ тѣмъ, чтобы отъ Него пріимали брашно не гиблющее, воду живую, слово истины и спасенія?— Нѣтъ! Не поняла сего пекущаяся о многѣ; — не поняла по тому самому, что пеклась о многѣ; потому что привычка житейскимъ заниматься, о житейскомъ заботиться, какъ свинецъ, отягчала крило ума, и не допускала возвыситься къ разумѣнію духовному.

Не такъ ли нѣкоторые и между нами, Христіане, хотя и бываютъ подъ однимъ кровомъ со Христомъ, какъ то дѣйствительно бываетъ во храмѣ Его, хотя почти видятъ Его въ таинствѣ, хотя слышатъ Его въ Евангеліи, не умѣютъ однако толикими благами пользоваться и наслаждаться? Евангеліе для насъ не довольно понятно; таинство весьма закрыто; молитва утомительна. Не знаемъ, какъ находятъ въ Евангеліи Божественный свѣтъ, въ таинствѣ Божественную силу, въ молитвѣ Божественную радость, блаженство, небо. И почему не дается намъ духовный разумъ и чистое созерцаніе? — Потому, что житейское попеченіе связуетъ нашъ умъ, обременяетъ его тяжкими земными пристрастіями, покрываетъ его мглою помысловъ чувственныхъ, суетныхъ, нечистыхъ; изъ орла, которому надлежало бы въ чистомъ воздухѣ зрѣть на Солнце истины духовной и Божественной, превра-

щаетъ его въ крота, роющагося въ землѣ, въ прахѣ и тлѣніи дѣлъ мірскихъ, плотскихъ, чуждыхъ для духа.

Житейское попеченіе обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго — *Марія благую часть избра*, глаголетъ Господь. Избрала же она то, чтобы, *сѣдши при ногу Іисусову, слышати слово Его.* Какъ не избрала и другая сестра сей благой части? Развѣ не желала она приближаться ко Іисусу? Но сіе желаніе оказалось въ ней еще прежде, нежели въ Маріи, когда *Марѳа пріятъ Его въ домъ свой.* Почему же одно сѣмя желанія не одинаково произрасло и принесло плодъ? — Потому, что въ сердцѣ Маріи оно расло свободно: а въ сердцѣ Марѳы заглушали оное плевелы житейскаго попеченія. *Молвяше о многъ службѣ.* Волею духа стремилась она ко Господу, и привлекала Его къ себѣ: но склонностію къ житейскому отвлекалась отъ духовнаго Ему благоугожденія къ тѣлесному служенію, и не достигала близости къ Нему благодатной.

И во всякое время, и повсюду можно примѣчать, какъ различно дѣйствуетъ въ душахъ желаніе благодати и спасенія, соотвѣтственно тому, бываетъ ли оно въ нихъ свободное, полное и единичное, или въ дѣйствіи своемъ раздѣляется, воспящается, ослабляется какимъ-либо желаніемъ земной природы и склонностію житейскою. Видимъ людей, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ все только начинаютъ дѣло спасенія своего, а не возводятъ онаго къ совершенству; долго ищутъ Бога, и не находятъ; видятъ нѣкоторую зарю благодати надъ собою, и

не могутъ дождаться, *дондеже день* ея *озаритъ* сердце. Отъ чего сіе? — Отъ того, что начинаютъ дѣло спасенія, но, по пристрастію къ земному и житейскому, не совсѣмъ оставляютъ дѣла погибели; ищутъ Бога, но не хотятъ потерять тварей, ждутъ утѣшенія благодати, но не хотятъ разстаться съ утѣшеніями растлѣнной природы. Видимъ напротивъ и такихъ, которые позже другихъ приступаютъ служить Богу, и болѣе другихъ въ томъ успѣваютъ. Блудный сынъ упреждаетъ старшаго брата въ благодати Отчей. Магдалина изъ глубины грѣховной, и почти адской (поелику часть ада въ ней обитала), восходитъ на степень равноапостольной. Савлъ гонитель внезапно преображается въ Павла Апостола. *Мытари и любодѣйцы варяютъ въ царствіи Божіи* (Матѳ. XXI. 31.) мнящихся быть природными сынами сего царствія. Какимъ образомъ совершаются такія чудеса? — Сильнымъ, рѣшительнымъ, всѣ земныя желанія побѣждающимъ и умерщвляющимъ желаніемъ благодати и спасенія.

Посему слово Божіе сильно возстаетъ противъ смѣшенія житейскихъ попеченій и пристрастій съ желаніями и стремленіями духовными. *Никтоже можетъ*, говоритъ оно, *двѣма господинома работати* (Матѳ. VI. 24.). Итакъ, если ты рабъ житейскаго попеченія: то какъ можешь быть въ тоже время рабомъ Божіимъ? — *Идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI. 21.). Итакъ, если *твое сокровище* — то, чего ты желаешь, что любишь, о чемъ страстно печешься, находится на земли: то какъ можетъ быть, чтобы *серд-*

це твое обрѣлось на небеси у Бога? — *Никтоже, воинъ бывая, обязуется кущами житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (2 Тим. II. 4.). Итакъ, если ты сознаешь внутренно, что твое душевное расположеніе крѣпко еще привязано къ житейскому: то какъ можешь льстить себѣ мыслію, что ты угоденъ Вождю Христу, побѣдителю міра?

Внимательный къ спасительнымъ путямъ Божія Провидѣнія не безъ страха усмотритъ, какъ иногда Самъ Богъ, приготовляя человѣка къ особенному Своему посѣщенію, или дарованію благодатному, рукою крѣпкою и мышцею высокою расторгаетъ узы, привязывающія его къ земному и житейскому. Какихъ дивныхъ посѣщеній сподобилъ Богъ Авраама! Но и какихъ для того потребовалъ отъ него лишеній! *Изыди*, сказано ему, *отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего* (Быт. XII. 1.). Почему бы, кажется, не прійти на Іакова и Божію посѣщенію и благословенію, когда благословлялъ его Исаакъ въ своемъ домѣ? — Но взятъ онъ изъ объятій благочестивыхъ родителей; съ опасностію, безъ помощи, безъ сопутника, приведенъ въ незнаемое мѣсто; преклонилъ утомленную голову на пустынный камень, и — здѣсь нашелъ для себя и домъ Божій, и посѣщеніе Божіе, и могущественное благословеніе Божіе. Какой путь довелъ Іосифа до благодати тайновѣдца, и до славы спасителя? — Путь Египетскій, странничество, рабство, темница. Когда и гдѣ наиболѣе открылся Богъ народу Израильскому? — Тогда, какъ онъ былъ отторженъ отъ Египта, и еще не привязанъ къ

землѣ обѣтованной, — тамъ, гдѣ земля не привлекала его ничѣмъ земнымъ, и во всемъ отсылала его къ Небу.

Чего мы ждемъ, когда медлимъ отрѣшаться отъ пристрастій житейскихъ? Того ли, чтобы Богъ привлекъ насъ къ Себѣ *рукою крѣпкою*, особеннымъ сильнымъ влеченіемъ, какъ Авраама? — Но не дерзновенно ли, не мечтательно ли было бы такое ожиданіе? Или того, чтобы Богъ низвелъ на насъ *высокую мышцу*, и невольными лишеніями, бѣдами, скорбями, пораженіями, сокрушилъ блестящія оковы, въ которыхъ содержатъ насъ міръ и плоть? — Но ждать ли сего надобно, или по возможности предупреждать сіе? — Разумнымъ ли и свободнымъ существамъ, подобно тѣмъ, *имже нѣсть разума*, дожидаться, пока *броздами и уздою челюсти ихъ востягнеши не приближающихся къ Тебѣ?*

Перестанемъ, братія, медлить и отлагать; поспѣшимъ облегчать себя отъ бремени, котораго тягость не довольно, можетъ быть, знаемъ, потому что безъ него ходить еще не испытали, — отъ бремени житейскихъ пристрастій. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ жизни отложимъ попеченіе излишнее, многозаботливое, суетное, происходящее отъ неумѣренныхъ желаній, отъ неосновательнаго сужденія о вещахъ, отъ недостатка вѣры въ Бога и упованія на Его Провидѣніе. Поколику же призываемся особенно къ дѣламъ Божіимъ, къ молитвѣ, къ поученію въ словѣ Божіемъ, къ духовнымъ подвигамъ для обрѣтенія

благодати Божіей, — *всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе*, да пріимемъ въ душѣ и въ сердцѣ посѣщеніе Господне, и въ немъ познаемъ и обрящемъ и *единое на потребу*, и *благую часть*, которая *не отымется* отъ насъ во времени и въ вѣчности. Аминь.

# 15. СЛОВО

## ВЪ ДЕНЬ ЗНАМЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

*И воздохнувъ духомъ Своимъ глагола: что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.* Мар. VIII. 12.

Роду Іудейскому, невѣрному и развращенному, Господь угрожаетъ, что не дастся ему знаменіе. А мы, Христіане, родъ избранный, не должны ли уповать напротивъ, что дастся намъ знаменіе во благо и во спасеніе?

Да! Было время, когда Христіане обильно сѣяли не въ землю и въ плоть, но въ духъ и въ небо; и соотвѣтственно съ тѣмъ въ обиліи получали плоды духовные и небесные: сѣяли вѣру, и пожинали знаменія и чудеса, благотворныя и спасительныя, питающія и укрѣпляющія духъ для жизни вѣчной. И взаимно Богъ сѣялъ съ небесъ знаменія и чудеса; и они приносили на земли, между человѣками, плоды покаянія, исправленія, вѣры, надежды, благодаренія Богу, добродѣтелей всякаго рода. Богъ не рѣдко

творилъ чудеса, не только чрезъ святыхъ человѣковъ, но и чрезъ святыя знаменія, или чрезъ видимые знаки и воспоминательные образы святыни, какъ то, чрезъ чистыя тѣлеса Святыхъ, чрезъ святыя иконы: и творилъ Онъ чудеса столь очевидно и торжественно, что Церковь торжественному воспоминанію нѣкоторыхъ чудесъ или чудодѣйственныхъ знаменій особенные дни посвятила.

А нынѣ, уже не по воспоминаніямъ ли только извѣстны намъ знаменія? Не ищемъ ли мы оныхъ, какъ рѣдкости? Не тщетно ли оныхъ ищемъ?

Итакъ не опять ли сѣтуетъ Господь на родъ сей? Не опять ли съ грозною рѣшительностію отказываетъ въ знаменіи? *Что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.*

Замѣчаніе, что мы не видимъ нынѣ чудесъ, такъ обыкновенно, и столь разными, не рѣдко странными, сопровождается сужденіями, что не безполезно размыслить, отъ чего мы нынѣ чудесъ не видимъ.

Нѣкоторые говорятъ рѣшительно, что мы не видимъ чудесъ, поелику ихъ нѣтъ, да и быть имъ въ наше время не должно. Ибо чудеса употреблены Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры: и потому, когда вѣра довольно распространена, и утверждена безопасно, то и чудеса для нея сдѣлались не нужными.

Соглашаюсь, если угодно, съ сими умствователями, что чудеса употребляются Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры. Но

должно ли заключить изъ сего, что чудеса уже не нужны въ наше время, предоставляю разсудить безпристрастнымъ. Если есть невѣрующіе: то не излишни средства для распространенія вѣры. Если есть враждующіе противъ вѣры, и силящіеся поколебать ее: то не излишни средства для утвержденія вѣры. Но какъ невѣрующіе и враждующіе противъ вѣры, къ прискорбію и къ опасности вѣрующихъ, дѣйствительно въ наше время есть, и даже въ самомъ нѣдрѣ видимаго Христіанства, какъ змія въ пазухѣ: то должно ли, повторяю, заключить, что чудеса, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры, въ наше время уже не нужны?

Но, чтобы не угождать самонадѣяннымъ умствователямъ съ оскорбленіемъ истины, изслѣдуемъ ихъ мысль, что чудеса употребляются Богомъ, какъ средство для распространенія и утвержденія вѣры. Есть чудеса, которыя очевидно направлены къ распространенію вѣры. Таково, напримѣръ, *дарованіе языковъ*, или чудесно сошествіемъ Святаго Духа дарованная Апостоламъ способность говорить неизвѣстными имъ дотолѣ языками. Очевидно, что намѣреніе сего чуда было, дать всѣмъ народамъ ближайшую удобность услышать ученіе вѣры. Исторія Христіанства показываетъ, что дарованіе языковъ сильно дѣйствовало въ началѣ Христіанства, что посредствомъ онаго вѣра съ скоростію молніи проникла во всѣ народы міра; но что вскорѣ, когда каждый принявшій вѣру народъ началъ имѣть въ себѣ знающихъ ея ученіе, и могущихъ сообщать

оное на природномъ языкѣ, при пособіи обыкновеннаго изученія языковъ, на которыхъ писали человѣки Божіи, чудесное дарованіе языковъ скрылось. Въ семъ случаѣ не безъ основанія утверждать можно, что чудо прекратилось, какъ уже не нужное. Но есть другія чудеса, которыя не столь тѣсно связаны съ распространеніемъ вѣры; которыя и тамъ, гдѣ вѣра уже распространена и утверждена, могутъ быть употреблены во благо и спасеніе человѣковъ. Таково, напримѣръ, дарованіе исцѣленій, или чудесная способность исцѣлять отъ болѣзней молитвою, словомъ, возложеніемъ рукъ, и при посредствѣ нѣкоторыхъ другихъ знаменій. Для чего Царь Езекія поднятъ со смертнаго одра чрезъ Пророка Исаію, и возвращенъ къ жизни на пятнадцать лѣтъ? Для того ли, чтобы слава о семъ знаменіи вѣры дошла до невѣрнаго Вавилона, и привлекла оттуда сколько ласкательное, столько же опасное посольство, которое ввело Царя въ искушеніе тщеславія и было случаемъ къ предсказанію страшныхъ событій? Не о семъ молился и плакалъ Езекія. *Господи*, взывалъ онъ, *помяни, яко истиною ходихъ предъ Тобою, и сердцемъ совершеннымъ, и угодная предъ очима Твоима сотворихъ.* И Богъ ему отвѣтствовалъ чрезъ Пророка: *услышахъ молитву твою, и видѣхъ слезы твоя: се Азъ исцѣлю тя* (4 Цар. XX. 3. 5.). Итакъ сіе знаменіе было со стороны Божіей дѣло непзреченнаго человѣколюбія и крайняго снисхожденія, въ отношеніи къ Езекіи награда вѣры и добродѣтели; для другихъ вѣрующихъ, но немощныхъ въ вѣрѣ, по-

бужденіе къ крѣпкой вѣрѣ и упованію на Бога. Почему и Самъ Іисусъ Христосъ воскресилъ сына вдовицы Наинской? Евангелистъ не показываетъ иной сему причины, кромѣ той, что Господь сжалился надъ вдовицею. *Видѣвъ ю Господь, милосердова о ней* (Лук. VII. 13). Когда могутъ быть излишними такія чудеса, по такимъ побужденіямъ, для такихъ цѣлей? Когда Апостолъ Іаковъ, предписавъ *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, со имя Господне*, присовокупляетъ обѣщаніе, что *молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь* (Іак. V. 14. 15.): что сіе значитъ, какъ не то, что онъ увѣковѣчиваетъ въ Церкви Христовой дарованіе исцѣленій, данное отъ Господа въ началѣ Апостоламъ? На время ли и Самъ Господь далъ вѣрующимъ сей законъ и сіе право: *вѣруяй въ Мя дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV. 12.)? *Вѣруяй — сотворитъ:* слѣдственно, доколѣ есть на земли вѣрующіе, дотолѣ должны быть творящіе дѣла Христовы, *и больша сихъ*, а въ числѣ сихъ великихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, заключаются и знаменія или чудодѣйствія. Скажемъ еще свободнѣе: какъ всегда есть Богъ, такъ всегда есть и чудеса: ибо какъ всегда Богъ существуетъ, такъ всегда же и дѣйствуетъ; если Онъ дѣйствуетъ, то очевидно есть дѣла Божіи; дѣла собственно Божіи суть чудеса. *Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. LXXVI 15.)! Гнѣтно дерзновенное мудрованіе твари хочетъ похитить у Тебя сіе вѣчное

преимущество и выраженіе Творческаго всемогущества *Ты еси Богъ творяй чудеса!*

Но если посему и нынѣ можно и должно быть чудесамъ, отъ чего же мы ихъ не видимъ? Не станемъ изъяснять сего догадками, которыя обманчивы. Посовѣтуемся съ опытами, которые вѣрны.

Въ то время, которое всѣ называютъ временемъ знаменій и чудесъ, во время земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, видѣли ль знаменія? Были ль чудеса? Вы можете смѣяться надъ сими вопросами. Но спросите Фарисеевъ того времени, спросите вообще людей рода того: видѣли ль они знаменія? Были ль тогда чудеса? — Не видали; не было. Такъ по необходимости должно имъ отвѣтствовать. Ибо, если бы они видѣли знаменія: то на что бы имъ *искать знаменія*, и симъ исканіемъ *искушать Господа*, какъ они сіе дѣлали: *изыдоша Фарисеи, и начаша стязатися съ Нимъ, ищуще отъ Него знаменія съ небесе, искушающе Его* (Марк. VIII. 11.)? Если не удостовѣряетъ васъ притворное исканіе Фарисейское: пусть удостовѣритъ васъ непритворный отказъ Іисусовъ. *Что*, глаголетъ Онъ, *что родъ сей знаменія ищетъ? Аминь глаголю вамъ, аще дастся роду сему знаменіе.* Если Онъ сказалъ, что не дастся чуда роду тому: то вѣрно такъ и сдѣлалъ, и потому не было чуда для рода того.

Что глаголеши Господи? Какъ *не дастся роду сему знаменіе?* Не далъ ли Ты ему безчисленныхъ Божественныхъ знаменій? Не слышимъ ли, какъ исповѣдуетъ ихъ единъ отъ рода того: *никтоже*

*можетъ знамений сихъ творити, яже Ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III. 2.)? И что же, какъ не знаменія и чудеса, указуешь Самъ Ты ученикамъ Іоанновымъ: *слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ: мертвіи востаютъ, и нищіи благовѣствуютъ* (Матѳ. XI. 5.)?

Что же все сіе значитъ? Мы думали разрѣшить вопросъ примѣромъ; но въ семъ примѣрѣ нашли новый мысленный узелъ. Видятъ знаменія и чудеса Христовы, и не видятъ ихъ; онѣ есть, и нѣтъ ихъ. Найдемъ концы сего узла: и все развяжется. Никодимъ видитъ чудеса Христовы. Фарисеи не видятъ ихъ. Немногимъ ученикамъ Іоанновымъ даетъ Господь многія знаменія. но роду тому или ни одного, или одно *знаменіе Іоны Пророка*, то есть, Свою крестную смерть и воскресеніе. Не трудно изъ сего усмотрѣть, что такъ должно быть и во всѣ времена. Для вѣрующихъ есть знаменія и чудеса, и они видятъ ихъ: для невѣрующихъ частію не даются знаменія, частію и совершающихся чудесъ они не видятъ, какъ-бы ихъ не было.

Одна изъ причинъ, по которымъ чудеса бываютъ невидимы, находится въ самихъ Чудотворцахъ. Истинные Чудотворцы не любятъ показывать чудеса свои. Самъ Іисусъ Христосъ, Глава и совершеннѣйшій образъ чудотворцевъ, Который для того и пришелъ на землю, чтобы чрезъ Него человѣки познали спасительно чудодѣйствующую силу Божію, Который, дѣйствуя открыто для славы Божіей, не имѣлъ нужды остерегаться искушенія славы человѣ-

ческой, имѣя противъ сего искушенія силу и славу Божественную, — и Онъ однако не столько, по видимому, открывалъ, сколько сокрывалъ Свою чудодѣйственную силу. Кромѣ торжественно-обѣщаннаго и даннаго всему роду тому, или и всѣмъ родамъ и народамъ *знамения Іоны Пророка*, то есть, чуда смерти и воскресенія Христова, которое необходимо нужно было поставить въ свѣтѣ и славѣ, какъ солнце на тверди чудесъ, и кромѣ немногихъ еще знаменій, каковы на примѣръ, воскрешеніе Лазаря и небесный гласъ надъ Сыномъ Божіимъ, прославляющій въ Немъ имя Божіе, въ которыхъ видна открытая торжественность чудодѣйствія, — большая часть чудесъ Христовыхъ совершена не только безъ усилія огласить оныя, но и съ нѣкоторымъ стараніемъ скрыть оныя. Исцѣлилъ прокаженнаго: и тотчасъ *глагола ему Іисусъ: виждь, никому же повѣждь* (Матѳ. VIII. 4.). Воскресилъ дщерь Іаира, и когда родители дивились, и готовы были прославлять Его, — *Онъ же повелѣ има никому же повѣдати бывшаго* (Лук. VIII. 56.). Преобразился на Ѳаворѣ во славу, предъ тремя только избранными учениками: но и симъ *сходящимъ съ горы заповѣда Іисусъ глаголя: никому же повѣдите видѣнія, дондеже Сынъ человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Матѳ. XVII. 9.). Для чего такая скрытность? — Для того, чтобъ, по Его притчѣ, *не метать бисера предъ свиніями* (Матѳ. VII. 6.), чтобы святыя дѣла Божіи не были оскорблены нечистыми и хульными устами грѣшниковъ или попраны презрѣнемъ невѣждъ, — для того, чтобы дѣйствію тайны,

глаголанной ко уху, не повредить преждевременнымъ проповѣданіемъ на кровѣхъ;—для того, чтобы намъ оставить образъ, не вдаваться славѣ человѣческой, опасной для добродѣтели. Сей премудрой и святой скрытности чудодѣйствующаго Богочеловѣка, и по долгу, и по страху искушенія, послѣдуютъ всѣ чудодѣйствующіе человѣки, во всѣ времена, во всемъ мірѣ. Укажемъ на домашній примѣръ. пока жилъ Преподобный Сергій, хотя по нѣкоторымъ его дѣйствіямъ не укрылась въ немъ чудодѣйственная сила, но его важнѣйшее чудодѣйствіе,— воскрешеніе отрока, закрыто было строгою заповѣдію отцу воскрешеннаго.

Другая причина, по которой чудеса не только не бываютъ видимы, но и совсѣмъ не совершаются, есть невѣріе, или маловѣріе — или тѣхъ, которымъ надлежало бы совершать оныя, или тѣхъ, для которыхъ бы они совершались, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Сказано, что *вся возможна вѣрующему* (Марк. IX. 23.): чрезъ сіе сказано и то, что маловѣрному мало возможно, а невѣрующему не возможно ничего такого, для чего нужна мощь, высшая человѣческой. Однажды Апостолы не могли изгнать бѣса. *Почто мы не возмогохомъ изгнати его?* вопрошали они Господа. *Іисусъ же рече имъ: за невѣрствіе ваше* (Матѳ. XVII. 19. 20.). Но, что еще удивительнѣе, и Всесильный Господь Іисусъ, пришедъ нѣкогда во отечествіе Свое, *не сотвори ту силъ многихъ, за невѣрство ихъ* (Матѳ. XIII. 58.). Не ужели и всемогущество изнемогаетъ противъ невѣрія? Нѣтъ! Оно всегда остается всемогущест-

вомъ: но или ожесточенное сердце не пріемлетъ благодатной силы, подобно какъ грубый, неблагородный камень не пріемлетъ въ себя свѣта; или святая сила, по милосердой предосторожности, не прикасается къ недостойному, какъ огнь—къ соломѣ, чтобы она въ немъ не исчезла.

Сіи общія разсужденія о чудесахъ обратите, если угодно, въ особенности на наше время, и на себя самихъ.

Отъ чего мы не видимъ чудесъ? — Кто можетъ, пусть отвѣтствуетъ иначе: а мнѣ кажется, что мы по необходимости приведены къ сему отвѣту: не видимъ чудесъ, или рѣдко видимъ ихъ, или потому, что они скрываются отъ насъ, какъ недостойныхъ довѣренности, или потому, что и не совершаются по нашему невѣрію или маловѣрію.

Какъ чудодѣйствовать надъ нами молитвѣ, когда молитва наша и кратка, и хладна, и невнимательна, и не столько по вѣрѣ и сыновней любви къ Богу, сколько по нѣкоторой невольной покорности закону Его приносится?

Какъ чудодѣйствовать надъ нами слову духовному, когда сердце наше, какъ одичавшая нива плевелами, тѣсно засѣяно и зарощено словами суеты, желаніями плоти, помыслами беззаконія?

Какъ чудодѣйствовать надъ нами таинствамъ, если мы приступаемъ къ нимъ только по неизбѣжной необходимости, безъ тщательнаго предварительнаго очищенія, безъ пламеннаго стремленія къ соединенію съ Богомъ? Апостолъ Павелъ, обличая Коринѳянъ въ недостойномъ причащеніи тѣла и

крови Христовы, заключаетъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и уснпаютъ довольни* (1 Кор. XI. 30.), то есть, многіе поражаются внезапною смертію за оскорбленіе святыни. Мнѣ кажется, для многихъ изъ насъ и то уже есть чудо милосердія Божія, если въ подобныхъ случаяхъ подобныя казни насъ не постигаютъ.

Прибѣгнемъ, братія, къ чудодѣйствующему непрестанно во спасеніе наше Господу, и каждый о всѣхъ, и всѣ о каждомъ, воззовемъ къ Нему со Апостолами: *Господи приложи намъ вѣру* (Лук. XVII. 5.). И потомъ уже съ Давидомъ: *сотвори со мною знаменіе во благо: и да видятъ ненавидящіи мя, и постыдятся, яко Ты, Господи, помогль ми и утѣшилъ мя еси* (Псал. LXXXV. 17.). Аминь.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Конецъ перваго тома.

# ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

## ОТДѢЛЕНІЕ I.

### СЛОВА

### НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.


Стран.

1. СЛОВО на Рождество Христово, говоренное въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ 1821. *О славѣ Божіей въ воплощеніи Сына Божія* . . . 3
2. СЛОВО на Рождество Христово. *О радости Рождества Христова.* . . . . . 13
3. СЛОВО на Рождество Христово изъ словъ Апостола. *Себе уничижилъ зракъ раба пріимъ.* . . . . . 21
4. СЛОВО на Рождество Христово. *О пророчествѣ Исаіи, и о именахъ: Еммануилъ и Іисусъ.* . . . 29
5. СЛОВО на Рождество Христово, говоренное въ Александро-Невской Лаврѣ 1811. . . . . 37
6. СЛОВО на вторый день праздника Рождества Христова, говоренное въ придворной Церкви въ присутствіи *Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны* 1814. *О любви къ міру.* . . . 44
7. СЛОВО въ недѣлю Ваій *Изъясненіе пророчества и таинства сего дня.* . . . . . 58
8. СЛОВО въ Великій Пятокъ, 1814. *О Крестѣ.* . . . 98

Стран.

9. СЛОВО въ Великій Пятокъ, 1816. *О любви Божіей, явленной во Христѣ распятомъ.* . . . . . 81

10. СЛОВО въ день Святыя Пасхи. *О благотворныхъ дѣйствіяхъ воскресенія Христова.* . . . . . 95

11. СЛОВО въ день Святыя Пасхи, изъ словъ *тогда отверзе имъ умъ.* . . . . . 101

12. СЛОВО въ день Святыя Пасхи. *О святой радости.* . 113

13. СЛОВО въ день Святыя Пасхи. *О томъ, что воскресеніе Христово утверждаетъ вѣру, надежду и любовь.* . . . . . 123

14 СЛОВО въ день Святыя Пасхи. *О Евангельскомъ чтеніи сего дня.* . . . . . 128

15. СЛОВО на вечернѣ дня Святыя Пасхи . . . . . 136

16. СЛОВО въ день Вознесенія Господня *О томъ, что въ вознесеніи Господнемъ есть образъ будущаго пришествія Христова.* . . . . . 144

17. СЛОВО въ день Вознесенія Господня. О наставленіи Апостола: *горняя мудрствуйте.* . . . . . 154

18. СЛОВО въ день Пятдесятницы, говоренное въ Александро-Невской Лаврѣ 1811. *О дарахъ Святаго Духа.* . . . . . 162

19. СЛОВО въ день сошествія Святаго Духа, 1814 Изъ словъ *исполняйтеся Духомъ.* . . . . . 174

20. СЛОВО на Преображеніе Господне, говоренное въ Тверскомъ Каѳедральномъ Преображенскомъ Соборѣ, 1820. *О силѣ и дѣйствительности молитвы.* . . . . . 185

# ОТДѢЛЕНІЕ II.

## СЛОВА

### НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ


Стран.

1. СЛОВО въ недѣлю о Ѳомѣ. *Изъясненіе изреченія о блаженствѣ невидѣвшихъ и вѣрующихъ.* . 201
2. СЛОВО въ день Воскресный и Святителя Алексія. *О безсмертіи души и о воскресеніи мертвыхъ.* 211
3. СЛОВО въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, при посѣщеніи города Коломны, говоренное въ Коломенскомъ Успенскомъ Соборѣ, Маія 28 дня 1822 года. *О любви къ Богу и ко Христу, какъ преимущественной Христіанской обязанности.* 221
4. СЛОВО въ недѣлю вторую по Пятдесятницѣ. *Объ оставленіи міра для Бога.* . . . . . .235
5. СЛОВО въ недѣлю вторую по Пятдесятницѣ. *О силѣ Божественнаго призванія, и о послушаніи оному.* . . . . . 242
6. СЛОВО въ недѣлю третью по Пятдесятницѣ. *Противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ.* . . . . . 249
7. СЛОВО въ недѣлю четвертую по Пятдесятницѣ, 1811. Изъ словъ: *оброцы грѣха смерть.* . . . . . 258
8. СЛОВО въ недѣлю шестую по Пятдесятницѣ. . . . 269

Стран.

9. СЛОВО въ недѣлю первую-надесять по Пятдесятницѣ и въ день Коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное Августа 22 дня 1837 года. . . . . 277

10. СЛОВО въ недѣлю вторую-надесять по Пятдесятницѣ. *О важности соблюденія заповѣдей.* . . . 286

11. СЛОВО въ недѣлю вторую-надесять по Пятдесятницѣ. *Противъ пристрастія къ земнымъ вещамъ.* 295

12. СЛОВО въ недѣлю по Воздвиженіи. . . . . 306

13. СЛОВО въ недѣлю двадесять четвертую по Пятдесятницѣ. . . . . 316

14. СЛОВО въ недѣлю двадесять шестую по Пятдесятницѣ. 326

15. СЛОВО въ недѣлю Кресто-поклонную. *О послѣдованіи Христу, самоотверженіи и крестѣ.* . . . 332

16. СЛОВО въ недѣлю Кресто-поклонную. *Знаменованіе и ученіе дня крестопоклоннаго.* . . . . . 341

17. СЛОВО въ недѣлю четвертую великаго поста и въ день Алексія человѣка Божія, говоренное въ Алексѣевскомъ Монастырѣ, Марта 17 дня 1835 года. 351

18 СЛОВО въ недѣлю пятую великаго поста. *О честолюбіи.* 361

# ОТДѢЛЕНІЕ III.

## СЛОВА

### НА БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.


Стран.

1. СЛОВО въ день Рождества Пресвятыя Богородицы. . 375
2. СЛОВО въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. . . . . 384
3. СЛОВО въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы *О потребности воплощенія Сына Божія.* . 395
4. СЛОВО въ тотъ же день. *О послушаніи.* . . . . 410
5. СЛОВО въ тотъ же день *О преданности воль Божіей.* 422
6. СЛОВО въ тотъ же день. *О молчаніи.* . . . . . 433
7. СЛОВО въ тотъ же день. *О сущеніяхъ.* . . . . . 445
8. СЛОВО въ тотъ же день. Изъясненіе изреченій: *твердое основаніе Божіе стоитъ, имущее печать.* 454
9. СЛОВО въ день празднованія Пресвятой Богородицѣ въ Страстномъ Монастырѣ, говоренное въ Страстномъ Монастырѣ Іюня 2 дня 1834 года. . . 469
10. СЛОВО въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. *О благодати.* . . . . . 481
11. СЛОВО въ тотъ же день. О пророчествѣ: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* . . . . . 493
12. СЛОВО въ тотъ же день. *О сокровенной жизни.* . . 504
13. СЛОВО въ тотъ же день. *О памятованіи смерти* . 516

Стран.

14. СЛОВО въ тотъ же день. *О житейскомъ попечении, какъ препятствии благодатному Божию посещению.* . . . . . 525

15. СЛОВО въ день Знаменія Пресвятыя Богородицы, говоренное въ Знаменскомъ Монастыр. . . . 537